

Р.Г. Пихоя

ИСТОРИК В ПОТОКЕ ВРЕМЕНИ

Москва, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. РОДИТЕЛИ

Мама

Отец

II. ДЕТСТВО.

Дом на Достоевского.

Смерть Сталина.

Северский посёлок Полевского района Свердловской области.

Корова.

Игрушки.

Как мы мыли золото.

Книги.

Музыкальная школа

Северская школа № 3,

Ракеты: Пауэрс, Гагарин и Куба.

III. ШКОЛА РАБОЧЕЙ МОЛОДЁЖИ, БРИГАДА АРМАТУРЩИКОВ.

ШРМ и история с математикой.

Стройка.

Работа.

Бригада.

Школа рабочей молодёжи. Действие второе.

IV. СТУДЕНТ ИСТОРИЧЕСКОГО

На пути в университет.

Начало студенчества.

Колхоз.

Первокурсник.

Лекторская группа.

Новые адреса

Красноармейская, 35

Сюзюмов.

Философы и социологи.

Первая научная конференция.

V. ЭКОНОМИКА, СОЦИОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ У СЕМЕЙНОГО ЧЕЛОВЕКА.

Соблазн экономикой.

Дела домашние.

Студенческая свадьба на фоне защиты дипломов.

Социологическая лаборатория Уральского политехнического института.

Недолгая очная аспирантура.

VI. ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ИСТФАКА. 1970-1973

Ассистент

Стажировка в МГУ

Ассистент истфака. Продолжение.

Диссертация.

«В науке не всё просто...».

Как я вступил в партию.

VII. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УРАЛЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В.Я. Кривоногов.

Первая экспедиция.

Защита.

Начало самостоятельной работы.

Археографическая лаборатория Уральского университета.

Сумасшедшая экспедиция 1977 г.

Кафедра истории СССР (досоветского периода)

Преподаватель.

Друзья.

Археография

Музей книги.

Отдел истории.

VIII. ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ, ПРОРЕКТОР УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Защита докторской диссертации.

Перестройка.

Лаборатория и ЦК КПСС

Память и «Память».

Отставка Ельцина.

Ректорат.

«Встанем стеной, покончим с войной»

Концепция перемен.

Лицей.

Красноуфимская трагедия.

Первый проректор.

В защиту корпоративности.

Политика наступает.

IX. ВО ГЛАВЕ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ

Герб России

Борьба за Закон об архивах.

Путч и его архивные следствия.

Архивы в России. 1992-1993 годы

Арьергардные стычки за союзные архивы.

Приём новых документов.

Деньги, которых нет.

Международные соглашения о копировании документов.

Архивы в системе государственного управления.

Обеспечение органов власти исторической информацией.

Рассекречивание.

Завершение. 1994-1995 годы

X. РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

В фонде «Демократия».

О том, как работало в Академии госслужбы. Кафедра истории российской государственности и общественно-философской мысли.

Кафедра истории российской государственности.

История АВТОВАЗА.

О коллегах.

Вспоминая об Андрее Константиновиче

О Валентине Михайловиче Фалине

Переворот

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Сразу же несколько предувещаний.

Прежде всего, это воспоминания – следовательно, неизбежны фактические ошибки.

Во-вторых, эти воспоминания очень субъективны. Человеку суждено светом своего сознания освещать и видеть прежде всего то, что касается лично его, затрагивает его интересы. Поток истории преломляется через каждого человека, создавая единственный, только этому человеку спектр восприятия прошлого.

В-третьих, хочешь – не хочешь, но через много десятилетий вдруг видишь то, что мы не видели, не понимали, да и не могли понять. Поэтому на воспоминания школьника и студента, преподавателя и чиновника с неизбежностью накладываются размышления более поздних лет.

И, в-четвертых, я убежден, что детство и юность, условия взросления накладывают отпечаток на всю последующую жизнь, какими бы неожиданными поворотами она не проявлялась.

В этой книге есть разделы, которые я уже публиковал прежде¹, но я постарался уточнить и в некоторых местах переработать их.

---

¹ Пихоя Р. Г. Записки археографа. М., 2016. 476 с.; Александр Александрович Амосов и Уральская археографическая экспедиция // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Вып. 8: Памяти Александра Александровича Амосова (1948–1996) / Сост. и ред.: Ф.В. Панченко (отв. ред.), О.С. Сапожникова – СПб.: БАН, 2020. С. 38-45 – (Серия «Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН»); Профессор Фалин // В кн.: Валентин Фалин – уникальная фигура советской дипломатии. Центрполиграф; Москва; 2021; Вспоминая об Андрее Константиновиче // Профессионал с большим сердцем. К 80 - летию со дня рождения историка А.К. Соколова. М., 2021. С.35-40

1. РОДИТЕЛИ

Я родился 27 января 1947 г. в г. Полевском Свердловской области, а если точнее – то на Северском заводе Полевского района Свердловской области.

К моменту моего появления на свет мама была учительницей начальных классов, а отец – бригадиром арматурщиков, работавшим в тресте «Северкстрой на строительстве Северского металлургического завода, у меня была сестра Надежда, которой тогда было 6 лет, а двумя годами позже появился брат – Славка.

Сразу же хочу заметить: дети знают о родителях не больше того, с чем им, детям, приходится сталкиваться каждый день. Полнота этого знания, заполняющая *большую* часть жизни детей, делает излишней расспросы о своих родителях. Чаще всего детям достаются рассказы – «а я в твоём возрасте...», а это – плохое средство для выяснения - что же было в том возрасте.

Добавлю еще специфическую особенность, свойственную нескольким поколениям советских людей. Очень редкая семья в стране могла похвастаться безукоризненным, с точки зрения власти, происхождением. Для этого не следовало иметь в роду «социально чуждых элементов» - дворян, офицеров, священников, кулаков, «врагов народа», в которые могли быть зачислены и недавно еще «пламенные революционеры», и партийные работники, и инженеры, заведующие фермами, председатели колхозов... Можно было не угадать с национальностью – родиться немцем, поляком, эстонцем, латышом, евреем, крымским татаринном или иметь, упаси боже, иметь родственников за границей, находиться в годы войны на оккупированной территории... Поэтому для профилактики следовало умалчивать о потенциально компрометирующих подробностях. Не говорить лишнего соседям, начальству и собственным детям². Поэтому многое из прошлого родителей и их семей я узнал спустя годы, а еще больше останется так и неизвестным.

Мама

Валентина Федоровна Пихоя. Середина 70-х гг.

² Практика эта носила поистине всеобщий характер. Приведу только факты из истории руководителей нашей страны. Л.И. Брежнев в 1930 году уехал из Свердловска, где должен был, в качестве начальника окружного земельного отдела отвечать за проведение коллективизации, «забыв» сняться с партийного учета и вступив в партию в 1931 году как рабочий Днепровского металлургического завода; с биографией Ю.В. Андропова вообще ничего не ясно – ни место рождения, ни социальное происхождение, ни национальность; Б.Н. Ельцин до начала 90-х гг. упорно скрывал, что он – из семьи раскулаченных, что отец отсидел по знаменитой 58 статье.

Мама родилась в 1917 году, в Полевском. Её отец, а мой дед Федор Яковлевич Ладейщиков был человеком незаурядным. Он был в полном смысле мастеровой. Вместе с двумя своими братьями они в 20-е гг. строили радиоприёмники, он мог починить ружейные замки, пел в церковном хоре, участвовал в постановках пьес А.Островского в самодеятельном театре, существовавшем в Полевском. А еще у него была редкая специальность для того времени. Он был главным электриком действовавшей с 1906 года Штанговой электростанции Гумёшевского медного рудника.

Гумёшевский рудник был одним из старейших в России центров добычи медной руды. Слитки меди клеймились в первой четверти XVIII в. по приказу начальника Главного правления Сибирских и Казанских заводов Василия Никитича Татищева клеймом с символом меди – богини Венеры. Много позже выдумщик П.П. Бажов придумает Хозяйку Медной горы, которую и поселит на Гумешках. Гумешевский рудник стал еще местом, где добывался поделочный камень – малахит высочайшего качества. Изделия из гумешевского малахита украшают по сей день Эрмитаж, они направлялись в XIX веке в королевские дворы Европы.

Александра Павловна Ладейщикова, моя бабушка – была из соседнего села Мраморского, с середины XVIII в. одного из центров российского камнерезного промысла. Павел Петрович Бажов, сам полевской, писал в одном из своих сказов «Ну, а про мраморских дело известно. Краше тамошних девок по нашему краю нет, а женись на такой – овдовеешь. С малых лет около камню бьются – чахотка у них».

Александра Павловна и Федор Яковлевич Ладейщиковы

К сожалению, Павел Петрович был точен. Так и произошло.

Дед по матери заведывал тамошней камнерезной художественной школой. Я помню, как мы с родителями и с моим младшим братом Славкой ходили в гости «на Мрамор», километров 12 по берегу Чусовой, к нашей тёте – тете Нюре Трапезниковой, сестры бабушки, доброй и гостеприимной. К её дому примыкал большой сарай? ангар? летний класс? заставленный гипсовыми слепками античных фигур, бюстами Пушкина, Толстого, заготовками из мягкого камня – серпентина, горами сделанных из яшмы отполированных запонок, каких-то письменных приборов, скульптурок медведей... Рождалось странное ощущение – будто бы хозяин этого только что вышел и скоро придут его ученики. Но ученики не придут. Деда раскулачили, потом спохватились, что зря, но дом не отдали (там, по крайней мере, до 70-х гг. помещался сельсовет), и тетя Нюра доживала свою жизнь в

малухе при мастерской, вырастив там своих замечательных детей.

Но это отступление от темы.

Мама рано осталась без матери, о которой всегда помнила и говорила о ней с нежностью.

Овдовев, Федор Яковлевич женился вновь. Мачехе её падчерица была не больно нужна. В 1930 году дед на время перебрался электриком на Воткинский завод³, вместе с ним уехала и моя мама. Вскоре он вернулся в Полевской.

Мать, тогда девчонка 13 лет от роду, бойкая и сообразительная, смогла поступить в Воткинский педагогический техникум. Как отмечает современная исследовательница истории народного образования, именно педагогические техникумы и училища были тогда основой подготовки учителей для школы⁴

В сущности, с этого времени маме пришлось жить самостоятельно.

Учили в этом техникуме хорошо. Там готовили учителей начальной школы. Преподавали педологию и педагогику, спорили о природе образовательной деятельности, давали основы медицинских знаний, необходимых, как тогда считали, для учителя, давали тот объем знаний, которые были необходимы для учителя начальной школы. Да и мама была человеком талантливым. Она неплохо рисовала, пела, умела играть на гитаре.

Но этим занятия в техникуме не заканчивались. Шла коллективизация. В 1932 -1933 годах начался голод, особенно страшный в деревнях. Рабочий скот, обобществленный и согнанный на колхозные дворы, просто умирал от бескормицы. Учащихся техникума стали посылать в деревни – поручали уговаривать пахать на коровах (коровы сохранились потому, что их держали в своих дворах). Мать вспоминала об этих командировках девчонок-агитаторов 15 – ти лет едва ли не с ужасом. Могли и убить. Эти поездки в колхозы привели к тому, что в среди студентов Воткинского техникума начались разговоры, что «если было бы восстание, колхозы пошли бы против Советской власти», ... «70% этой деревни пойдут с оружием в руках против Советской власти»⁵.

Мой дед Федор Яковлевич Ладейщиков, вернувшись в Полевской, продолжил работать главным электриком на Гумешевском руднике. Там он и погиб в шахте в результате аварии.

В конце 30-х гг. мама вернулась в Полевской, стала преподавать, вышла замуж за Александра Зырянова – парня из Северского завода, родила в в сентябре 1941 года дочку, мою сестру Надежду. С началом войны Александра мобилизовали на фронт. Отношения матери со свекровью не задалась. Мама работала в сельской школе недалеко от Северска – на Красной горке. Мать вспоминала войну – как самое страшное время в жизни. Жизнь впроголодь (зарплата учительницы – около 400 рублей, а буханка хлеба на базаре – 500), ежедневные отчеты за хлебные карточки детей, которые находились в детских лагерях. Эти отчеты надо было представлять в Полевской городской отдел народного образования. Не представишь – тюрьма. Надо было идти 12 километров в один конец. Каждый день! И волки, которые расплодились в годы войны.

А кроме этого еще и всякие обязательные в войну трудовые повинности. Они завидовали военнопленным, которых возили на машине копать картошку, которых

³ Отъезд, или бегство на Воткинский завод, скорее всего, связано с тем, что двух его братьев в это время арестовали, обвиняли в том, что они были мобилизованы в армию Колчака. То, что они сбежали дезертировали и вернулись домой – их не спасло. Они сгинули в конце 30-х гг.

⁴ Старшова И.Г. Педагогические техникумы – главное звено подготовки кадров для школ в 20-е гг. // Псков. №14/2001. С. 186-188

⁵ Общество и власть. Российская провинция. 1917-1985: Документы и материалы в 6 т. Свердловская область. Т. 1. 1917-1941. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. С. 577-578

кормили, а бедные учительницы шлёпали на ту же работу по грязи, голодные (у всех-маленькие дети – что можно – им).

Мама как великое счастье вспоминала, что её удалось получить комнату с печкой. И это на Урале! Свекровь, как я понимаю, женщина властная и вполне традиционных взглядов, ни невестке, ни внучке помогать не собиралась.

Надя ходила в детский сад. Мама рассказывала, что там у детей началась дизентерия. Дети умирали. Мать забрала Надежду из садика, заявив, что если суждено ребенку умереть – по пусть на её руках. Надежду, да и маму, спасла старая учительница. Она, во-первых, сказала, что подменит мать на уроках (напомню, что невыход на работу расценивался в то время как уголовное преступление) и, во-вторых, сказала, что есть такое растение – раковая шейка, которая цветет розовыми соцветиями-колосками. Надо выкопать корень, построгать его, заварить в горячей воде и давать ребенку. Так и вышло. Надежда выздоровела. (Раковой шейкой в детстве поили и нас, да и моему сыну еще досталось этого народного средства).

Когда Надя здоровая вернулась в детский сад, то маму, что называется, взяла в оборот врач. «Как Вы, советская учительница, можете пользоваться знахарскими методами? Кто Вас надутил ими воспользоваться? Что за зелье использовали?» Мать, понятно, молчала, чтобы не подвести свою спасительницу.

... История эта получила неожиданное продолжение с. Мама рассказывала, что спустя много лет, в 70-е годы она встретила с этим врачом. Врач призналась, что у нее в те же дни, когда болела Надя, заболел маленький сын. Ей надо было узнать, чем мать вылечила Надежду. Вместо того, чтобы попросить, она стала пугать. Сын умер ...

После войны, когда брак развалился, мама встретила моего отца.

Отец

Герман Осипович Пихоя. Фотография с Доски Почета. 50-е гг.

Отец, в отличие от матери, был неразговорчив. Он говорил по-русски с сильным акцентом, мимо всех родов и падежей. Отец был большой, под два метра ростом, сильный и добрый. Добрый! Этого было достаточно.

Дома были фотографии. Мамины – много стеклянных пластинок-негативов с любительскими спектаклями, которые устраивали в Полевском с участием моего деда Федора Яковлевича. На немногочисленных отцовских фотографиях были изображены

высокие (это было видно даже на снимках) люди, одетые не так, как мамина родня. Вроде по городскому, с галстуками, но в кожаных сапогах с голенищами выше колена. Мои попытки спросить – где дедушка Пихоя – заканчивались рассказом мамы о том, что дедушка умер, угорел в бане. (Почему-то считалось, что это – самое подходящее объяснение).

Летом 1962 года отец затеял ремонт дома. Брус, из которого были сложены стены, разохся и растрескался. Было решено сделать дом теплее, обложить кирпичом, построить котельную и устроить водяное отопление. Отец стал каменщиком, а я ему помогал – подавал кирпичи, раствор, затирал швы в кладке. Ремонт растянулся по меньшей мере на месяц.

Не помню – что послужило причиной его рассказов, может быть, мои вопросы, а может и то, что ему хотелось рассказать пятнадцатилетнему сыну свою историю.

Он родился в деревне Оравка в 1914 году на юге Новосибирской области, недалеко от границы Казахстана. Эстонцы приехали туда в конце 19 века, так как на родине земли было мало. На новом месте было все – озера с пресной и соленой водой, рожи, много земли, рыбалка, охота. Позже, когда туда приехали столыпинские переселенцы, то один из мужиков спросил у старосты – эстонца: сколько земли он может взять? Староста сказал – сколько за день обежишь – все твоё. Мужик бежал-бежал, да так и умер⁷.

Эстонцы выстроили свою церковь, появилась школа, где учились на эстонском. На мельнице установили генератор и в деревне было своё электричество.

Коллективизация началась с того, что арестовали мельника и электричество пропало до 1957 года. Гордость деревни – лошадей эстонской породы – согнали на колхозный двор, кормить их было нечем, лошадей извели, забили – «А, б..., кулацкая лошадь!».

Дед отправил отца, которому тогда было 15 лет, на строительство Новокузнецкого металлургического комбината. Можно утверждать, что дед спас отца, как показали последующие события. Там отец получил там несколько строительных специальностей, в том числе редких для того времени – арматурщика, бетонщика, сварщика, плиточника-мозаичника.

В 1935 году отец был призван в армию, служил в авиационной части, в технических службах. Он рассказывал, как перед входом в их воинскую часть была установлена пятиконечная звезда, каждый луч которой содержал портрет маршалов СССР – Тухачевского, Егорова, Буденного, Ворошилова, Блюхера. С началом репрессий в 1937 последовательно замазывали Тухачевского, Егорова, Блюхера, объявленных врагами народа. Остались только Буденный с Ворошиловым. Объявлены «врагами народа» два, один следом за другим, командиры его воинской части. Когда прислали третьего, красноармейцы в строю кричали – а он не враг народа?

Как я понял, после демобилизации отец приехал в Алма-Ату. Отец с удовольствием вспоминал о том, как он работал на строительстве Алма-Атинского Дома офицеров. Там было много сложных отделочных работ и строгий контроль за качеством⁸.

Он рассказывал, что в Алма-Ату осенью 1937 года приехал Р. Эйхе – первый секретарь Западно-Сибирского обкома ВКП(б) для того, чтобы участвовать во встречах с избирателями на выборах в Верховный Совет СССР. Агитатор сгонял рабочих на митинг. Один из строителей, каменщик, работал высоко на строительных лесах. На призыв – спуститься – каменщик отвечал, что спустится, когда закончится раствор, иначе раствор

⁶ Деревня Оравка Новосибирской области была основана в 1894 году.

⁷ Сходный сюжет был использован Л.Н. Толстым в рассказе «Много ли человеку земли надо»

⁸ В 1995 году, оказавшись в Алма-Ате, я первым делом попросил сводить меня в Дом офицеров. Но, как выяснилось, его снесли, заменили новым.

пропадет - схватится. На новое требование - явиться на митинг – уже через бога-душу-мать - мужик ответил агитатору, тоже послав Эйхе по намеченному адресу.

Когда каменщик спустился с лесов, его уже поджидал черный воронок⁹.

Но история на этом не закончилась. Весной 1938 г. Эйхе арестовали, а потом расстреляли. Каменщика выпустили! Он вернулся на стройку и, основательно выпив, бродил по городку строителей, заявляя, что он с самого начала знал, что Эйхе – враг народа.

Отец вспоминал, что у здания НКВД в Алма-Ате стояли милиционеры, которые отгоняли прохожих от здания, потому что из подвала были слышны крики людей, которых пытали. Не знаю, откуда отец знал, что самая страшная пытка, которую использовали следователи (палачи!) было - сначала сломать арестованному руку или ногу, а когда она начинала срастать – начать ломать снова.

А у него на родине дела были совсем плохими. Отец не знал того, что я узнал много десятилетий позже, что существовали санкционированные Сталиным и проводимые органами НКВД репрессии по национальному признаку – «национальные операции НКВД»¹⁰. 4 декабря 1937 года была издана директива о распространении репрессий «по латышской линии» на эстонцев, литовцев и финнов, что Томское и Новосибирское управления НКВД участвовали в социалистическом соревновании по выявлению «врагов народа» А тут целая деревня врагов!

Отец рассказывал, арестовали почти всех мужиков в деревне. Первыми арестовали «красных партизан», тех, кто воевал с Колчаком.

Потом добрались и до остальных.

Деда арестовали, когда он в феврале 1938 г. поехал привести сена на ферму, где работал скотником. Его догнала машина, спросили

– Пихоя?

Дед, поняв всё, попросил

– «Дайте довести сено до фермы».

Ответили

– «Ни хера, лошади дорогу знают». .

Не знаю, кто был свидетелем разговора, кто рассказал об этом отцу.

Отец от греха подальше уехал в Красноярский край, стал старателем.

В первые дни войны его мобилизовали, так как он был приписан к авиации, то на самолете отправили на сборный пункт. Первым аэродромом в пути оказался Свердловск. Так как он был старателем, а золото было нужно, то вместо армии его отправили назад, на прииск. Но в 1942 году его снова мобилизовали и, учитывая, что он – сын врага народа, отправили в трудармию, в стройбат на строительство Северского металлургического завода. Первый год положение стройбатовцев ничем не отличалось от заключенных. Их водили под конвоем, были лагерные порядки. Но к 1943 году уже охранников не осталось.

На стройке отец стал бригадиром. У него было много учеников. Среди них – будущий начальник стройуправления № 1 треста «Северкстрой» Зверев, десятки высококвалифицированных рабочих.

К концу войны у отца было две медали – «За трудовую доблесть в годы Великой

⁹ Так называли машины, в которых увозили арестованных. Часто на бортах этих машин писали «Хлеб».

¹⁰ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. — М.: Новый Хронограф; АИРО–XXI, 2008. — 608 с.

Отечественной войны» и «За победу над Германией», а позже - большая серебряная медаль ВДНХ - за внедрение предварительно напряженной арматуры, орден Трудового Красного Знамени.

А теперь то, что я узнал много позже.

Герман Осипович (правильно – Оскарович) Пихоя родился в 1914 году в деревне Оравка Чановского района Новосибирской области, в эстонской колонии. Его предки – из этнографического центра Эстонии, уроженцы Урвасте, на юго-востоке Эстонии, в исторической Лифляндии, недалеко от Чудского озера. Их хутор, кажется, назывался Pihhu. Благодаря помощи моего друга и коллеги, руководившего архивной службой Эстонии, Пеэпа Пиллака, я держу перед собой копию ревизской сказки от 10 октября 1857 г., где в русский бланк вписаны мои эстонские предки – «мужеского и женского пола» - Peter Pihhooia, 62 лет, его сын - Jaan, 29 лет, внуки - Peter, 2 лет, Michel, которому несколько месяцев от роду. Перечислены также Jurri, 27, Andres, 8, Jaak, 17 и Josas Pihhooia, 27 лет. Женщины – две Анны, 56 и 32 лет, Лиза, 15 лет, Мина – 4 лет и новорожденная Лена.

Позже в ревизскую сказку уже по-русски указано против фамилий, - «78 в Псков. губернию».

Эмиграция эстонцев по всей территории всей Российской империи была вызвана тем, что земля была в основном в собственности немецких баронов. Часть семьи Пихоя осталась в Псковской и Новгородской губерниях¹¹, другая часть, вместе с 25 другими семьями переехала в Сибирь, где основала в 1894 году деревня Оравка – явный перенос в Сибирь географического названия уездного центра Орава неподалёку от Дерпта – Тарту.

А дальше перескажу следственное дело Оскара Пихоя, копию которого я получил из архива ФСБ.

Дед Оскар появился на свет в январе 1894 г., в тот самый год, когда появилась деревня Оравка. Его арестовали 12 февраля 1938 г.

Ко времени ареста в начале 1938 года ему было 44 года. Он был скотником колхоза Сяде (по-эстонски - Искра) Семья деда тогда состояла из жены – Эмилии Петровны, дочери Берты 15 лет и двух сыновей Эдуарда и Вальтера – 8 и 4 лет. Про взрослого сына Германа он промолчал.

Его хозяйство, судя по протоколу состояло из избы, скот – одна корова, 9 овец, поросёнок и пара телят.

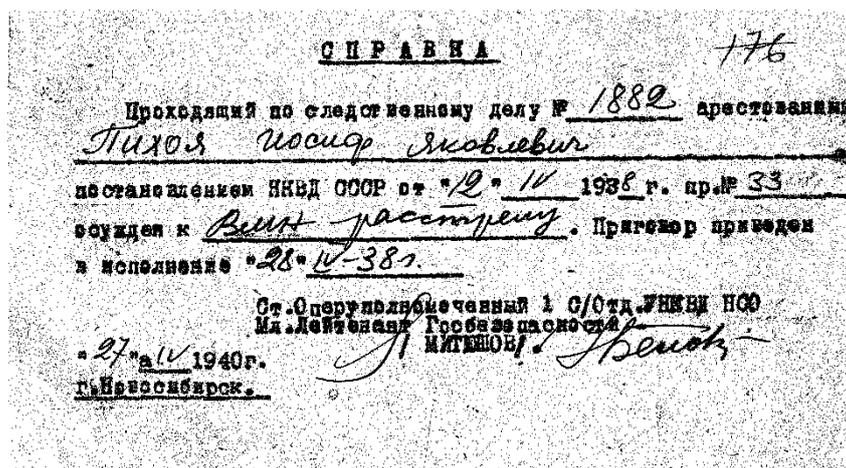
Сведений об обыске дома не было. Судя по всему, и разыскивать никто и ничего не собирался. Обвинение было готово заранее.

20 февраля его допрашивали. Что происходило между 12 и 20 февраля – не знаю. Даже думать не хочется.

Ему сразу же заявили, что он привлекается к ответственности «как участник контрреволюционной шпионской диверсионной повстанческой организации».

28 апреля 1938 г. его расстреляли.

¹¹ Тамби, С. А. Эстонская община в Пскове: история и современность // Молодой ученый. — 2019. — № 20 (258). — С. 399-409. — URL: <https://moluch.ru/archive/258/58991/> (дата обращения: 14.11.2020). Среди жертв политически репрессий Книга памяти Новгородской обл учтены Пихоя Иван Яковлевич, житель: Новгородская обл., Холмский р-н, д. Истоменщина. Осужден в 1930 и лишен избирательных прав, брат деда Оскара и Пихоя Иван Петрович, урожденный в 1875, колхозник колхоза «Красное утро», житель: Новгородской области, осужденный в 1938 году и умерший в тюремной больнице в 1939 году. . См.: Книга памяти Новгородской обл.

Через 19 лет военный суд Сибирского военного округа отменил приговоры 70 с лишним человек, в связи с отсутствием состава преступления.

Вдова, как и другие вдовы, получили, по словам отца, компенсацию – 50 рублей – «за шкуру мужика», как они мрачно шутили. 50 рублей – стоимость двух бутылок водки по 24 рубля 20 копеек. На поминки...

II. ДЕТСТВО.

Дом на Достоевского.

Наш дом. Фото 1990 г.

Первый адрес в моей жизни к моменту моего появления на свет – улица Достоевского, дом 18, Северский завод Полевского района Свердловской области. Отец купил этот дом в 1946 году, купил в рассрочку на 10 лет. Плата за дом ежемесячно высчитывалась из его зарплаты.

Дом стоял на улице, с трех сторон к которой примыкал лес. Он начинался за следующей улицей – улицей Мичурина, а если идти по Достоевского, то она переходила в тропинку, ведущую через сосновый бор к деревне Красная горка. Наконец, замыкали эту лесную подкову Малаховые горы. Новая, застроенная кирпичными двух-четырёхэтажными домами улица Ленина вела к заводу, заводскому пруду, вокруг которого существовала старая, еще дореволюционная и довоенная часть Северска.

Наш дом был построен из бруса. Изнутри дом был оштукатурен. Прежде деревянные дома редко штукатурили. На улицу выходили два окна, которые зимой на ночь закрывались ставнями – от холода и лихих людей. Два других окна выходили на огород – из кухни и из детской.

К дому примыкали холодная веранда с большим окном и чулан.

Дом состоял из двух комнат и кухни. В большой комнате стояла родительская кровать, стол, накрытый плетеной из черных ниток скатертью с вышитыми гарусом красными цветами и полукруглая голландская печь, покрытая железом, выкрашенным краской-серебрянкой. На столе мама проверяла школьные тетрадки, каллиграфическим почерком исправляла ошибки школьников. В маленькой комнате стояли три кровати – моей старшей сестры, Надежды, и младшего брата – Славы. Там же стояла этажерка с книгами. Из маленькой комнаты топилась печка-голландка, а когда печь нагревалась, то мама иногда прикладывала к железной обшивке печи одеяла для нас. Спать под теплым одеялом было хорошо. На кухне была печь с двумя конфорками, стоял стол. Зимой в первые годы под стол ставили клетку с курицами. В углу стоял жестяной умывальник и кадка с водой.

Воду домой носил отец. Это было не по правилам. Считалось, что воду должны были приносить женщины.

Дом был, по сегодняшним меркам, маленький, метров 40 с небольшим. И холодным. Одной печи-голландки и кухонной плиты не хватало. Поэтому кухонную плиту вскоре заменила русская печь. Это сооружение меняло весь дом. С каменщиками обсуждались

колодцы, по которым уходил дым и отапливался дом. Каменщиков уважали и побаивались, потому что обиженные мастера могли оставить ловушки, которые со временем были способны отравить жизнь вредным заказчикам, например, отставить привязанное перо в трубе.

Одна сторона печи образовывала стену маленькой комнаты – детской спальни. Другая стена от русской печи выходила в коридор и добавляла тепла в большую комнату. Но настоящее превращение произошло на кухне. Прежде всего, появился зев русской печи, в котором горел открытый огонь, в протопленную печь ставили еду. Мясной суп пропаривался до того, что кости становились мягкими; лакомством, которое иногда готовил отец, была порезанная соломкой картошка, посоленная и запеченная на железном листе-противне в зеве русской печи. На кухне на русскую печку можно было залезть. Это было здорово. Все были внизу, а ты – наверху. Там было всегда тепло. И ты был один.

Было еще одно замечательное место в доме. Это полати, сколоченные из досок, примерно сантиметров в 70 от потолка. Их отец сделал в коридоре между кухней и большой комнатой. На полатах хранилась старая или сезонная рабочая одежда, валенки – по-уральски – пимы. Полати были длинными. Доски гнулись и перебираться по ним было страшновато. Когда мы с братом подросли, отец от греха разобрал скрипучие полати.

Двор. Дом, двор и огород были сделаны не по-русски, не так, как эго делали на Урале. Причина была простой. Дома на нашей и нескольких соседних улицах строили военнопленные немцы. Дом окружал участок в 15 соток земли, огороженный невысоким забором из строганого штакетника. Перед домами были маленькие палисадники, в которых хозяйки устраивали клумбы с цветами. Дворы были открыты всем ветрам и снегам.

Сразу же замечу – я пленных не видел. С 1948 г. они вернулись на родину, лагерь пленных на полпути между Северским и Полевским в Октябрьском поселке был ликвидирован.

В огороде сажали картошку, лук, горох, позже там появились посадки малины, смородины, теплицы, где выращивали огурцы и помидоры. В самом дальнем углу огорода находились хозяйственные постройки для скота – коровы, которая была практически в каждом дворе. Там же была уборная. Понятно, что всё это было неудобно и плохо, учитывая уральскую погоду, где от середины октября до апреля месяца лежит снег.

Отец терпел это устройство двора до тех пор, пока не выкупил полностью дом. Сразу после этого весь двор был переделан, там появились капитальные хозяйственные постройки, закрытые общей крышей, примыкающей к крыше дома, стайка для коровы с сеновалом, рядом поместился курятник, который обогревался теплом от коровы. Под крышей во дворе лежали поленницы дров. Двор, таким образом, делился на две части – чистую, с крашеным полом, с дорожкой от калитки до дверей дома и хозяйственную, с широкими воротами, с отцовской мастерской, дровами, помещениями для живности – от коровы до собаки. Весь двор оказывался защищенным и от снега, и от дождя.

Смерть Сталина. Пожалуй, первое историческое событие, которое я хорошо запомнил, была смерть Сталина. Круглый бумажный рупор радиоточки, прикрепленный под потолком кухни передавал печальную музыку, перемежавшуюся рассказами о великой трагедии, о том, что «перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа – Иосифа Виссарионовича Сталина». Эти слова я, понятно, не помнил и цитирую, что называется, задним числом. Но помнил и понимал, к своим шести годам, что Стали – вождь. Он главный. Он всем руководит. И как дальше без Сталина?

В день похорон моя сестра ревела, зарёванная отправилась в школу на траурный митинг. Ревел и мой младший брат – Славик. Но причина была другой. На плакатиках с изображением вождей, которые сестра должна была нести в школу, четырехлетний Славка

пририсовал усы и бороды, за что ему влетело.

Тем удивительнее было поведение мамы, а вечером, когда папа пришел с работы - и отца. Дома молчали. Родители ничего не говорили. Но никакой демонстрации печали не было. Была тревога. Дома не включали свет. Помню, родители говорили, что у кого-то в Северском в день официально назначенного траура должна была состояться свадьба. Свадьба и состоялась. Только через несколько часов всех её участников и гостей «забрали».

Северский посёлок Полевского района Свердловской области. Детство мое неотделимо от места моего рождения – заводского поселка Северского металлургического завода, который входил в состав города Полевского. И Полевской, и Северский заводы входили в ряд первых по времени возникновения на Урале. Еще в 1702 г. у реки Полевой нашли древние «чудские» выработки медной руды, с 1718 г. там появился медный рудник, а позже – медеплавильный завод. Недалеко от Полевского, на реке Северушке нашли железную руду, перегородили речку плотиной, вода из пруда пошла на водяные двигатели, в 1738 г., появился Северский завод. Полевской и Северск были связаны системой широких заводских прудов.

Полевской был районным центром, там было власть – партийная и советская. Северск был богаче. Северскому заводу в известном смысле повезло. После тяжелейшего кризиса времени гражданской войны, когда заводы были остановлены, в 1925 году завод был передан в концессию английской компании Lena Goldfields Ltd.

За пять лет, пока эту компанию под конец НЭПа не изгнали из СССР, концессионеры выстроили железную дорогу к заводу, современные мартеновские печи, прокатные цеха. Завод стал специализироваться на выплавке и прокатке высококачественных марок стали.

Война не изменила профиль завода. Она потребовала расширения производства качественного металла, следствием чего стало строительство новых заводских корпусов, а следом за этим – и жилья для рабочих. Воистину к уральской промышленности применима грустная истина – «Кому война, а кому мать родна...». На заводской склад шихты шли подбитые советские и немецкие танки, ставшее ненужным стрелковое оружие, советское и немецкое, корпуса мин, да и многое другое, чтобы быть переплавленным в мартеновских печах. Этот военный лом поставлялся едва ли не до конца 50-х гг.

После войны завод продолжил осваивать новые производства – стали изготавливать так называемую «белую жель» - тонкие, покрытый оловом листы железа, шедшие тогда, в частности, на изготовление консервных банок, оцинкованный лист, кровельное железо. Завод непрерывно рос, строился, расширялся.

Разговор о заводе не случаен. Все в Северске принадлежало заводу – дома и улицы, школы и магазины, библиотеки и больницы. Каждый вечер небо над заводом вспыхивало красным заревом – из мартеновских печей выливали сталь. Несколько раз в день – утром, в обед и вечером раздавался заводской гудок, который было слышно на много километров.

Поселок был разделен на четыре части. Старая, историческая, еще дореволюционная застройка шла вокруг заводского пруда. Её доминантой была возвышавшаяся над горой у пруда Троицкая церковь, ставшая для нас Домом пионеров с кружками, библиотекой, большим залом. Улицы, тянувшиеся к заводу, заканчивались водной станцией с купальнями, эллингами для небольших яхт и лодочной станцией.

Водная станция на Северском пруду в 50-60 - е гг.

Улицы за Троицкой церковью, упиравшиеся в пруд, назывались Далеками, их так и считали - первая, вторая, девятая Далека. За девятой Далекой мы, мальчишки, обычно купались и плавали.

Вторая часть поселка появилась сразу после войны и интенсивно застраивалась «своими домами», деревянными, с огородами, крытыми дворами. С середины 50-х годов разрешили индивидуальное строительство и эта часть городка стала расти, захватывая окрестные холмы и лесок вокруг. Это Малаховая гора, Малахова, как её обычно звали.

Я уже писал выше, что Малахова переходила в лес и горы, с которых мы катались на лыжах. На север от поселка в прекрасном сосновом бору был организован заводской парк со стадионом, дорожками, летним кинотеатром и многим другим. Архитекторы спланировали его километров в трех от жилья. Прошло время, и парк стал частью городка.

Третья, парадная часть поселка застраивалась в основном в 50-е гг. Это были обязательная в каждом населенном пункте СССР улица Ленина, соседствовавшая с ней улица Свердлова и перпендикулярная им улица Коммунистическая. Улицы были застроены двух-трех-четырёхэтажными домами. Позже началась застройка стандартными пятиэтажными «хрущевками». В центре находилась площадь, с одной стороны которой были дома с магазинами на первом этаже, напротив был Дворец культуры Северского металлургического завода.

Улица Ленина

Была и четвертая часть поселка, расположенная между Северском и Полевским – так называемый Октябрьский поселок. В Октябрьском поселке, была администрация треста Северкстрой и первого Стройуправления, строившего новые заводские цеха.

Октябрьский поселок возник, кажется, на месте лагеря для военнопленных и бараков для поволжских немцев, выселенных на Урал в войну. К началу 60-х гг. на смену баракам пришли основательные дома, как правило, выстроенные немцами из кирпича. На рубеже веков немцы в большинстве своем уехали в Германию, а на месте Октябрьского поселка

возникли новые цехи Северского трубного завода.

Корова. Как же без коровы? Первая крупная покупка родителей, когда появился свой дом, была корова. Корова – это литров 7-8 молока каждый день. Это простокваша, которая стояла в глиняных кринках в подполье дома. И никакой кефир на свете не сравнится с простоквашей моего детства. Это молоко с хлебом, с картошкой утром, днем и вечером в конце 40-первой половины 50-х гг. В конце 40-начале 50-х гг. с каждого двора, где содержался скот, полагались налоги. Я помню, как отец, усадив меня на раму велосипеда, отвозил бидоны молока куда-то, помню разговоры, что шкура с теленка должна была быть сдана государству.

Корова – это и постоянная забота. Мама доила корову рано утром – до работы в школе, и вечером. Корове надо было задать сена, утром дать пойло, сваренное накануне, чистить стойку. Это обычные, текущие заботы.

Другое дело - лето. С первой травой корову отправляли в стадо. В пять часов утра на улице мычали коровы, звонили колокольчики-ботала на их ошейниках, время от времени раздавался резкий, как выстрел, звук пастушьего кнута, перекликались хозяйки, выпускавшие своих Чернух, Машек, Буренок из дворов в стадо, которое возвращалось в 7-8 часов вечера. Коров держали практически все жители Северска, жившие в своих домах, а таких тогда было абсолютное большинство.

Но главное событие лета - это покос. На время покоса в начале июля даже завод сворачивал свою работу. Эта практика шла еще с XVIII в., сохранялись только непрерывные производства, вроде домен, а позже мартенов. В июле мужики старались брать отпуск. Правда, в прошлом сельских работ было больше. К началу 50-х годов оставалась только заготовка сена на год вперед. Первым признаком приближавшегося покоса было то, что отец доставал с сеновала легонькие деревянные грабли с длинными гибкими березовыми черенками, проверял крепление черенков к поперечине, на которой крепились деревянные зубья, выстругивал и заменял те, которые ослабли и могли выпасть. Потом он отбивал на маленькой наковаленке косы, которые тонко пели под ударами молотка, затем он заправлял жало кос точильным камнем. Это было как священнодействие, обряд, означавший начало покосной страды.

Пока мы были маленькими, отец с матерью с утра уходили на покос, оставляя меня с братом на попечение старшей сестры. Вечером отец приходил и приносил нам «от зайчика» хлеб, который подозрительно походил на тот, который мы ели, но он точно был вкуснее!

Когда мне исполнилось лет 6, родители стали брать на покос. Покосная делянка находилась нескольких километрах от дома. Дороги к покосу не было. Была тропинка, шедшая по сосновому лесу. Время от времени справа или слева от тропы были маленькие круглые озера, возникшие на месте шурфов, где добывали золото. Тропинку пересекали ручьи, болотца, заросшие дурманящим, сладко пахнущим багульником, золотистыми кувшинками, которые сразу же теряли свою красоту, стоило их только сорвать, густыми зарослями фиолетовых цветов иван-чая. Для того, чтобы сено вывести с покосной делянки, эти заболоченные участки каждый год поновляли стланью – бревнами, которые укладывались поперек тропинки в топких местах

Покос закреплялся на владельцем коровы. За делянкой ухаживали. Отец загодя вырубал, удалял мелкий кустарник, траву подсеивали купленными семенами тимофеевки и клевера. Бегать по покосу и мять траву не полагалось. В мои обязанности входило выбирать и выбрасывать из скошенной травы мощные стреловидные листья чемерицы, растения, считавшегося ядовитым для коров. По мере взросления менялись и обязанности. Следующим было ворошение, переворачивание граблями кошенины, чтобы трава сохла скорее, превращаясь в сено. Годам к 10-11 отец разрешил мне самому косить, строго следя,

чтобы коса шла ровно над землей, не оставляла клоки нескошенной или скошенной высоко травы. Сенокос запомнился как веселое время, как занятие, непохожее ни на что в обычной жизни. Метание стогов – целая наука! И вывоз сена на телеге, где сено плотно утаптывалось, сверху прижималось тонким бревном – бастриком. И разговоры с мамой во время долгих походов до делянки. И способность отца за несколько минут сделать из бересты шалаш, где можно было укрыться от дождя.

Этой деревенской идиллии конец пришел скоро и жестоко.

Никита Сергеевич Хрущев летом 1957 года провозгласил политическую задачу: «Догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения!». Следует признать, что в 1956-1957 гг. продовольственное снабжение улучшилось. В магазине появилось молоко, кефир в стеклянных бутылках, закрытых алюминиевыми крышками, сливочное масло, колбаса. Хрущевский лозунг «Догнать и перегнать...» предусматривал увеличение производства мяса в два раза каждый год. То, что это противоречило элементарным биологическим законам политическое руководство не останавливало.

Для того, чтобы выполнить этот дурацкий план, колхозно-совхозного поголовья скота не хватало. Поэтому было решено реквизировать скот у населения. Коров, лошадей было приказано сдать (не помню, платили ли за животных, но в любом случае это было повторение раскулачивания в новых формах). Коров отправили, как тогда у нас говорили, на корм лисиц в соседнем зверосовхозе. 1959 году Свердловская область была награждена Орденом Ленина «за достигнутые успехи по подъему животноводства».

Видя огорчение (мягко сказать!) мамы и зная, сколько сил уходит на содержание коровы, я её успокаивал - «Зачем корова? В магазине-то есть и молоко, и кефир».

Уже через год из продажи пропало мясо и масло. Сметана стала редким деликатесом. В 1961 году в продаже появилась ярко красная колбаса из китового мяса, производство которой скоро свернули, потому что есть её было невозможно. В 1961-1962 гг. была предпринята попытка ввести у нас карточки на продовольствие. Эта мера не касалась областных городов – там снабжение было лучше. Продовольственные проблемы ударили по рабочим поселкам и деревне. Пропали из продажи мука, крупы, растительное масло. Появились очереди за хлебом.

Советский сатирический киножурнал «Фитиль» громил и обличал несознательных граждан, делающий запасы впрок и поэтому виноватых в проблемах со снабжением. А там и фельетоны в газетах – от центральных до районных и многотиражек, в которых отыскивались и осуждались подобные несознательные граждане..

В 1962 году у меня появился племянник Дима – сын моей сестры Надежды. Детского питания как категории товаров тогда не существовало, по крайней мере, в наших краях. Матери «по благу» достали коробку печенья, чтобы делать прикорм для малыша. Коробку эту прятали(!), боялись обысков...

В 1962 году в Новочеркасске произошли прогремевшие на всю страну беспорядки, бунт рабочих, закончившийся стрельбой и свирепыми судебными приговорами. Об этих событиях я узнал в сентябре 1962 г. от молоденькой учительницы в нашей школе рабочей молодежи.

Много позже, уже работая Главным государственным архивистом России, я с особым вниманием отыскивал документы, относящиеся к этому на редкость вредному для страны и ее граждан решению, решению, в конечном счете усугубившему извечную продовольственную проблему в СССР и ставшую одной из предпосылок гибели политической системы. Я обнаружил секретное, неизвестное историкам-аграрникам постановление Бюро ЦК по РСФСР от 20 августа 1958 г. «О запрещении содержания скота

в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках». Это постановление должно было коснуться 12,5 млн городских семей, имевших в 1958 г. свои огороды¹². Начали отбирать скот уже в 1958 году, но только в 1959 году постановлением Верховного Совета СССР придали этому произволу налет законности¹³

Призывы нового главы КПСС Л.И. Брежнева, прозвучавшие на мартовском пленуме ЦК КПСС 1965 года – оказать поддержку индивидуальным хозяйствам, выделять жителям, имеющим домашний скот, покосы, комбикорма – повисли в воздухе.

Люди, во-первых, перестали верить власти, способной бесцеремонно отнять чужую собственность и, во вторых, и едва ли не главное - стремительно, за три-четыре года ушла привычка держать скот, та часть жизненного уклада, которая существовала в заводских поселках Урала по меньшей мере 200 лет. Тут задумаешься, что кажущиеся незыблемыми привычки и обычаи, навязшее в зубах слово «менталитет» могут изменяться под влиянием власти гораздо быстрее, чем мы склонны считать.

... Не прошло и пяти лет после того, как отобрали коров, прежние покосы заросли молодыми березками, через несколько лет от покосов и следа не осталось. Не осталось и следа от прежнего уклада жизни жителей заводского поселка и прежнего устройства домашней жизни

Игрушки. На нашей новой улице были новые семьи и дети примерно одного возраста. Все жили одинаково. Были бедными, но не знали об этом. Рядом жили Жидялисы, Ермаковы, Буше, Федоренко, Пихоя, Завьяловы, Новокрещеновы, Барабаши, Тихоновы, Соловьевы, Яппаровы, Кобцы... Люди разной национальности, с разными биографиями до войны. Война свела их и придала их жизни новое – северское измерение. Им нечего было делить. Нам, пацанам – и тем более. Мальчишкам и девчонкам не было никакой разницы в том, с кем бегать, играть в городки, лапту или в чижик. Играли прямо поперек улицы, по которой проходило пяток машин в день.

Для нас были открыты все дома на нашей улице. У Завьяловых разглядывали многочисленные ордена и медали, полученные дядей Сережей - разведчиком во время войны, у Соловьевых – мастерскую бывшего танкиста дяди Васи. Чаще всего собирались у нас. Во-первых, у нас был диафильмоскоп и вечерами устраивались сеансы. На белёной стене показывали диафильмы, переведенные из детских фильмов, вроде «Первоклассницы»¹⁴, или копий фильма про Александра Матросова¹⁵. Правда, еще интереснее были переделанные в диафильмы сказочные мультфильмы. К тому же такие диафильмы были цветными. Во-вторых, мама считала, что лучше, когда ребятня дома, под присмотром. Она летом часто организовывала наши походы на пруд, в купальню. Учила плавать.

Наши обычные занятия – это строгаться, то есть сидеть напротив печки и что-то вырезать ножом – кораблики, если дело к весне, летом – пистолеты и деревянные мечи. Но у нас, пацанов послевоенного времени, были игрушки поинтереснее. Каждую весну, когда вскапывали огород, из земли появлялись трехгранные винтовочные штыки, ржавые магазины от винтовки-трехлинейки, винтовочные затворы. Отец говорил, что на месте нашего дома прежде была оружейная мастерская.

Кстати, винтовочный затвор мосинской винтовки стал одной из первых памятных мне игрушек. Он восхищал точностью подогнанных деталей, плавными кривыми, какой-то сложной простотой, возможностью полностью разобрать и собрать его при помощи шила и отвертки, что было под силу 7-8 –летним мальчишкам.

¹² История советского рабочего класса. В 6 т. Т. 4. М., 1965. С. 251–252.

¹³ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. 6М. – Берлин, 2019. С.185-188

¹⁴ «Первоклассница» - художественный фильм 1948 г., снятый режиссером И. Фризом по повести Е. Шварца

¹⁵ «Рядовой Александр Матросов,» фильм 1947 г.

Шихтный двор Северского завода, куда на переплавку везли ставшую ненужным военную технику, был бездонным источником для получения любых образцов стрелкового оружия. Оружие, конечно, пропускали через прессы, а шихтный двор, или попросту шихту охраняли, но это не мешало без особых проблем сначала стащить, а потом собрать из двух-трех испорченных самозарядных винтовок Симонова или Токарева – одну. Самой распространенной игрушкой, с которыми играли в войну, были ударно-спусковые механизмы (мы их тоже звали затворами) от этих винтовок. Попадались и немецкие. Но эти, в отличие от наших, были туже, разобрать и, особенно – собрать - было труднее. Не помню ни одного случая, чтобы это оружие стреляло. Причина, я убежден, была в том, что строго контролировались боеприпасы, в том числе и те, которые попадали на завод. А без них эти винтовки превращались в ненужное железо.

Обычным летним времяпровождением, кроме игр на улице, был лес. Собирали ягоды, грибы, а чаще просто бродили. Заблудиться было трудно. Мощный заводской гудок в 12 часов, а потом в 5 вечера, в пересменку всегда указывал, как вернуться домой. Другим занятием был пруд. Ходили купаться не в купальню – это для малышей – а за поселок, в улицы, которое звали Далеками. Плавали, высшим классом было переплывать пруд. Это в один конец было метров двести.

Зимой были лыжи. Они были у всех. Первые мне купили года в 4-5. Постарше у меня появились широкие лыжи, которыми я гордился – лыжи, на которых можно было ходить по снежной целине. Но все-таки лыжи не стали для меня ни удовольствием, ни развлечением. Тащиться на Малаховую гору, чтобы потом оттуда скатиться, было недалеко – километр с небольшим. Горка была крутой и немаленькой. На неё надо было взобраться, чтобы лететь несколько секунд вниз и уткнуться в сугроб. Потом еще раз забираться, когда снег уже проник под одежду, и снова катиться с таким же результатом. И что это за удовольствие? Но тихую ненависть мою вызвали уроки физкультуры, и в школе, и в университете, когда надо было бежать на лыжах в мокрых от снега ботинках, когда ветер продувал штаны. Куда приятнее и проще (да и быстрее) ходить по снегу в валенках.

Коньки. С ними было веселее. Сначала были снегурки, которые приматывались веревкой к валенкам и на них можно было бегать по укатанным дорогам. А потом появились канады на ботинках, большой каток с музыкой, с освещением, с трибунами для зрителей, когда на катке играла в хоккей с мячом заводская команда.

Но главным развлечением и условием бытия был велосипед. Только сходил снег, обычно в середине апреля, и мы садились на велосипеды. На велосипеде – на пруд, в магазины, катание по посёлку в компании одноклассников, мальчишек и девочек, захватывающее дух катание по «золотому километру» - по шоссе с горы около Красной Горки к Северску.

Вспоминая прошлое, понимаешь, что в нем всегда было присутствие простора, неосознаваемое в детстве, но входившее в жизнь как норма правильной жизни, когда много леса, воды, гор, заросших лесом, много неба, не загораживаемого ни стенами, ни высокими домами...

Другим увлечением стало радиодело – скорее всего под влиянием моего друга и соседа Виктора Федоренко, в будущем – инженера-физика, кандидата физ.мат. наук. Радиокружок со своей радиостанцией находился во Дворце пионеров, под куполом бывшей церкви, вели занятия два радиста-любителя, в прошлом служившие в военно-морском флоте. С ними было интересно. Они рассказывали о своей службе, учили азбуке Морзе и работе «на ключе», объясняли устройство радиопринимающих и радиопередающих устройств. Меня больше интересовала тогда романтика службы радиста, чем технические детали раций, хотя кое-что застряло в памяти.

Классе в третьем мне подарили фотоаппарат «Любитель -2». Он заряжался немецкой

широкой пленкой Agfa с кадром 60 на 60 мм, двенадцать кадров, намотанных на деревянную катушку. Меня обучили, как заряжать фотоаппарат, как вставлять эту пленку в бачек для проявки пленки, как разводить проявители и закрепители, печатать фотографии при помощи плохонького фотоувеличителя. В подполье я устроил фотолабораторию – благо, что дневной свет туда не поступал. Позже фотоаппараты менялись, но увлечение фотографией осталось на всю жизнь.

Как мы мыли золото.

Все мы не столько увлекались, сколько жили в окружении камней. На улице недалеко от дома был огромный валун розового кварца, по которому мы стремились ударить молотком так, чтобы железо скользило по камню и высекало долгую искру, оставляя в воздухе особый запах. Малахит, яшма, родонит, хризолиты, горный хрусталь, разные сорта мрамора, змеевик-серпентинит – все это было для нас не экзотикой, а окружающей средой. Это был Урал.

Однажды отец предложил мне пойти вместе с ним мыть золото. Я знал, что отец работал перед войной старателем в Сибири. Знал и то, что всё вокруг было изрыто шурфами от старательских разработок второй половины XIX – первой половины XX в.

Про добычу золота и коварство старательской удачи я читал не только в сказах Павла Петровича Бажова – для него эта тема была одной из самых частых. Было и личное воспоминание.

...Летом, когда мне было лет десять, в окно веранды постучали. Я увидел маленькую старушонку-нищенку в темной одежде. Позвал маму. Она, только взглянув, метнулась на кухню, собрала что-то и отдала ей. Когда старушонка ушла, мама, явно взволнованная, рассказала, что недалеко от нашего дома, около реки Чусовой, до войны артель двух братьев-старателей с женами нашла большой самородок. Получили за него много денег. На радостях загуляли, приглашая всех близких и дальних. Через некоторое время один из братьев забрал жену, домашний скарб, загрузил все на телегу и уехал, чтобы начать на новом месте жизнь со своей долей денег. Второй брат продолжил гульбу, и догулялся до того, что все пропил и его вдова-нищенка сегодня приходила к нам¹⁶.

Много позже я узнал, что в декабре 1935 года артель из двух братьев Пальцевых с женами нашла в деревне Косой Брод, рядом с Северском, самородок весом в 13 килограммов 800 граммов. Самородок получил прозвище «Лосиное ухо», поступил в Алмазный фонд в Кремле.

Самородок, найденный недалеко от Северска, в Косом броду в 1935 году.¹⁷

Официальная информация об этой находке сообщала о премиях старателям, о

¹⁶ Похожий сюжет, вплоть до места действия, - деревни Косой Брод на берегу Чусовой, содержится в сказе П.П. Бажова «Жабреев ходок», написанном в 1941 году.

¹⁷ В поисках золотых самородков Урала. <https://goldru.info/zolotodobycha/zolotyie-samorodki-urala.html>. Обращение 3 декабря 2020 г.

перечислении ими части премии на строительство детского сада, о награде жен патефонами с пластинками и швейной машиной, да и биографические сведения расходились с маминими рассказами¹⁸.

Разницу было можно бы объяснить, что через двадцать лет после этой находки появился фольклорный сюжет на эту тему. Но куда деть старушонку, которая постучалась в стекло нашего дома летним утром?

Однако вернусь к отцовскому предложению – пойти вместе с ним мыть золото. Конечно, я согласился. Еще бы! Отец взял топор и из соснового чурбака вытесал лоток для промывки песка. Объяснил, что промывать можно и в тазике, и в ковше, но лучше всего – в деревянном лотке. Тогда и я выстрогал свой лоток. На утро мы, вооружившись лопатами и лотками, отправились к речушке Красногорке, едва ли не ручью, впадающему в Чусовую. Отец, поддев на лопату грунт со дна речки, начал прополаскивать землю, пока на лопате не остался черный песок, в котором проблескивали золотые искорки.

Начали промывать песок. В лотке появились крохотные золотые крупички, которые отец, подцепив лезвием перочинного ножа, переложил в бумажный конверт. Глядя на крупные золотистые кубики, которые я принял за золотые самородки, отец, посмеявшись, сказал: «Это золото дураков. Пирит¹⁹».

Остатки черной массы на дне лотка после промывки отец переливал в стеклянную банку. Он сказал, что это – шлик. Придя домой, отец продолжал показывать приемы старательского ремесла. Он провел над шлихом, рассыпанным на газете, сильным магнитом. Окислы железной руды, составлявшие большинство шлика и придававшие ему черный цвет, прилипли к магниту. Затем отец осторожно, через гушиное перо, подул на остатки шлика. Легкие частицы улетели. Остался только мельчайшие золотые песчинки. Вспоминая свое старательское прошлое, отец рассказывал, как взвешивали золотой песок. Копейка весила 1 грамм, а спичка – 0,1 грамма. Впрочем, в нашем случае эта информация была явно избыточной.

Наши несколько походов с отцом на Красногорку дали мне ясное представление о тяжести ремесла старателей. Ноги-руки в воде, нелегкий лоток. Занятие тяжелое и не дающее сиюминутной выгоды. Не знаю, как получилось, но отец начисто исключил надежды на фарт, удачу, случайное везение. Думаю, отцу самому хотелось вспомнить прошлое и чему-то научить нас с братом. Но главный урок для меня был другим – чудес не бывает!

Пробирку с крупичками золота я с согласия отца передал в школьный музей.

Книги.

Я научился читать незаметно для себя и окружающих. Это было несложно при старшей сестре и маме-учительнице. К первому классу я читал вполне бойко. Книги стали, безусловно, моим главным увлечением. Первыми книгами, запомнившимися мне, было роскошное издание бажовской «Малахитовой шкатулки» с большим количеством ярких, красочных иллюстраций²⁰. Во втором классе мне подарили «Остров сокровищ» Стивенсона. Но больше всего мне тогда нравилось тоненькое издание в мягком переплете с черно-белыми картинками «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя. «Вечера...» завораживали своей необычностью, украинским колоритом, занимательными сюжетами с храбрыми хлопцами, ловкими ведьмами и чертями, страшными упырями - живыми мертвецами... Об этом в советских книжках и сказках не писали. Гоголь мог заинтересовать. Я долго пытался отыскать, как же доехал до своего дома отставной поручик

¹⁸ Кожевников А. Кособродская находка. Быль/prosa.ru(Обращение 6.12.2020)

¹⁹ Пирит – железный колчедан

²⁰ Бажов П.П. Малахитовая шкатулка. Свердловск, Свердловское областное книжное изд-во, 1952

Иван Федорович Шпонька... Потом, постарше, дома я вдоль и поперек перечитывал шеститомник собрания сочинений Гоголя 1952 года издания с замечательными иллюстрациями Боклевского, жуткими рисунками Репина к «Запискам сумасшедшего».

На фото: я, моя сестра Надежда и брат Станислав. 1957 г.

Я читал мамины учебные пособия, потому что там попадались тексты диктантов, в основе которых были маленькие интересные рассказы. Очень рано среди маминых книг мне попала Хрестоматия по истории СССР, пособие для учителей, составителями которого были С. С. Дмитриев и М. В. Нечкина и в которой публиковались выдержки из документов конца XVII - первой половины XIX в. В хрестоматии мне попались короткие анекдоты Штелина о Петре 1, замечательные выдержки из первого номера «Ведомостей» про поход против шведов «Олонецкого повета попа Ивана Окулова», который с охотниками ходил бить шведов, перебил их великое множество, «а попова войска ранено три человека».

А дальше я читал все, что попадалось мне на глаза. Я стал настоящим «книжным пьяницей», читал Гоголя и Нарезного, Жюль Верна и Беляева, Тургенева и Лескова, Л. Леонова и «Капитальный ремонт» Л. Соболева, Я. Гашека и К. Чапека, Б. Лавренива и А. Первенцева... Большое впечатление на меня произвел А.Н. Толстой с его «Петром Первым» и «Хождением по мукам»...

Нет нужды говорить о том, что вся рекомендованная, и не только, русская классика была перечитана. Читая «Войну и мир», я начал рисовать для себя портреты Пьера, Анатоля Куракина, Наташи, Андрея Болконского. Дорисовался до того, что на дух не смог принять ни американскую экранизацию 1956 г. с Пьером в исполнении Генри Фонда, худощавым, ловким, совсем не похожим на неуклюжего силача у Толстого, ни на экранизацию 1965 г. Бондарчука, в фильме которого он сам играл Пьера, а его жена – И. Скопцова – Элен Безухову. Они были просто очень старыми для этих ролей.

Школьные учебники по истории, литературе, географии, биологии прочитывались в летние каникулы, заранее. Читал и перечитывал замечательную «Детскую энциклопедию», с прекрасными статьями по географии, биологии, истории, химии...

Я отыскивал книги по истории, о путешествиях. Конечно, круг чтения был ограничен репертуаром школьной и городской библиотек. Читал все, вплоть до панферовских «Брусков» и «Кавалера золотой звезды» Бабаевского, которых, по-моему, можно было читать лишь от большого книжного голода и небрезгливости.

Пожалуй, самой важной и любимой книгой для меня надолго стали «Былое и думы» Герцена. Сначала она была для меня просто интересной, своего рода развернутым дополнением к учебнику по истории России XIX в. А потом я увидел то, о чем русская

литература практически не писала, или, во всяком случае, писала совсем не так – о первой любви, «когда мы сначала близки, а потом узнаем друг друга», о сложностях семейных отношений хороших людей в одной семье, о «марксидах» - почти сектантской группе сторонников Маркса. (Напечатать такое в СССР можно было позволить только А.И. Герцену).

Это была умная книга, жанр гораздо более редкий, чем просто хорошая книга. Позже я не мог не заметить и уникальность герценовского языка, отточенность каждой фразы - нечастое явление в русской литературе второй половины XIX в., да и позже.

Музыкальная школа

В отличие от классического случая, когда родители ведут своих чад в музыкальную школу, у меня все получилось наоборот. Играя в доме одного из соседей я услышал, что в Северске открывают музыкальную школу. Услышал и пришел к маме с просьбой, чтобы меня туда записали. Пожалуй, единственное, что меня связывало с музыкой, было наличие в доме старинной немецкой фисгармонии. Собственно, фисгармония была не наша. Она, поломанная, была в доме маминой знакомой, досталась, похоже, вместе со старинным домом. Отец предложил попытаться отремонтировать этот инструмент. Он долго возился, заклеивал мехи, ремонтировал и менял прокладки клапанов – и наладил! Не скажу, что кто-то серьезно играл на ней, но время –от –времени и сестра, и мама пытались подбирать какие-то мелодии. Пробовал и я. Впрочем, хозяева инструмента, увидев его исправным, забрали назад. От фисгармонии осталось только несколько наших фотографий на её фоне.

Мама пошла со мной в только что открытую школу. В ней было два отделения – фортепьяно и баяна. Меня записали в класс баяна после несложной проверки на слух и ритм. На календаре был 1954 год. Я стал второклассником обычной школы и первоклассником музыкалки. Моим преподавателем по баяну был Валентин Александрович Ложкин, прекрасный педагог, позже подготовивший многих выпускников к поступлению в Свердловское музыкальное училище имени Чайковского и в Уральскую консерваторию.

Замечу: обучение в музыкальной школе было платным. Кроме этого, предстояло купить баян. Дело было по советскому дефицитному обыкновению непростым. Но родители смогли мне купить баян – и не такой, какие были в школе, с пластмассовыми корпусами, а прекрасный, почти концертный инструмент с расширенной клавиатурой, с добавленным рядом басов для левой руки. Он был сделан на маленьком полукустарном украинском заводе Кременне. Корпус баяна был деревянным, кнопки и инкрустации на нем были, как уверяли изготовители, сделаны из речных раковин.

Ученик музыкальной школы. 1957 год

Всем был хорош баян, только меня из-за него не было видно. Я возил зимой баян в футляре на санках до музыкальной школы. Весной и осенью баян надо было нести самому

В первый класс музыкальной школы записалось тогда мало детей. Количество учеников сильно увеличилось уже на следующий год. А первыми выпускниками класса баяна было всего два человека – я и мой одноклассник Борис Богданович.

Предметами, которые преподавали нам, были, кроме инструмента – сольфеджио, музлитература, хор.

Хуже всего у меня обстояло дело с сольфеджио. Учебников не существовало, по крайней мере, у нас. Надо было записывать за преподавателем. А что может и способен записать мальчишка второклассник или третьеклассник? Предмет важный, близкий к математике. Да и преподавательница, как я сейчас полагаю, юная выпускница музыкального училища, была хоть и старательной, но абсолютно неискусенной в педагогике работы с малышней.

Другое дело – музыкальная литература. Правда, и здесь надо было записывать, и здесь не было учебников. Но рассказы о композиторах и о их произведениях, большое количество музыки, которое мы слушали – все это превращало уроки в своего рода концерты. Я благодарен преподавателям музлитературы и в особенности директору школы А.Ф. Молокову, который читал мне и Борису Богдановичу историю музыки. Что говорить! Разве я смог бы узнать и почувствовать Моцарта и Гайдна, Баха и Генделя, Глинку, великого Мусоргского, если бы мне не посчастливилось учиться в музыкальной школе! Там я узнал о князьях Эстерхази и Австрийской империи, когда речь шла о Гайдне, о Нидерландской революции из драмы Бетховена «Эгмонт», а «Пиковую даму» и «Евгения Онегина» я прочитал позже, чем прослушал оперы.

Вспоминая детство, мне кажется, что музлитература в известной степени подтолкнула меня к выбору профессии историка. Музыка обладает способностью стать непосредственным мостом между прошлым и настоящим, путем, по которому мы можем пройти, услышать и почувствовать (именно почувствовать!) прошлое.

С инструментом отношения складывались сложно. Старательность моя не слишком добавляла исполнительского мастерства. Честно приобретенная оценка «хорошо» по предмету не оставляла надежд на возможность серьезные занятия музыкой в будущем. Заканчивая шестой класс общеобразовательной школы, я получил первый аттестат об образовании.

Северская школа № 3, где мне предстояло учиться, была совсем новой. Она была построена в 1950 г. и находилась в трех кварталах от нашего дома.

Здание школы № 3. Современное состояние.

Там преподавала мама. Именно в классе мамы я учился в начальной школе – с 1 по 4 классы. Учиться у мамы – учительницы не просто. Кто не был в таком положении – тот не знает. Сын учительницы... Тебя знают все учителя. Никакая шалость с рук не сходит. Да и учиться надо хорошо – сын учительницы. Первые четыре года начальной школы закончились.

Впереди была средняя школа. На смену одному преподавателю приходили учителя по каждому из предметов. Впрочем, всех учителей я знал. Мама моя была одним из центров того, что называлось и звучало в её устах внушительно: педколлектив. Директор школы Леонид Александрович Голубев был фронтовиком, заботливым директором, к тому же человеком пишущим, энтузиастом школьной реформы; завучем и преподавателем математики в старших классах была Надежда Васильевна Липина, её муж – талантливый преподаватель физики Михаил Васильевич Таборов, ученики которого регулярно поступали на физтех, Эльза Александровна Огородникова – немка и замечательный преподаватель немецкого, моя учительница математики в 5-7 классах Елизавета Иосифовна Волоковых. Все они бывали у нас дома.

Школа считалась лучшей в районе, она была признана опытной для реализации принятого в 1958 году «Закона об укреплении связи с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования СССР» Суть этого закона, ослаблявшего прежнюю, принятую после войны систему классического образования, состояла в приближении школы к производству. Третья школа стала базовой для Северского металлургического завода. Школьники должны были получать рабочие специальности и часть времени работать на заводе. Для этого обучение продлялось до 11 лет вместо прежних 10. Завод помог построить хорошо оборудованную механическую мастерскую, где стояли токарные станки, слесарные верстаки, другое оборудование. Мальчишек учили слесарному делу толковые преподаватели. Начиная с девятого класса школьники нашей школы должны были сочетать учебу с производственной практикой в цехе контрольно-измерительных приборов и автоматики Северского металлургического завода.

Мама – вторая в верхнем ряду слева на коллективной фотографии

Но это все для меня было впереди. Пока – учеба. Мне повезло с учительницей истории, которая преподавала в 5 и 6 классах – с Валентиной Михайловной Прудаевой. Мне нравились её уроки, а ей – что мне это было интересно. Она снабжала меня книгами, теми же пособиями для учителей по истории древнего мира и средних веков. К сожалению, в седьмом классе она уже не преподавала – с её астмой трудно было жить в уральском климате. И была замечательная Эльза Александровна Огородникова, немка, учитель воистину от Бога, хотя, кажется, без специального педагогического образования. Эльза Александровна была требовательной без придирчивости, она разучивала с нами песни на немецком, ставила пьески, её ученики, служившие в Германии, присылали книги, немецкие учебники, какие-то роскошно изданные книжки-раскладушки.

Любил биологию, побеждал на школьных олимпиадах, даже ездил в Свердловск на какие-то биологические семинары.

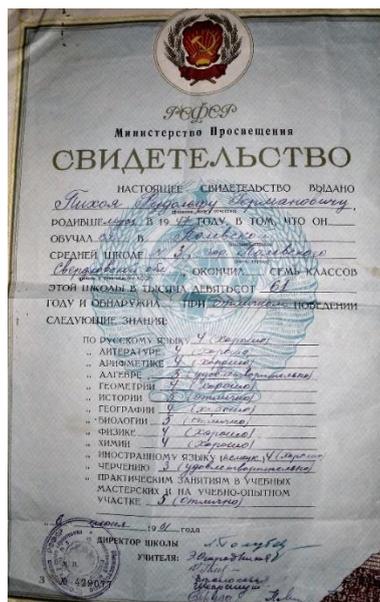
С математикой была беда. Математичка была маминой подругой, мне грех было бы на неё жаловаться – но сути дела это не меняло. Я хронически делал ошибки в простейших арифметических подсчетах. Дело перешло в тихую панику по отношению к арифметике. В шестом классе начиналась геометрия. Смешно вспомнить – я её ждал, так как предмет мне казался интересным. С моим самым близким школьным другом Николаем Вахоным мы рисовали предметы в различных проекциях, устраивали своего рода геометрические головоломки и с удовольствием их распутывали. Но началась геометрия, и всё повторилось... неуспехи в математике отравляли мою школьную жизнь.

Мой друг Николай Вахонин. 1962

Чем дальше, тем больше школа превращалась в необходимую, неизбежную и по большей части неинтересную часть жизни. Это распространялось и на литературу, потому что то, что я читал и вычитывал в книгах, как-то не совпадало с учебным курсом. Я даже не помню, кто преподавал историю в 7-8 классах, так как об истории России я читал много, а учебники для этих классов были прочитаны задолго до того, как по ним следовало учиться.

Настоящей катастрофой для меня стали выпускные экзамены в седьмом классе. Я получил двойку по математике. Это был для меня страшным ударом. Экзамены я еле-еле пересдал осенью.

Закончил семь классов унылым троечником, с пятерками только по работе в мастерской и истории и биологии.

Ракеты: Пауэрс, Гагарин и Куба.

Утро 1 мая 1960 года было просто замечательным. Небо ясное, голубое. Прохладно. Снег сошел недавно. Мы собирались идти на демонстрацию. Колонна учеников и учителей шла от третьей школы, потом – по улице Ленина, чтобы пройти мимо Дворца культуры, где на трибуне стояли директор завода, секретарь горкома партии, другое городское начальство. Вдруг среди людей, которые шли в колонне, начались какие-то странные разговоры. «На зенитные разрывы похоже» - сказал один из мужиков, озабоченно разглядывая белые клубочки, появившиеся в ясном небе. Потом в небе появились следы от реактивных двигателей, но самолетов не заметно. Интересно, что они оставляли не ровные

дорожки, а ломаный след, который заканчивался маленькими белыми плотными шариками. Этих дорожек становилось все больше. Один из таких клубочков подсветился красным цветом.

А дальше мы шли к трибуне, прокричали ура, колонна, пройдя мимо трибуны, как всегда в таких случаях, рассыпалась. Я с моим другом Колей Вахониным пошли в сторону заводского пруда, только очистившегося ото льда и я с жаром обличал разговоры, услышанные в толпе, что сбили самолет. Какой самолет? От нас до любой границы две тысячи километров. И с чего бы ему появиться здесь?

Прошел день, и от нашего одноклассника Толи Мироненко, сына первого секретаря горкома партии, узнали, что в местную милицию привезли корпус ракеты. Ребята, приходившие в нашу школу из деревни Красная Горка, по пути в школу в лесу собирали радиодетали, упавшие с неба. Мы с отцом тоже решили пойти в лес. Отец взял ружье и мы пошли. Радиодеталей мы не нашли, но лес был завален тонкими металлизированными лентами, которые должны были создавать помехи и отражать сигналы радиолокаторов. Наши поиски закончились тем, что мы напоролась на какой-то патруль из гражданских, которые настоятельно посоветовали нам убраться, что мы и сделали.

Почти сразу же стало известно, что стреляли ракетчики, размещенные недалеко от свердловского аэропорта Кольцово – в деревне Косулино. Рассказывали, что Пауэрса гулявшие на празднике деревенские жители приняли за космонавта, едва ли попытались с ним выпить – но разобрались, что - не наш!

Позвонили, куда следует. Продолжение истории я узнал много позже от В.П. Викторова, работавшего тогда в городском управлении КГБ. Он говорил, что главная проблема при задержании Пауэрса была в том, что надо было проехать три сотни метров от здания Свердловского управления КГБ на Вайнера, 4 до улицы 8 марта, которая вела в сторону Косулино. Густая толпа демонстрантов на центральной площади Свердловска – площади 1905 года не давала проехать «Волгам» управления КГБ.

Позже стало известно, что это был высотный самолет-разведчик У-2, выполнявший задание ЦРУ и летавший их Пакистана в Норвегию над всеми стратегическими объектами СССР – Байконуром, Семипалатинским ядерным полигоном, ядерными заводами Урала, космодромом Плесецк. Самолет шёл на высоте свыше 20 км., недоступной тогда для советских самолетов²¹.

Сейчас, когда я пишу этот текст и проверяю свою память с официальной информацией о событиях 1 мая 1960 г., то меня удивляет объем сведений, которые моментально распространились у нас. Это было рядом, свидетелей было многие тысячи. Стало известно, что одной из ракет был сбит наш летчик, который вылетел на перехват Пауэрса, что второй самолет-перехватчик смог вернуться. Рассказывали, что у сбитого советского самолёта отказала сигнализация «свой-чужой». Я отчетливо запомнил это, потому что 5 мая 1960 г. Хрущев выступил с заявлением о том, что американский высотный самолет-разведчик был сбит первой ракетой над Свердловском, а потом, уже 7 мая добавил живописные подробности о летчике Пауэрсе, который остался цел и невредим и будет судим советским судом.

Выступление Хрущева замечательно по ряду причин. Во-первых, его словами, что сбит самолет первой (следовательно-единственной) ракетой. А мы видели их много. Во-

---

²¹ Отдельная тема, которую я открыл для себя много позже, это предложения маршала Жукова, сделанные в 1957 г., заключить с американцами соглашение об открытом небе – легальной возможности проводить авиаразведку советскими самолетами – над территорией США, а американскими – над СССР. Хрущев с гневом отверг это предложение, обвинив Жукова чуть ли не в измене. Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001

вторых, он ни словом не упомянул о нашем летчике, который погиб при попытке сбить Пауэрса²². В-третьих, Никита Сергеевич с воодушевлением острил, что у Пауэрса были, в частности, советские деньги, которые он, по всей вероятности, хотел обменять на новые, но перепутал, забыв, что обмен денег в СССР начнется только с 1 января 1961 г.

Я слушал это выступление по радио. В напечатанном тексте Хрущева отредактировали, заменили «первую ракету» на «ракету», опустили часть его острот в адрес США и Пауэрса. Сличения устных выступлений первого секретаря ЦК КПСС и его же текстов речей, изданных в газетах на второй день, едва ли не стали моим первым опытом источниковедческого анализа. Слова такого – источниковедческий анализ – я не знал, но то, что Хрущев привирал, было ясно.

О том, что события 1 мая 1960 г., требование Хрущева к Эйзенхауэру – извиниться за полет Пауэрса – привело к срыву Парижской мирной конференции, а инцидент в небе над моим родным Северском – к обострению холодной войны – я не знал.

Хорошо помню апрельскую радость 1961 года – полёт Гагарина в космос. Радость была воистину всенародная. О ней возвестил великий диктор, голос страны, её радостей и бед – Юрий Левитан.

А через полтора года, в октябре 1962 – он же, голосом, в котором звенел военный металл, объявил о начале кубинского кризиса, вызванного размещением советских ракет на Кубе. 23 октября в 16 часов по радио было зачитано Заявление Советского Правительства. В ответ на «провокационные» и «агрессивные» действия правительства США, говорилось в Заявлении, приказано:

«1. Задержать увольнение в запас из Советской Армии военнослужащих старших возрастов в Ракетных войсках стратегического назначения, в войсках противовоздушной обороны и на подводном флоте.

2. Прекратить отпуска всему личному составу.

3. Повысить боеготовность и бдительность во всех войсках». Было сообщено, что приняты меры повышения боеготовности войск Варшавского Договора».

Появление Левитана в эфире после позывных «Широка страна моя родная...» почти всегда означало, что в стране произошло что-то исключительно важное.

В полную боевую готовность по приказу министра обороны СССР приводились ракетные войска межконтинентального и стратегического назначения на территории СССР, зенитно-ракетная оборона страны и истребительная авиация ПВО, стратегическая авиация; в повышенную боевую готовность — Сухопутные войска, часть сил и средств ВМФ СССР. Были задержаны увольнения из СА и ВМФ старших возрастов в РВСН, войсках ПВО страны и на подводном флоте; задержаны обычные отпуска личного состава.

А как это сказалось на нашу повседневную жизнь? А никак. Тревога была. Но она прошла очень скоро. Не помню, чтобы кто-то всерьез верил в то, что американцы будут бомбить СССР. Пожалуй, главный результат, который остался – это появление симпатии к молодому красавцу Д. Кеннеди.

И последнее. Это похороны Кеннеди, которые впервые показывали в прямом эфире, по спутнику. Отец крутил телевизионную антенну, настраивая приём, чтобы на экранах через помехи, появилась скорбная колесница, вдова с маленькими детьми. Появилось человеческое измерение восприятия другой страны, которую десятилетиями представляли как главного врага.

...

²² Это был старший лейтенант Сергей Сафронов, награжденный посмертно.

В восьмом классе я если и занимался, то немецким. Сложилось какое-то параллельное бытие – я очень много читал, замещая этим нараставшую пустоту школьного ученичества. Восьмиклассников должны были принимать в комсомол. Мы с Колей Вахониным решили – если комсомол – политическая организация, то прием туда не может происходить скопом – и не стали вступать в комсомол.

А в конце 8 класса мы все проходили медосмотр, необходимый для того, чтобы с 9 класса начать проходить производственную практику в цехе контрольно-измерительных приборов и автоматики Северского завода. Врачи установили – у меня – близорукость в такой степени, которая исключает допуск к работе в этом цеху. Следовательно, учиться в 9 классе третьей опытной школы я не имел права.

Честно говоря, я и не понял толком, что произошло. Мама постаралась сразу же отправить меня инструктором по фотографии, помощником пионервожатого в заводской пионерский лагерь на полтора месяца. Когда я вернулся из пионерлагеря, со своей первой в жизни работы, сказала, что дальше я буду учиться в школе рабочей молодёжи.

Школа оставила сложную память. Школа № 3 была частью моей жизни, моего детства, даже моей семьи. Там были одноклассники - друзья детства. Все учителя были нашими добрыми знакомыми. Но как-то случилось, что обучение в школе и моё самообучение шли параллельно и, как не удивительно, практически не пересекались.

Детство закончилось.

III. ШКОЛА РАБОЧЕЙ МОЛОДЁЖИ, БРИГАДА АРМАТУРЩИКОВ.

ШРМ и история с математикой.

Я не знал, что пока летом работал в пионерлагере, мама пыталась устроить меня в школу. В третью – нельзя, не прохожу по медицинским показателям, других школ в Северске тогда не было. На работу взять не могли – мне не было 16-ти лет. В конце - концов заведующий районным отделом народного образования И.М. Порошин разрешил мне учиться в школе рабочей молодёжи.

Первого сентября 1962 года я пошел через весь Северск, где рядом с Дворцом пионеров, в прошлом – Троицкой церковью находилась школа рабочей молодёжи

Здание школы рабочей молодежи

Думаю, прежде это здание, явно школьное и дореволюционной постройки было школой при церкви.

Школы рабочей молодёжи (ШРМ) существовали в СССР с 20-х годов для обучения молодых рабочих без отрыва от производства. В Северске такая школа появилась в 1944 году. Другое название таких школ – вечерние. Занятия проходили в две смены. Те ученики, которые работали во вторую смену, приходили в школу к восьми утра; их одноклассники, которые работали в первую смену – вечером. Утром, обычно, в классе было 3-5 человек; вечером – человек 20-30.

Я пришел в девятый класс и с первых дней понял, что там все не так, как в моей прежней школе. Моё положение осложнялось тем, что в ШРМ учились десять лет, а в моей прошлой школе преподавание длилось 11. Со взрослыми учениками (а большинство учащихся были заводские парни лет 25-30) отношения учителей были совсем другими. Преподавательница истории, только что попавшая на Урал по распределению из Краснодара, с ужасом рассказывала о том, как она стала свидетельницей беспорядков в Новочеркасске, вызванных повышением цен и расстрелом рабочих.

Учительница математики, молодая, веселая женщина, с ярко накрашенными губами, совсем не похожая на прежних учительниц, для начала установила, что я не знаю то, что уже проходили мои новые одноклассники.

Но как это получилось, что у меня пропал страх перед математикой? Может быть, благодаря тому, что в классе в первый год, когда я не работал, было мало учеников и у неё было больше времени объяснять. А может, и сама учительница, посмеивавшаяся, перекидывавшаяся совсем не детскими шутками со своими учениками – её сверстниками перестала быть в моих глазах суровым экзекутором? А скорее всего, она была просто талантливым учителем, настолько талантливым, что она не совпадала ни с какими

стандартами советского педагога. У меня не только прошёл страх перед математикой. Более того – она стала занимательной, увлекательной, позволявшей находить различные пути решения задач. Занимала сама цель – решить задачу, именно задачу, а не очередное школьное упражнение на оценку. Позже, уже в 10 классе, вечером, когда класс был полон, она спрашивала – «Так, задача решается вот таким способом. А как там Пихоя решил?» И я лез из кожи вон, отыскивая (и находя!) иное решение.

Мне исполнилось 16 лет и я заявил, что буду устраиваться на работу.

Стройка.

После долгих препирательств дома, нежелания мамы, чтобы я пошел на работу, моих заявлений, что пойду работать на заводе, отец взял дело в свои руки - «Пойдешь работать ко мне в бригаду».

В августе 1963 года я с отцом пошел наниматься учеником арматурщика в первое строительное управление треста «Северкстрой». Отец привел меня к начальнику стройуправления, который в войну был его подсобником, тоже стройбатовцем. Тот сказал, добавив веселый матерок, что работы много, на всех хватит.

И это была правда. В ноябре 1959 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совмина СССР о строительстве трубоэлектросварочного цеха в Северском металлургическом заводе. В конце того же года Совет экономического взаимопомощи – экономическое объединение социалистических стран Восточной Европы – принял решение о строительстве нефтепровода «Дружба». Для нефтепровода требовались трубы большого диаметра. Их намеревались закупать в ФРГ, у нескольких германских фирм, в том числе у «Маннесман». Однако в ноябре 1962 г. страны НАТО, под давлением США, ввели запрет на поставку этих труб для СССР. В этих условиях строительство цеха, где должны были производиться отечественные трубы, пригодные для нефтепровода, а именно его и строили в Северске, оказывалось приоритетным. Строительство трубного цеха № 1 Северского металлургического завода было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

Отец привел меня на арматурный двор. Это был навес, под которым стоял длинный дощатый верстак, мощное устройство для резки арматурного железа, гибочный станок, с помощью которого делали заготовки для монтажа арматуры. Рядом с навесом были связки арматуры различного диаметра, устройство для размотки рулонов 6 и 9-миллиметрового прутка, вытягивания и выравнивания так называемого распределителя - относительно тонкой арматуры, на которую крепилась более мощная.

Там же, под навесом, была железная бригадная бытовка. Внутри её стоял стол, вдоль стен – черные деревянные скамьи, в углу – электрическая печка – «козёл» - кусок асбоцементной трубы на ножках, обмотанный нихромовой проволокой. В холодное время печка мгновенно нагревала воздух. В бытовке становилось тепло и хотелось спать.

Оформившись на работу, пошел получать спецодежду, которая полагалась нам, арматурщикам, и сварщикам. Это был целый гардероб.

Он включал:

- широкую брезентовую куртку и такие же штаны;
- ватник и ватные штаны;
- грубые кожаные ботинки с металлическими носками и валенки.
- брезентовые рукавицы с накладками на ладони из брезента или из кожи.

Тут же, на складе, я получил основной инструмент, с которым предстояло работать – арматурные кусачки.

Брезентовую одежду выдавали на год, ватник со штанами – на два, а рукавицы

выдавали каждый месяц.

Замечу, что брезентовая куртка, действительно сделанная из крепчайшей ткани, через полгода была изодрана железом в клочья, оставшиеся пуговицы прикручивали тонкой проволокой, а цвет куртки из светло-соломенного превращался в почти черный от ржавчины. Новые рукавицы от постоянного контакта с ребристыми арматурными прутьями разваливались через пару недель.

А кусачек дома было много. Можно было выбрать те, которые лучше подходили к руке.

Работа.

Моя работа, как и других арматурщиков, распалась на несколько частей.

Прежде всего, следовало заготовить арматуру. В соответствии с чертежами, её надо было разрезать на прутья необходимой длины, согнуть и заготовить многочисленные кронштейны – «лягушки», которые должны были держать арматурную сетку на определенном расстоянии от опалубки.

Надо было отжечь вязальную проволоку. Бухту стальной проволоки бросали в жаркий костер и держали там, пока металл не раскалялся докрасна. Потом бухту бросали в снег, если зимой, или в воду, когда снега не было. Отожженная проволока утрачивала углерод и становилась мягкой, пластичной. Тонкая корочка окалина, покрывавшая проволоку, иногда при сгибании отскакивала и могла впитаться в кожу. Каждый арматурщик отматывал от бухты проволоки несколько метров для предстоящей вязки арматуры.

Дальше следовало доставить заготовки. Основную часть заготовок отвозили на место будущей работы на грузовике или грузовом мотороллере. Пучки длинных круглых прутьев 6 или 9 миллиметрового диаметра, которые не помещались в грузовик, предстояло отнести на своих плечах. Обычно приходилось нести трем-четырем человекам, это зависело от длины прутьев. Нести надо было иногда далеко – от нескольких сотен метров до километра. Отец сначала пытался запретить мне носить железо – я, 16-летний, официально числился «малолеткой», то есть мне не разрешалось поднимать больше 20 килограммов. Но я последовательно нарушал отцовские запреты, стараясь не уступать взрослым, и отец в конце-концов махнул рукой. Заготовки приходилось переносить, как правило, ежедневно утром, к началу работы, и после обеда.

Монтаж арматуры. Ручная вязка применялась там, где невозможно было применить стандартные железобетонные конструкции. Это была подготовка фундаментов для оборудования будущего трубосварочного цеха, разнообразных колонн, огромных цистерн для технологических жидкостей. Задача арматурщика состояла в том, чтобы арматурной проволокой связывать куски металла и создавать «скелет» будущего сооружения.

Я скоро научился работать не хуже других. Научился, когда заканчивались перекуры, встать на несколько секунд раньше, чем старший скажет – кончайте курить, разбирался в арматурных чертежах, на взгляд мог определить диаметр арматуры и её марку, а главное – вязать.

Арматурная вязка – отчасти искусство. Я присматривался, как это делал отец, другие парни из бригады. Надо было «разложить» кажущиеся нехитрыми движения, научиться выполнять их правильно и точно. И еще красиво. Я как-то спросил отца – зачем надо делать

каждый узел ровным, не оставлять «хвостов» проволоки, ведь всё равно все будет залито бетоном и никто и никогда не узнает, как была выполнена работа.

Отец, похоже, и не понял моего вопроса. Просто работу надо делать красиво.

Крайний справа – Виктор Бондаренко, в центре – отец. Сентябрь 1963 г.

Бригада.

Бригада отца была комсомольско-молодёжной и первой в тресте «Северкстрой» бригадой коммунистического труда. Все эти слова сегодня кажутся абсолютным анахронизмом, утратившим всякий смысл, кроме антикварно-комичного. Попытаюсь вернуть им то содержание, которое существовало в 1962-63 гг. Объявление стройки комсомольско-молодёжной означало, в частности, что солдатам, которым предстояла демобилизация, предлагали ехать на такие стройки. Парням из деревень, вчерашним колхозникам, которым до армии и паспорта-то не выдавали, появлялась возможность уехать в город, им гарантировали место в общежитии и обещали со временем квартиру. Демобилизованные солдаты ехали на такие стройки.. На стройке получить квартиру для семейных было относительно просто. Так и получалось.

Из таких молодых ребят отцу поручили сделать специалистов. Он их и учил. Бригада была небольшой – человек 8-9, Местных было трое – отец и еще два Рудольфа – Рудольф Чурин, недавно демобилизованный матрос Черноморского флота и мой тёзка из Полевского. Остальные 5-6 человек – недавние солдаты.

Ребята эти жили в общежитии, вполне приличном для того времени, но скучали по домашней жизни. Они нередко приходили к нам домой, мама их кормила, они готовились к сдаче норм на повышение профессионального разряда, с помощью отца и матери разбирались во всяких технических подробностях, читали справочники, (и для мамы, и для отца это было обычным делом). Когда отец взялся ремонтировать дом, то парни в свободное время помогали нам. Отношения в бригаде не были только служебными. Было нечто иное – полусемейное, полусоседское, но очень неформальное и доброе. Другое дело – работа. Там отец был командиром, требовательным и не дававшим спуска в тех случаях, когда работа по каким-то причинам не делалась, как следует. «Надо – значит надо!» - эти слова мы слышали неоднократно. Да и он сам мог работать за троих, а мужики это понимали и уважали.

Кстати, никогда и никто не позволял себе выпить на работе, не говоря уже о том, чтобы выпивать вместе. Отец это пресекал, что называется, на корню. Трезвенниками никто из них, в том числе и отец, не были, и в праздники мимо рта не проносили, могли и крепко

выпить – но не на работе²³.

Было и еще одно обстоятельство, заставившее недавних солдат самоорганизовываться. Другим контингентом, который посылался на стройки, были «химики», уголовники, осужденные на небольшие сроки и направленные на «стройки народного хозяйства». С их появлением резко возросла уличная преступность, драки, в ход шли кастеты и ножи. Вчерашние солдаты терпели это не долго и скоро появились самостийные патрули, придавившие хулиганство. Потом их стали именовать «народными дружинами». Не знаю, как в других местах, но здесь, в заводском поселке стремление навести порядок пошло, что называется, снизу.

Отцовская бригада, состоявшая из молодых парней, хорошо работавших, дисциплинированных, была объявлена «бригадой коммунистического труда». Один из парней, Виктор Филин, в армии вступивший в партию, стал комсоргом ЦК ВЛКСМ на строительстве нашей ударной комсомольской стройки, другой – Рудольф Чурин, лихой морячок, был делегатом профсоюзного съезда. Но не так всё было просто. Виктор Бондаренко, парень из брянской деревни, наотрез отказался считать себя членом бригады коммунистического труда. В бригаде он работал, и работал здорово, но соответствующее удостоверение отказался принимать.

Вообще на первых шагах движение коммунистического труда несло на себе отпечаток старинной артельщины, взаимных обязательств, общей ответственности, снабженных изрядной долей моральных обязательств – как в работе, так и в житейских делах.

Впрочем, сохранялось это недолго. Административно-политический восторг партийных органов, похоже, разбил хрупкую оболочку нового явления – явления, отчасти базировавшегося на общинных ценностях, отчасти на вере в светлое коммунистическое будущее. Может быть, именно в нем тогда снизу пробивались ростки гражданского общества. Да не тут-то было. Способность государства формализовать, опошлить, разменять на флажки и вымпелы с надписями - бригада (участок, управление, отдел) коммунистического труда была несокрушима и безгранична. Это движение захлебнулось в бюрократическом потоке, едва появившись.

Мне было интересно с этими парнями, которые были старше меня лет на десять. У большинства из них отцы погибли на фронте. Они с детства работали, кажется, почти у всех не было среднего образования – учиться было некогда. Они много рассказывали о службе в армии. Похоже, что это было их самым ярким событием в жизни. Там были парни, служившие с теми солдатами и офицерами, которые участвовали в событиях лета 1953 года в Берлине и во время Венгерского восстания 1956 г. Я не могу сейчас объяснить, почему они часто рассказывали об этих событиях. Может быть, просто потому, что я слушал их и хотел слышать, а может быть, им просто некому это было рассказывать. О 1953 годе они говорили, как о прямом продолжении 1945. И говорили чуть ли не с чувством удовлетворения. Другое дело – Венгрия. В их рассказах – то ли участников, то ли со слов свидетелей-сослуживцев был ужас за произошедшее, за размотанные танковыми гусеницами человеческие тела. Ощущалось, что они не понимали, зачем это? Да, они говорили, как венгры бросали с верхних этажей в кузова бронетранспортеров гранаты и солдаты гибли в этой стальной коробке, как стреляли по нашим, но оставалось неясно – а зачем мы там?

---

²³ Когда я стал преподавать в университете в начале 70-х гг., то столкнулся с тем, что каждый праздник и любой повод использовался для того, чтобы выпить на кафедре.

Слева направо: Гриша Мингазов, следующего не помню, отец, Рудольф Чурин, Виктор Бондаренко

С ребятами из бригады я сдружился. Да и они относились ко мне хорошо, видя, что я не халтурю, не отлыниваю, работаю наравне с ними. Они были разными. Гриша Мингазов, татарин из чувашской деревни обладал явным инженерным талантом. И отец был мастером на всякие усовершенствования. Но Гриша превосходил всех. Он был способен на перекурах или в обед что-то гнуть, выкраивать из кусков железа с тем, чтобы вскоре показать какое-то придуманное им устройство, облегчавшее и ускорявшее работу. Потом, позже, он закончил техникум, вернулся на родину, стал успешным председателем колхоза, приглашал отца и маму в гости.

Рудольф Чурин был местным, из маленького поселка горняков на другом берегу Северского пруда - Зюзелки. Невысокого роста, коренастый, очень сильный, с резкими движениями и развевающимися кудрями, в неизменной тельняшке он был всегда на виду. Чурин был парнем сложным. Он умел и любил красиво одеться, быть модным и современным; виртуозный матерщинник, он очень хорошо ощущал границу возможности применения этого умения и никогда её не нарушал. Он был заместителем отца в бригаде. Как я уже писал выше, именно Чурин стал делегатом съезда профсоюзов. Уверен, он бы мог, при желании, сделать карьеру в профсоюзах или в партии. Тем интереснее, что Чурин не вступал в КПСС, без чего такой карьерный рост был невозможен.

Совсем другим был Виктор Бондаренко. Высокий, сутуловатый, сильный, как все арматурщики, он был явным мизантропом. Он открыто не любил начальство, возмущался количеством дармоедов, которые сидят в тресте «Северскстрой» и зарплату для которых надо зарабатывать.

Рабочий день для меня начинался в 6 утра, когда надо было встать, умыться и надеть спецодежду – теплую рубашку, ватные штаны, потом – портянки на ноги, сапоги, уже поверх их широкие брезентовые штаны, затем – ватник и поверх его – брезентовую куртку. Потом – до остановки автобуса, чтобы доехать километра четыре до остановки «Стройуправление». Оттуда, через заводские железнодорожные пути – на арматурный двор. Короткая разрядка – и начало работы. Хорошо – если ты на заготовке, в арматурном дворе или надо что-то доделывать в трубоэлектросварочном цехе, который запускали в конце 1963 года. Там было сухо и относительно тепло. Не очень хорошо – на улице, где мороз под минус двадцать, а работаешь с железом. Совсем не здорово, когда в котловане под ногами грунтовая вода смешивается со снегом, а надо вязать фундамент или колонны.

В 12 – обед. Обычно за полчаса делегировали кого-то из бригады, чтобы занимал очередь на всех. Столовая была в здании стройуправления. Обед – винегрет или капустный салат, суп, котлета с картофельным пюре, или рубленый бифштекс с яйцом, кофе с молоком или компот. И вкусная выпечка – пирожок с капустой, ватрушка со сметаной. Всё

удовольствие – копеек 60-80.

Ребята из бригады ворчали – раньше хлеб на столах стоял бесплатно. Можно было, истратив сдуру в общежитии все деньги, взять за пять копеек три стакана чая, сесть за стол и есть хлеб с горчицей. Так можно было перебиться пару дней до зарплаты. Но жаловаться нам было грех. Рабочие столовые снабжались совсем неплохо. В 1962-1963 году начались серьезные перебои с продуктами. Мяса в открытой продаже не стало, время-от-времени возникали перебои с хлебом. В столовых все это было.

Впрочем, перебои были не только с мясом. Вернувшись после обеда в бытовку, мужики искали, чтобы закурить. Но курево пропало из продажи! Любое! Для курильщиков это – беда. Грех сказать, искали окурки, валявшиеся в углах бытовки и, собрав остатки табака, крутили самокрутки. Никиту Сергеевича Хрущева без мата не поминали. На фоне официальной прессы, прославлявшей успехи в космосе, родился анекдот, смысл которого был злободневен до полного непонимания теперешним поколением.

Вот он: «Американцы прилетели на Луну и спросили у жителей луны-лунатиков:

– «Мы первые?»

Лунатики ответили: «Нет, тут уже какие-то босые, небритые, закурить просили»

И всем было смешно и понятно. Ясно, что это – русские. Босые – потому, что из продажи пропали носки, небритые – бритвенных лезвий не стало, а табак в России просто куда-то исчез.

Перерыв на обед заканчивался, надо заставить себя быстро встать (а из тепла на холод не хочется!) и идти на работу.

Рабочий день для меня по малолетству заканчивался на час раньше.

В четвертом часу я уже ехал домой, там – умыться, переодеться – и – к 6 часам вечера - в школу.

Школа рабочей молодёжи. Действие второе.

Если в девятом классе я учился по утрам, а в классе редко было больше пяти человек, то десятый класс был совсем другим. Вечером собиралось человек 20-25. В 1963-1964 учебном году в школе было два выпускных класса. Отношение ко мне и учителей, и моих одноклассников было простым и понятным – как ко всем. Большинство учеников – заводские парни, старше меня лет на 8 - 10, отслужившие в армии. Среднее образование могло пригодиться для того, чтобы поступить на заочное отделение филиала Нижнетагильского горно-металлургического техникума, в Северске был консультационный пункт Уральского политехнического института, можно было поступать на заочное обучение в УПИ. Сверстник у меня был только один – парень, который учился в фабрично-заводском училище.

Учиться со взрослыми было намного интереснее. Я уже писал, что математика стала для меня самым увлекательным предметом. Математика помогла мне с химией – атомные веса, валентность – это делало для меня понятным этот предмет. Молоденькая учительница истории и обществоведения, недавняя выпускница пединститута читала нам обществоведение, центральной темой которого была пропаганда Программы КПСС – строительства коммунизма в СССР. Ей было не позавидовать. Мужики откровенно веселились над сказками официальной пропаганды. Хуже другое. Она должна была еще преподавать немецкий, но языка она не знала и иностранный язык у нас просто отменили. Это было очень плохо.

Зато повезло с русским языком и литературой. Его преподавала И.М. Огоновская. Она любила литературу. У нее было личное отношение к литературному наследию. Я помню споры и прямо-таки поэтические дуэли, которые вспыхивали на уроках между

сторонниками Есенина, которого знали и почитали некоторые из моих новых одноклассников. Огоновская знала, прямо сказать, не хуже и цитируя Есенина, представляла его как безответственного, но талантливого человека, потерявшего и потерявшего самого себя. В споре не было директивных указаний – хорошо или плохо, да и не прошло бы это в нашей среде. Но было личное, глубоко личное неприятие Есенина как человека. Замечу – и мне досталось. Я отчаянно увлекся ранним Маяковским. Я открыл для себя его «Облако в штанах», учил наизусть «Христофор Колумб» с его:

*«Идут,
 посвистывая,
 отчаянные из отчаянных
 Сзади тюрьма.
 Впереди — ни рубля.
 Арабы,
 французы,
 испанцы
 и датчане
 лезли
 по трапам
 Колумбова корабля».*

Да и его стихи о любви, когда
*«Любить
 - это значит:
 в глубь двора
 вбежать
 и до ночи грачьею,
 блестя топором,
 рубить дрова,
 силой своей
 играючи»*

Всё это – по молодости, по ощущению своей силы было близко мне. И когда уже апреле 1964 года, накануне выпускных, написал сочинение по Маяковскому – не гению соцреализма, а человеку мятущемуся, сильному и не очень счастливому – кажется, первому в жизни собственному сочинению – я получил 5 – по грамматике и 3 – по содержанию.

Но не обиделся. Это для меня стало признанием моей личной позиции.

О русском языке – отдельно. Огромное спасибо Изабелле Михайловне Огоновской за то, что она, вопреки всем учебным планам, «глушила» нас, едва ли не еженедельно, диктантами. Благодаря этому она выучила, выдрессировала, по крайней мере у меня, практически абсолютную грамотность.

Там, в школе, у меня появились новые друзья. Это был немец Володя Трайзе, водитель тяжелого грузовика-самосвала «Татра», спокойный, большой, с которым мы готовились к выпускным экзаменам. Володя поражал меня тем, что он в одной газете

умудрялся по три месяца приносить на уроки учебники (это под снегом и дождями!). (Сразу же замечу – ходить с портфелем, как школьники, нам было неприлично, но мне газеты, в которые заворачивал тетради и учебники, еле хватало на два раза). Я помогал ему с русским. На выпускном сочинении, которое мы писали без бдительных контролёров, он попросил проверить его текст. Я проверил, исправив много ошибок. Володя, посмотрев, сказал: «Никто не поверит, что я написал без ошибок. Ты сделай так, чтобы вышло на тройку». Я переправил.

Другим моим приятелем был Виктор Конаков. Он работал на заводе, был уже человеком семейным, увлекался тяжелой атлетикой. Я ходил вместе с ним в тяжелоатлетическую секцию, занимался штангой, легко выжимая собственный вес.

Весна 1964 г. Снимал В. Конаков

Перед экзаменами по совместному требованию отца и мамы я уволился со стройки.

Когда я оформлял документы на увольнение, бродил по стройке с обходным листом, мне встретился Виктор Филин – я уже писал, что знал его как члена отцовской бригады, ставшего комсоргом ЦК ВЛКСМ. Он спросил: «Куда собираешься поступать?» Я сказал, что на исторический, в университет. Когда он узнал, что я не комсомолец, то объяснил, что без комсомольского билета могут и не принять и тут же написал рекомендацию и отвел, чуть не за руку, на заседание комитета комсомола стройки, где меня и приняли. Спасибо Виктору!

Экзамены прошли. Для двух наших выпускных классов завком завода организовал выпускной вечер, который проходил в городском Дворце культуры. Мои одноклассники вместе с выпускниками параллельного класса до 4 утра, до рассвета, отмечали это событие.

Моя любимая учительница математики в перерыве между выпиваниями, закисываниями, тостами и танцами подошла ко мне и спросила:

- «Куда будешь поступать?

- На исторический, ответил я.

- Ну и дурак! – со свойственной решительностью заявила она. - Ты же лучший математик школы!»

***

Не было несчастья, да несчастье помогло.

Эта пословица лучше всего подходит для того положения, когда меня выкинули из школы № 3. Мне повезло с отцом, который дал возможность работать, как все, с мужиками в бригаде. Благодаря этому я стал человеком самостоятельным, знающим, как честно зарабатывают деньги, приобрел на всю жизнь уважение к труду. Я научился уважать других и понял, за что будут уважать меня.

Мне повезло с учителями, потому что именно в школе рабочей молодёжи, с моими взрослыми одноклассниками я получил опыт и привычку к самостоятельной работе и самообучению.

В 17 лет я закончил школу, на год раньше моих сверстников. Конечно, я был взрослее их.

Впереди были новые испытания. Вступительные.

IV. СТУДЕНТ ИСТОРИЧЕСКОГО

На пути в университет.

Почему я захотел поступать на исторический факультет? Решение вызревало постепенно. Был повод, когда я объявил, что хочу быть историком. Повод был сам по себе довольно случайным. Мой приятель и сосед Виктор Федоренко, закончив школу, пришел ко мне отметить это событие. Виктор, очень серьезно занимавшийся физикой, уже тогда читавший учебники Ландау-Лифшица, готовившийся к поступлению на физтех Уральского политехнического (и поступивший, позже закончивший аспирантуру и защитивший диссертацию), с увлечением рассказывал о перспективах физической науки. Он спросил и меня – где я собираюсь учиться после школы. Я сказал – на историческом, а потом хочу поступить в аспирантуру. Может быть нахальная смелость объявить это в присутствии свидетеля и заставила меня запомнить это заявление, сделанное в 1963 году, тогда, когда меня ждала стройка.

Было бы естественно, если бы я захотел учиться на строителя, мог стать учителем – по следам мамы. Наконец, было много возможностей получить высшее образование по специальностям, в которых нуждался Северский металлургический завод – это различные способы обработки металла, металлургия стали и сплавов, горное дело... Уральский политехнический институт был главным вузом, куда поступали мои друзья и сверстники.

Никакого отношения к истории никто из моих близких и дальних знакомых того времени не имел. Северск был хорошим заводским поселком, но уж историческим населенным центром в глазах его жителей он явно не был. Я уже писал, что помню только одну учительницу истории, для которой её предмет был интересен – это Валентина Михайловна Прудаева, учившая в 5 и 6 классах. Очень много читая, я совершенно не знал об историках России прошлого. Читал военного историка П.Жилина о войне 1812 года, но представления не имел о Е.В. Тарле, знал о раскопках Г.Шлимана в Трое, А. Эванса на Крите, но не слышал о раскопках А. Арциховского в Новгороде. Не знал о С.М. Соловьеве и В.О. Ключевском, а о Н.М. Карамзине – только злую эпиграмму, опубликованную в Хрестоматии.

Но история манила меня прежде всего своей необычностью, непохожестью на обычную жизнь. Не я был первым, кого романтика археолога, историка древности привлекала как своего рода синтез страсти к путешествиям, новым местам, к приключениям и находкам. Повторюсь, что одна из возможных причин моего увлечения историей – уроки музыки, музыки, способной создавать и заставлять, хотя бы ненадолго, прочувствовать прошлое.

Я отыскал справочник для поступающих, в котором вычитал, что исторический факультет существовал в Уральском университете. Узнал и экзамены, которые предстояло сдавать – история России (устно) сочинение и русский письменный.

Мне удалось купить двухтомную историю СССР²⁴, которая была написана другим, не школьным языком, к тому же она была полнее и интереснее, чем учебники. По ней я и собрался готовиться к экзаменам. Способом контроля за прочитанным стали выписанные мной хронологические таблицы, рассованные по всем карманам.

К русскому языку и литературе я не готовился. Это было легкомысленно, но тогда я этого не понимал. Конечно, ни о каких репетиторах даже и мысли не было, да я и не знал об их существовании. Родители не вмешивались в мои планы. Думаю, еще и потому, что, по их мнению, если бы я не поступил в этом году, то на следующий год мне будет только

²⁴ Краткая история СССР : в 2 ч. - М.-Л. : Издательство Академии наук СССР. Ленинградское отделение. Ч. 1 : С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Ред. коллегия: И. И. Смирнов (отв. ред.) и др. - 1963. - 536 с., Ч. 2 : От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней / Ред. коллегия: А. М. Самсонов (отв. ред.) и др. - 1964. - 632

18 – год в запасе, можно и попробовать.

Вступительные экзамены на исторический факультет были назначены на 1 августа 1964 г. Северск был недалеко от Свердловска, километрах в сорока, но тогда, в 1964 году, нормальная дорога не была построена. Маленький автобус ПАЗ тащился по пыльной дороге часа три-четыре; по железной дороге – едва ли не дольше. Обратно, из Свердловска, поезд уходил в 6 часов вечера, к десяти он подходил к станции Полевская, и к 12 ночи я добирался до дома. Так не наездишься. Поэтому надо было устраиваться на время в Свердловске. Асфальтовую дорогу наладили только в 1965-1966 гг., тогда дорога на автобусе занимала около часа.

Приехав в город, нашел улицу главный корпус университета, на Куйбышева, 48. Там в приёмной комиссии я получил кучу бумаг, которые должен был передать уже в другое университетское здание – на улицу 8-е Марта, 62, чтобы там получить направление на жильё. Абитуриентов было много, мест в общежитие – мало, поэтому парням жить было предложено в спортзале, зале для фехтования. На полу были постелены матрасы, выдали простыни. Парни, среди которых было много демобилизованных солдат, курили, читали, валялись на матрасах, уходили пить пиво на рынок.

*Фамилия
Имя
Отчество*

Ректору Уральского государственного университета
имени А. М. Горького

От Михаил Рудольфович Терлановича
(фамилия, имя и отчество)

проживающего Свердловский район, Мавровский
(точный адрес)

р-он Северный, Яковлевского 18

окончившего Ю. Масеев Свердловский сред-
ний школьный рабочий молодёжи

З а я в л е н и е

Прошу допустить меня к приемным экзаменам для поступления на исторический
факультет по специальности археология.

В общежитии нуждаюсь
(нужаюсь, не нуждаюсь)

На испытаниях буду сдавать _____ язык.

Мой паспорт серия XXVII ЭВ № 538112 выдан Северный Ю. Яковлевского р-она
(наименование отделения милиции)

Свердловский обл 1963 г. сроком на 5 лет лет.

К заявлению прилагаю следующие документы:
1. Автобиографию. 2. Документ об образовании. 3. 4 фотокарточки. 4. Справку с места работы.
5. Характеристику с места работы. 6. Медицинскую справку. 7. Справку с места жительства.

8. 7/8 _____ 1964 г. Подпись Терланов

Заявление в приёмную комиссию Уральского университета

Постепенно я начинал узнавать, куда я поступаю. Прежде всего, выяснилось, что знаю я меньше многих. Там были ребята, которые уже поступали раньше и от них можно было услышать фамилии Ключевского, Соловьева, о которых я прежде и не слышал. Полагалось принять на дневное отделение 50 человек, кроме этого – 50 - на вечернее и 100 – на заочное²⁵. Выяснилось то, что абитуриенты делились, грубо говоря, на две неравных части. Первая – «производственники», к которым относились солдаты и те, кто имел производственный стаж не менее двух лет. Вторая – «школьники». Среди них – выпускники 1964 года и те, кто уже работал, но стаж был меньше двух лет. Согласно тогдашней политике в области образования преимущество в поступлении отдавалось «производственникам». Для этих двух групп были разные пороги поступления, разные конкурсы. Тридцать мест на дневном отдавалось «производственникам» - в основном вчерашним солдатам, а двадцать – школьникам. Конкурс для «школьников», к которым относился и я, был 25 человек на место.

²⁵ Черноухов А.В. Исторический факультет Уральского государственного университета : 1956-1970. Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 2013. С.

Мне оставалось только одно – сидеть и читать свою краткую история СССР. Волновался? Наверное. Но и намёка на панику не было. Может быть, сказывалась уверенность в себе, полученная за два года учебы в ШРМ. Ну, не поступил бы – пошёл на работу, на стройку, но на следующий год обязательно поступлю. Да и намёка не было на давление на меня родителей. Это было моё дело.

Я не имел представления о том, что будут спрашивать на экзамене –. Правда, была программа для поступающих, но в условиях постоянных изменений в обучении, осуществлявшихся в хрущевское время, она не отражала то, что предписывалось спрашивать в этом году. Пошёл на консультацию перед экзаменом по истории СССР. Вёл её преподаватель с гривой седых волос, элегантный, несмотря на то, что был на костылях. Он интересно отвечал на вопросы по истории России XIX в., (это был доцент Владимир Васильевич Адамов, у которого мне посчастливилось учиться, а потом и долго работать на одной кафедре), убедительно говорил, что абитуриентов будут спрашивать в основном по дореволюционной истории²⁶. Он не сказал главного: в каждый билет был включен второй вопрос – по программе КПСС, принятой на XX съезде партии.

Предстояло сдать три экзамена - устный - по истории, письменный - сочинение, устный - по литературе и русскому.

Уральский государственный университет
имени А. М. Горького

Факультет Исторический

Специальность История СССР

Экзаменационный лист
№ 866

Фамилия Тихон

Имя Рудольф Отчество Сергеевич

Протокол о допуске к вступительным экзаменам № 11 от 13 марта 1964 г.

Группа № VI Шифр _____

Дата выдачи 29 марта 1964 г.

Ответственный секретарь приемной комиссии У. С. Сидоров

Тихон
подпись поступающего

***

И начался первый экзамен. В билете было два вопроса. Первый - революция 1905-1907 гг.; второй - Программа КПСС о развитии международных отношений. Экзамен принимали два человека – старший преподаватель кафедры истории СССР А.Ф. Фунтов и аспирант кафедры философии, сам недавний выпускник истфака Ю. Парамонов. С первым вопросом было проще. Революция 1905 года была подробно описана в моей книге и я знал фактическую сторону чуть больше, чем в школьном учебнике.

По второму вопросу я никаких учебников не читал. Курс обществоведения, где эти темы были, в школе нами игнорировался, это понимала и несчастная учительница, вынужденная преподавать эти глупости рабочим мужикам. Но на экзамене надо было отвечать. Меня спасло то, что летом в руки попал журнал "Политическое самообразование",

²⁶ Через несколько дней, уже на экзамене, пришлось узнать, что в каждый экзаменационный билет вторым был включен вопрос по Программе КПСС, принятой в 1961 г. на XXII съезде партии. Если к этому добавить собственно вопросы по советской истории, то дореволюционная часть отечественной истории, к которой я готовился, оказывалась в явном меньшинстве.

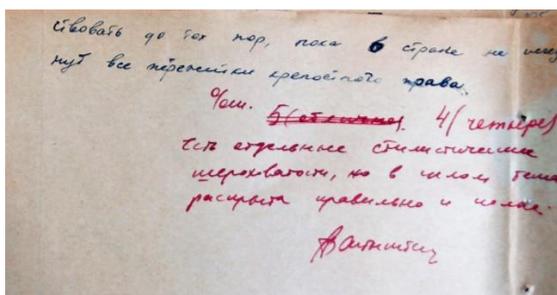
Впрочем, содержание вступительных экзаменов, как показывает мой сорокалетний преподавательский опыт - почти всегда тайна для самих экзаменаторов. В этом мне пришлось убеждаться даже тогда, когда я с изумлением разглядывал собственный автограф на билете в ходе очередных экзаменов.

который по обязательной разрядке выписывала мама со статьей, из которой следовало, что на пути коммунистического строительства нас ждет расцвет всех наций при неуклонном сокращении их количества. Логика автора так меня удивила, что эта статья застряла в памяти. Дальше мне предстояло обрушить на экзаменаторов эти рассуждения со ссылками на уважаемое издание ЦК КПСС, иллюстрировать их цифровыми данными на тему этой статьи (пожалуй, нахальства от безысходности у меня было много больше, чем памяти на статистические данные, которые были в той статье).

Я получил отлично и без памяти от счастья полетел вниз по лестнице, с четвертого этажа. Между вторым и третьим этажами, заскользив по ступеням, сообразил, что так смогу свернуть шею уже по настоящему, и более или менее степенно вышел из здания университета.

Ко второму экзамену количество абитуриентов сильно сократилось. Общежитие в спортзале прекратило бытие свое, оставшихся перевели в университетское общежитие на улице Чапаева, 16, пожалуй, на одну из самых красивых улиц Свердловска (бывшую Архиерейскую)²⁷. Нас поместили в комнаты студентов, находившихся на каникулах. Мне попала комната, где жили филологи. Там была небольшая библиотечка, в которой находилось, в частности, академическое собрание сочинений Пушкина, издания Гончарова, А.Островского. Да, повезло.

Сочинение на тему «Обломовщина» и её социальные корни в романе Гончарова «Обломов» было написано было написано на "хорошо".

Оценка за сочинение в приемной комиссии

Добротная школьная выучка спасла меня. Литература и русский устный были оценены как "отлично" и "хорошо" при общей оценке "хорошо".

В итоге я набрал 13 из 15 возможных баллов. Это был предельно низкий балл для "школьников". Но я прошёл. 24 августа всех поступивших поздравил ректор университета Б.П. Колесников и объявил, что первокурсникам предстоит 1 сентября отправиться вместе с другими студентами в колхоз.

25 августа был день рождения отца. Это стало для него нечаянным подарком. Это была удача и отчасти - случайность.

Начало студенчества. 1964-1966 годы. Я не случайно выделил первый и второй курсы. Это было, в полном смысле со старинной драматургией, «единство места, времени и действия».

²⁷ Напротив общежития, на углу улиц Чапаева и Большакова стоял деревянный дом с садом П.П. Бажова. Тогда там, как мне помнится, еще не было музея и в доме жили его родственники.

Старое здание Уральского университета на ул. 8 Марта, 62, ныне здание института народного хозяйства.

Нам предстояло учиться на четвертом этаже старинного здания, сначала перестроенного в середине XIX в. для Екатеринбургского духовного училища, а затем в 30-х гг. XX в. – для Уральского университета. В этом здании в Екатеринбургском духовном училище учились профессор, изобретатель радио А.С. Попов, писатели Д.Н. Мамин-Сибиряк и П.П. Бажов, историк русской церкви и министр по делам вероисповеданий Временного правительства А.В. Карташов. Конечно, тогда мы этого не знали. Мы учились здесь до окончания второго курса, когда университет получил в своё распоряжение здание упраздненного Уральского совнархоза и часть факультетов, в том числе истории, переехали на проспект Ленина, 51

Колхоз. В соответствии с практикой, сложившейся со второй половины 50-х гг., первый курс начинался с колхоза, с поездки на уборку картошки. Я впервые разглядел своих будущих однокурсников и однокурсниц в поезде, который вез нас в Красноуфимский район.

Массовое привлечение студентов к уборочным работам началось с середины 50-х гг. – с «освоения целины». Практически бесплатный труд сотен тысяч молодых людей - сам по себе свидетельство неэффективности советского сельского хозяйства. Труд студентов был плотно укутан патриотическими лозунгами, восторгами по поводу «трудового подвига молодёжи, руководимой Ленинским комсомолом». Следом за этим шла система административных решений – обязательность для всех первокурсников, кроме имеющих официальное медицинское освобождение. Не явившихся в колхоз ждали всякого рода наказания – от отказа в общежитии и стипендии до отчисления.

Но было и другое измерение поездок в колхоз. Для молодых ребят и девушек это становилось приключением, совместным преодолением трудностей, временем, когда завязывалась дружба, а то и любовь. Именно в колхозе, на первом курсе, как правило, складывалось своеобразное ядро курса, которое в том или ином виде сохранялось до конца обучения. Не поехать в колхоз на первом курсе – это было неправильно, как в глазах сокурсников, так и в глазах их родителей, если они сами прошли через это испытание.

Но вернусь к сентябрю 1964 г.

В деревне Марийские ключики нас расселили по избам местных жителей. Моим соседом по дому стал Толя Колобов, недавний сержант гвардейского танкового полка «Революционная Монголия», дислоцированного в Восточной Германии». Мне эта работа была не в тягость. Какой-никакой опыт был. Не было проблем и трудностей для взрослых парней, за которыми была служба в армии или на флоте – мичмана В.Айрапетова с атомной подводной лодки «Ленинский комсомолец», ставшего до последних дней его жизни моим

другом,, сержантов Ю. Борноволокова, А. Колобова, Г. Богданова, А. Калиниченко, В. Корякова, Г. Градобоева, производственников В. Вахрушева, Л. Батенева, В. Глухова, да и так называемые школьники – парни имели за плечами опыт работы – В. Михайленко, А. Парамонов, М. Шнайдер.

Другое дело – девчонки, вчерашние школьницы – Л.Силова, Л.Аверьянова, Т.Райс, Е. Перминова, Г. Лопатина, М. Яковлева, Носенко. Для них – городских – это был тяжелый и незнакомый труд²⁸.

Нам повезло, осень 1964 года была сухой и относительно теплой. В 20-х числах сентября, когда уже начал пролетать первый снежок, мы вернулись в Свердловск.

Первое, что предстояло сделать – найти квартиру. Общежитий для первокурсников почти не давали. Через студенческий профком узнали, что можно поселиться в частном доме на улице Фрунзе. В большой комнате на первом этаже поместились три кровати, на которых расположись - я, другой историк-первокурсник Леня Батенев и первокурсник – биолог Валера Пыхтин, позже перешедший на философский факультет. Комната была украшена несколькими фотографиями с изображением молодых парней в мундирах с эполетами – выпускниках Горного института, которые прежде жили здесь, у нашей хозяйки тети Поли. Другим украшением комнаты был бумажный рупор радиоточки, едва ли не довоенного времени. Тетя Поля и её сестра жили в полуподвальной комнате, рядом была кухня. Платой за проживание были 15 рублей в месяц.

Квартира была расположена сравнительно недалеко от университета – две с половиной трамвайной остановки; на углу улиц Фрунзе и 8 Марта была диетическая столовая, куда мы ходили поесть.

Первокурсник.

Первая лекция, которую мы услышали в университете, стала лекция по истории древнего востока, которую нам прочитала доцент Нина Николаевна Ивановна Белова. Н.Н.Белова была специалистом по истории Рима, она занималась сложными вопросами источниковедения поздней римской истории для реконструкции социальной структуры римского общества. Но этого мы тогда не знали. История древнего Востока – огромный и самый сложный курс – обрушился на наши неподготовленные головы ужасом бесчисленного количества заковыристых имен, дат, процессов. Н.И. Белову в первом семестре сменил доцент Евгений Георгиевич Суров, археолог-античник, увлекательно читавший историю древней Греции и древнего Рима. Напомню: все это читалось в первом семестре, весь курс длился з три месяца. Если учесть, что учебники Авдиева, Машкина и Сергеева по эти предметам в совокупности составляли около двух тысяч страниц, то получалось, что ежедневно нам надо было выучивать по двадцати с лишним страниц только по одному предмету.

И тут необходимо сказать то, что я, конечно, не знал, поступая в университет. В 1964 году была введена новая квалификация: «Историк. Преподаватель истории и обществоведения» и одновременно с этим сроки обучения были сокращены с пяти до четырех лет. Тот курс по истории древнего мира должен был читаться два семестра, а нам пришлось зубрить его три месяца!

Профессор А.В. Черноухов опубликовал учебные планы истфака, действовавшие до 1964 и в 1964 гг²⁹. Приведу данные из его публикации, чтобы представить масштабы перемен. Было сокращено время на преподавание абсолютного большинства дисциплин. История древнего мира, как уже говорилось, сократилась до одного семестра вместо двух

²⁸ Позже я работал на кафедре с Н.А. Штибен, преподавательницей, которая именно в колхозе получила серьезное заболевание, сократившее ей жизнь.

²⁹ Черноухов А.В. Исторический факультет Уральского государственного университета : 1956-1970. Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 2013. С. 48-51

и со 134 часов по старому плану – до 120 (а на самом деле уменьшилось и по отношению к 120 часам примерно на четверть – учитывая время, проведенное в сентябре в колхозе), нещадно было сокращено время на изучение латинского языка, ряд дисциплин и вовсе пропали из учебного плана – логика, основы советского права, история народов СССР, история русской и советской литературы. Любопытно, что сокращение коснулось и «священной коровы» советского образования – общественно-политических дисциплин. Уменьшили курсы истории КПСС (с 220 часов до 190), философии, политэкономии (её урезали с 214 до 110 часов!)

Так случилось, что меня записали в учебную группу по обучению немецкому языку для тех студентов, у которых была хорошая базовая подготовка. Напомню, что в моей школе рабочей молодёжи вообще не преподавали иностранный. Четверка по немецкому у меня стояла за восьмой класс средней школы и по правилам я должен был учить язык с начинающими. Но как случилось так случилось. Иностранного языка было много, надо было постоянно переводить «тысячи», как принято было называть объем обязательного перевода. Иностраный язык стал для меня постоянной, каждодневной проблемой. Сделать язык интереснее и втянуть его в свой повседневный режим помогла случайность: сам ли догадался, или кто-то мне подсказал – я выписал газету “Berliner Zeitung”. Каждое утро газета оказывалась в почтовом ящике у тети Поли, и XVдо ли хорошо ли - мне приходилось просматривать это не по-советски пухлое издание. Я начал регулярно читать.

«Историю КПСС» преподавал нам молодой доцент Владимир Григорьевич Чуфаров. Именно с и ним связан один из самых интересных и загадочных событий этого года.

... Утром 16 октября мы проснулись под звук радио-рупора. Из бумажного зева радио казенным голосом сообщало, что Пленум ЦК КПСС 14 октября рассмотрел заявление Никиты Сергеевича Хрущева с просьбой освободить его по состоянию здоровья от должности первого секретаря ЦК КПСС и удовлетворил эту просьбу, а 15 октября Президиум Верховного Совета освободил Хрущева от должности председателя Совета Министров СССР. Сосед по комнате, Леня Батенев, трижды поступавший на истфак и поступивший-таки, выучивший для этого чуть не наизусть Хрущева, вдруг начал материться, перемежая мат цитатами из Хрущева. Было ясно – Хрущева сняли.

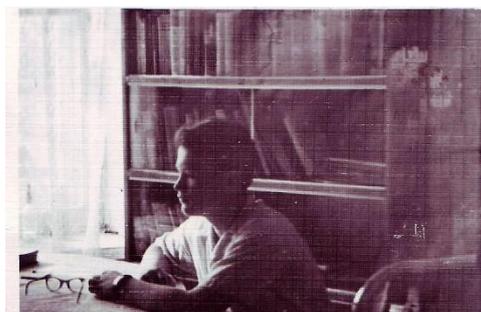
Первая лекция в этот день была лекцией по истории партии. Официальное сообщение об отставке Хрущева, невнятное и скользкое, ничего толком не объясняло. Не успел В.Г. Чуфаров появиться в аудитории, как посыпались вопросы – почему не осужден культ личности Хрущева, почему Пленум не осудил его политику. Больше всех и жестче всех эти вопросы задавал В. Ярин. Этот наш сокурсник был участником войны, при бомбёжке аэродрома, на котором служил, потерял зрение, но, тем не менее, смог поступить в университет. Он был членом партии³⁰. И Чуфаров ответил. Его ответ – загадка для меня по сию пору.

Он ответил двухчасовой – без перерыва! – лекцией об ошибках Хрущева. Он говорил о провале его сельскохозяйственной политики, приводил статистические данные о состоянии экономики, рассказывал об авантюризме в сфере международных отношений, ставившем страну на грань мировой войны, о грубости и бестактности его в отношении с социалистическими странами. Замечу – ничего подобного в официальных публикациях не было. Не было этого и в докладе М.А. Суслова на Пленуме, который был опубликован позже. Но это было в так называемом «докладе Д.С. Полянского» - члена Политбюро, принадлежавшем к группе заговорщиков, подготовившем свержение Хрущева. Этот доклад

³⁰ Насколько помню, членами партии на первом курсе были участник войны В. Ярин, В. Айрапетов, вступивший в партию во время срочной службы на флоте и Г. Селиванова, ставшая членом КПСС до поступления в университет.

был выявлен в Архиве Политбюро в середине 90-х гг.³¹ Аргументы этого доклада вынудили Хрущева уйти в отставку на заседании Президиума ЦК, предшествовавшему Пленуму.

Текст был секретным, много позднее – в 1999 г. - тогдашний председатель КГБ В.В. Семичастный говорил мне, что текст существовал в двух экземплярах. Неужели другие заговорщики заранее распространили этот текст и по крупнейшим обкомам? Или он был у некоторых участников Пленума от Свердловской партийной организации? Только тогда член лекторской группы обкома В.Г. Чуфаров мог знать то, что он сообщал ошарашенным первокурсникам. К сожалению, сейчас Владимира Григорьевича об этом уже не спросишь...

Студент первого курса

Русскую историю раннего феодализма в первом семестре читала Г.А. Кулагина. Она же и вела в нашей группе практические занятия. Здесь стоит остановиться подробнее. Галина Александровна была женщиной классической русской стати, уверенной, что называется, знающей цену и себе, и другим. Она воспринималась как один из лидеров факультета. Её назначили куратором нашего курса.. В лекциях, рассказывая о Древней Руси, она мимоходом, сказала нам, что в войну была директором Свердловского пединститута и у неё работал Михаил Николаевич Тихомиров, другие виднейшие историки эвакуированного с Свердловск Московского университета, что её преподавателем в институте был Серафим Владимирович **Юшков** (именно так, с ударением на первом слоге), когда там преподавал в 1935-1938 гг. выдающийся историк русского феодализма – С.В. Юшков, выпускник Петербургского университета, один из крупнейших источниковедов, знатоков древнерусского права – вообще, и Русской Правды – в особенности.

Г.А. Кулагина

Её практические занятия по начальному периоду русской истории – по Повести временных лет и Русской Правде были исключительно полезны. Она приучала нас к

³¹ Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. 40 лет после войны. 1945-1985. М., 2007. С. 464-469

необходимости привлекать дополнительную литературу к занятиям она, в частности, рекомендовала только что появившуюся книгу академика Б.А. Рыбакова «Первые века русской истории».

Особенно интересны были её семинары по Русской Правде. Она практиковала и подготовку докладов, которые должны были делать студенты по новым монографиям. Мне досталась монография Шушарина³². Опыт внимательного чтения и анализа текста Русской Правды, примененный Г.А. Кулагиной, был важен для овладения навыками ремесла историка.

Не обошлось и без проблем. Я распорился с моим однокурсником и другом Мишей Гуревичем по поводу объяснения одной из статей Пространной редакции Русской Правды, уж не помню, какой. Эта статья была одной из тех, которые допускали возможность разнообразных интерпретаций. Мишка предложил мне пойти в консультационное время к Галине Александровне в поисках ответа. Та повторила объяснение, которое мы знали по практикуму Пронштейна. Уж не помню, кто – я или Гуревич стали говорить, что текст позволяет иное объяснение. Явно раздражённая, Галина Александровна стала повторять свою интерпретацию. И тут Мишка задал бестактный, а по сути - правильный вопрос – а есть ли в университете специалисты по истории Древней Руси, которые способны объяснить это противоречие.

Михаил Гуревич. 1966 год

Галина Александровна была убеждена, что такой специалист для студентов – именно она, Она посетовала своим коллегам, что Пихоя и Гуревич подрывают её авторитет. А мы и не подозревали!

По мнению Г.А. Кулагиной, целью истфака является подготовка школьных учителей истории. Будучи прежде всего педагогом, она с известной долей скепсиса относилась к профессиональной историографии³³. Другое дело – педагогика. Она была инициатором создания исторических игр и несколько десятилетий, даже перестав быть штатным преподавателем, она вела кружок исторических игр³⁴. Думаю, в настоящее время это бы стало основой для появления целого ряда электронных игр, и в известном смысле Г.А. Кулагина обгоняла своё время. Другое дело, что сама проблематика школьного обучения привлекала, по крайней мере, на нашем курсе, очень немногих. Для взрослых людей, составлявших большинство студентов-однокурсников, гораздо интереснее представлялась в будущем работа в высшей школе, в качестве преподавателей истории КПСС, философии,

³² Шушарин В. П. Современная буржуазная историография Древней Руси. — М.: Наука, 1964. — 304 с.

³³ У неё были для этого серьезные основания. Она прошла очень непростую жизнь, став свидетелем коллективизации и голода начала 30-х гг., репрессий, затронувших семьи ее и её мужа, фронтовика. Всё это не походило на изображение советской истории по учебникам. Но её неприятие ходульности некоторых исторических построений (впрочем, осторожное) переносилось и на другие периоды истории. Она не скрывала своего скептического отношения к традиционной интерпретации «Слова о полку Игореве» и с явным удовольствием рассказывала о книге Олжаса Сулейменова «Аз и Я».

³⁴ Овчинникова Б.Б. Г.А. Кулагина — «долгоиграющий доцент» // Проблемы истории России. — Екатеринбург : Волот, 1998. — Вып. 2: Опыт государственного строительства XV-XX вв. — С. 352-357

политэкономии.

Этнографию интересно читал В.Е. Стоянов, латинский язык преподавал В.Ф. Житников. Собственно, это был не столько латинский (хотя и Цезаря о Галльской войне переводили, и грамматику пытались учить, но всерьез сделать это за три месяца было, конечно, невозможно), сколько попытка сообщить нам самые общие сведения о сравнительном языкознании. Отношения мои с преподавателем сложились самые приятные – выяснилось, что и он, как и я, в ту пору большой поклонник Солженицына, и уже потом, когда латинский язык был позади, мы частенько обсуждали его рассказы в университетских коридорах. К сожалению, Житников скоро уехал. У него была большая семья, пришлось переехать в Элисту, в тамошний университет, где ему предоставили большую квартиру.

Подошла первая и самая страшная в моей университетской жизни сессия. Сдавать надо было историю древнего мира – от древнего Востока до Рима, этнографию и историю КПСС. По истории древнего мира Н.Н. Белова поставила «хорошо», В.Е. Стоянов поставил по этнографии «отлично», а В.Г. Чуфаров по истории КПСС – «хорошо».

Второй семестр запомнился прекрасными лекциями Наума Абрамовича Бортника, специалиста по истории Италии эпохи позднего средневековья. Он же вел и практические занятия. Лекции его на нашем курсе нередко заканчивались аплодисментами, его практические занятия всегда были тщательно выстроены, его способность заставить всех работать на занятиях методически была безупречна. Помню, как один из моих одногруппников, Володя Вахрушев, оказавшись неготовым к семинару (он попросту всю ночь проработал в кочегарке), выслушал следующую тираду Бортника: «Я убежден, что Вы, Володя, хороший студент, я уверен, что у Вас были причины, чтобы не быть готовым сегодня, но я также верю, что к следующему семинару Вы будете полностью готовы». Тут было и уважение к студенту, и требовательность, и Володе уже ничего не оставалось, как готовиться ко всем семинарам Бортника.

Уважение к студенту. Оно проявлялось даже в пустяках. Бортник являлся на экзамены в белой рубашке и галстуке, что должно было подчеркнуть торжественность момента. Однажды на семинаре я начал спорить с Бортником по поводу интерпретации какого-то фрагмента текста. Он приводил свои аргументы, я – свои, основанные на тексте источника. Закончился семинар. Бортник встал и попросил меня зайти на кафедру. Не без страха за свою горячность я пошел за ним. Бортник сел в кресло, неторопливо закурил свой «Казбек», выдержал паузу, а потом сказал – «А, пожалуй, Вы были правы».

Этого я никогда не забуду. Таким качеством – слышать и слушать аргументы оппонента, тем более – формально ничтожного – отличалось не слишком много людей в моей жизни.

Историю России XVII-XVIII вв. читала доцент Полина Александровна Вагина. Её лекции были лишены внешнего блеска, свойственного её предшественнице. Но они были строго выстроены – источники по проблеме, историография, собственно фактическая история.

Во втором семестре произошло важное событие – более важное, чем казалось сначала. Несколько студентов-первокурсников – как помнится, Володю Айрапетова, Валеру Михайленко, Мишу Гуревича и меня пригласил В.Г. Чуфаров и предложил прочитать лекции о Ленине. Шел 1965 год, отмечалось 95-летие со дня рождения Ленина. Его ранняя смерть на первых годах существования советской власти превращала Ленина в идеальный объект идеологических конструкций. Образ Ленина преображался на каждом новом этапе истории, воплощая тот идеал, который представлялся важным для политической власти. В конкретном случае В.Г. Чуфаров обращал внимание на отношения Ленина с соратниками, его заботу о них, на его антибюрократический настрой. Рассказ о таком Ленине должен стать, с одной стороны, продолжением критики сталинского культа

личности, с другой - критикой бюрократических излишеств Хрущева. Он рекомендовал многочисленные мемуары о Ленине, разыскивать в них какие-то малоизвестные, интересные и соответствующие.

Нас отправили читать эту лекцию по деревням на востоке области. Это был наш первый опыт публичных выступлений. Держать внимание случайной аудитории давалось очень непросто. Короткая поездка получила продолжение³⁵. Видимо, первый блин оказался не комом, с точки зрения заказчика этих лекций - Свердловского обкома комсомола. Мы попали в лекторскую группу, в число штатных лекторов. С лекциями на эту тему, а позже с лекциями по международному положению, международному молодёжному движению приходилось выступать довольно часто. Это дало ценнейший лекторский опыт. .

Учеба шла своим чередом. Во втором семестре предстояло писать курсовую работу по земельным отношениям на основе Сен-Жерменского полиптика и *capitulare de villis* Карла Великого. Это была полностью учебная работа. Единственно, что там было воё – это попытка применить незамысловатые математические методы обработки статистического материала. Руководила курсовой работой Маргарита Адольфовна Поляковская.

Весенняя сессия была завершена. Я закончил её на «отлично» и получил повышенную стипендию – 42 рубля вместо обычных 35. А главное, это освобождало от необходимости собирать справки об уровне доходов семьи. Стипендии на первых курсах давали тем, кто сдал сессию и у кого семейный доход был меньше 30 рублей на человека, а у нас с зарплатами отца и матери получалось более 50. Отличник получал свои 42 рубля без всяких справок!

Необходимо отметить, что к этому времени я со своим другом Михаилом Гуревичем разработали свою систему подготовки к сессии, которой мы руководствовались до тех пор, пока учились на дневном отделении.

Мы заранее выясняли расписание очередной сессии и начинали готовиться к каждому экзамену едва ли не за два месяца. Мы выделяли важнейшие вопросы по предмету (иногда помогали экзаменационные билеты, заранее представленные преподавателями), набирали необходимую литературу, отнюдь не ограничиваясь учебниками, обсуждали и спорили по каждому вопросу, стремясь выяснить внутренние логические связи, элементы закономерностей. А фактическая сторона (имена, даты) были своего рода постоянной взаимной тренировкой памяти, когда в любое время мы взаимно и не без соревновательного начала проверяли друг друга.

Такая техника подготовки практически гарантировала высокие оценки, но она же вскрывала противоречия и пустоту некоторых учебных курсов.

Так, у меня сложились непростые отношения с курсом по истории КПСС при уважении к преподавателям по этому предмету – В.Г. Чуфарову и М.Е. Главацкому. Отсутствие внутренней логики, которую заменяли политические установки, «фигура умолчания»³⁶, устранение из политической истории сотен имен – всё это делало этот курс, который читался целых три семестра, внутренне непонятным. Мне ни разу не удалось получить по этому предмету «отлично», от первого семестра до вступительного экзамена в аспирантуру.

В конце второго семестра полагалось выбрать тему курсовой работы для второго курса. Полина Александровна Вагина посоветовала мне обратиться к профессору Михаилу Яковлевичу Сюзюмову. Небольшого роста, всегда скорее бегущий, чем шагающий по

³⁵ См., в частности, Уральский университет. 1965. № 19(1249)

³⁶ Неопубликованная статья «О фигуре умолчания в исторической науке» В.П. Данилова и С.И. Якубовской (1965)/Публ. А.А. Курносова//Археологический ежегодник за 1992 год. М.,1994. С.324-333

коридору факультета, начисто лишенный обязательной профессорской внешней солидности – он был легендой для студентов, одинаково восхищавшим и пугавшим своей ученостью, он сразу назвал тему – «Русско-византийские отношения по договорам Руси с Византией».

В конце первого семестра начиналась археологическая практика. Половина нашего курса поехала на раскопки в Омскую область. Руководил раскопками доцент Владимир Федорович Генинг. Удивлял высокий уровень организации экспедиции. В экспедиции было всё – транспорт, палатки, спальники, инвентарь, квалифицированные студенты-старшекурсники, свой фольклор. По опыту своему, опыту археографической экспедиции – знаю, что четыре года (а Владимир Федорович Генинг первую свою экспедицию в УрГУ провел в 1961 г.) – это достаточный срок для создания экспедиции, но замечу – четкость, принципы организации полевой работы у Генинга были для меня примером в будущем.

Отдельно – собственно археологические раскопки. Внешне не слишком эффектные, они убедительно (уверяю – для меня более убедительно, чем раскопки античных городов) свидетельствовали об ученой составляющей археологии. Следы прошлого, состояние культурных слоёв оказывались столь же, если не более информативными, чем письменные источники.

К концу экспедиции Генинг поручил мне маленький раскоп, я копал, отслеживая особенности почвы, чертил схемы расположения культурных слоёв. Это было интересно. Но это было не моё.

Второе событие, ставшее для меня очень важным, это работа над курсовой. Летом, набрав книг в университетской библиотеке, я уехал домой, в Северск, и засел за работу. На столе лежали Повесть временных лет, Хроника Георгия Амартола, Византийская книга епарха³⁷, монографии. Помню это удивительное чувство радости, когда удавалось найти новые факты в этой старинной теме. Радовали пустяки – вроде указания-ссылки в договоре 907 г. о прежде бывших договорах между Русью и Византией (то, что на это обратил внимание еще С.М. Соловьев, я тогда не знал), так и более серьезные вещи – параллели между нормами Книги епарха и договорами 907-911 гг., просмотренные в свое время М.В. Левченко, автором специальной монографии по русско-византийским отношениям.

Это был мой первый опыт, первая попытка самостоятельного исследования. Впервые я почувствовал радость от исследования, которое затягивало, увлекало, создавало неведомую прежде новую реальность – жизни в далеком прошлом. Я пишу эти строки и ловлю себя на мысли – а не слишком ли громкие слова для описания эмоций первокурсника? Но это было именно так, и если бы не первая крохотная удача, не знаю, как бы сложилась моя ученая биография. К началу второго курса первый вариант работы был написан.

Осенью 1965 г. М.Я. Сюзюмов зачел курсовую за второй курс и определил ту тему – «Закон Судный людем и влияние византийского права на право Древней Руси», которая, в конце-концов, легла в основу будущей кандидатской диссертации по истории покаянной дисциплины Древней Руси.

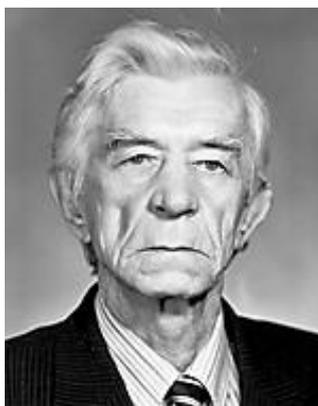
Второй курс запомнился лекциями Владимира Васильевича Адамова. Фронтовик, потерявший ногу на войне, красивый особой мужественной красотой человека с развитым чувством собственного достоинства, лишенный красноречия, он читал нам историю России периода капитализма. Его манера чтения лекций была своеобразна. Создавалось впечатление, что он на глазах аудитории подбирает слова, отыскивает смысл прошлых событий. Заученная прежде история конца XIX – начала XX в., полная штампов (развитие

³⁷ Византийская книга Эпарха. М.: Вступительная статья, перевод, комментарий М. Я. Сюзюмова. (Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы). Издательство восточной литературы, 1962. – 296 с., ил.

капитализма после реформы 1861 г., формирование пролетариата, народничество и возникновение ленинской партии, три русских революции) - разворачивалась иной стороной. Прежде всего, появлялось ощущение «объёмности», неоднозначности прошлого. На каждой лекции возникала ситуация, когда знакомое представало совершенно иным. Помню его рассказ о «Морозовской стачке», когда он показал, как официальная и дворянская пресса по существу оправдывала стачечников, негодуя против капиталистов, этих новых хозяев жизни.

Каждая лекция Владимира Васильевича заканчивалась тем, что к нему выстраивалась очередь слушателей, задававших ему вопросы. На часть вопросов он отвечал, часть – игнорировал, но так, что задававший эти вопросы студент понимал, что ответить Адамов не хочет, не потому, что не может, а потому, что его ответ выйдет за пределы политически допустимого.

Ему было свойственно стремление разглядеть общие проблемы истории страны на рубеже XIX-XX вв., взаимодействие противостоявших тенденций – государственного доминирования в России и частной инициативы, старых явлений в организации экономики (в частности, так называемого «окружного строя» горнозаводской промышленности Урала), оказавшихся исключительно живучими и способными приспособляться к новым социально-экономическим реальностям³⁸. Пожалуй, В.В. Адамову была свойственная социологичность восприятия истории.

В.В. Адамов

Адамов считал, что на Урале вплоть до 1917 года сохранялись многочисленные феодальные пережитки в промышленности, в частности – огромные земельные владения заводчиков, особо организованная «окружная» структура металлургии края – соединение древесно-угольной металлургии с необходимыми для этого лесных массивов, пахотных земель и огородов у рабочих и их связь с сельским хозяйством, наличие различных социальных групп жителей этих округов, уходивших своими корнями в XVIII в.

Иной подход к прошлому предлагал историк уральской горнозаводской промышленности. А.Г. Козлов, который читал у нас историю Урала. Тоже фронтовик, награжденный медалью «За отвагу», мальчишкой попавший на войну и демобилизованный после ранения и тяжелой болезни, он был, по моему убеждению, лучшим знатоком фондов Государственного архива Свердловской области с его превосходными комплексами документов по истории промышленности Урала XVIII-XX вв.³⁹ Невысокого роста,

³⁸ Свою кандидатскую работу В.В. Адамов писал под руководством А.Л. Сидорова, одного из лидеров тогдашней историографии, с которым ассоциируется «новое направление» в понимании истории страны накануне революции 1917 г.

³⁹ А.Г. Козлову жители Свердловска-Екатеринбурга обязаны появлением даты основания города. В жарком споре на страницах «Вечернего Свердловска» между заведующим кафедрой истории СССР УрГУ М.А. Горловским и сотрудником архива, студентом-заочником А.Г. Козловым победил последний. Главным аргументом для арбитра в споре – обкома партии – стало толстенное архивное дело, где было записано, когда

казавшийся застенчивым, с застывшей полуулыбкой, он сыпал фактами, цифрами, рассказывал о высоте и объеме домен на заводах, о количестве и качестве воздуходувок, обеспечивавших плавку, доказывал, что уральская промышленность в XVIII в. была лидером мировой металлургии.

Козлов и едва ли не большая часть историков Урала старшего поколения были убежденными сторонниками положения о соответствии уровня развития средств производства – состоянию общественных отношений, в данном случае – возникновению ранне-капиталистических отношений.

Историю Азии и Африки нам читал декан факультета Юрий Александрович Попов. Он был колоритнейшим человеком. Выпускник МГУ, китаист, стажировавшийся в Китае и исследовавший там историю профсоюзов, свидетель начала «культурной революции», в прошлом – спортсмен-боксер, с перебитым носом, он источал веселую уверенность, читал хорошо и строго требовал знания своего курса. Экзамены по «Азии и Африки» были, пожалуй, в числе самых сложных за время обучения. Он был хорошим научным руководителем. Студенты, специализировавшиеся у него, были организованы в кружок, учили китайский, занимались наукой. Замечу – учились, что называется, «с нуля», не имея в прошлом специальной подготовки. То, что Ю.А. Попов был хорошим научным руководителем, свидетельствует судьба нашего однокурсника – В. Корякова, одним из первых среди выпускников нашего курса защитившего докторскую диссертацию по истории франко-китайских отношений в конце XIX в. Я убежден, что его уход с истфака (уже в конце 70-х гг.) стал большой потерей для факультета.

Запомнились занятия по педагогике. Мы должны были прослушать курс лекций и провести какое-то число уроков в школе. Г.А. Кулагина, наш куратор и энтузиаст педагогического образования, сообщила, что лекции будет читать учитель, имевший ученую степень кандидата педагогических наук, один из авторов экспериментального учебника «Обществоведения». Он был человеком достойным и уважаемым, фронтовиком. Полагаю, и учителем хорошим. Но - первая лекция его была очень интересной. Вторая частично повторяла первую. Третья мало отличалась от двух предшествующих. Дело дошло до экзаменов. Мы с Мишкой Гуревичем, как обычно, обложились учебниками, конспектами и целый день пытались, как обычно, отловить внутреннюю логику предмета, его понятийную систему... К вечеру нам стало весело. Искомое не отыскалось. Мы плюнули на подготовку к этому экзамену и на следующий день отправились купаться на Верх-Исетский пруд. Это был единственный случай такой подготовки к экзамену.

... Экзамен сдали. Оба. На отлично. Я долго рассказывал по доставшемуся мне билету о школе в средневековой Европе, о тривиум и квадривиум...

Педагогика, по моему глубочайшему убеждению, которое только укрепилось за полвека преподавания и написания нескольких учебников - не наука, а технология, включающая некоторые стандартные требования по передаче знаний от учителя к ученикам, учитывающая, но не способная формализовать особенности личности учителя и его учеников.

Кстати, после окончания среди выпускников нашего курса учителями стало совсем немного. Абсолютное большинство защитились, стали работать в высших учебных заведениях.

Лекторская группа.

Если на первом курсе я и мои друзья – Валера Михайленко, Володя Айрапетов, Миша Гуревич только начинали читать лекции для населения, то на втором курсе мы уже

было запущено заводское производство. (Правда, остается вопрос – какая эта дата – пуска завода или основания города?)

попали в число лекторов лекторской группы обкома комсомола. Тематика наших лекций скоро изменилась. Вместо прежних лекций по Ленину нам предложили подготовить выступления по международному положению и по международному молодёжному движению. Тогда же мы познакомились и подружились с Юрием Обыденновым (которого его друзья звали Обойдёновым), с Володей Черновым. Юра руководил лекторской группой обкома, а Володя, кажется, был связан с Институтом молодёжных проблем при обкоме комсомола. Юра был историком, выпускником пединститута. Со временем он показал нам свои картотеки о жертвах политических репрессий, гордился тем, что у него было второе издание собрания сочинений Ленина, издававшееся с 1925 по 1932 г. с подробными биографическими справками политиков, в том числе вычернутых из истории партии. От него я впервые услышал о волнениях свердловских студентов 1957 г. Володя Чернов, юрист по образованию, всерьёз занимался социологией, в частности, проблемами молодёжной преступности, но, кажется, так и не защитился.

Сотрудничество с лекторской группой было очень интересно и полезно. Полезно, потому что бухгалтерия обкома комсомола платила по 4 рубля за каждую лекцию, причем платила сразу. Общество «Знание» платило нам по пять рублей, но деньги приходили раз в месяц и, как правило, с большими вычетами. Так что деньги за лекции стали важным подспорьем студенческого, а позже – и аспирантского бытия. Кстати, я из принципа не участвовал в работе строительных отрядов. Сам строитель, я считал, что студенческие отряды из людей, не имеющих специальности, ни научиться за месяц работы, ни качественно сделать ничего не могут. Строить коровники абы как было не интересно. Другое дело – то, что в народе называлось шабашниками, выступавшими в обличье студенческих отрядов. Там подбирались парни, как правило, имевшие специальности, ехавшие на знакомые места, заранее заключавшие договоры. Впрочем, это моё личное мнение.

Здание Свердловского обкома ВЛКСМ в 60-е-первой половине 70-х гг.

Во-вторых, испытывая постоянный недостаток политической информации, обусловленный существованием цензуры, мы получали возможность узнать то, что не доходило до большинства сограждан. Было несколько каналов поступления таких сведений. Это всякие лекции-инструктажи, семинары, которые проводили лекторы ЦК КПСС, приезжавшие из Москвы и объяснявшие то, что не могло быть напечатано в газетах – например, о противоречиях, существовавших между социалистическими странами. Это были так называемые «красные атласы» ТАСС, в которых помещались публикации из западной прессы, главным образом – по проблемам международных отношений. «Красные атласы» были изданиями для служебного пользования, и возможность знакомиться с ним была серьезной привилегией. Были и особые «белые атласы» ТАСС, недоступные нам и предназначенные для номенклатуры. Там были статьи с оценками советской внутренней политики. Лекторская работа была советским вариантом «серой» пропаганды – чуть

больше информации, чем было в газетах и по телевизору, но политически нейтральной. Отдельно стоит отметить бюллетени Комитета молодёжных организаций. Эта хитрая организация, формально - не политическая, а фактически – международный отдел ЦК ВЛКСМ издавали выдержки из международной молодёжной прессы. Такие материалы представляли для меня особый интерес – в 1967-1968 гг. молодежные протесты охватили едва ли не весь мир – от Сан-Франциско до Парижа, от Варшавы до Сеула. Складывалось впечатление, что в мире появился новый политический фактор.

В-третьих, и это было очень важно, работа в лекторской группе, а потом и в группе лекторов общества «Знание» позволило за 3-4 года объездить с лекциями всю Свердловскую область – от Ивдельского района на севере до Сысертского – на юге, от Шалинского – на западе до Камышловского и Талицкого на востоке. Кажется, не было ни одного районного города, где бы не пришлось читать лекции. Нет нужды говорить о том, что опыт, полученный в таких поездках, был бесценен. Я открыл для себя город Верхотурье, выстроенный еще в 1595 году, город, существующий в границах XVII в., с великолепным Троицким собором конца XVII в., выстроенным Иваном Цыклером, активным участником политической борьбы, союзником и противником Петра 1, верхотурским воеводой, сложившим голову на плахе... Когда летел на самолете АН-2 в Туринск, на востоке области, где по карте была тайга, то видел под крылом лунный пейзаж – лагеря заключенных вырезали лес, перепахали трейлерами землю. Увидел заводы Нижнего Тагила, Серова, Краснотурьинска. .

Неожиданное применение этому опыту нашлось уже в 70-е гг., когда мне пришлось руководить археографической экспедицией. Планировать маршруты экспедиции я мог вполне грамотно.

Газета «Уральский университет писала в апреле 1967 г.: *«Третий год на историческом факультете существует лекторская группа по общественно-политическим проблемам. ... На днях районное правление общества «Знание» заслушивало отчет лекторской группы, и дало высокую оценку ее работе. Отмечалось, что с большим интересом трудящиеся слушают лекции, читаемые С. Корчемкиным, Р. Пихоя и другими студентами. Отмечая заслуги лекторской группы истфака в общественно-политическом воспитании масс, областная организация общества «Знание» и обком ВЛКСМ наградили ее грамотами»⁴⁰.*

В обкоме комсомола были разные люди. Некоторые из них были серьезными специалистами, учеными (в наши годы первым секретарем обкома комсомола был В.А. Житенев, выпускник физтеха УПИ, специализировавшийся по технологии редких металлов, перспективный ученый), мы очень дружили с Юрой Обыденновым и Володей Черновым, не раз говорили о том, что комсомольская работа крутится по преимуществу на уровне обкома и райкомов, комитетов комсомолов крупных организаций, но она практически не доходит до первичных организаций.

Новые адреса.

⁴⁰ Уральский университет. 1967, 27 апреля.

Уральский университет, на просп. Ленина, 51

Новый третий курс начинался в новом здании – с улицы 8 Марта, 62, ректорат и гуманитарные факультеты переехали в центр города, на проспект Ленина, 51, напротив Оперного театра.

Поменялось и моё место жительства. Как уже я писал, к экзаменам я готовился вместе с М. Гуревичем. Он был абсолютный отличник – со вступительных экзаменов. Он приехал на Урал из Донецка, кажется, прежде поступал на истфак МГУ. Бесспорно, он был подготовлен для обучения лучше всех. Мы с ним подружились, и крепко – еще на первом курсе. Ему было интересно учиться. И мне тоже. Интересно было искать внутреннюю связь событий, взаимовлияние экономики и социальных отношений.

Поэтому подготовка к экзаменам превращалась в своего рода сеанс дополнительного образования. Наши интересы отличались, хоть и не противоречили. Меня интересовала древность, его современность, если точнее – то социология. Он почему-то не смог перевестись на философский факультет, что не помешало ему едва ли не со второго курса серьезно заняться социологией. Как я уже писал выше, мы стали вместе готовиться со второго семестра - то у меня, на улице Фрунзе, то весной – в Зеленой Роще, парке рядом с университетом, то зимой – у меня дома, в Северске. Несмотря на то, что мы учились очень хорошо, места в общежитии мы получить не могли.

Тогда мы решили найти квартиру, чтобы жить и готовиться вместе. И нашли. Точнее, нашел Михаил. На улице Красноармейской, маленьком островке старинного Екатеринбурга, зажатом между улицами Малышева, Куйбышева, Луначарского и Белинского сохранялись дома, построенные в середине 19 в. – двухэтажные, верх – деревянный, низ – кирпичный, вросшие в землю. У каждого дома был свой огород, сад, хозяйственные постройки. В одном из них по адресу Красноармейская, 35, его хозяин – Ефим Наумович Фридкинский сдавал студентам низ дома - четыре комнаты, в одной из которых жили разудалые парни-физтеховцы, вышибленные из общежития УПИ, в другой – пара молодожёнов студентов. В третьей комнате расположились мы. В четвертой комнате временно находилась контора, кажется, связанная с геологией. В доме был ещё телефон – Б2-61-01, или 22-61-01, которому, как и дому на улице Красноармейская, 35, будет суждена определенная роль в моей истории.

Дом был старинный, топился печкой, воду носили из колонки. Но расположен он был исключительно удобно. До университета на Ленина, 51, по Красноармейской, мимо гостиницы «Большой Урал» и Оперного театра было 6-7 минут пешком. Если идти по той же Красноармейской в противоположную сторону, то через те же 6-7 минут ты оказывался у здания университета на Куйбышева, 48, где тогда была университетская библиотека. Это был самый короткий путь между двумя университетскими корпусами. До областной

библиотеки им. Белинского было минут 5. Рядом находились многочисленные магазины, несколько кинотеатров...

Фрагмент улицы Красноармейской. Вдали – гостиница «Большой Урал».

Мы основательно устроились на новом месте. Я привез мешок картошки, мы обзавелись портативной газовой плиткой, поэтому жареная или вареная картошка была всегда, если только наши соседи-физики не совершали тайный набег и в наше отсутствие не истребляли приготовленную впрок еду. Впрочем, наше сосуществование с физтеховцами было вполне мирным. Время-от-времени вечерами Михаил уходил к физикам, где они резались в преферанс. Проходило время, и Мишка с довольным лицом и небольшим выигрышем возвращался. Он играл лучше.

Наша комната, расположенная рядом с университетом, стала точкой притяжения для многих ребят с нашего курса и других историков и философов. Это были однокурсники Валерий Михайленко и Володя Айрапетов, и учившиеся на курс моложе - Анатолий Козлов и на два - Владимир Скрипов. Нашим частым гостем стал Алексей Мясников, работавший социологом на Северском трубном заводе. Гуревича, Козлова и Скрипова объединяло, среди прочего, желание заниматься социологией. Они, но не только они, уже сотрудничали с социологическим отделом Института экономики, участвовали в опросах населения.

***

Для людей моего поколения, родившихся в первые послевоенные годы, мысль о прогрессивности исторического развития входила вполне органично. Жизнь от года к году становилась лучше. Власть признавала проблемы и демонстрировала возможность их исправления. Именно так были восприняты арест и расстрел всеми ненавидимого Берии, с которым отождествлялись репрессии, страх перед непонятной, но от этого еще более страшной всегдашней угрозой; XX съезд добавил к Берие самого Сталина, июльский пленум 1957 года с отставками Маленкова, Кагановича, Ворошилова, Молотова и «примкнувших к ним» так и понимался – партия избавилась от сторонников Берии и Сталина.

Нараставшие продовольственные сложности конца 50-х – начала 60-х гг. успешно перекрывались потрясавшими воображение успехами в космосе – первый спутник, за которым смотрели по ночам, пытаясь разглядеть его, новые и новые достижения – собака Лайка в спутнике, фотографии обратной стороны Луны, а потом – и полет Ю.А. Гагарина – всё это рождало у нас ощущение социального оптимизма. Это было обещание бесконечного моря энергии благодаря атомным технологиям, генетике - проникновения в суть живого, химии –сдания новых, неведомых материалов. Для меня обещание Хрущева- построить через 20 лет коммунизм, сделанное в 1961 г. на XXII съезде КПСС, звучало вполне

убедительно. Да и не только для таких мальчишек, как я. Что говорить – достаточно вспомнить напечатанную во второй половине 50-х гг. книги «Туманность Андромеды» мудрого Ивана Ефремова, в которой он создал образ будущего общества, по своим характеристикам похожего на ожидаемый коммунизм.

Именно похожего! Главное – это вера в безграничный прогресс, в оптимизм, во всемогущество человеческого разума, при котором

Что-то физики в почете.

Что-то лирики в загоне.

Дело не в сухом расчете,

дело в мировом законе.

В этих стихах Бориса Слуцкого, ставших одним из символов времени конца 50-начала 60-х гг., была вера во всеилие точного знания, при котором «и величие степенно отстывает в логарифмы». А КПСС с её программами и лозунгами выглядела как частный, временами не самый успешный случай реализации этого прогресса, который выступал как «мировой закон».

Историческое образование, в основе которого лежала формационная теория, пресловутая «пятичленка» - восхождение от первобытнообщественного строя через рабовладение, феодализм, капитализм – к коммунизму – казалась мне тогда вполне убедительной иллюстрацией неколебимости прогресса. Объяснение механизмов этого прогресса тоже казались вполне доказательными – развитие производительных сил, изменения, в связи с этим, производственных отношений и их оформление в классовую структуру общества, плюс к этому классовая борьба как механизм, влияющий на перемены в социально-политической жизни. «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» - было написано в «Манифесте Коммунистической партии».

Историческое образование сводилось к изложению фактической истории, нанизанной на эту схему. Проблемная составляющая сводилась к поиску перехода от одной формации – к другой, обнаружению «новых, нарождающихся явлений в недрах существующей формации». В одном случае – это появление вотчины и зависимых крестьян – «закупов», в другом – развитие товарно-денежных отношений, «единого рынка», наёмного труда, в третьем – завершение «промышленного переворота», формирование пролетариата и пролетарских партий. Схема несложная, внешне – вполне логичная.

Правда, возникали некоторые противоречия даже в границах читаемых нам идеологических дисциплин, к которым относились история КПСС, политэкономика капитализма и социализма, диалектический и исторический материализм и научный коммунизм. Об истории КПСС я уже писал выше, она воспринималась как пропаганда, объявлявшая коммунистическую партию движущей и определяющей силой истории страны. В курсах философии явно существовало противоречие. Если диалектический материализм предполагал непрерывность развития на основе преодоления противоречий, то для истмата и научного коммунизма – коммунистическая формация – венец творения.

Было и еще одно: марксизм выступал как последовательно европоцентричное учение, но марксизм-ленинизм утверждал возможность строительства социализма в отдельно взятой стране – то есть в России. Вывод, настойчиво повторявшейся в официальной идеологии, что именно Советский Союз прокладывает путь для развития всего человечества - выглядел не только не слишком убедительно, но и противоречило моим западничским убеждениям, шедших, во многом, от любимого мной Герцена.

Впрочем, эти наблюдения не меняли главного - убежденности в справедливости формационной теории и, следовательно, прогрессивности, в том смысле, который

предполагалось формационной теорией. А рассуждения о коммунизме оставались как неизбежная плата идеологии, вроде условий проявления гегелевского «абсолютного духа».

Сюзюмов.

С третьего курса начиналась специализация. Пользуясь правом свободного посещения, я выбрал кафедрой специализации кафедру истории СССР (формально писал курсовую и диплом по отечественной истории), а основные спецкурсы слушал на кафедре древнего мира, где был мой научный руководитель М.Я. Сюзюмов. Мне следовало набрать какое-то число спецкурсов (не помню точно, кажется, 7 или 8). Как помнится, я взял курсы по палеографии и археографии у Г.А. Кулагиной, латинской эпиграфике – у Н.Н. Беловой, греческого языка – у М.А. Поляковской. Однако основу специализации для меня составили спецкурсы М.Я. Сюзюмова. На третьем курсе Михаил Яковлевич читал для студентов два больших курса – годовой курс – «Историография средних веков» и двухлетний курс «Римское право». Слушало его несколько человек – Таня Райс, Валера Цыганов, Володя Вахрушев и я. Может быть, я кого-то забыл и заранее извиняюсь.

На третьем курсе учился прежде всего у Михаила Яковлевича Сюзюмова. Сюзюмову тогда было 74 года. Он был человек удивительный. Я не видел ни одной его удачной фотографии, потому что статика и он были несовместны. Он все время был в движении – когда летел по лестницам, перешагивая через пару ступенек, когда он читал лекцию, сидя на уголке стола, раскачивая ногой и дирижируя самому себе поклонами головы, когда бежал по коридору истфака и отвечал на вопросы. Пожалуй, он похож на гудоновского Вольтера. Он и был таким, живым, острым, ехидным и очень умным.

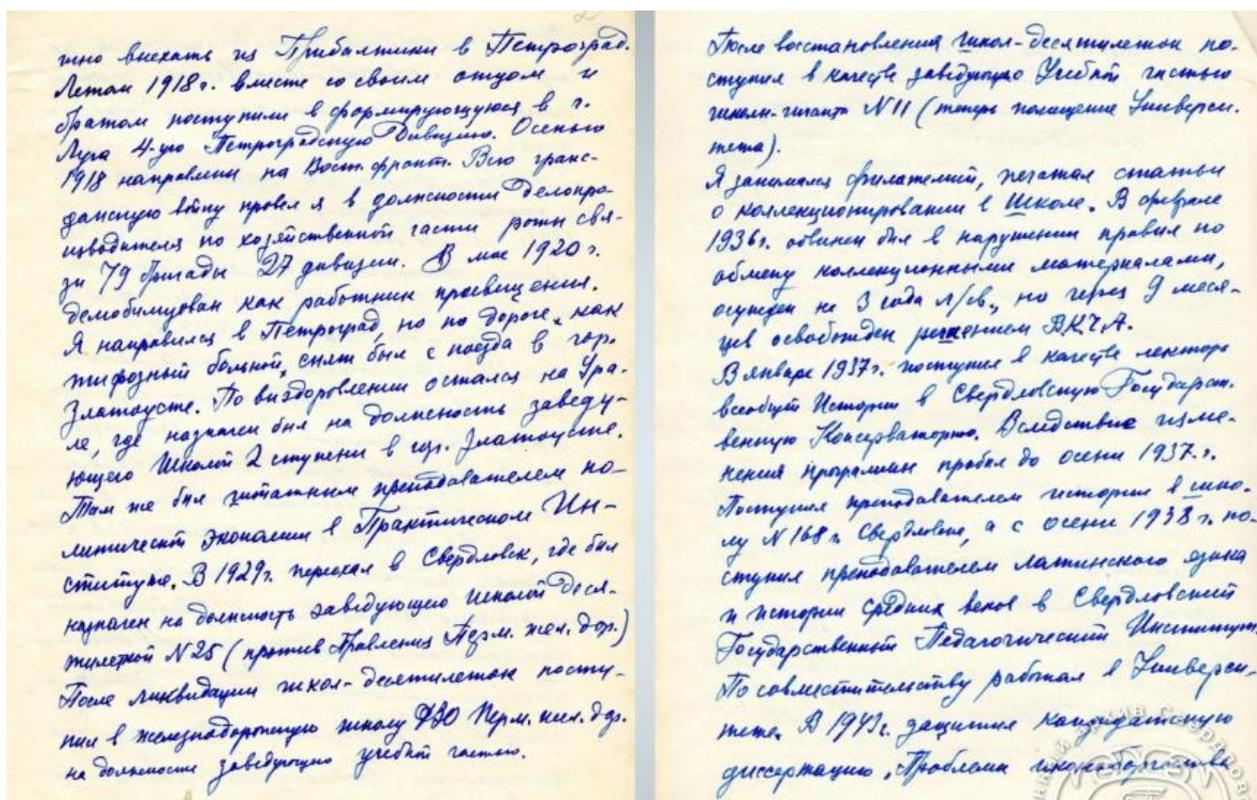

Михаил Яковлевич Сюзюмов

Он был человеком «не от мира сего». Сын чиновника военного ведомства, ветеринара, дослужившегося до генеральского чина, он закончил в 1916 г. Дерптский императорский университет⁴¹, где преподавали византинисты В. В. Васильев, В. Э. Регель, сосланный из Петербурга профессор Е. В. Тарле. Сюзюмов был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию. В том же году опубликовал статью, ставшей до сих пор лучшим исследованием об отношениях Византии и Древней Руси во время

⁴¹ Он говорил всегда именно так. Официально университет, основанный еще в начале XVII шведским королем Густавом-Адольфом, был переименован в Юрьевский, что соответствовало русификаторской политике Александра III. Но Сюзюмов, по его студенческой традиции, всегда подчеркивал – Дерптский императорский! Сейчас это Тартуский университет.

балканских походов Святослава. Немцы наступали в Прибалтике. В Юрьевском (Дерптском) университете обсуждали вопрос – куда эвакуироваться. Рассматривались Пермь и Воронеж. Сюзюмов отправили в Петербург, для работы с греческими рукописями. Дальше его понесло время революции – сначала в Петроград, отступая от немцев, где он застал революцию, затем – мобилизован в Красную Армию, дошел с ней до Монголии, демобилизовался и поехал в Северную коммуну, как звали тогда Петербург. По дороге заболел тифом и, принятый за покойника, был выброшен из вагона в Златоусте, где ему суждено было стать директором школы. Директором он был хорошим, преподавал от истории до математики, построил в школе обсерваторию, пристрастил школьников собирать почтовые марки⁴².

Фрагмент автобиографии М.Я. Сюзюмова. 1953 г.⁴³

Среди его учеников – один из создателей советской атомной программы и партийный деятель М.А. Первухин и много других людей, которые до самой его смерти ежегодно собирались у своего учителя – генералы и инженеры, учителя и пенсионеры. отом – арест в 1936 г., , счастливый выход из Тобольского лагеря, преподавание итальянского и латинского в Свердловской консерватории, в пединституте, защита кандидатской в 1943 г и докторской – в 1954 г., с 1955 г. после объединения истфаков он перешел из пединститута в университет⁴⁴.

Теперь добавлю – о каждом периоде своей биографии рассказывал с удовольствием, с кучей подробностей, он сам был воплощением истории. Рассказывая, как он был секретарем Луначарского во время его поездок по Уралу и видел его дискуссии с

⁴² Если бы он добрался до Ленинграда, то он с неизбежностью попал бы в жернова «академического дела» начала 30-х гг.

⁴³ ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 270. С. 2-3

⁴⁴ Мне пришлось писать его биографию: Пихоя Р.Г. Михаил Яковлевич Сюзюмов. К 80-летию со дня рождения//Альманах Древнего мира и средних веков. Вып. 10. Свердловск, 1973. С. 3-20

обновленческим митрополитом Введенским⁴⁵, объясняя нам, в чем, по его мнению, были причины репрессий 1937-38 гг., или вспоминая, как он в конце 40-х гг. выступал в Москве в Институте истории против сталинской идеи о прогрессивности «революции рабов», он, как я убежден, воспринимал самого себя как член корпорации Дерптского императорского университета.

Он жил в двух временах. Образцом, нормой университетской жизни для него был Дерпт с его профессорским судом, студенческими корпорациями – немецкой, русской, эстонской, польской, диспутами, лингвистической открытостью, профессиональной взыскательностью. В нем было что-то мальчишеское в сохранении в себе этого «Дерптского комплекса». Но жил он в иное время, не в Дерпте, а Свердловске, не в Российской империи, а в Советском Союзе.

Миша Горбунов – сейчас – доктор философских наук, а тогда – первокурсник философского факультета, где преподавал Сюзюмов, назвал его «коридорным профессором». И в этом не было ничего обидного. Сюзюмов проповедывал не только, (и не столько) с кафедры – а везде – и чаще всего - в университетских коридорах, когда к нему мог подойти любой студент и задать ему любой вопрос, начиная об отношении к абстрактному искусству и заканчивая тем, как и почему в Индонезии свергли Сукарно.

Курс по историографии средних веков стал для меня самым важным за весь период обучения на истфаке. Сюзюмов подробно исследовал и объяснял развитие историографического процесса с начала нашей эры – от Августина Блаженного – до середины XX – «школы Анналов». Каждая тема рассматривалась Сюзюмовым в нескольких ракурсах. Прежде всего, это был рассказ об эпохе, которая создала историка. Во-вторых, это был блистательный очерк об историке – будь то Августин Блаженный, О. Конт, Фюстель де Куланж, Л. Ранке или А. Допш. Ядро же лекции составлял анализ тогдашних философских концепций истории, а также свойственного той эпохе понимания природы исторического источника, изменения методов исторического исследования. Концепции понимания истории сменяли друг друга, конкурировали, иногда – возвращались. Бесспорное нарастание знаний о прошлом, происходившее во времени, дополнялось неоднозначностью понимания прошлого.

Первые сомнения в обоснованности методологической основы советской исторической науки, даже не сомнения, а иные мнения, не совпадавшие с общепринятыми, зародились во время занятий с М.Я. Сюзюмовым. В его спецкурсах можно было выделить два уровня. Первый – это чрезвычайно полезные знания по истории исторической науки, о том, что, условно говоря, можно выделить несколько линий, сохраняющих свою актуальность до сего дня. Это существование условно «просветительской», или линии прогресса, начинающейся, как минимум, со времен Августина Блаженного, и циклической, идущей от времен Аристотеля и Полибия. Каждый этап историографии в его изложении становился способом постижения современной ему действительности и с высоты этого знания – и прошлого. Это давало нам прививку от высокомерного отношения к существовавшим прежде историографическим «ненаучным» представлениям, так свойственной советской историографии.

Он подробно объяснял историю возникновения позитивизма как попытки на возможно строгой научной основе преодолеть и неоправданный просвещенческий оптимизм второй половины ХУШ в., и романтические представления о «*Volksgeist*» исторической школы права. Перед нами Сюзюмов рассказывал о позитивизме как стремлении отказаться от любых спекулятивных теорий предопределённости, стремлении применить естественно научные методы, анализ экономики и статистики, тщательно

⁴⁵ Рассказывал, не скрывая своего презрения ни к первому, ни ко второму, считая эти дискуссии спектаклем, который повторялся по мере передвижения агитпоезда. Впрочем, абсолютным антигероем отечественной историографии он считал М.Н. Покровского, которого искренне ненавидел.

выверенные, формализованные методики источниковедения. После его лекций становилось понятным влияние позитивизма на марксистскую концепцию истории, как и то, почему и как многие русские историки дореволюционной выучки объявляли себя марксистами, те историки, про которых Сюзюмов говорил, что «Для нас Бокль⁴⁶ был вместо евангелия».

Этот историографический курс стал для меня и курсом истории философии, намного более основательным, чем официальный университетский курс, да и уважительное отношение к источнику, неприятие гиперкритики – всё это стало частью моего обучения профессии историка.

Был и второй уровень. Михаил Яковлевич Сюзюмов учил не только этому. Он читал большой – на два года – спецкурс по истории римского права. М.Я. Сюзюмов считал важным, чтобы его студенты изучали римское право. Но сведения, содержащиеся в Кодексе Юстиниана, Дигестах, Институциях и Новеллах были не только источником по истории поздней Римской империи. В комментариях Сюзюмова данные, содержащиеся в этих документах, разрушали наши штампы в представлениях о рабовладельческом строе. Римское право раскрывало перед нами историю очень сложного, очень развитого общества с промышленностью и торговлей, кредитом, рыночными отношениями, наличием свободной рабочей силы, совершенной системой регулирования собственности, владения, пользования. Он яростно отказывал признавать прогрессивный характер перехода от поздней античности к раннему средневековью. Для него нашествие варваров, тех же германцев не могло стать прогрессивным, потому что уровень развития их был много ниже, чем у римлян. Сюзюмов гордился тем, что еще при жизни Сталина на одном из совещаний в Москве он открыто выступил против сталинского тезиса о «революции рабов и колонов».

Он решительно выступал против укоренившихся к этому времени тезисов о том, что признаками нарождавшегося феодализма стала община с совместным землевладением. Эта каноническая характеристика Энгельса легла в основу концепции Б.Д. Грекова о формировании феодализма в Древней Руси, у славян. М.Я. Сюзюмов в 1956 году опубликовал в «Византийском временнике» статью «О характере и сущности византийской общины по «Земледельческому закону»⁴⁷. Примечательная деталь: редакция сообщала, что статья «печатается в порядке обсуждения». Статья, самым тщательным образом обеспеченная источниковедчески, доказывала, что общины славян, поселившиеся на территории Византийской империи, обладали правом собственности на землю, правом купли-продажи своего участка в границах общины⁴⁸, что у славян тогда не было никакого ежегодного передела земель⁴⁹.

Для студента, изучавшего признаки перехода восточных славян к феодализму, выражавшихся, в частности, в утверждении об отсутствии частной собственности на землю и на том, что у восточных славян существовал ежегодный передел земель это, мягко говоря, зарождало сомнения в справедливости концепции Грекова.

Сюзюмову принадлежала дерзкая статья о природе основного экономического закона феодализма, изданная в 1954 г.⁵⁰ Он доказывал, что не получение феодальной ренты, как утверждали Б.Ф. Поршнев и С.Д. Сказкин было основным экономическим законом феодального способа производства, а стремление сохранить сословный строй феодального общества. В сущности, это была плохо скрытая атака на роль классово-борьбы как реакции

⁴⁶ Генри Томас Бокль (1821-1862) выдающийся английский историк, автор «Истории цивилизации в Англии». В этом исследовании Бокль широко применял естественно-научные, экономические, статистические выкладки для объяснения исторического процесса. Классик позитивизма. Работы Бокля выдержали десятки изданий на русском языке во второй половине 19-начале 20 вв.

⁴⁷ Сюзюмов М.Я. О характере и сущности византийской общины по «Земледельческому закону»//Византийский временник, 1956, X, с. 27—47.

⁴⁸ Там же. С. 35

⁴⁹ Там же. С. 38

⁵⁰ Сюзюмов М.Я. Об основном экономическом законе феодализма//Вопросы истории, 1954, № 7. С. 117-129

на рост феодальной ренты.

Мимоходом Сюзюмов обрушил внешне эффектную картину классовой борьбы в столичном Константинополе, доказав, что массовые волнения т.н. димов не более, чем столкновения фракций болельщиков на ипподроме⁵¹.

Я убежден, что Сюзюмову была свойственна игра в кошки-мышки с советской системой. Он умело цитировал классиков марксизма, одновременно сетуя на то, что в СССР существуют их плохие переводы, писал о феодализме, но в своих представлениях о нем он был ближе к Д.М. Петрушевскому, чем к Сказкину или Грекову. И свирепо ненавидел и презирал М.Н. Покровского, внедрявшего в 20-е гг. марксизм в историческую науку.

Мне кажется, он иногда специально эпатировал, дразнил власть, отстаивая за собой право говорить и делать то, во что он верил. На каком-то очередном юбилее Великой Октябрьской революции его пригласили на трибуну как единственного к тому времени участника гражданской войны. Он вышел и стал говорить, что никакого выстрела «Авроры» не было, потому что он 25 октября 1917 г. сидел в рукописном отделе и изучал греческие рукописи в библиотеке Салтыкова-Щедрина, недалеко от Зимнего дворца и артиллерийского выстрела не слышал. Его частая и не только мной слышанная присказка – «русская история заканчивается восстанием декабристов. Дальше начинается журналистика».

Такую ересь, подрывавшую основы советской мифологии и политической символики не простили бы никому⁵². Профессору Сюзюмову это во многом сходило с рук. Он раздражал и злил одних, которые могли шипеть и говорить гадости вслед, вызывал восторг и почитание – у других, для начальства он был неким экзотическим и дорогим прибавлением, и у всех было бесспорное признание его учености.

У него были свои, никак не укладывавшиеся в марксистские схемы убеждения о ходе исторического развития. Он, несомненно, был западником в самом классическом его варианте, в споре германистов и романистов он был последовательным романистом, убежденным, что именно греко-римское наследие лежит в основе европейской цивилизации.

Здесь я отмечу связанный с этим важный аспект – Сюзюмов придавал большое значение проблеме континуитета. Континуитет в его интерпретации – это непрерывность развития, обусловленная сохранением инфраструктуры, экономических, политических, социальных, правовых институтов. Само слово – континуитет – я услышал от него впервые и в последние годы жизни Михаила Яковлевича эта проблема его чрезвычайно волновала. Я думаю, что он хотел сказать то, что не мог в течение многих лет. Континуитет по сути противостоял и отрицал идею революции, заставлял задумываться о цене разрыва преемственности.

Были еще две темы, которые определяли, по его мнению, ход истории. Прежде всего – роль государства как конструктора исторического процесса. Если в классическом

⁵¹ Сюзюмов М.Я. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV в. // Ученые записки УрГУ, Свердловск, 1952, вып. 11. С. 84-134.

⁵² Это не избавило его от обидного и, прямо сказать – оскорбительного отношения к нему со стороны ряда московских коллег, во-первых, опасавшихся даже обсуждать сюзюмовские идеи и, во-вторых, относившихся к нему как к экзотическому пережитку прошлого. Да и в университете в 70-е г. его рассуждения о континуитетности исторического процесса, о природе перехода от античности к средневековью откровенно пугали его коллег. Основания для этого были. После разгрома «нового направления» появилась статья А.И. Данилова в журнале «Коммунист», осуждавшая отступления от энгельсовской концепции в медиевистике. См.: Данилов А.И. К вопросу о методологии исторической науки // Коммунист. 1969 № 5 С. 68-81. Опасались, что эта статья станет прологом к идеологической чистке.

В конце 70-х гг. Сюзюмов горько жаловался мне на то, что его статьи в кафедральном сборнике «Античная древность и средние века» подвергаются правке, сокрушающей авторский смысл.

марксистском понимании государство – это производное от экономического, политического, социального развития, то для Сюзюмова государство – демиург, творец новых отношений. Помню, как меня поразило отступление в рассказе М.Я. об историографии появления средневековой общины-марки как объекта налогообложения. Он рассказывал нам, что крупнейший австрийский исследователь раннего средневековья – А. Допш живо интересовался процессом коллективизации в СССР, видя в нем пример установления государственного контроля над деревней.

Другая тема, живо интересовавшая Сюзюмова – это взаимодействие и конфликт между центром и регионами, столичной и провинциальной знатью.

Я не стал византинистом. Но именно Сюзюмов приобщил меня к «большой истории». Его уроки историографии и источниковедения были усвоены довольно скоро. Другое – сюзюмовские представления об историческом процессе, запомнившиеся, но не понятые мной - дошли до меня через десятилетия.

Я считаю, что возможность учиться у Михаила Яковлевича Сюзюмова стало для меня подарком судьбы.

Философы и социологи.

На втором курсе Г.И. Бондарев читал диамат. Курс был интересным, хотя и считался одним из самых сложных. В основе его был детальный анализ понятийной системы философии как науки, категорий диалектики, гносеологии. Важный вывод, сделанный из его лекций – это необходимость тщательно продумывать и объяснять для себя и для потенциальных слушателей и читателей те понятия, терминологию, которую приходится использовать.

Тогда же, еще в 1965 году в составе исторического факультета было создано философское отделение, преобразованное на следующем – 1966 году был преобразован в самостоятельный факультет. Это был третий философский факультет в РСФСР. Инициатором и организатором создания факультета стал профессор М.Н. Руткевич. Он был известен нам как автор одного из лучших учебников диамата, как замечательный организатор и человек авторитарный, крутой⁵³.

Я вместе с М. Гуревичем, а иногда – один любил сбегать на лекции Руткевича, которые он читал студентам-философам. И не только на его лекции. Дело в том, что М.Н. Руткевич создал уникальную учебную программу для подготовки профессиональных философов. Лучшие профессора университета читали студентам лекции и вели практические занятия по высшей математике, биологии, физике, органической и неорганической химии, истории. При этом им преподавали самый широкий круг философских дисциплин и того, что входило в обязательный набор учебных планов высшего образования в стране.

Лекции на философском факультете Михаила Николаевича Руткевича дополняли лекции Г.И. Бондарева, но отличались прямо-таки математической отточенностью, когда каждый высказанный им тезис, каждое понятие подкреплялись обильной аргументацией, когда все понятия и категории выстраивались в систему.

Я узнал и подружился, стал добрым знакомым для многих студентов - философов – А. Аверина, В. Пыхтина, В. Козьмина, Н. Эйхгорн, М.В. Горбунова, Д. Пивоварова, А.

⁵³ Позже мы узнали, что М.Н. Руткевич – выпускник физического факультета в 1939 году, что его первая статья была издана в том же году в одном из самых авторитетных журналов - «Журнале экспериментальной и теоретической физики», а войну он провел офицером сапером.

О его роли на должности директора Института социологических исследований с 1972 г. в небезпристрастной публикации см.: Осипов Г.В. Возрождение социологии в России. Как было на самом деле// Социологические исследования, № 6, Июнь 2008, С. 5-22

Гайды, позже – Г. Бурбулиса.

Меня особенно интересовала социология. Возможно, одной из причин стала книга «История и социология»⁵⁴, купленная мной едва ли не на первом курсе. Я её купил, скорее всего, из-за того, что там была статья Б.А. Рыбакова. Но знакомство с книгой, которую я читал и перечитывал не один раз, зацепила меня тем, что там выяснялось соотношение таких понятий, как истмат и социология. Причем это была полемика, спор, хоть и освященный вступительными статьями руководителями Академии наук СССР В.А. Кириллина, П.Н. Федосеева, Ю.А. Францева. А.В. Гулыги, Б.М. Кедрова, А. В. Ефимова, М. Д. Каммари и другие ставили вопрос о соотношении истмата и неведомой мне социологии. Вне желаний или нежеланий участников обсуждения, легшего в основу этого сборника, вольно или невольно возникала мысль о том, что исторический материализм не универсален при объяснении исторического процесса.

Впрочем, послушать этот курс на факультете не удалось. По всей вероятности – не случайно, потому что главной задачей философского факультета, как мне кажется, была подготовка преподавателей высшей школы, ученых-философов.

Развитие социологии в Свердловске имеет свою историографию⁵⁵. Позволю предложить свое субъективное представление о становлении социологических исследований, так, как виделось мне тогда и видится мне сейчас.

После принятия Программы КПСС на XXII съезде КПСС, обещавшей скорое построение коммунизма в стране возникла необходимость объяснить новую роль рабочего класса, соотношение прежнего пролетариата периода капитализма и первых лет советского общества и нового рабочего класса, процесса сближения рабочего класса с крестьянством, опять-таки новым. Иная роль отводится и интеллигенции.

Прежние представления, сформировавшиеся в советской социальной философии на основе «Краткого курса истории ВКП(б) в новых условиях устарели. Да и страна начала 60-х гг. сильно отличалась от Советского Союза второй половине 30-х.

Требовалось, как минимум, исследовать современное состояние классов и социальных групп советского общества⁵⁶. Аппарат, техника подобных исследований была разработана в западной социологии хотя существовала и отечественная традиция первой трети XX в⁵⁷. В Уральском университете уже в начале 60-х гг. появились обстоятельные исследования с использованием методов социологического исследования о процессах перемен в рабочем классе. Их инициаторами были член-корреспондент АН СССР М.Т. Иовчук, работавший прежде в УрГУ, а также М.Н. Руткевич и Л.Н. Коган⁵⁸.

Именно этим двум последним – Руткевичу и Когану обязана своим появлением свердловская социология. Они были очень разные. Руткевич – строгий, подтянутый, всегда почти официальный, подчеркнута деловой, – но вместе с тем - остроумный, блестяще образованный. Между ним и собеседниками всегда незримо выстраивался барьер. Его, как

⁵⁴ История и социология. М., АН СССР. 196

⁵⁵ Отмечу, в частности: М.Н. Руткевич: «Многое было предreshено» (Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. - СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999

Зборовский Г.Е.. Социология в Свердловске / Екатеринбурге: второе рождение и этапы развития // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.17 / отв. ред. М. К. Горшков – М. : Новый Хронограф, 2019. С. 150-171; Павлов Б.С. Социологические исследования в институте экономики УрО РАН: (полувековой экскурс по итогам 1968-2018 гг.) Российское. - Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2018. – 823 с.

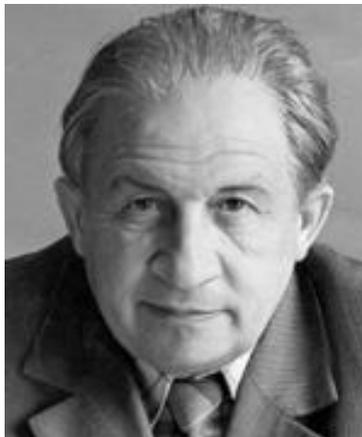
⁵⁶ Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса / [Под ред. М. Т. Иовчука и др.] М. : Соцэкгиз, 1961. 551 с.

⁵⁷ Об интересе к западной социологии в 50-х гг. свидетельствует монография бывшего директора Института философии АН СССР Г.Ф. Александрова. См.: Александров Г.Ф. История социологии как науки. М., 1958

⁵⁸ Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса / [Под ред. М. Т. Иовчука и др.] М. : Соцэкгиз, 1961. 551 с.

социолога, интересовали тогда проблемы структуры советского общества, процессы социальной мобильности, изменение природы рабочего класса, социология молодежи⁵⁹.

Различия между ними получили организационное оформление. М.Н. Руткевич остался в УрГУ деканом организованного им философского факультета, а Л.Н. Коган в 1966 г. перешел в созданный «под него» сектор социологии культуры Института экономики Уральского научного центра.

М.Н. Руткевич

Как эти все события отразились на историческом факультете и на нас, студентах? Да самым прямым образом. Позже Лев Наумович Коган назвал 60-70-е гг. «романтическим периодом в развитии социологии». Тогда не было профессионально подготовленных социологов. Учиться приходилось «в процессе производства».

В 1960 году в университете была создана первая в стране социологическая лаборатория⁶⁰, а в 1964 – на истфаке организовали группу студентов, которых привлекали к социальным исследованиям. Туда вошли Ольга Козловская, Станислав Корчемкин, Александр Пырин, Валентина Липатникова, Вадим Баженов⁶¹. Почти всех мы хорошо знали. Уже на втором курсе часть моих однокурсников, точнее – однокурсниц – Людмила Аверьянова, Таня Райс (в это время уже жена Вадима Баженова), Наташа Майн и некоторые другие принимали участие в опросах, которые социологическая лаборатория проводила на свердловских предприятиях, в высших учебных заведениях. Это был и заработок, и увлечение. Нужно отметить, что на историческом факультете фактически шла неоформленная официально специализация по социологии – без лекций и семинаров, но с практикой и под контролем самых опытных тогда социологов – М.Н. Руткевича и Л.Н. Когана.

Руководителем и социологической лабораторией, и Уральского отделения Советской социологической ассоциации был М.Н. Руткевич. Советская социологическая ассоциация организовала перевод и распространение важнейших западных работ по социологии. Бюллетени ассоциации⁶² только «для своих», для людей, связанных с социологией и

⁵⁹ Проблематика исследований М.Н. Руткевича значительно расширилась после его назначения в 1972 г. на должность директора института социологических исследований АН СССР.

⁶⁰ Ксенофонтова В. В., Чаплыгина С. Г. Социологическая лаборатория Уральского государственного университета в 60—70-х годах XX века // Известия УрГУ, 2005, № 37. С. 41-42

⁶¹ Пырин А. Эссе-воспоминание на тему: "Фрагмент истории образования философского факультета на Урале" // <https://philos-urgu.urfu.ru/ru/50-let/vospominanija/> Обращение 12 января 2021 г.

⁶² Отмечу, в частности, публикации Т. Парсонса и Р. Мертона в кн. Социология сегодня: Проблемы и перспективы. Сокр. перевод с англ. Под ред. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1965; Социология преступности. Сборник статей. — Москва: Прогресс, 1966. — 376 с.; Мозер К. Методы социального исследования. Вып. 1. М., 1969; Вып. 2. М., 1970; Структурно-функциональный анализ в современной социологии. М., 1969; Социология и идеология / АН СССР, Ин-т конкретных социальных исследований, Ин-т философии, Советская социологическая ассоциация; [ред.-сост. Воловик Л.А.]. - Москва: Наука, 1969. - 467 с. и др.

философией попадали и в наши руки. Предполагаю, но за давностью лет не могу утверждать, что снабжал нас ими Вадим Баженов. Но было и иное – благодаря инициативе и, прямо скажу – смелости Руткевича в социологической лаборатории УрГУ самостоятельно переводили и издавали другие книги – «Социологию на каждый день» польских социологов Зигмунда Баумана, Л. Колаковского, Я. Щепаньского, основателя американской социологии Питирима Сорокина⁶³.

Лев Наумович Коган начинал как исследователь феномена коммунистического труда, что сближало его с изучением нового состояния рабочего класса⁶⁴. Лев Наумович был человеком высокого роста, очень сутулым, с большими глазами, излучавшими невероятное обаяние. Его любили. Он был гуманитар – знаток поэзии и сам поэт, кино, музыка, литература – это было его. Он много занимался социологией культуры, кино. Культура молодёжи, социология образования стали надолго центральной темой его исследований.

Л.Н. Коган

Он был фактическим научным руководителем общественного Института молодёжных проблем при Свердловском обкоме комсомола⁶⁵, с которым сотрудничали и исследовали различные аспекты поведения молодежи писали свои работы под его руководством многие доктора, в том числе будущие доктора философских наук Б.С. Павлов, ставший преемником Л.Н. Когана в Институте экономики, К.Е. Игошев, дослужившийся до генеральских погон и должности заместителя начальника Академии МВД.

Говоря о социологии конца 60-х – 70-х гг., нужно указать, что едва ли не самым быстро развивавшимся явлением стало создание планов социального развития предприятий. Дело в том, что наличие таких планов было обязательной составной частью коллективного договора, который администрация заключала с профсоюзом⁶⁶. То есть каждое предприятие должно было либо иметь своего штатного ученого-социолога, либо заключать договор с научным учреждением, которое было провести социологические исследования коллектива предприятия, учесть многочисленные требования – начиная от освещённости рабочих мест, гигиенических комнат для женщин и много другого до условий повышения квалификации работников, обеспечения детскими садами, квартирами и т.д.⁶⁷.

⁶³ Мои попытки найти библиографические описания этих изданий, появившихся в социологической лаборатории УрГУ, не удалось. По сути, это был самиздат.

⁶⁴ Коган Л.Н. От труда социалистического к труду коммунистическому: Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора философских наук / Ин-т философии АН СССР. – Свердловск, 1962.

⁶⁵ Социальный портрет современника. [Об институте молодёжных проблем при Свердл. обкоме комсомола. Интервью с Б. Лившицем – «Вечерний Свердловск», 1967, 6 февр.

⁶⁶ Постановление СМ СССР и ВЦСПС от 6 марта 1966 г. N 177 «О заключении коллективных договоров на предприятиях и организациях»

⁶⁷ Коган Л. Н. Социальное планирование: работа, образование, быт. Наше общество сегодня и завтра М.: Политиздат, 1970. 87

Потребность в социологах многократно возросла, и истфак стал одним из источников комплектования этой профессии.

Хочу отметить, что огромная работа по созданию планов соцразвития, сами планы – детальнейшие «портреты» практически всех предприятий СССР практически не исследуются современной историографией. А жаль. Это источник, важность которого невозможно переоценить.

Я еще вернусь к нашим увлечениям социологией. Отменчу только, что знакомство с тогдашней социологической литературой свидетельствовало, что в социологии гораздо четче, чем в истории, прописаны такие понятия, как социальное структурирование общества, социальная мобильность и условия её реализации, Социологи работали с такими категориями, как социальные ожидания, ролевое поведение, анализ категорий общественного сознания. Убежден, что эти основы не XVдо знать и историкам. В известной мере, социология отвечает на извечный вопрос истории – как люди живут.

Мне, во всяком случае, это очень помогало.

Первая научная конференция.

Накануне весенней сессии на третьем курсе меня и Валерия Михайленко позвали в деканат и сказали, что в Армении будет всесоюзная студенческая конференция и Ереванский университет прислал приглашения. Сможем ли мы принять участие и выступить с докладами?

В.И. Михайленко. 1968 год.

Мы согласились. В. Михайленко специализировался по кафедре новой и новейшей истории, писал дипломную работу у проф. И.Н. Чемпалова по проблеме – Политика Италии на Балканах перед второй мировой войной, я продолжал заниматься у Сюзюмова русско-византийскими отношениями в 10 веке.

Апрель 1967 г. Ереван. Город, центр которого был выстроен в 30-50-х гг. из розового туфа архитекторами, влюбленными в свой город, уютный, украшенный фонтанами, теплый. Поражало отношение армян к нам, русским. Оно было исключительно доброжелательным. И мы чувствовали себя иностранцами. Жизнь в городе была другая, незнакомая нам прежде. Удивляло то, что за прилавками в магазинах, в кафе - почти везде стояли мужчины. На Урале это было просто невозможно, это считалось сугубо женским делом. Вкуснейший свежесвепесочный хлеб – лаваш, кофе, *правильный* кофе. Красное сухое вино, которое стоило копейки... Другое отношение к деньгам. Когда утром в буфете в общежитии студент из Литвы попросил к хлебу и кофе 50 граммов масла, продавец, посмотрев на него сначала недоуменно, а потом со смесью раздражения и презрения отмахнул кусок масла и положил его на тарелку.

В магазинах продавали то, что тоже было невидано в Свердловске. С середины 60-

х гг. появились шариковые ручки. Они были такой же модой, как спустя много десятилетий айфоны⁶⁸. Шариковые ручки привозили туристы из-за границы, их «доставали» всякими сложными путями. Стержни шариковых ручек, после того, как паста в них заканчивалась, заново заправлялись из специальных аппаратов. Здесь же можно было купить любые шариковые ручки – одно, двух, четырехцветные.

Ясно было, что в Армении делают, и не только на государственных предприятиях, многое из того, что относилось к категории дефицита.

Восхищали исторические памятники – архитектурные шедевры первого тысячелетия – первого века - Гарни, храмов IХ в., , окружающих озеро Севан...Для меня это было удивительно... Символично, что один из центральных проспектов Еревана, поднимаясь в гору, упирался в белокаменный Матенадаран – музей, хранилище древней армянской письменности, армянских рукописей, своего рода храм армянской культуры.

Поражали люди. Армяне – народ исторический, наверное – самый исторический из всех, кого удалось видеть мне на моём веку. Любой мог рассказать о Месропе Маштоце – создателе армянской письменности, историке Мовсесе Хоренаци. Но едва ли не главная тема разговоров об истории, разговоров со студентами в общезнании за бутылками с сухим вином была совершенно неведомая нам тема – геноцид армян во время первой мировой войне. Тогда мы впервые услышали о физическом истреблении народа турками. Тема эта кровоточила, она не была историей для наших армянских сверстников. Когда один из них заявил, при полной поддержке своих соотечественников - «Тот не армянин, кто не убил турка», а под турками понимались и азербайджанцы, то стало ясно, что рассказы о братстве народов СССР как следствии ленинской национальной политики – это, мягко говоря, благое преувеличение...

Ереван. Со студентами из Литвы и Башкирии

На нас произвело сильное впечатление во первых, крайняя разобщенность народов Кавказа, о которой мы не знали и не догадывались и, во-вторых, взаимное сотрудничество, и своего рода тихое высокомерие, что ли, ребят их Прибалтики. Для меня все это было по меньшей мере странно. До сих пор мне не приходилось сталкиваться с неприятием – а в данном случае – с открытой враждой по национальному признаку. Да и не было этого на Урале...

Конференция шла своим чередом. В нашей, «феодальной» секции для меня особенно интересными оказались доклады студентов из Уфы, рассказывавших о шежере – семейных и родовых генеалогических летописях башкир. Мне было интересно, что шежере – это рукописная историческая традиция, которая носила сугубо личный, семейный, неофициальный характер и рукописи сохранялись и сохраняются в семьях.

⁶⁸ За неимением хороших шариковых ручек я предпочитал писать дома обычной ручкой, обмакивая перо в чернильницу. Именно так был написан первый вариант моей дипломной работы, а позже и диссертации.

Ко времени завершения конференции оставалось купить подарки. В Ереване это было легко. Там продавались недорогие изделия из серебра. Купил кольца, броши. Это для моей любимой девушки – однокурсницы Людмилы Аверьяновой.

В Свердловск мы с Валерой Михайленко летели с приключениями. Обратных билетов в Свердловск не было – они были раскуплены заранее на несколько недель. Упросили руководство аэропорта и нас посадили в грузовой самолет до Волгограда, чтобы оттуда уже добраться в Свердловск. Мы сидели на тюках с коврами. Стюардессы угощали замечательным лавашом с сыром, мы пили гранатовое вино. В Волгограде – пересадка. Пока ждали самолет в Свердловск, вышли за территорию аэропорта. Там, в степи, зацвели тюльпаны. Нарвали букеты и полетели домой.

V. ЭКОНОМИКА, СОЦИОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ У СЕМЕЙНОГО ЧЕЛОВЕКА.

Соблазн экономикой. Среди других предметов, которые читали на втором семестре третьего курса выделялись лекции по политэкономии социализма молодого доцента Ирины Михайловны Тёмкиной. Курс был неожиданно интересным. Это был анализ советской экономики и реформ, которые позже назвали «реформами Косыгина». 1987 год – середина 8-й пятилетки был успешным. В течение короткого срока – нескольких лет – заметно улучшились экономические показатели страны, а главное – в магазинах вновь можно было купить без проблем мясо и молоко, в винных отделах появилось венгерское, болгарское, румынское вино, в магазинах одежды – польские пальто, куртки, нейлоновые плащи и рубашки неизвестного происхождения, но от этого не менее модные. Ириша Темкина, как фамильярно звали ее студенты между собой, прочитала интереснейший курс, она пыталась, и делала это с успехом, показать преобразовательский, реформистский потенциал в подходах к советской экономике. Это не мешало ей вполне трезво оценивать проблемы и глупости, которые сохранялись в экономике. Да и в отношениях со студентами она была человеком справедливым и, что называется, с понятием.

Помню, как на экзамене один из наших однокурсников нахально списал на глазах Темкиной и пошел отвечать. Отвечал он ясно и толково. Темкина, побрезговывая ловить парня со шпаргалкой, едва ли не её сверстника, задала ему единственный вопрос: «у меня два платья одинакового фасона – шелковое и штапельное. За шитье какого платья я заплатила в ателье дороже?»

Студент ответил – «за шелковое, конечно!»

«Неверно, - весело возразила ему Темкина. - Одинаково. У нас расценки такие дурацкие».

Парень получил три балла.

К концу третьего курса вставал вопрос – что дальше? Писать, конечно, я хотел только у Сюзюмова. Совпадало много. Мне нравилась тема, мне хотелось заниматься историей Древней Руси. А то, что учиться у Сюзюмова – это невероятная удача, что второго Сюзюмова просто нет и это не просто хороший научный руководитель – это – воплощение мировой науки – мне было ясно. Но надо было определяться с ближайшими годами. Я не хотел работать школьным учителем, а именно это полагалось выпускникам исторического факультета университета. Я ничего не имел против школы и учителей, но мне это было просто не интересно. Шансы на аспирантуру у Сюзюмова были ничтожны. Места в аспирантуру ему давали мало и редко.

К этому добавлялся второй, личный фактор. К концу третьего курса мы с Людмилой Аверьяновой решили жениться, а женатому надо было искать работу.

Моя будущая жена Людмила Аверьянова

В этой связи неожиданное предложение, сделанное мне Ириной Михайловной – заняться экономикой, пойти на работу на кафедру политэкономии, к тому же сформулированное вполне аккуратно – занимайтесь своим средневековьем, но и в экономике сейчас столько интересного – было воспринято мной с благодарностью. Я и Ирина Михайловна поехали в старое здание университета на 8 Марта, 62, где создавался новый институт народного хозяйства, к организатору и ректору нового института – В.М. Готлоберу. Темкина предложила принять меня на работу. Тот, взглянув на меня, задал единственный вопрос: «А диплом у него есть?»

Диплома у меня не было, на том разговор был окончен. Ирина Михайловна, похоже, была обескуражена таким поворотом дела едва ли не больше меня. Тогда она сказала, что переговорит с кафедрой политэкономии Свердловского педагогического института, где создается хозрасчетная лаборатория. Так я оказался лаборантом по хоздоговору на кафедре политэкономии с зарплатой 75 рублей в месяц.

Перевод на заочное отделение не составил труда. Формальным поводом стало то, что я взял в поликлинике, к которой были приписаны студенты УрГУ справку, подтверждающую, что у меня гипертония с высокими цифрами давления и мне целесообразно доучиваться на заочном (на свою гипертонию я прежде не обращал внимания, но в данном случае это пригодилось). Университетская администрация подписала перевод на 4-й курс заочного автоматически.

Научный руководитель договора доцент М.Я. Ринтель объяснил, что предстоит работать по договору пединститута с заводом им. Воровского. Тема договора - «Пути сокращения производственного цикла в условиях мелкосерийного производства буровых установок СБУД-1500-300». За этим названием скрывалось производство самоходных дизельных буровых установок для геологических исследований⁶⁹. Я должен был с секундомером отследить, как из заготовки появляется деталь, которая станет частью буровой установки, как загружен станочный парк завода.

Завод имени Воровского находился на углу ул. Белинского и Фрунзе. Станочный парк там был старенький. Работа предполагала, чтобы я в течение двух смен – с 8 утра до 12 ночи следовал за деталями – от станка до станка, пока на дворе завода не начинался монтаж созданной здесь буровой установки на трехосный грузовик ЗИЛ-157. Честно говоря, не помню, как мне это удавалось, но за четыре месяца работы я собрал большую статистику станочного времени, которое было затрачено на создание буровой.

На работе появилось много времени для того, чтобы читать. Благо, что на складе «Академкниги» удалось за копейки купить собрания сочинений С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Е.В. Тарле, М.Н. Покровского. Я с особым вниманием читал Е.В. Тарле. Его дореволюционные работы по истории Франции XVIII в. подкупали блестящим использованием методов социально-экономической истории, это было просто пособие по применению методики позитивизма в истории. А его «Крымская война» восхищала языком изложения, искусством цитирования, делающего убедительными выводы историка. У Ключевского меня привлекло его умение разделять текст повествования на небольшие главки с отдельными подзаголовками, благодаря чему текст становился «прозрачным», с ясно выраженной центральной темой. Я думаю, что это время стало для меня уроком по написанию текстов.

Конечно, было и время готовиться к очередным экзаменам.

Однако вернусь к экономике. Итог моих весьма тщательных наблюдений за

---

⁶⁹ Постановление Совмина СССР от 23 июля 1962 г. N 763 «О мерах по повышению технического уровня и эффективности геологоразведочных работ» предусматривало организацию производства этих установок на заводе им. Воровского в г. Свердловске.

станочным временем был для меня неожиданным, если не шокирующим. Я самым добросовестным образом установил, что станки работают примерно половину рабочего времени. Но согласно нормо-часам все рабочие выполняют план на 120%! Вычел необходимое время, которое по нормативам приходилось на техобслуживание станков, их ремонты - все равно получил, что станки простаивают очень много. Дальше – больше. Я пошел смотреть в заводууправлении техдокументацию и нормы на производство деталей этой буровой. Пересчитав с помощью заводских нормировщиков, чтобы что-то не пропустить, нормативное, запланированное время на производство каждой детали, выяснил, что по документам станки были заняты на 98% времени!

Пошел разбираться со сделанным мной открытием с научным руководителем договора, опытным доцентом-экономистом. Он рассмеялся. «Нормы, - сказал он мне, - устанавливаются не по реальным трудозатратам, а для того, чтобы платить рабочим в тех пределах, которые закладывает Минтруд для каждой категории рабочих, то есть станочник должен иметь 120-140 рублей в месяц, у других категорий рабочих – металлургов, строителей - свой предел оплаты, и под это подстраивается нормирование».

Как не вспомнить И.М Темкину – «Нормы у нас дурацкие!»

Все мои представления по экономике вообще и экономике социализма – в частности - пошли прахом. Если в основу планирования вводятся совершенно произвольные категории, если объем трудозатрат (то есть время) определяется социальными характеристиками (принадлежностью к отрасли, профессиональной группе) – то мы встречаемся с неопределенными категориями, невыясненными понятиями. И никакие румяна политической целесообразности не в состоянии отменить простой факт – если нет четко определенной и относительно стабильной (в границах изучаемого объекта) понятийной системы – то нет и науки. (Кстати, из этого ряда – сведения о перевыполнении производственных планов предприятий, после того, как эти предприятия и министерства, ими руководящие, добивались от Госплана «корректировки», а попросту уменьшения первоначальных плановых заданий и сведения в справочниках госстата СССР о производстве товаров народного потребления и продуктов питания в стране).

Мораль: экономика – это не для меня. Надо искать работу.

Дела домашние.

Летом 1967 года произошло неожиданное, но важное событие. Мой младший брат Станислав заканчивал школу и мама решила переехать в Свердловск, чтобы он дальше учился «под приглядом». Для этого договорилась купить у Ефима Наумовича Фридкинского – хозяина дома на Красноармейской, 35 – низ дома, первый этаж. Мой друг М. Гуревич уже на третьем курсе работал по договору с Институтом экономики социологом на Северском трубном заводе и перешёл, как и я, на заочное отделение., переехал в Северск. Остальным арендаторам было отказано. Итак – у нас дом в самом центре Свердловска, со своим садом и огородом в пяти минутах от оперного театра, мама работала учительницей в школе, директором которой был наш добрый знакомый еще по Северску Л.А. Голубев, отец устроился на строительство и реконструкцию Верх-Исетского завода, брат поступил в лесотехнический институт.

Наш дом по-прежнему оставался центром притяжения для моих друзей по университету. Это были мои однокурсники Володя Айрапетов⁷⁰, Валера Михайленко⁷¹. Миша Гуревич⁷² был едва ли не членом семьи, он дружил и с моим младшим братом, с моими родителями, прежде часто бывал в нашем северском доме; мы дружили с Анатолием

⁷⁰ Владимир Георгиевич Айрапетов, кандидат исторических наук, доцент Уральского университета.

⁷¹ Валерий Иванович Михайленко, доктор исторических наук, профессор Уральского университета.

⁷² Михаил Аркадьевич Гуревич, кандидат философских наук, руководитель социологической группы Челябинского филиала Института экономики УрО РАН, доцент.

Козловым⁷³ - Толиком, его братом Сашей. Семья Козловых была очень музыкальной, Толик хорошо пел, а брат был профессиональным музыкантом. Новыми в этом кругу стали Володя Скрипов⁷⁴ и Алексей Мясников. Володя был студентом, увлеченным социологией, Отдельная история – Алексей Мясников⁷⁵. Он был создателем группы социологов Северского трубного завода, тесно сотрудничал с Л.Н. Коганом в Институте экономики и с философским факультетом Московского государственного университета. У Алексея Мясникова в Северске собирались и М. Гуревич, позже сменивший его на посту руководителя заводской группы социологов, и В. Скрипов, и А. Козлов. Веселый, обаятельный, любимец женщин, он часто публиковался в «Комсомольской правде», «Литературной газете», в новосибирском академическом журнале «ЭКО»⁷⁶.

Владимир Скрипов, Михаил Гуревич, Анатолий Козлов, Алексей Мясников⁷⁷

Я как-то разговорился с Алексеем об очевидной бессмысленности моих экономических бдений. Он сделал неожиданное предложение – в Уральском политехническом институте намерены создать при кафедрах философии и научного коммунизма будет создаваться социологическая лаборатория и, зная мой интерес к социологии, посоветовал сходить туда.

... Из УПИ я вышел старшим инженером социологической лаборатории с зарплатой 120 рублей в месяц.

Студенческая свадьба на фоне защиты дипломов.

Со своей будущей женой я познакомился в поезде, который вез нас, первокурсников, в Красноуфимский район.. Еще в поезде, который вез нас, первокурсников в колхоз «на картошку», я заметил Люду Аверьянову. Она прекрасно пела. Как выяснилось, еще и серьезно занималась хореографией, танцами. Узнал, что Людмила лучше, чем я, сдала вступительные экзамены. Позже она рассказывала, что после школы хотела поступать в театральный, но её старшая школьная подруга, Ольга Козловская, учившаяся тогда на третьем курсе истфака и занимавшейся социологией уговорила Людмилу поступать на истфак. Во всяком случае, о факультете и будущей учебе она знала больше.

Когда начались учебные занятия, мы оказались в разных группах. В своей группе она стала явным лидером, отлично училась, была старостой группы.

И потом она была красивой и очень мне нравилась.

Что говорить о любви? Главное, что она была.

⁷³ Анатолий Александрович Козлов – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии молодежи и молодежной политики факультета социологии СПбГУ, профессор,

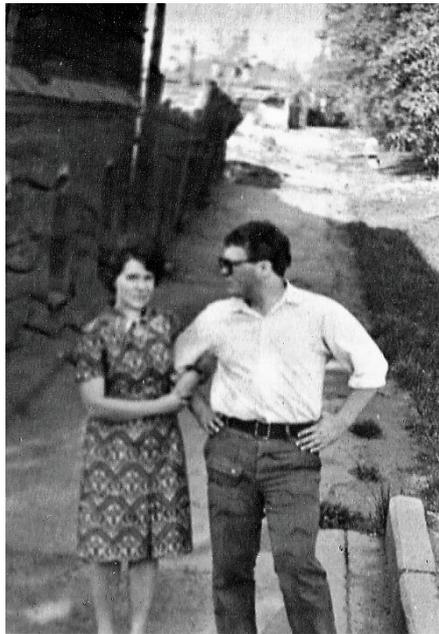
⁷⁴ Владимир Александрович Скрипов – кандидат философских наук, журналист, Вильнюс

⁷⁵ Алексей Александрович Мясников – кандидат философских наук, социолог, журналист, в 1980 осужден как диссидент.

⁷⁶ Я убежден, что Алексей Мясников стал прототипом главного героя фильма 1977 г. режиссера Ю.Карасика «Собственное мнение», где роль социолога играл В. Меньшов. Собственная биография Алексея Мясникова оказалась гораздо более причудливой и сложной, чем мог придумать сценарист.

⁷⁷ Фотография с обложки книги: Мясников А.А. Как жить. М., 2009

На третьем курсе мы решили, что поженимся. Решили, что женитьба должна состояться в конце учебы, перед защитой дипломов. В марте 1968 года была свадьба. Свидетелями были Миша Гуревич и Володя Айрапетов. Нам было по 21 году, мы были уверены, что всё знаем о нашем будущем.

Около дома на Красноармейской, 35

А пока надо было закончить университет. У Людмилы всё было благополучно. Она уверенно и без проблем должна была получить диплом с отличием. Она писала дипломную работу по истории средств массовой информации на Урале в 20-е гг. XX в.

Её научный руководитель М.Е. Главацкий в газете «Уральский университет» писал, что тема её дипломной работы представлялась очень сложной еще и потому, сложно было выявить источники. *«Одно время даже возникло предложение сменить тему, - писал М.Е. Главацкий. - Но уже вскоре оно отпало. Уж очень ответственно и серьезно исполнитель работы — студентка истфака Л. Аверьянова-Пихоя — относилась к делу. Она не только глубоко и вдумчиво изучила всю литературу, но и скрупулезно, кропотливо добывала материал в архивах, старых газетах, разыскала активных участников описываемых событий, узнала у них много деталей, интересных фактов. ... Л. Пихоя должна была проявить большую самостоятельность в определении круга вопросов, отборе фактов, и это оказалось ей по силам. В результате получилось небольшое самостоятельное исследование, и Л. Пихоя, бесспорно, расширила наши представления по одному из интересных вопросов»*⁷⁸.

Людмила закончила факультет с «красным дипломом», рекомендацией в аспирантуру по истории КПСС и приглашением в аспирантуру от М.Н. Руткевича.

Подумав, она выбрала историю, хотя поступить на очное отделение аспирантуры по истории КПСС для беспартийной было практически невозможно.

Со мной было сложнее. Я перевелся на 4 курс заочного отделения. Отставать от своих недавних однокурсников я не хотел, но вся трудность состояла в том, что заочники учились 6 лет. По их учебному плану следовало выучить и сдать ряд дисциплин, которые отсутствовали у дневников – помню, в частности, курсы по советскому праву и по этике. Меня спасало то, что, работая по договору на заводе Воровского, фиксируя, когда деталь переходит с одного станка на другой, у меня было много времени, часть которого я тратил

⁷⁸ Уральский университет, 1 июля 1968 г.

на подготовку к очередному экзамену. Кроме того, и деканат, и преподаватели помнили, что прежде у меня было свободное расписание, которое давало право самостоятельно выбирать время для сдачи экзамена.

Большой удачей стало то, что в январе 1968 г. удалось получить командировку на месяц в Москву, где я просидел в Фундаментальной библиотеке общественных наук, которая тогда была около Ленинской библиотеки. Там удалось заказать микрофильмы тех книг, которые отсутствовали в Свердловске, в частности, принципиально важный для меня шестой том Русской исторической библиотеки⁷⁹, где были изданы документы церковного права XI-XV вв.

В работе над дипломом наиболее сложной и важной частью стало выявление влияния греческого Номоканона, решений вселенских и поместных соборов на документы древнерусского церковного права.

К весне я смог за год сдать все экзамены и зачеты за три курса заочного отделения, каллиграфическим почерком написал дипломную работу.

Но не тут то было! Закончить университет в один месяц с моими однокурсниками-дневниками мне не удалось.

Михаил Яковлевич, прочитав диплом, потребовал от меня исследовать чешско-сербско-болгарскую дискуссию о месте происхождения Закона Судного людем, обосновать собственное мнение по этому вопросу, просмотреть публикации на французском языке на эту тему, а переделанную работу не переписывать, а напечатать на машинке.

Делать нечего. Пришлось проводить исследование, заказать переводы, печатать на машинке. Спасибо Сюзюмову. Этот раздел диплома практически без переделок вошел в мою кандидатскую диссертацию.

Осенью 1968 г. я защитил дипломную работу и отправился к проректору по заочной работе за дипломом. Проректор Анна Федоровна Козьменко, прочитав в дипломе, что я поступил в 1964 и закончил в 1968 – ахнула. «Разве вы не знаете, что экстернат запрещен?» Конечно, не знал. Но деваться было некуда, тем более, что диплом был с отличием и закончил я с рекомендацией в аспирантуру по теме моего диплома - по истории Древней Руси.

⁷⁹ Памятники древнерусского канонического права : Ч. 1 : (Памятники XI-XV в.) / [Ред. А. С. Павлов]. - 2-е изд. - СПб. : [Тип. М. А. Александрова], 1908. - 1472 с. и стб., разд. паг. - (Русская историческая библиотека; 6)

Социологическая лаборатория Уральского политехнического института.

Рекомендации рекомендациями, но мест в аспирантуру ни мне, ни жене давать не собирались. Точнее, Людмила поступила в заочную аспирантуру, но места работы не было. Мне хотелось поступить в аспирантуру к Сюзюмову, но мест ни по кафедре истории СССР, ни по кафедре средних веков в том году не выделили. У меня, с легкой руки Алексея Мясникова, работа была. Я был принят в социологическую лабораторию, которая числилась при двух кафедрах – философии и научного коммунизма. Впрочем, социологическая лаборатория состояла из двух человек – меня и Елены Нежиховской, выпускницы нашего истфака, восторженной поклонницы Льва Наумовича Когана. Позже у нас появилась еще лаборантка. Лаборатория – это стол на кафедре философии на третьем этаже физико-технического факультета УПИ.

Уральский политехнический институт им. С.М. Кирова

Тут, кстати, произошло случайное, но оказавшееся важным для нашей семьи событие. Летом 1968 года к нам в лабораторию пришли два человека, которые интересовались: поможем ли мы найти социолога, который бы занялся разработкой плана социального развития автотранспортного предприятия? Я порекомендовал Людмилу, благо, что она участвовала в подобных работах еще на 2-3 курсах. Её приняли. Промышленная социология стала её основной профессиональной деятельностью на 12 лет, она закончила её руководителем социологической группы при громадном предприятии – главке «Средуралстрой», где работали многие десятки тысяч рабочих. Диссертацию свою по истории она защитила позже.

Беседы с заведующими кафедрами – научного коммунизма Л.Д. Митрофановым и философии – Германом Викторовичем Мокроносовым особой ясности в задачи лаборатории не внесли. Ясно было, что заведующие были заинтересованы в заключении договоров с целью подготовки планов социального развития крупных предприятия. Начальство предприняло ряд попыток договориться с директорами заводов – но не получилось. Думаю, репутация социологической лаборатории УрГУ и Института экономики была оправданно выше, чем новой группы социологов УПИ.

Надо было самому придумывать проблематику. Пожалуй, три обстоятельства подтолкнули нас в выборе темы и её последующем утверждении. Во-первых, в Свердловске складывалось направление – исследование молодёжи. Своего рода научным манифестом стал знаменитый ЖПМ – сборник «Жизненные планы молодёжи»⁸⁰. И Руткевич, и Коган, а следом за ними – кафедры Свердловского пединститута занимались этой темой. Да и в УПИ на кафедре научного коммунизма стали изучать студенчество. Напомню, что действовал исследовательский центр по молодёжной проблематике при Свердловском обкоме

⁸⁰ Жизненные планы молодежи [Текст] : [Сборник статей] / [Отв. ред. проф. М. Н. Руткевич]. - Свердловск : [б. и.], 1966. - 245 с., 1 л. граф.; 21 см. - (Социологические исследования/ Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького; Вып. 1

ВЛКСМ, с которым был связан Володя Чернов. Поэтому предложение – исследовать студенчество не вызвало возражений.

Была и вторая причина. Мне это было *лично* интересно. Уже с 1967 г. на Западе поднималось молодёжное, по своему происхождению студенческое, движение с требованием перемен не только в обществе, но и в университетах. Начиналось как волнения американских студентов против войны во Вьетнаме, продолжилось выступлениями студентов в Западном Берлине, протестовавших против авторитаризма, критиковавших и советский коммунизм, и западный капитализм, призывая к новому социализму. Оно перекинулось в Варшаву, когда запрет постановки «Дзядов» Мицкевича привел к мощным выступлениям студентов под лозунгами свободы, отмены цензуры, освобождения от советского влияния. С событиями в Польше связан любопытный эпизод того времени. В апреле 1968 г. из Польши приехал М.Н. Руткевич. Он решил встретиться со студентами 3 – тогда старшего курса философского факультета. Так как я прежде посещал занятия философов, знал и дружил со студентами, то пошёл на эту встречу. Мне были интересны оценки Руткевича еще продолжавшихся волнений. Однако Михаил Николаевич свел свой рассказ к туристическим впечатлениям. Я попросил М. Н. рассказать – что же происходит в польских университетах?

Михаил Николаевич отмахнулся – весна, студенты волнуются, обычное дело.

Я попробовал задать вопрос иначе и напомнил, что положение в Польше мало отличается от положения в других социалистических странах Восточной Европы и студенческие волнения в Польше уже однажды стали прологом к восстанию в Венгрии в 1956 г.

- «Вы не из нашего коллектива. Уходите» - вдруг потребовал, вместо ответа, М.Н. Руткевич.

Я, не торопясь, с чувством глубокого удовлетворения вышел из аудитории и остался в коридоре, дожидаясь жены, которая оформляла какие-то документы в университете.

Через некоторое время ко мне подошёл заместитель декана философского факультета Г.И. Бондарев и сказал, что меня приглашает Руткевич в деканат философского факультета. Я ответил, что я не из их коллектива, поэтому в деканат не пойду.

Г.И. Бондарев, помолчав, сказал – «Он Вас в аспирантуру приглашает».

Я отказался.

Высшей точкой студенческих волнений стало восстание студентов Парижа, среди требований которых была реформа университетов, в частности, предусматривавшую устройство выпускников. Кроме обычной информации, как советской, так и той, которая шла от «вражеских голосов», мне регулярно удавалось читать бюллетени Комитета молодёжных организаций СССР, где можно было вычитать о взглядах Руди Дучке с его мучительным поиском нового социального порядка между христианством и коммунизмом, антитоталитарные рассуждения Г. Маркузе с его описанием репрессивной терпимости общества. Да и идеи «культурной революции» в Китае с декларируемым антибюрократическим пафосом конца 60-х гг. представляли интерес. Всё это имело отношение к марксизму, но другому, не советскому, а к «новым левым».

Во всех этих западных, на первый взгляд, событиях меня интересовало несколько проблем, которые носили универсальный, не зависящий от стран и не связанных напрямую с политикой вопросы:

- высшее образование как фактор социальной мобильности и осознание этого фактора личностью студента;
- изменение индивидуальных ролевых ожиданий студента в процессе обучения и

адаптации молодого специалиста;

- требования современного производства к личностным и профессиональным качествам инженера;

- способность высшего образовательного учреждения выступать в роли посредника, который должен учитывать и корректировать ролевые ожидания как изменяющейся личности студента, так и ожиданий заказчика образовательной деятельности.

Эти мои размышления шли как от знакомства с работами Р. Мертона, З. Баумана, так и от восприятия собственной жизни выпускником университета 21 года от роду.

Руководство кафедры философии и кафедры научного руководства согласилось с предложенной нами темой – кажется, так: исследования ожиданий студентов и их соответствия с профессиональными квалификационными требованиями

Было и третье обстоятельство, которое придало масштаб этой работы и сделало эту тему в полном смысле институтской. Не успел я поступить на работу в Уральский политехнический институт, как меня приписали (уж не помню, какой у меня был там статус) к комитету комсомола института. Это была обязанность – выпускник истфака автоматически привлекался к общественной работе. Для меня стало полной неожиданностью знакомство комитетом комсомола УПИ. Если в университете в моём студенчестве комитет комсомола был скорее ритуальной структурой, не авторитетной для большинства студентов, то в УПИ всё было не так. Во-первых, традиционно секретарями комитета комсомола были прекрасно учившиеся студенты, обладавшие авторитетом и хорошие организаторы. Во-вторых, комитет комсомола был влиятельной структурой института, достаточно сказать, что из секретарей комитета комсомола вышло немало ученых, государственных и партийных деятелей нашей страны. В моё время секретарем комитета комсомола был Александр Васильевич Кружалов – Саша Кружалов, выпускник физтеха, в будущем доктор физических наук и Заслуженный деятель науки РФ. Мне запомнились Завен Вартеванян, тогда – студент стройфака, «командовавший» студенческими строительными отрядами, в будущем – Заслуженный строитель РФ, выпускник радиофака, инженер – радист Валера Воротников – в будущем генерал КГБ В.П. Воротников

Комитет комсомола УПИ и ректорат на встрече с польской делегацией. 1969. Я – крайний слева, справа от меня ректор УПИ Ф.П. Заостровский.

Мне поручили сначала наладить лекторскую работу в УПИ (не помню, как это точно называлось – кажется, комсомольская учеба). Дело было для меня несложным.

А уже вскоре комитет ВЛКСМ поддержал наше исследование. Эта помощь была очень важна. Исследование перестало быть только делом группы социологов. Оно стало, без преувеличения, частью работы института.

Я опушу всю социологическую часть, наши расчеты реперезентативности и референтных групп, составление, по прописям З. Баумана, анкет, адресованных студентам разных курсов, молодых и немолодых выпускников, написание программ для обсчета программ на электронно-вычислительной машине «Урал-2», занимавшей весь второй этаж физико-технического факультета. Мы с Еленой Нежиховской проводили интервью с инженерами института «УНИПРОМЕДЬ», на Белоярской атомной станции, на некоторых заводах Свердловска. Нам удалось сопоставить качественные характеристики, в которых мы оценивали ожидания студентов на различных курсах обучения, с соответствующими мнениями инженеров, выступавших в качестве экспертов. Удалось выявить не только набор личностных характеристик и профессиональных качеств, необходимых инженеру, но и воздействие на их формирование процесса обучения в институте – как в зависимости от курса, так и от отдельных предметов.

Это исследование всерьез заинтересовало ректорат института.

Подчеркну: мне было интересно заниматься этой темой. Интервью с опытными инженерами различных профессий, разного возраста, служебного уровня давали по своему уникальные сведения, не только профессионально значимые для нашей работы, но и для меня как историка. Была возможность заглянуть и разглядеть ту часть жизни, которую за столом историка не увидеть.

Обилие материалов обследований и интервью, их обработка по нашим собственным программам на ЭВМ – это соответствовало уровню тогдашней, воспользуюсь еще раз определением Л.Н. Когана, «романтической социологии». Я подготовил статью по итогам наших исследований ролевых ожиданий студентов, которая была опубликована, результаты нашей работы без особых трудов складывались в потенциальную диссертацию по социологии.

Весной 1969 года мой друг Володя Чернов, который, как я писал выше, отвечал за работу общественного института молодёжных проблем обкома ВЛКСМ, сообщил, что формируется делегация социологов, исследующих проблемы молодёжи, на международную конференцию в Лейпциге. Она проводилась по линии туристического агентства «Спутник» Комитета молодёжных организаций СССР. Я, естественно, охотно согласился, подготовил текст выступления. Руководил нашей делегацией К.Е. Игошев, среди других участников помню молодых кандидатов философских наук С. Гоголюхина, В. Трушкова. Были исследователи социологии спорта, журналисты, специализировавшиеся по проблемам молодёжи. В конце мая мы выехали в ГДР и, приехав в Берлин, узнали – в ГДР в мае будет проходить чемпионат мира по футболу среди молодёжи, а руководство комсомола ГДР попросту забыло сообщить в Москву, что запланированная годом раньше конференция отменена. Поминая недобрым словом немецких коллег, превосходно усвоивших русский бардак, мы превратились из делегации в туристическую группу, которая проехала всю Восточную Германию – Берлин, Дрезден, Лейпциг с его Институтом молодёжных исследований, Ваймар, Эрфурт.

Моим приятелем в поездке стал журналист Стас Троицкий, спецкор «Комсомолки», прежде служивший в ГДР. У него был какой-то опыт солдатской жизни в Германии, у меня – немецкий язык. По его квалифицированному совету я разделил карманные деньги пополам. Половину – для покупок для жены. Остальное – на пиво. Это было моим первым знакомством с заграницей. В следующий раз я пересек государственную границу через 22 года.

Но и свои занятия историей я не бросил. Я присутствовал на Всесоюзной конференции по истории Византии, которая состоялась в Уральском университете в 1968 г., по предложению Полины Александровны Вагиной вел практические занятия для первокурсников истфака.

Осенью 1969 года я вместе с секретарем комитета комсомола Сашей Кружаловым участвовали в большой конференции в Горьком по проблемам студенческой молодёжи. Это была замечательная поездка. Красивый старинный город, интересные встречи, споры. Я с А. Кружаловым любовался Рождественской (строгановской) церковью – памятником русского барокко конца XVII в., мы лазили по кремлевским стенам, побывали на Сормовском заводе, которым руководил выпускник УПИ еще 30-х гг. Михаил Афанасьевич Юрьев.

Мы обсуждали планы дальнейших исследований...

... Вечером того дня, когда я вернулся домой, раздался телефонный звонок. Звонил заведующий кафедрой истории СССР Владимир Васильевич Адамов. Он сообщил, что появилась возможность поступить в очную аспирантуру к Михаилу Яковлевичу Сюзюмову. Это было неожиданно и меняло как-то уже складывавшуюся жизнь.

На следующий день я пошел в университет оформляться в аспирантуру, сохранив глубокое уважение к великому вузу – Уральскому политехническому институту.

Недолгая очная аспирантура.

Вступительные экзамены прошли без осложнений. Отлично по специальности и немецкому и традиционно – хорошо по истории КПСС из-за того, что, отвечая о программе КПСС по сельскому хозяйству, я отказался называть контрольные цифры, указанные в ней – не потому, что не знал, а потому, что считал их лишними в программном документе. После спора с принимающими экзамен, где я доказывал, что ни в первой программе РСДРП, ни в программе партии, принятой на VI съезде партии никаких цифр не было, получил «хорошо» и 1 декабря 1969 г. был зачислен в аспирантуру кафедры истории СССР. (Там была вакантная ставка аспиранта. Позже эту запись заменили другой – кафедра истории СССР (досоветского периода).

Научным руководителем был назначен М.Я. Сюзюмов.

Первая серьезная проблема возникла сразу же после поступления. Михаил Яковлевич сформулировал тему моей диссертации предельно неопределенно – влияние византийского права на право Древней Руси. Сразу возникало много вопросов. И первый из них – это необходимость определиться с понятиями. Что включать в понятие «византийское право»? Всё, начиная с Кодексов Феодосия и Юстиниана, Эклоги, светских правовых актов до постановлений вселенских и поместных соборов и их толкований? Что такое древнерусское право, каковы его хронологические границы? Как соотносятся памятники древнерусского светского и церковного права? К тому же византийские канонисты, и прежде всего - Зонара оказались теснейшим образом связаны с древнерусской литературой, с Хронографом...

Вопросов было много, но М.Я. Сюзюмов не торопился подсказывать мне ответы. Позже я узнал от моих коллег: это было его обычной педагогической практикой, не лишенной известной доли жестокости. Если аспирант выплывет из моря проблем – он будет работать дальше. Если нет – то пусть тонет. Признаться, я в своей будущей практике работы с аспирантами этим приёмом не пользовался никогда.

Единственной подсказкой был совет – обратиться к специалистам: в Ленинградском университете к В.В. Мавродину, в Москве – к В.Т. Пашуто.

Первые командировки мои в Ленинград завершились любезным разговором с Владимиром Васильевичем Мавродиным, посетовавшим, что в Ленинграде нет специалистов, изучающих эту проблему с «древнерусской стороны». Мой наивный вопрос – может быть, в Ленинградской духовной академии есть такие специалисты – развеселил Мавродина, который рассказал мне историю, как по распоряжению Сталина сразу после войны университет искал преподавателей для духовной академии.

В Москве я долго отыскивал Институт истории, который должен был быть, в моих представлениях, не меньше, чем дворцом с колоннами. Оббежав по кругу вокруг метро Академическая, отыскал-таки неказистое четырехэтажное здание, где находились, кроме института истории, еще институты археологии и этнографии. Там я встретился с заведующим сектором истории древнейших государств на территории СССР, высоким красавцем в безукоризненном сером костюме – В.Т. Пашуто. Выслушав меня, он отрезал: «Нет смысла заниматься этой темой. Она уже изучается Я.Н. Щаповым».

Оставалось одно: идти в библиотеку и работать. Надо было преодолевать свой уровень незнания, если не сказать – невежества. Начиналась новая учеба, наверное – самая интенсивная учеба в моей жизни. Надо было читать исследования по истории византийского и древнерусского права, истории церкви, церковному праву, изучать работы по истории древнерусской литературы, делать бесчисленное количество выписок, чтобы нащупать направление будущего исследования и, главное – ограничить проблематику будущей работы. Аспирантский план подготовки предусматривал, что в первый год, кроме сдачи кандидатского минимума, я должен был подготовить рукопись статьи.

В результате моих размышлений я решил подготовить статью о митрополите Иоанне II, который управлял русской церковью в период 1078—1089 гг. Задачу облегчал редчайшее для XI века обстоятельство: в распоряжении историков есть комплекс документов – «Канонические ответы» митрополита, его же Послание к папе (точнее – антипапе) Клименту III, сохранившее в древнерусском и греческом вариантах, а также «Поучение от седми сбор на латину», представляющее переработанный вариант “Послания Клименту III”.⁸¹

Работа над этой статьей стало первым «опорным пунктом» будущей работы. Стало ясно, что предметом исследования должна стать покаянная дисциплина домонгольской Руси и особенности восприятия византийского правового наследия на Руси. Вот тогда мне очень помог Михаил Яковлевич Сюзюмов., Благодаря его подсказкам, удалось воссоздать международный контекст “Послания Клименту III”, уточнить датировку этого памятника, учитывая отношения между Константинополем, итальянскими норманнами, сторонниками папы Григория VII Гильдебранта, биографии Евракии Всеволодовны, жены императора Генриха IV. Используемые митрополитом Иоанном II в его «Канонических ответах» и в «Послании» текстов канонического права можно утверждать, что в распоряжении русского митрополита была Синтагма в XIV титулах без толкований, а это, в свою очередь, дает основания для предположения, что в 80-х гг. XI в. существовал славянский перевод дофотиевского Номоканона⁸².

Эта статья писалась под присмотром и постоянным контролем М.Я. Сюзюмова. Я еженедельно, а то и не по одному разу в неделю был в маленькой двухкомнатной квартире Михаила Яковлевича и его жены Полины Александровны Вагиной, квартиры, заставленной книжными шкафами с книгами в два-три ряда. Подготовка этой статьи стала для меня школой. Он говорил со мной не только о статье. Он подробно, в деталях, заставляя смотреть необходимую литературу, знакомил со справочниками в основном на немецком, по проблеме разделения церквей, дискуссии о filioque, об опресноках. На его рабочем столе неизменно появлялись свежие журналы «Вопросы философии» и «Zeitschrift fu'r Philosophie», из газет – Neue Zeit, орган христианско-демократического союза ГДР. Он с удовольствием показывал настенный церковный календарь, который приходил как приложение к газете.

Мои занятия по истории церкви с неизбежностью порождали разговоры об отношении к религии. Нет нужды говорить, что он был верующим. Общение с ним стало

⁸¹ Пихоя Р.Г. Византийский монах – русский митрополит Иоанн II как канонист и дипломат//Античная древность и средние века. Свердловск, 1975. Сб. 11. С. 133–144.

⁸² Пихоя Р.Г. О времени перевода византийской синтагмы XIV титулов без толкований в Древней Руси // Античная древность и средние века. Свердловск, 1973. Вып. 10. С. 308–311.

едва ли не первым в моей атеистической молодости приобщением к ценностям христианства. Другое дело, что и в этом он оставался ученым, который имел свое, отнюдь не ортодоксальное мнение по ряду вопросов истории церкви. Так, он считал исихазм и Григория Паламу ответственными за гибель Константинополя, когда всеобщее увлечение «умной молитвой» парализовало волю жителей империи перед турецкой угрозой, превратило их из защитников в наблюдателей, для которых их личное спасение было намного важнее спасения страны.

Учиться (а аспирантура было прежде всего учебой) было трудно. Еще раз подчеркну – приходилось учиться едва ли не заново. Начинался сложнейший и труднейший период в моей научной жизни.

Но не только.

В марте 1970 г. внезапно, 55 лет от роду, умер отец. Инсульт свалил сильного, могучего, доброго человека. Спустя месяц у меня родился сын – Герман. Мама спустя некоторое время вернулась в Северск, через год вышла замуж за вдовца, давнего друга отца еще с военных времен Кирилла Игнатьевича Быстрова. Жена работала. Я много времени проводил в библиотеках Москвы и Ленинграда. Нас выручила мать Людмилы, а моя тёща Анна Алексеевна Аверьянова, пенсионерка, переехавшая из Нижнего Тагила из своей благоустроенной квартиры в Свердловск, где в нашем доме отопление – печное, вода – в колонке в сотне метров от дома. Это была мудрая женщина, которой мы с женой обязаны нормальным домашним бытом, а сын был всегда ухожен, обласкан.

Анна Алексеевна Аверьянова и сын Герман. 1971 год

Весной 1970 г. меня вызвали в деканат истфака. Там были, если не ошибаюсь, заместитель декана по учебной работе Б.А. Сутырин, профессор А.Г. Козлов, аспирант Козлова – А.В. Черноухов и невысокий, крепко сложенный молодой человек. Это был преподаватель истфака МГУ Александр Сергеевич Орлов, завершавший диссертацию по истории волнений приписных крестьян Урала в начале 60-х гг. XVIII. Козлов советовал Орлову фонды Государственного архива Свердловской области, содержащих сведения о волнениях приписных.

Б.А. Сутырин сообщил, что Александр Сергеевич любезно предложил организовать учебную поездку студентов по «Золотому кольцу». А мне и А.В. Черноухову следует сопровождать студентов.

Делать нечего.

Однако поездка оказалась очень полезной, и не только для студентов. Памятники Владимира, Суздаля, Юрьева-Польского, Александрова, Загорска создавали своего рода «исторический масштаб» моего будущего исследования. Александр Сергеевич Орлов,

проявив чудеса организаторских способностей и по ходу решая кучу проблем затеянной экспромтом поездки, был талантливым экскурсоводом, профессионально знавшим культуру Древней Руси. Его комментарии у древнерусской архитектуре были точны. За этими комментариями чувствовался научный фундамент истфака МГУ.

В Александровской слободе нам повезло: в музее был академик Б.А. Рыбаков, который охотно провел экскурсию для нас, с воодушевлением рассказывал о поисках в опричной столице легендарной библиотеки Ивана Грозного, которая, по его мнению, вполне могла остаться в подвалах разрушенного Опричного дворца.

Другим важнейшим следствием поездки стало то, что мы подружились с А.С. Орловым.

Студенты истфака УрГУ в Александрове. Первый слева – А.В. Черноухов, второй – А.С. Орлов, я – четвертый слева, пятый – академик Б.А. Рыбаков. 1970

... В августе 1970 года, опять-таки вечером, как и год назад, мне позвонил Владимир Васильевич Адамов. Он сообщил в директивном тоне, исключавшим обсуждение, что принято решение о моём переводе из очной аспирантуры в заочную. Я должен начать читать для первокурсников лекции по отечественной истории с древнейших времен до конца XVIII в. на дневном и заочном отделениях, вести практические занятия по этому периоду и прочесть спецкурс для третькурсников, специализирующихся по кафедре. Вся основная нагрузка падала на первый семестр. В качестве своего рода «бонуса» он пообещал во втором семестре отправить меня в Москву по программе повышения квалификации, чтобы я там смог работать над диссертацией.

Утром следующего дня я был у Сюзюмова, надеясь на его заступничество. Иметь полную нагрузку доцента, не прочедав прежде ни одной учебной лекции на истфаке, с совершенно неясными для меня перспективами подготовки диссертации – всё это заставляло рассматривать сделанное мне предложение как авантюру. Сюзюмов, выслушав меня, забегал по квартире, выкрикивая – как можно аспиранта первого года переводить в преподаватели! Да он никогда диссертацию не напишет!

В этот момент открылась дверь в соседней комнате. Там была Полина Александровна Вагина, тогда – тяжело больная раком. Она вышла, как всегда причёсанная, в белом красивом халате и сказала: «Рудик, я прошу – примите это предложение. Адамов не хочет, чтобы на факультет вернулась Кулагина (Г.А. Кулагина в 55 лет в 1968 г. ушла на пенсию. – Р.П.) Она знает, что я умираю и требует для себя особые условия» И добавила: «у нас партбилет стал вместо хлебной карточки».

Я и тогда, и сейчас не имею представления – что стояло за этими словами. Я не имел представления о тогдашних внутренних конфликтах на факультете, да и связан-то я был больше с кафедрой древнего мира и средних веков, а не истории СССР. Но после слов Вагиной я уже не мог не принять решение о переводе в преподаватели кафедры истории СССР исторического факультета УрГУ.

VI. ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ИСТФАКА. 1970-1973

С 1 сентября 1970 г. я стал ассистентом кафедры истории СССР истфака УрГУ. В октябре мы похоронили Полину Александровну Вагину. Михаил Яковлевич пригласил меня и предложил взять из её библиотеки те книги, которые мне пригодятся...

Учебный год для меня начался тем, что я стал читать на первом курсе студентам-первокурсникам по специальности «архивоведение» лекции по истории России (с X до XVIII в. включительно), вел там же практические занятия, вел спецкурс по культуре Древней Руси для третькурсников-историков. Для меня это был кошмар, затянувшийся на четыре месяца. Дважды в неделю были лекции, дважды – спецкурс и дважды – практические занятия. То есть каждый день – новое занятие, к которым надо было готовиться. По моим подсчетам, для подготовки к лекции требовалось от восьми до десяти часов. Конспекты к каждому занятию – обязательно. Мой заведующий кафедрой В.В. Адамов советовал: нельзя читать лекции, угнувшись в конспект. Но нельзя приходить на лекции, не имея конспекта. Этим правилом я руководствовался всю свою преподавательскую жизнь. К каждой лекции следовало дать обзор историографии, выделить проблематику, а для этого надо было читать, читать и выписывать. И думать.

Второй преподаватель, который читал этот же курс у историков на мою просьбу послушать его лекции, ответил категорическим отказом: «Это мой авторский курс».

Мой рабочий день начинался в 9 часов утра. Почти всегда это были первые пары. Такова была традиция. Опытные преподаватели договаривались с деканатом, чтобы им ставили вторые или третьи пары. Самый страшный страх молодого лектора – окончить двухчасовую лекцию за сорок минут.

Приходил после лекции – ложился спать. Просыпался, садился за книги и сидел всю ночь, чтобы встать из-за бумаг и книг в 8 часов утра, умыться и идти в университет.

В это время у меня появилось еще одно занятие, довольно странное, но сохранявшееся несколько лет. Я вместе с моими друзьями по университету – В. Айрапетовым, немного позже – В. Михайленко стал ходить на тренировки по самбо. Нас туда привел мой приятель Рудольф Удалов, с которым я познакомился еще в УПИ. Р. Удалов был одним из тех людей, кого знал едва ли не весь город – он был отчасти краевед, отчасти специалист по отысканию самоцветов, отчасти диссидент, отчасти спортсмен, когда-то криминалист, а по профессии инженер с несколькими техническими образованиями. Он познакомил нас с Володей Арцибашевым, профессиональным спортсменом-борцом, чемпионом «Динамо», заканчивавшим учебу в Свердловском институте народного хозяйства⁸³. Наша группа стала платной секцией, которая дважды в неделю вечерами тренировались. После тренировки, взмыленный, переполненный адреналином, приходил домой и до утра готовился к лекции.

Моя зарплата плавно упала со 120 рублей старшего инженера УПИ до 110-аспиранта и до 105 - ассистента. Прежние приработки, лекции от общества «Знание» или обкома комсомола оставались в прошлом. Некогда было. Денег только-только хватало на еду. Жена, работая социологом, получала заметно больше, чем я. Моя теща, съездившая на пару дней в Нижний Тагил, потом подробно рассказывала жене о том, что она там видела по своему телевизору. На следующий день (дело было зимой) я пошел в комиссионку и сдал свой полушубок. На полученные деньги пошел в магазин и купил черно-белый телевизор, который и проработал у нас дома до 1990 года.

Судорожные попытки заниматься диссертацией результатов не давали. Такое

⁸³ Владимир Николаевич Арцибашев был старшим из трех братьев. Он стал телевизионным продюсером, другой брат - Александр – тогда – директор магазина, стал журналистом «Правды», телевизионным обозревателем, писателем, младший – Сергей – киноартист, главный режиссер театра Маяковского.

исследование требовало непрерывных размышлений, что в этой ситуации было просто невозможно.

Стажировка в МГУ

Закончилась моя первая сессия в качестве преподавателя, принял экзамены и зачеты. Впереди – обещанное повышение квалификации в МГУ. Это четыре оплачиваемых месяца, которые представлялись каждому преподавателю раз в пять лет. Как правило, их стремились использовать для работы в московских архивах и библиотеках, для подготовки статей, завершения работы над кандидатскими и докторскими диссертациями.

В феврале 1971 г. я и мой друг и однокурсник Володя Айрапетов приехали в Москву. В.Г. Айрапетов успешно заканчивал работу над своей диссертацией о промышленности Урала в предвоенную пятилетку (он защитился едва ли не первым из нашего курса – в 1972 году), а у меня перспективы написание работы были, мягко сказать – туманными. Владимир Георгиевич Айрапетов – из свердловских парней с заводской окраины, сирота, оставшийся без отца, погибшего в первый год войны, отслуживший срочную службу на первой советской атомной подводной лодке «Ленинский комсомол», закончивший службу кандидатом в члены КПСС и мичманом. Мы оба женились на однокурсницах, у нас было по сыну. Мы были очень разными, но это не мешало нам находить много общего. Мы дружили до последних дней его жизни, которая сократилась, я думаю, не в последнюю очередь из-за его службы в молодости.

Владимир Георгиевич Айрапетов. 1972 год

Курсы повышения квалификации МГУ стали для меня очень важными. Они были прекрасно организованы. Во-первых, появилась возможность прослушать лекции ведущих ученых по истории СССР и, во-вторых, в Москве возникли практически идеальные условия для работы над диссертацией. Занятия в МГУ проходили, как мне помнится, два раза в неделю, читали профессора истфака. Я старался слушать всех. Мне были интересны и историк партии М.Е. Найденов, которого считали ортодоксом, и В.М. Селунская, не без элегантности доказывавшая необходимость коллективизации кризисом семейного сельскохозяйственного производства на материалах стран Западной Европы и США. (у меня не могли не возникнуть сомнения – где Россия 20-х гг., а где США того же времени) – но это было по-своему логично, хотя логики здесь было больше, чем истории. Интересно было слушать С.Ф. Найдю, работавшего еще в редакции горьковской «Истории гражданской войны» и яростного критика Сталина за его роль в гражданской войне.

Мне особенно полезны были лекции по «моему периоду» - с древнейших времен до конца XVIII в. Я слушал Б.А. Рыбакова, М.Т. Белявского, А.Ч. Косаржевского, Л.В. Черепнина, А.М. Сахарова. Ходил не только на лекции на курсах, но и слушал их некоторые

лекции для студентов. Особое впечатление на меня произвели Черепнин и Сахаров. Они придерживались совершенно разных подходов к возникновению единого Российского государства в XIV-XV вв. Черепнин, блестящий знаток документального наследия Московской Руси, стремился применить фактический материал для обоснования марксистской схемы образования единых государств, делая упор на роль городов как торговых центров, союзников королевской власти в объединении земель. Сахаров же доказывал, что русские города – это в большинстве своем не торгово-ремесленные центры, а укрепления, крепости, где отсутствовали посады с торгово-ремесленным населением и процессы централизации шли скорее от военной необходимости, чем от торговых интересов купечества и амбиций великого князя .

При разности их исторических концепций их объединяло отсутствие всякой театральности, «игры на слушателей», тщательно выверенная аргументация, умение заставить слушателя следовать за авторской логикой.

Для меня они остались образцом преподавания в университете.

И здесь необходимо сказать об Александре Сергеевиче Орлове. Его помощь мне стала едва ли не одним из решающих факторов, позволивших написать мне диссертацию. С его помощью удалось договориться и прослушать курс по палеографии, который читали в отделе рукописей ГИМа для студентов, специализировавшихся по истории русского феодализма. Для меня серьезной проблемой было отсутствие элементарной подготовки по работе с рукописными документами XI-XVI вв., а без этого продолжать работу над диссертацией было бессмысленно. В Уральском университете вообще не было древнерусских рукописей⁸⁴. Естественно, ни о каком знании палеографии и филигранологии говорить не приходилось. Поэтому мне очень важны были занятия в святой-святых древнерусской книжности - отделе рукописей ГИМа, руководимом легендарной Марфой Вячеславовной Щепкиной, занятия, которые проводились с рукописями XII-XVII вв. замечательным палеографом Л.М. Костюхиной.

Однако главная работа была в библиотеке. Сначала – в читальном зале Ленинки, потом – в отделе рукописей Ленинки. Обилие документальных источников, свидетельствовавших об установлении и развитии покаянного права на Руси поражало. Кроме Кормчих – это канонические сборники, содержащие епитимийники или поучения на тему покаянной дисциплины, в своём абсолютном большинстве анонимные или псевдонимные, скрывающиеся под стереотипными названиями, вроде «Поучения св. Отец», «Правила Василия Великого» или Иоанна Златоуста, чаще всего не имеющие прямого отношения к этим авторам⁸⁵. К тому же исследователи древнерусской истории обречены использовать источники, дошедшие в рукописях , созданных, как правило, на столетия позже. Поэтому выявление, датировка, атрибуция памятников – это сложнейшая задача. Совершенно прав был Н.К. Никольский, сетовавший на совершенно недостаточное изучение отечественного рукописного наследия⁸⁶.

Опорными точками, маяками в море епитимийного, учительного, канонического рукописного наследия для меня стали Закон судный людем в его краткой редакции, Канонические ответы митрополита Иоанна II и Вопрошание Кириково - бесед Кирика - ученого монаха Антониева новгородского монастыря с новгородским епископом Нифонтом. В Вопрошании содержались отсылки к ряду других памятников, созданных

⁸⁴ Три десятка старообрядческих рукописей, собранных филологами под руководством проф. В.В. Кускова – не в счет. О их существовании на истфаке, по-моему, и не подозревали. В Свердловском краеведческом музее я отыскал печатную Кормчую 1653 г.. Этим и ограничивалось моё знакомство с реальной древнерусской книжностью

⁸⁵ Г р а н т р е м Е. Э. Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI—XIV вв.). //ТОДРЛ, т. X X I X . Л., 1974, с. 186—193

⁸⁶ Никольский Н.К. Ближайшие задачи изучения древне-русской книжности : Сообщ. Н. Никольского. - [Санкт-Петербург] : О[-во] Л[юбителей] Д[ревней] П[исьменности], 1902. - [2], 32 с.;

прежде середины XII в. – в том числе – сочинений митрополита Георгия и Феодосия Печерского.

Мне предстояло просмотреть большое число публикаций древнерусских памятников, а также засесть за просмотр описаний рукописных собраний Ундольского, Троице-Сергиевой лавры, Волоколамского монастыря, Румянцевского музея и ряда других собраний, чтобы установить зависимость между различными памятниками. Требовалось держать в голове не только содержание многих текстов, но, и отдельные выражения, обороты, если угодно – стиль отдельных сочинений. Так постепенно, трудно, но проявлялись и выстраивались в определенной зависимости древнерусские епитимийники.

Становилось ясно, что в домонгольской Руси складывалось несколько школ покаянной дисциплины, отличавшимися отношением к иноверцам, язычникам, степенью вмешательства местного духовенства в светскую жизнь.

Это наблюдение послужило основой для неожиданного, но важного события.

Очередным лектором, выступавшим на курсах повышения квалификации был Аполлон Григорьевич Кузьмин, тогда – заместитель главного редактора журнала «Вопросы истории», недавно защитившем вызвавшую большие споры докторскую диссертацию по древнерусскому летописанию. Там он доказывал, что древо древнерусского летописания не может быть сведено к одному стволу с поздними ответвлениями и новгородской прививкой, как укрепились в отечественном летописеведении XX в. На лекции он напал на «людей, извращающих историю» – слово «фальсификаторы» тогда еще не применялось –. Поводом послужил фильм Тарковского «Андрей Рублев». Кузьмин, в частности, раскритиковал сцены на Иванов день, которые были в фильме. После лекции я подошел к Кузьмину и сказал, что фильме судить не буду, но все эти вакхические сцены содержатся в публикации П.В. Владимирова в его издании «Поучений против древнерусского язычества» в «Памятниках древнерусской церковно-учительской литературы». Похоже, Кузьмин удивился и спросил меня, чем я занимаюсь. Когда я начал рассказывать, что занимаюсь покаянным правом, что работаю с источниками, которые, как кажется, провозглашают предположить наличие нескольких существовавших в одно и то же время, направлений в развитии церковного права. Это очень заинтересовало А.Г. Кузьмина и пригласил меня зайти в редакцию «Вопросов истории».

Вечером следующего дня я был в Путинковском переулке, у старого особняка за знаменитой церковью Рождества Богородицы. В нем находилась, кроме редакции «Вопросов истории», еще и редакция «Нового мира». А.Г. Кузьмин с увлечением доказывал мне, что культура Древней Руси не может быть уложена в схему только Киева и отчасти – Новгорода как центров культуры, что мои находки подтверждают его убежденность в том, что таких центров было больше. И тут же сказал мне, что именно он должен быть первым оппонентом на защите моей диссертации. Для меня это было неожиданно, тем более, что до завершения написания диссертации мне еще было далеко. Но это стало первым признанием верности выбранного исследовательского направления.

Наш разговор затянулся. Он с энтузиазмом рассказывал мне о своих поисках в «варяжском вопросе», о том, что, по его мнению, варяги были западными славянами. Когда мы закончили разговор, то выяснилось, что сторож закрыл нас в здании. ...

Мои занятия в читальном зале и рукописном отделе Ленинки, непрерывное, постоянное стремление держать в памяти тексты, улавливать связи между ними – всё это требовало крайнего напряжения. Думаю, что никогда за всю свою жизнь мой мозг не выдерживал такого напряжения.

Время-от-времени вмешивался Володя Айрапетов, похоже, всерьез опасавшийся за меня. Тогда возникали варианты отдыха. Это могли быть музеи – от музея Андрея Рублева и зала древнерусской живописи Третьяковки до Пушкинского музея. И мне, и ему это было

интересно. А еще мы приноровились ездить в субботу вечером на электричке в Троицу, ходили по тихому зимнему монастырю, стояли на службе в трапезной, слушали монастырский хор, а потом ехали домой в пустой электричке. Кстати, и позже мы старались ездить в командировки в Москву вдвоём.

Стажировка полностью себя оправдала. У меня появилась уверенность, что диссертацию смогу написать, стала возникать внутренняя логика будущей работы. Кроме этого, я просто стал знать несколько больше, уже смог работать с рукописями. А это было совершенно необходимо. Разумеется, полезны были лекции, которые я слушал в университете, важные и точные разъяснения и советы Александра Сергеевича Орлова.

Ассистент истфака. Продолжение.

Второй год моего преподавания отличался от первого. Худо ли хорошо ли, но уже был первый опыт прочитанных курсов. Я убежден, что лектору для освоения читаемого курса требуется, как минимум, три года преподавания. Но правда и то, что преподавать все-таки было легче, когда первый раз. Помогла и моя стажировка. После неё я чувствовал себя увереннее.

Спецкурс по культуре Древней Руси становился более интересным, когда я смог включить в него результаты своих диссертационных наблюдений. Покаянная дисциплина позволяла разглядеть повседневную жизнь людей XI-XII вв. в таких деталях, которых не найдешь в летописях.

Я читал курс лекций по отечественной истории с древнейших времен до конца XVIII в. для историков, архивистов и заочников, вел практические занятия в одной из групп, а также спецкурс по культуре Древней Руси. Нагрузка была спланирована так, что абсолютно большая её часть (кроме работы с заочниками) приходилась на первый семестр. Это открывало возможность во втором семестре заниматься своей диссертацией. Делать это надо было в Москве или Ленинграде, в тамошних рукописных отделах Ленинки и Библиотеки Академии наук. Преподавание занимало почти все время.

Наша кафедра была относительно небольшой и состояла из нескольких групп, образованных по предметам преподавания. Заведывал кафедрой доцент Владимир Васильевич Адамов, фронтовик и инвалид войны. Он занимался историей Урала, как тогда говорили – периода империализма, предреволюционного времени. Его учениками были доцент Лариса Владимировна Ольховая, исследовавшая историю мелкой промышленности Урала в этот период и доцент Юрий Алексеевич Буранов, занимавшийся проблемой акционирования уральских заводов и ассистент Нина Алексеевна Штибен. В это время их увлекала проблема сочетания старых признаков организации металлургической промышленности (огромных лесных латифундий, земли, которой наделялись заводские рабочие, сохранения древесно-угольной металлургии с присущей ей социальной организацией) – с современным капиталистическим строем России.

Для Адамова и его школы (а можно было с уверенностью говорить о формировании его школы) существовали ключевые понятия – «окружной строй» как специфическая характеристика древесно-угольной металлургии края и ленинское определение «особый быт Урала», содержавшееся в его «Развитии капитализма в России» и восходившее к словам управляющего Нижнетагильскими заводами в пореформенное время В.Д. Белова⁸⁷ и «многоукладность» - тоже ленинское определение ий .

Многолетними и постоянными оппонентами Адамова были профессора В.Я. Кривоногов и А.Г. Козлов, специализировавшиеся по преимуществу на истории дореформенной промышленности и убежденно отстаивавшие капиталистический тип

⁸⁷ Белов В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов; Выс. утв. Постоян. совещат. контора железозаводчиков. — Санкт-Петербург : Типография Исихора Гольдберга, 1896.

уральской промышленности, отказывавшиеся признавать сколько-нибудь существенную роль. Она работала на недавно созданном по инициативе В.Я. Кривоногова отделении архивоведения нашего исторического факультета.

Признаюсь, что история Урала меня не особенно интересовала, а над определением «ураловед» я потешался. Ставшая позже печально знаменитой конференция «В.И. Ленин о социально-экономической структуре капиталистической России (проблема многоукладности)», прошедшая в Уральском университете отчасти по инициативе В.В. Адамова в мае 1969 г. прошла мимо меня. Тогда я еще не работал в университете, да и не очень интересовался этой темой.

Другая группа на кафедре - это археологи. Их безусловным лидером был Владимир Федорович Генинг, сочетавший в себе ряд замечательных качеств. Он был удачливым археологом (а археологи знают, что это дано далеко не каждому!) За ним стояли раскопки в Сургуте на Барсовой горе, где были найдены многочисленные памятники прикладного искусства, византийское и иранское серебро, в последний свой уральский полевой сезон в 1974 г. он открыл в Челябинской области Аркаим с едва ли не самыми древними в Евразии колесницами ариев. Он серьезно занимался теорией археологии – его волновала проблема этнического соответствия археологических культур. Но особый и очевидный для нас и тогда, и сейчас дар Владимира Федоровича был дар организатора. С 1968 г. он создал хозрасчетную археологическую лабораторию при кафедре. Через нее прошли многие десятки студентов, потом – младших и старших научных сотрудников, кандидатов и докторов наук, работающих в Екатеринбурге, Новосибирске, Салехарде, Москве, Петербурге... К археологической группе на кафедре принадлежали доцент Владислав Евгеньевич Стоянов, читавший этнографию, археолог Валентина Трофимовна Ковалева.

Феодализм читали кандидат исторических наук Глеб Владимирович Яровой, защищавшийся под руководством Галины Александровны Кулагинной по истории хлебного рынка на Урале в первой половине XIX в. и я. Потом к нам добавилась Бронислава Борисовна Овчинникова, прежде – археолог, на кафедре она занималась историей феодализма.

Постепенно я втягивался в факультетскую жизнь. Меня выбрали в университетский местком. Профсоюзной организацией УрГУ руководил химик, будущий проректор по науке В.М. Жуковский. Его первыми словами перед новыми членами месткома было: «Мы обязаны защищать интересы наших сотрудников». И это не было пустыми словами. В треугольнике – ректорат, партком, местком – последний был самым доступным. От месткома зависели: постановка на очередь на получение квартиры, устройство ребенка в ясли и садик, покупка личного автомобиля, списки на который устанавливались опять-таки месткомом. Без согласия месткома нельзя было уволить с работы. Но был у месткома ряд специфических университетских дел. так, при планировании нагрузки преподавателей активно обсуждался вопрос о времени, которое следовало учитывать при подготовке к каждому виду занятий. Местком требовал от администрации нормальных условий труда, освещенности помещений и многого другого, что включалось в коллективный договор с администрацией. Я был назначен в состав детской комиссии месткома под началом заведующей университетской астрономической обсерватории Полины Захаровой. Вскоре я знал точно, сколько детей и внуков у сотрудников университета, кто ходит или не ходит в садики и ясли, сколько надо подарков на Новый год, занимался подготовкой университетского пионерского лагеря к приезду детей. .

Дошла очередь и до моего сына. Трехлетнего Германа отрядили в детский сад. Его приводила туда бабушка. Прощание с бабушкой в приемной детсада длилось несколько минут. Понимая неизбежность расставания, он плакал, потом шёл в группу. Но на четвертый день бабушка вернулась вместе с внуком. Произошло следующее. Воспитательница прикрикнула на внука, прощающегося с бабушкой, чтобы тот

поторапливался. На что Герман ответил ей – «Если двое разговаривают, то их нельзя перебивать». Возмущенная воспитательница обрушилась на бабушку, обвиняя её в плохом воспитании внука.

Бабушка ушла, забрав Германа. Так Герман остался без детского сада. Мы об этом не жалели. И он тоже.

Герман. 1973 год.

В июне 1973 г. произошло еще одно важное событие. На соседней улице шла большая стройка. Знающие люди говорили, что там будут дома для сотрудников обкома партии. Строители сносили только те дома, которые непосредственно им мешали. Остальные старые дома без центрального отопления и водопровода могли еще оставаться многие годы.

Вернувшись с занятий (а они начинались в это время с утра и продолжались до вечера, так как одновременно шли экзаменационная сессия у дневников, заседания Государственной экзаменационной комиссии с защитами дипломов, а кроме этого – еще и лекции и экзамены у заочников) я узнал от тёщи, что к нам во двор приходили какие-то люди, которые спрашивали у неё разрешения немного передвинуть забор у нашего сада, чтобы не мешать стройке. Бабушка сказала, что дом не её и не ей решать.

Обсудив эту ситуацию вечером, я сказал, что если бы у наших посетителей были права на наш сад, то никто бы не стал и разговаривать: заехали бы бульдозером и все снесли. Пошел к своим соседям – Ефиму Наумовичу Фридкинскому, который сообщил, что у него есть данные, что еще год тому назад было принято решение горисполкома, разрешающее строительство домов обкома партии при условии предварительного сноса ряда домов, в том числе и нашего, и представления жильцам сносимых домов квартир. Однако решение это не выполняется. Я записал номер этого постановления.

Сессия продолжалась. Продолжались и визиты вежливых людей, как и отказы тещи дать разрешение на снос.

Как-то днем между занятиями я забежал домой. Раздался телефонный звонок. Звонивший представился сотрудником обкома КПСС, отвечающим за стройку и заявил, что я занимаюсь саботажем, мешаю работе и о моём поведении будет сообщено администрации университета. Я ответил, что буду рад встретиться с представителем обкома партии в суде и спросил, знает ли он о существовании постановления горисполкома с такими-то исходными данными.

- Да, ответил мой собеседник. Оно как раз передо мной.

- Тогда прочитайте его, пожалуйста.

Через минуту тон моего собеседника совершенно изменился.

- Да, вы правы. Мы все решим.

Потом, подождав немного, спросил: «А откуда вы знаете об этом постановлении?»

Я засмеялся и положил трубку.

На утро следующего дня, опять-таки в моё отсутствие, к дому на Красноармейской, 35 подъехала черная «Волга». Тещу (с внуком) пригласили посмотреть будущую квартиру. Анна Алексеевна не возражала.

Осенью 1973 г. я и мои соседи получили квартиры в доме на улице Белинского. Мы переехали в трехкомнатную квартиру на седьмом этаже. ...

Диссертация.

Как уже говорилось выше, после того, как заканчивалась учебная нагрузка в первых семестрах, я старался уехать в Москву или Ленинград. В Ленинграде я просматривал описи и некоторые рукописи в фондах Синода в ЦГИА СССР, рукописи Кирилло-Белозерского собрания в рукописном отделе Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, побывал в Древлехранилище Пушкинского дома, особенно большое впечатление на меня произвела атмосфера отдела рукописей БАН, в его атмосферу, доброжелательные советы и помощь его сотрудников – М.В. Кукушкину, И.Н. Лебедеву, О.П. Лихачеву, Н.Ю. Бубнова.

Диссертация постепенно складывалась. Мне удалось обосновать, что «Заповедь ко исповедующим сыном и дочерем», которая приписывалась Е. Голубинским киевскому митрополиту Георгию (60-е гг. XI в.) является памятником со сложной структурой, содержащей как епитимийник, принадлежавший митрополиту Георгию, так и значительные заимствования из южно-славянских епитимийников. Против возможности существования сочинения митрополита Георгия выступал один из самых известных специалистов по древнерусскому церковному праву – А.С. Павлов. Я попытался доказать, что этот памятник был известен во второй половине XI и в XII в., предпринял попытку его реконструкции, выступал с докладом на эту тему в секторе источниковедения у В.Т. Пашуто. Позднее А.А. Турилов смог обнаружить этот памятник в рукописной традиции⁸⁸.

Удалось проанализировать этапы развития киевской и новгородской школ покаянного права, их взаимодействие, отличия, связанные не только в отношении к иноверцам, к язычникам, но и различием в их компетенции. Я ввел понятие «вакуум права», сложившийся в Новгороде после 1136 года, изгнания князя Всеволода Мстиславича, заполненный новгородским епископом Нифонтом, установившим в церковном праве ряд норм права светского, в частности – предельные размеры ссудного процента. Меня привлекал и «человеческий аспект» этих памятников. Они давали ответ едва ли не на главный вопрос истории – как люди жили.

Диссертация складывалась, с одной стороны, как последовательно источниковедческая, с другой стороны, она должна была включать разбор и анализ публикаций А.С. Павлова, Е. Голубинского, С.И. Смирнова, В.Н. Бенешевича и других исследователей, изучавших древнерусское покаянное право во второй половине XIX – начале XX в. Советская историография по этой проблеме практически полностью отсутствовала, за исключением сделанной под руководством М.Н. Тихомирова публикации Закона Судного людем⁸⁹.

⁸⁸ Турилов А.А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «опрошание» // Славяне и их соседи. М., 2004. Вып. 11 (автор предисловия и публикатор)

⁸⁹ Закон Судный людем краткой редакции / Под ред. М. Н. Тихомирова. — М.: Академия наук СССР, 1961. — 179 с.; Закон судный людем пространной и сводной редакции / Под ред. М. Н. Тихомирова. — М.: Академия

На пути моей работы нечаянно возникла проблема. Я каждый день заказывал в Ленинке по полтора десятка книг и, как обычно, две-три не приносили, возвращали требования. Причины были разные и по большей части технические. Уже к началу 1973 года я заметил, что среди книг, которые мне регулярно не приносят, была публикация профессора Московской духовной академии С.И. Смирнова – «Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины»⁹⁰. Издание это было хорошо известно. Достаточно сказать, что на неё многократно ссылался Б.А. Романов в своей замечательной книге «Люди и нравы Древней Руси». В конце-концов постоянное отсутствие этой книги среди заказанных для работы заставило меня пойти к библиографам. Те, после некоторого колебания, предложили мне самому пройти к генеральному каталогу и отыскать её библиотечные коды. Я так и сделал. С помощью тамошнего библиографа, которому я объяснил, что книга нужна для подготовки научной работы я получил, наконец, это издание.

Получил – и ахнул. С.И. Смирнов писал практически на ту же тему, на которую вышел и я. Вся разница, что он – сын священника, выпускник Московской духовной академии, ученик Е.Голубинского и В.О. Ключевского был подготовлен, по моему убеждению, несравненно лучше меня. Самое беглое знакомство с книгой свидетельствовало, что мои выводы об источниках покаянной дисциплины, моя «лестница текстов» существенно отличается от результатов, сделанных в докторской диссертации Смирнова. .

Оставалось только самым тщательным образом зафиксировать наблюдения Смирнова.

Вечером я шел из Ленинки в сторону Якиманки, под Большим Каменным мостом текла мутная река. Главное желание – бросить портфель со своими выписками в эту мутную воду, собраться и улететь в Свердловск. А там – кусачки за сапог - и арматурщиком на стройку. Три года напряженной, до грани сумасшествия работы – всё напрасно. Меня остановила одна мысль – где же я ошибся? То, что ошибся я – сомнений не было.

Придя в гостиницу, ночь просидел над своей рукописью и выписками из Смирнова. Было желание найти мою ошибку в расчетах. Именно в расчетах, так как в результате исследования появилась цепь развития епитимийников во времени и в политическом пространстве домонгольской Руси. И здесь меня ждал подарок. С.И. Смирнов, текстолог, источниковед, знаток рукописей допустил в своих построениях одну существенную ошибку? искусственную реконструкцию? красивое преувеличение в стиле В.О. Ключевского? повлиявшую на многое в его работе. Он придумал название памятнику - «Написаніе митрополита Георгія русскаго и Θεодоса», используя цитату из «Вопрошания Кирикова». Это название, присвоенное им одному из многих епитимийников, использовавших некоторые положения «Вопрошания», стало одной из основ его дальнейших реконструкций памятников покаянной дисциплины XII в.

По моему же мнению, епитимийник киевского митрополита Георгия, относящийся к 60-м гг. XI в. содержался совсем в другом памятнике – в первой части «Заповеди ко исповедующимся сыном и дочерем. Опускаю систему доказательств, замечу только, что этот текст несомненно принадлежал архиерею, содержал статьи, связанные с епископским служением. Все эти «владычные» черты полностью отсутствовали в тексте, который Смирнов назвал «Написаніе митрополита Георгія русскаго и Θεодоса». И именно «Заповедь...» легла в основу киевской школы покаянной дисциплины.

Мне помогла моя придумка – выделить школы права, прежде всего – киевскую и

наук СССР, 1961. — 287 с.

⁹⁰ Смирнов С.И. Материалы для истории древне-русской покаянной дисциплины [Текст] : (тексты и заметки) / проф. С. Смирнов. - Москва : издание Императорскаго общества истории и древностей российских при Московском университете : Синодальная тип., 1912.

новгородскую, благодаря чему удавалось намного проще проследить эволюцию древнерусских епитимийников и поучений на тему покаянной дисциплины.

Позже, рассказывая эту историю Александру Ивановичу Рогову, безусловно, лучшему специалисту по истории русской церкви в нашей стране в 60-90-е гг., я получил ответ – почему я так поздно увидел работу Смирнова. Её, по мнению Александра Ивановича, мне долго не выдавали из-за её потенциально «церковно-прикладного характера». Если откровенно, мне повезло из-за такой библиотечной бдительности. Если бы великолепное, прекрасно аргументированное издание попало мне в руки году в 70-71, вряд ли я вообще взялся за свою работу. Авторитет Смирнова подавил бы стремление к скрупулезному исследованию документов покаянного права. И хорошо, что, уже проделав основной комплект источниковедческих штудий, я мог проанализировать исследование моего давнего предшественника.

Итак – про кусочки и работу на стройке можно было забыть. Работа двигалась к завершению. К осени 1973 года она была закончена. Я отдал её будущим оппонентам – А.Г. Кузьмину и, по совету А.С. Орлова – ученому секретарю Института славяноведения А.И. Рогову. Защита была назначена на 1974 год. Для этого были серьезные основания. У меня была то ли одна, то ли две статьи. Председатель Совета по защитам В. Г.Чуфаров справедливо порекомендовал дождаться выхода еще нескольких статей по теме диссертации.

«В науке не всё просто...».

В 1972-1973 гг. мне неожиданно мне пришлось столкнуться с научными проблемами, которые находились далеко от моих интересов, но они, эти проблемы, во многом повлияли на меня.

В феврале - марте 1972 го, когда я был в командировке в Москву, мне каким-то образом передали, что в Москве находится заведующий моей кафедры Владимир Васильевич Адамов и он просит меня зайти к нему в гостиницу «Академическую» на Калужской площади. При встрече он сказал, что в Институте истории СССР будет дискуссия о проблеме многоукладности в России и, в частности, результатов конференции «В.И. Ленин о социально-экономической структуре капиталистической России (проблема многоукладности)», которая состоялась в Уральском университете в мае 1969 г. Кроме университета ее организатором был Институт истории АН СССР и Научный совет по проблеме «История Великой Октябрьской революции». Конференция объединила виднейших историков, исследовавших отечественную историю XIX – начала XX вв., а также специалистов по истории Западной Европы, Латинской Америки, востоковедов, юристов. Конференция была поддержана Свердловским обкомом партии. К конференции организовали выставку документов из фондов Свердловского областного партийного архива, в том числе о расстреле царской семьи в Екатеринбургe и Алапаевске⁹¹.

Признаться, тогда это событие прошло мимо меня. Ленин и экономика Урала, пожалуй, было последним, что меня интересовало весной 1969 г.

Просьба Владимира Васильевича – быть на обсуждении - подлежала исполнению.

⁹¹ Об этом я позже узнал от В.И. Пешкова, аспиранта-заочника истфака, исследовавшего демографию Урала XVIII-XIX в. Его попросили помочь с проведением выставки документов партархива для участников конференции. Под выставку отвели аудиторию в главном корпусе университета. За время работы конференции Виктор самым тщательным образом просмотрел и так называемую «Записку Я. Юровского», и материалы следствия в Екатеринбурге после взятия города белыми, и подробности гибели в Алапаевске великих князей, и материалы расследований в 20-е гг. Я дружил с Виктором Пешковым, увлеченным исследователем тогда еще мало популярной проблемы демографии. Это сочеталось с его работой в качестве рабочего самой высокой квалификации на Свердловском турбомоторном заводе. Я просил рассказывать Виктора о подробностях гибели Романовых и моим коллегам – В.Айрапетову, Ю. Буранову и моим московским друзьям – в частности – А.И. Рогову.

Да и мне самому было любопытно побывать на ученом диспуте в центре исторической науки страны. Утром 9 марта 1972 г. я был в институте, впервые в жизни поднялся в зал Ученого совета на четвертом этаже и устроился на последнем ряду. Зал был полон. В конце зала, на подиуме стоял длинный стол президиума. По кромке стола был выстроен барьер из 54 синих томов полного собрания сочинений Ленина.

Открыл заседание директор института П.В. Волобуев. Его доклад показался мне тогда вполне формальным – перечень достижений ученых «за отчетный период», книг, изданий документов – вполне в жанре статей в журнале «История СССР» «Историческая наука от съезда к съезду». Наверняка в докладе были и какое-то проблемные положения, но я их по причине своих средневековых увлечений попросту не заметил.

Ситуация резко изменилась, когда на трибуне оказался профессор Высшей школы профдвижения Г.М. Шарапов. Тут всё стало понятно. Он прямо обвинял сторонников многоукладности в отступлении от ленинской концепции пролетарской революции, в переоценке роли крестьянства в политической борьбе в 1917 г., о том, что ошибочным является тезис о том, что союзниками большевиков в октябре 1917 года был не только пролетариат но и *всё* крестьянство, а не только его беднейшие слои. Это уже был не доклад, а серия политических обвинений!

Зал шумел, большинство открыто возмущалось. На трибуну поднимались всё новые выступающие, резко критиковавшие Шарапова. В дело пошли тома Ленина, из которых извлекались цитаты об общедемократической сути Октябрьской революции. Большинство фамилий выступавших были мне неизвестны. Один из выступавших прямо говорил, что опыт большевиков, использовавших крестьянство как союзников в пролетарской революции представляется ценным в связи с революционными ожиданиями в странах Латинской Америки и Африки. Академик И.И. Минц – едва ли не единственный из выступавших, книги которого я читал студентом, полностью поддержал выводы сторонников многоукладности. Всё это было интересно. Смущало лишь то, что основными аргументами в споре были цитаты Ленина, причем сторонники многоукладности ориентировались, как мне казалось, на его высказывания лета-осени 1917, а противники – на более поздние, времена «победившего пролетариата».

На следующий день заседание продолжилось. Но длилось недолго. Поток сторонников многоукладности был неожиданно и грубо оборван. На подиуме появился неизвестный и, кажется, не представившийся человек, который от имени Отдела науки ЦК КПСС осудил ход обсуждения как неверный и прекратил дискуссию.

Такой в полном смысле комиссарский подход в науке в одночасье сделал меня сторонником многоукладности. Это, в свою очередь, заставило прислушаться к аргументам В.В. Адамова, доказывавшего, что крупнейший промышленный регион дореволюционной России – Урал накануне революции 1917 г. в экономическом отношении не был однородным, наряду с капиталистическими отношениями в крае сохранялись и докапиталистические. Край, сохранявший окружающую систему - ряд организационных признаков, порожденных древесно-угольной металлургией, использовавшей в прошлом – институт приписных, а позже – их потомков, живших на заводской земле – оказывался в интерпретации Адамова и его учеников оплотом феодальных пережитков в промышленности, а рабочие Урала – особой группой пролетариата, сохранявшей многие докапиталистические черты.

К этому добавилась еще одна деталь. В дискуссии сторонники многоукладности часто использовали понятие «новое направление». Для меня оно было знакомо по острой дискуссии, которая развернулась на встрече советских и итальянских историков в 1968 году

и опубликованной в 1970 г.⁹² Именно тогда, в споре между сторонниками канонической концепции «равновесия» феодальных и капиталистических отношений как условия становления абсолютизма, синхронности развития Западной Европы и России была сформулирована иная точка зрения, согласно которой Россия отставала от Запада, что российский капитализм был значительно слабее, чем в западной Европе

Один из активных участников дискуссии, И.Ф. Гиндин, критикуя сторонников «раннего капитализма», заявил, что в советской историографии сформировалось новое направление, пересматривающее прежние историографические схемы, восходящие к 30-м гг. В числе сторонников нового направления оказались ряд историков, работы которых были широко известны – Н.И. Павленко, Ю. Кирьянов, Я.Я. Аврех, К.Н. Тарновский. Стремление к преодолению догматических конструкций, неудовлетворенность от использования цитат классиков как способа доказательства в историографических спорах, понятно, не могла не вызывать симпатию.

Эти исследования, на первый взгляд частные, затрагивали несравненно более важную и общую проблему, которая вызывала бесчисленные споры в среде историков, – типичен или нетипичен путь России в истории, закономерна ли сама Октябрьская революция – является ли она результатом «пролетарской революции», а не совместного выступления против власти рабочих и всех крестьян – от бедняков и батраков до середняков и кулаков, или революция специфична, так как ее появление на исторической арене XX в. стало результатом стечения многих факторов, отнюдь не укладывавшихся в прокрустово ложе «империализма как высшей и последней стадии капитализма» и «Октябрьской революции как первой пролетарской революции эпохи империализма».

То, что эти дискуссии противоречили официальной идеологии, не могло не вызвать ответной реакции надзиравшего над исторической наукой аппарата ЦК КПСС.

Под давлением партийных органов Отделение истории АН СССР приняло специальное решение «Об итогах обсуждения в институте истории СССР изданных в 1970 г. сборников «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» и «Свержение самодержавия»⁹³.

Внешним поводом для появления этого документа стала дискуссия 9-10 марта 1972 г. Следует заметить, что решение Отделения истории было сравнительно травоядным. Критикуя Ю. Кирьянова, П.В. Волобуева, решение Отделения, вместе с тем, отмечало, что дискуссия шла на высоком научном уровне, хотя «имели место и отдельные выступления с неправильных методологических позиций, попытки не только защитить авторов ошибочных положений, но и изобразить их "новаторами", выразителями "новой", "прогрессивной" тенденции в науке».

Прямым указанием на необходимость ужесточения идеологической дисциплины в исторической науке стал пассаж о том, что «буржуазные идеологи стремятся всячески преуменьшить роль рабочего класса как гегемона революции, растворить его среди других классов и политических групп. ....

Подобные взгляды используются буржуазными идеологами в современных условиях для того, чтобы ослабить роль коммунистических партий, их руководящую роль в движении рабочего класса».

На этот раз обошлось без оргвыводов.

⁹² Документы Советско-итальянской конференции историков. 8-10 апреля 1968 г. Абсолютизм в Западной Европе и России. Русско-итальянские связи во второй половине XIX века. - Москва : Наука, 1970. Подробнее о дискуссии об абсолютизме см.: Ландина Л.В. Дискуссия 1968-1972 гг. об абсолютизме: 50 лет спустя // Средние века. 2018, № 4. С. 133-153

⁹³ Вопросы истории, 1972, №8. С. 141-145

Новый виток борьбы с «новым направлением» пришелся на начало 1973 г. и был связан с изданием в Свердловске материалов конференции 1968 г. о многоукладности⁹⁴.

4 марта 1973 г. в газете «Уральский рабочий», органе Свердловского обкома КПСС появилась статья двух историков – профессора исторического факультета В.Я. Кривоногова и историка партии профессора В.П. Быстрых «За строгую научность и историческую правду»⁹⁵, в которой содержались политические обвинения в адрес авторов сборника «Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности», и прежде всего – заведующего моей кафедры Владимира Васильевича Адамова. Конечно, это стало для меня, да и не только для меня – шоком. Свои против своих. Ф.П. Быстрых я практически не знал, но Василий Яковлевич Кривоногов – не просто профессор, но и основатель кафедры и отделения архивоведения на факультете.

Дальше – больше. В апреле 1973 г. преподавателей университета и других высших учебных заведений Свердловска собрали в зале Дома политического просвещения Свердловского обкома КПСС. Там перед ними выступил заведующий отделом науки обкома А.А. Добрыдень – ученый-металлург, с которым позже пришлось много раз встречаться, человек, пользовавшийся всеобщим уважением. На этот раз ему была суждена другая роль. Он зачитал стенограмму совещания историков, философов, экономистов и специалистов по научному коммунизму, организованного Отделом науки ЦК КПСС в ЦК КПСС 22 марта 1973 г. То, что он говорил, было настолько важно, что я начал записывать на подвернувшемся листке бумаги. Воспровожу это обсуждение по моей записи⁹⁶.

Тон обсуждению в ЦК задал партийный идеолог академик П. Н. Поспелов. Из стенограммы следовало, что академик Поспелов отметил важный вклад Генерального секретаря Л. И. Брежнева в теорию социализма, а затем указал, что буржуазная историография пытается доказать, что Россия до Великой Октябрьской революции была отсталой страной, а отдельные историки говорят о союзе рабочего класса и крестьянства в революции – это вопиющее, удивительное отсутствие идеологической дисциплины (тезис о союзе рабочих и всего крестьянства в Октябрьской революции был одним из главных в исследованиях П. В. Волобуева – автора обстоятельных монографий по истории революции).

Директора Института истории СССР критиковали много и зло, не останавливаясь перед умозаключениями: не слишком ли часто новации историков похожи на буржуазное воздействие? Профессор А.П. Косульников прямо заявлял, что Волобуев объективно помогает буржуазной идеологии. С осуждением «нового направления» выступили академики Б.А. Рыбаков и И.И. Минц.

Досталось полной мерой и Свердловской конференции, ее организаторам и сборнику научных статей, вышедшему на основе этой конференции, так как «сборник Уральского университета содержал все идеи «нового направления»». Попытки П. В. Волобуева защитить сборник, сказать, что это была попытка разобраться в сложной проблеме многоукладности, похоже, только разъярили его оппонентов.

Закончив читать стенограмму совещания в ЦК, заведующий отделом науки Свердловского обкома заявил: «Как такое могло случиться в Свердловске?» После дежурных обвинений в адрес парткома университета, райкома и горкома партии он

⁹⁴ Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности. Свердловск, 1972.

⁹⁵ Быстрых Ф.П., Кривоногов В.Я. // Уральский рабочий. 1973.4 марта

⁹⁶ Позже узнал, что существует и стенограмма совещания в ЦК. См.: Актуальные проблемы общественных наук на современном этапе: Стенограмма совещания по ист. наукам. (21-22 марта 1973 г.) / Ред. коллегия: акад. Б. А. Рыбаков (пред.) [и др.]. - Москва : [б. и.], 1974. - 205 с.; Для служебного пользования

потребовал «предотвратить в нашем рабочем крае возможности идеологических рецидивов».

Вернувшись после этого собрания в университет, увидел, как на нашей кафедре аспиранты отдирают картонные обложки со сборника по многоукладности и складывают нераспроданные экземпляры в макулатуру. При этом аутодафе присутствовал В.В. Адамов.

Я взял одну еще не изуродованную книгу. Владимир Васильевич подписал её: «Рудольфу Германовичу Пихоя – на память о том, что в науке не все просто».

Я добавил к этому экземпляру свою запись только что прошедшего совещания.

Дальше было заседание парткома. В.В. Адамова освободили от должности заведующего кафедры истории СССР. Новым заведующим был назначен проректор по учебной работе, кандидат исторических наук Борис Алексеевич Сутырин.

Борис Алексеевич Сутырин

Надо отдать должное парткому университета, тогдашнему секретарю парткома историку В.И. Шихову, который сказал все необходимо-ритуальные слова, но сделал главное – не дал уволить В.В. Адамова. Эту же позицию занял ректорат УрГУ. В.В. Адамов остался преподавать. На кафедре его любили и уважали. Но печататься ему было категорически запрещено. Человека умного, обладавшего нечастым даром видеть за частными деталями общий контекст исторического процесса просто лишили возможности заниматься наукой.

На наших глазах на факультете всплыли копившиеся годами споры и противоречия, давние и недавние обиды⁹⁷, стремление некоторых моих коллег соответствовать новым установкам, в том числе и ценой отказа от своих прежних выводов.

Как я вступил в партию.

Осенью того же года Володя Айрапетов, к тому времени уже успешно защитившийся и ставший секретарем партбюро факультета, сказал мне, что наших в партийной организации мало. Слова моего друга звучали как призыв: «Наших бьют!». Следствие было очевидно – надо вступать. Никаких политических противоречий для меня тоже не существовало. Я знал о 37-ом, знал о судьбе своих близких. Но это было давно, и партия это осудила, правда, не полностью и не до конца, и в партии хватает болтунов и приспособленцев, но много и приличных людей, глубоко уважаемых мной. Партийная организация факультета не только отражала то, что происходило у нас, но и была способна

⁹⁷ Примером эпигонско-обличительной линии в историографии стали работы Д. В. Гаврилов в. См., в частности: Гаврилов Д.В. Диссидентская «теория многоукладности»: испытание временем на достоверность и жизнеспособность//Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Пятая региональная научная конференция. Екатеринбург, 2003. С. 5-22

влиять на некоторые решения. Используя сегодняшнюю терминологию, первичные партийные организации вполне подходили под категорию элементов гражданского общества.

Да и формальные показатели у меня, что называется, соответствовали. Диссертация завершена, хоть и пока не защищена, всю преподаю, к тому же член месткома. Заполнил анкеты, написал стандартное заявление...

Дальше – партбюро. Все знакомые. Вопросы тоже. И вдруг вопрос от заведующего кафедры новой и новейшей истории профессора И.Н. Чемпалова: «Как Вы относитесь к «новому направлению» и к спорам о многоукладности?»

Я ответил, что не являюсь специалистом по истории России начала XX в., но убежден, что эти дискуссии относятся к сфере науки, а не политики.

В ответ Иван Никанорович Чемпалов заявил: «Вот перед нами кандидат в члены партии. У него прекрасная биография – из рабочих, успешно занимается наукой. Но на крутом повороте истории он не выдержал испытания!». Это было неожиданно не только для меня, но и для членов партбюро, все это прозвучало не только неожиданно, но и неприлично. В этом заявлении были отголоски каких-то давних споров и конфликтов двух фронтовиков – Адамова и Чемпалова, а я попал под раздачу, что называется, по случаю. Доцент кафедры истории советского общества В.П. Гуров, который вел это заседание партбюро, свернул обсуждение и предложил голосовать. Проголосовали единогласно при одном воздержавшемся.

VII. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УРАЛЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В.Я. Кривоногов. А всё началось по инициативе Василия Яковлевича Кривоногова. Осенью 1973 г. он был на выездном заседании Археографической комиссии в Пермском университете. Там Ирина Васильевна Поздеева, начальник археографической экспедиции Московского университета, работавшей в Пермской области, организовала выставку найденных там древнерусских старопечатных и рукописных книг. Кроме этого, перед участниками конференции выступила участником экспедиции филолог и фольклорист Серафима Евгеньевна Никитина. Да как! Она – талантливый исполнитель старообрядческой лирики, духовных стихов. Каждое её выступление – это концерт редкостного эмоционального воздействия. Доклад и находки московских археографов произвели большое впечатление на В. Я. Кривоногова и на проректора по учебной работе УрГУ Б. А. Сутырина, ставшего к этому времени заведующим нашей кафедры истории СССР (досоветского периода). В.Я. Кривоногов провел с И.В. Поздеевой предварительные переговоры о возможности проведения совместной экспедиции МГУ с историками УрГУ.

В Свердловске было организовано Уральское отделение Археографической комиссии во главе с В. Я. Кривоноговым, а Б. А. Сутырин возглавил его Свердловское отделение.

Сделаю в своём рассказе шаг назад. Так случилось, что письмо Кривоногова и Быстрых с политическими обвинениями в адрес В.В. Адамова и авторов книги «Проблема многоукладности» если не раскололо исторический факультет, то уж, во всяком случае, пропахало глубокую борозду в отношениях в нашей среде. Я, как и ряд моих коллег поддерживал В.В. Адамова, разделял его взгляды (оговорюсь – не будучи специалистом в этой теме) и относился к В.Я. Кривоногову, мягко говоря, с настороженностью. Эта предвзятость, не лишённая, впрочем, оснований, заслоняла реальную личность и, если угодно, непростую судьбу Василия Яковлевича. Крестьянский сын из староверческого села Ялуторовского уезда, комсомолец, окончивший Свердловский пединститут к 27 годам, преподаватель общественных дисциплин, он сразу после войны поступил в аспирантуру в Академию общественных наук при ЦК КПСС и защитил под руководством академика Дружинина кандидатскую диссертацию по одной из важнейших проблем истории Урала – об отмене института приписных крестьян. Он стал едва ли не первым в Свердловске доктором исторических наук по специальности «история СССР».

Василий Яковлевич Кривоногов

В своей докторской работе он изучал проблему вольнонаёмного труда в промышленности Урала в первой половине XIX в. Вечный спор советских историков – сколько капитализма в русском феодализме XVII-первой половины XIX в. и сколько пережитков феодализма в капитализме в конце XIX – начала XX вв., спор, скорее

бессмысленный и беспощадный, чем плодотворный, выродился в постоянную дискуссию на факультете между сторонниками «раннего» и «позднего» капитализма, а позже в спор о многоукладности. Отмечу вместе с тем, что темы исследований Кривоногова требовали большого объёма работы в архивах, местных и центральных.

Единственным тогда в городе доктора исторических наук по отечественной истории перевели в Свердловскую высшую партийную школу. Проработав там пять лет, он вернулся в 1971 г. университет. Его возвращение стало началом нового этапа в истории истфака. У Кривоногова был план создания в Свердловске историко-архивного института. Он наверняка получил поддержку в обкоме партии, провел большую подготовительную работу в Московском историко-архивном институте.

Однако у этого плана нашлись и сильные противники. Незадолго перед этим из состава нашего университета выделился экономический факультет, превратившийся в Свердловский институт народного хозяйства и прихвативший на пути к самостоятельности старое здание университета на ул. 8 марта 62. Ни ректорат, ни партком УрГУ не хотел повторения подобной истории. Как мне рассказывал позже декан исторического факультета Владимир Иванович Шихов, бывший в начале 70-х годов секретарем парткома УрГУ, ректорат и партком приложили немало усилий, чтобы сорвать планы создания историко-архивного института в Свердловске и сократить эту идею до уровня архивного отделения исторического факультета.

Кривоногов возглавил это отделение – кстати – второй в РСФСР центр подготовки историков-архивистов. Туда перешел доц. А.Г. Козлов, опытный архивист, долго работавший в государственном архиве Свердловской области, вскоре защитивший докторскую диссертацию, его ученик А.В. Черноухов, защитивший кандидатскую работу в 1973 году, туда перешли выпускники Московского историко-архивного института Э.А. Пензин, занявшийся исследованием истории государственного управления горным делом на Урале в 20-30-е гг. XVIII в. – историей Сибирского обербергамта и Вышнего горного начальства, Д.Н. Шаталов – организатор преподавания документоведения, С.Б. Филимонов, историограф.

Преподаватели архивного отделения. 1974 год. Четвертый слева – д.и.н. А.Г. Козлов, пятый – проф. В.Я Кривоногов

Злополучное письмо Кривоногова и Быстрых, безусловно, было инициировано Свердловским обкомом партии. Там, конечно, уже имели информацию о недовольстве ЦК итогами свердловской конференции по многоукладности и «сыграли на опережение» - опубликовали 4 марта статью, предварявшую совещание по общественным наукам, которое прошло 22 марта 1973 г. Выбор именно Кривоногова в качестве автора (Ф.П. Быстрых я не знал и с истфаком УрГУ он, кажется, был мало связан) был определен не только недавней работой Василия Яковлевича в Высшей партийной школе, но и теми взаимными обязательствами, которые неизбежно складывались между ним и обкомом в процессе его деятельности по созданию системы архивного образования на Урале. Эта была плата за помощь и возможную будущую поддержку, цена компромиссов и конформизма.

Цена оказалась дорогой.

Но вернусь к последствиям пермской археографической конференции. В.Я. Кривоногов решил организовать археографические исследования и поиск древних книг и рукописей. То, что прежде в УрГУ, правда – на филологическом факультете – прежде уже проводились подобные экспедиции, в которых участвовали В.В. Кусков, И.А. Дергачев, Е.И. Дергачева-Скоп – на истфаке попросту не знали. Да и экспедиции прекратились после отъезда В.В. Кускова в МГУ на должность заведующего кафедры древнерусской литературы.

По просьбе нового заведующего кафедрой Б.А. Сутырина я написал записку о возможности таких исследований. Сразу же скажу, что почти всё, что я писал тогда о поисках в районах, освоенных русскими в XVII в., не оправдалось в дальнейшем. Признаться, возможность участвовать в таких экспедициях мной даже не рассматривалась. Я занимался историей домонгольской Руси. Знакомство с Древлехранилищем Пушкинского дома, сформированным в основном за счет полевых исследований, не оставляли надежды на возможность найти там по настоящему древние рукописи. Поэтому и археографические поиски для меня не имели научного интереса. Единственно, что меня в этих предложениях интересовало – это возможность учить студентов хоть по каким-то рукописям, чтобы они не повторяли моего пути, начинавшегося с полного отсутствия знаний о палеографии, филигранологии⁹⁸.

Предполагалось, что руководить будущей археографической экспедицией будет кандидат исторических наук А. Б. Черноухов, специализировавшийся на истории Урала XVIII в. и работавший на историко-архивном отделении исторического факультета Уральского университета.

Весной 1974 года я приехал в Москву, чтобы передать моим оппонентам – А.Г. Кузьмину и А.И. Рогову тексты диссертации. Меня разыскали и передали, что со мной хочет встретиться профессор В.Я. Кривоногов. Утром следующего дня я был в фойе гостиницы «Россия», тогда – одной из лучших и самых пафосных в стране. Василий Яковлевич любезно предложил позавтракать с ним в кафе гостиницы и обратился ко мне с неожиданной просьбой – встретиться с Ириной Васильевной Поздеевой и договориться о том, чтобы она прочла курс лекций для подготовки будущих участников экспедиции. Я высказал Василию Яковлевичу предложение, чтобы находки, сделанные в Свердловской области, остались там для того, чтобы использовать их для обучения студентов.

С этим я и пришел в Научную библиотеку МГУ на проспекте Маркса – на Моховой. Встреча состоялась в маленькой комнатке библиотеки. Ирина Васильевна сказала, что необходимым условием проведения экспедиции должен стать учебный курс «Круг чтения

⁹⁸ В Свердловске некоторое число рукописей находилось в фондах Государственного архива Свердловской области (собрание рукописей Уральского общества любителей естествознания) и отдельные экземпляры хранились в областном музее, но они были малодоступны, и их архивное описание было некачественным. Несколько рукописей было на филфаке УрГУ. Подозреваю, что о существовании этих собраний преподаватели исторического факультета не знали.

людей Древней Руси». Она рассказывала о своих находках в Пермской области. Со своей стороны я настаивал, чтобы находки первого года экспедиции остались в Свердловске, в университете.

Ирина Васильевна Поздеева.

В мае 1974 года И.В. Поздеева приехала в Свердловск. Мне и А.В. Черноухову было поручено сагитировать студентов к участию в экспедиции. Я вел спецкурс на третьем курсе истфака по истории культуры Древней Руси. Мы ездили со студентами специализации в единственный город в Свердловской области, в котором жил дух Древней Руси – в Верхотурье. Они стали слушателями Поздеевой. А.В. Черноухов привел первокурсников-архивистов.

То, о чем рассказывала Ирина Васильевна, и лекциями-то в советском смысле назвать было нельзя. Это было подлинное просвещение. Тема, которая была объявлена – круг чтения людей Древней Руси по сути стала рассказом о богослужебном календаре в православии, о книгах, которые необходимы в церковной службе. В аудитории звучало – Апостол, Евангелия, Минеи служебные и четьи, Псалтырь и Часовник... Слушатели – студенты-историки третьего курса - И. Горожанкин, О. Мельчакова, Н. Мудрова, Н. Парфеньев, архивисты-первокурсники – Л. Бруцкая, Л. Дашкевич, Е. Пирогова, П. Сасин присутствовали при возвращении того, что считалось утраченным и уничтоженным атеистическим государством.

Повторю: руководить «уральской частью» экспедиции должен был А.В. Черноухов. Ему и карты в руки – исследователь истории Урала, работавший на кафедре архивоведения, к этому времени уже защитивший кандидатскую диссертацию. Но он как-то ушел. Экспедиция упала на меня. Я уговорил Надежду Лерник, лаборантку кафедры новой и новейшей истории помочь мне.

Первая экспедиция. В июле 1974 г. началась первая совместная экспедиция УрГУ и МГУ. Договорились, что уральская часть отряда выедет в Невьянск, Мы должны были разместиться в пустовавшей летом школе. Московская часть должна была прибыть позднее, после работы в Пермской области.

Мы начали с посещения невянской часовни после того, как наставник общины – Исак Мамонтович Баранов разрешил нам быть на службе. Дух экспедиции родился, по существу, в этой часовне невянских староверов беспоповского согласия. Глубокая религиозность, непосредственная причастность каждого из молящихся к служению Богу;

древние и писанные по древним образцам иконы; одежда из XVII–XVIII вв. – женские косоклинники с серебряными позументами и платки, заколотые «под иголочку», кафтаны-однорядки на мужчинах-бородачах; старинные, но знакомые всем молящимся напевы службы, – всё это превращало часовню в удивительную «машину времени». Наш искренний интерес к истории, образу жизни староверов, уважение к их религиозным убеждениям стали залогом успешной работы по поиску и приобретению первых рукописных и старопечатных книг. Мы общались с людьми, которые в обычной жизни были рабочими, мастерами на заводе, бухгалтерами, но происходили из династий, появившихся здесь, в Невьянске, как минимум 250 лет назад.

Все было внове. Я знал не на много больше студентов. Я был совершенно искренен, когда в Невьянске, в доме одного из стариков, рассказывавших мне о том, как он в 1917 году служил в Петрограде и показывал свои книги, я сказал – «у Вас три Псалтыри, а у нас в университете и одной-то нет». А на его просьбу – прочитать первую кафизму Псалтыри – я только и мог ответить, что не знаю. Уровень нашего невежества оправдывался только стремлением к его преодолению. Для нас всех открывался мир прошлого, о котором мы – и я, и студенты не подозревали. Мир, в котором иконы обшивались жемчужными окладами, а жемчуг-то был местный, речной! Где тот жемчуг, где те реки! Где Веселые горы со скитами недалеко от Невьянска, куда на Петров день съезжались тысячи староверов, где происходили чудеса с бесноватыми! Я сделал для себя маленькое открытие. Наши собеседники, старики и старухи, которым было под семьдесят, жили в двух временах – в прошлом, которое для них было реально, вещественно, оно возвращалось к ним и сегодняшним днем с его обычными заботами.

Уже в первые дни проявились способности и качества первых наших археографов – студентов. Ольга Лысова (Мельчакова) обладала несомненными организаторскими способностями и стала начальником маленького отряда. Николай Парфентьев, серьезно занимавшийся музыкой, участвовавший в студии оперного театра узнал о существовании живой традиции пения по крюкам. Исак Мамонтович Баранов, с которым Николай подружился, стал его первым преподавателем в этом искусстве. Не менее важно, что складывалась атмосфера взаимного доверия, поддержки, Люда Бруцкая, Петр Сасин, Лена Пирогова, Наташа Литвинова (Мудрова), как и другие участники быстро стали единой командой. Надежда Лерник (Харина) стала хозяйкой свердловской части экспедиции.

Прибытие московского отряда во главе с И.В. Поздеевой означало возможность узнать и приобщиться к опыту работы московских археографов. И.В. Поздеева, по первой специализации археолог, привнесла в организацию археографической экспедиции своего рода «индустриальную составляющую», свойственную хорошим археологическим экспедициям. Вездеходный транспорт, обеспечивавший мобильность и безопасность, тщательно продуманный экспедиционный быт с вечерними отчётами, экспедиционными дневниками, запасом продовольствия, необходимого в полуголодных условиях провинциальной России, и многое другое, что позволяло эффективно работать. И. В. Поздеева в полной мере разделяла подход, впервые сформулированный основателем советской археографии В. И. Малышевым о том, что рукописная традиция – лишь часть, хотя и важная, местной культуры. Уже в первые часы нахождения в невянской часовне она обратила внимание на своеобразие местной иконописи и узнала имена местных иконописцев Романовых, Богатыревых. Именно И.В. Поздеевой отечественная историография обязана появлением проблематики невянской иконы как составной части культуры уральского раскола.

Невьянские старoverы у часовни. 1974. Третий слева – наставник Исак Мамонтович Баранов

Из Невьянска уже объединённый отряд перебрался в Шалинский район Свердловской области, где к нам присоединился В.А. Липатов, филолог, когда-то работавший в экспедиции с Е.И. Дергачёвой-Скоп. Уже там, в экспедиции И. В. Поздеева рассказала нам о только что вышедшей монографии Н.Н. Покровского⁹⁹. О его непростой судьбе, драматической защите докторской диссертации и экспедициях за книгами в Сибири мне раньше рассказывала в рукописном отделе БАН О.П. Лихачева. Книга же Н.Н. Покровского была замечательна в частности тем, что вводила историю уральского раскола в контекст социальной истории Урала. Архивные источники, на которых она основывалась, дополнялись на наших глазах живой устной традицией уральских старoverов. Не вызывало сомнений, что будут найдены сочинения самих старoverов об их истории в XVIII–XIX вв.

Прибытие московского отряда во главе с И.В. Поздеевой означало возможность узнать и приобщиться к опыту работы московских археографов. И.В. Поздеева, по первой специализации археолог, привнесла в организацию археографической экспедиции своего рода «индустриальную составляющую», свойственную хорошим археологическим экспедициям. Вездеходный транспорт – оборудованный для экспедиции ЗИЛ-131, обеспечивавший мобильность и безопасность, тщательно продуманный экспедиционный быт с вечерними отчётами, экспедиционными дневниками, запасом продовольствия, необходимого в полуголодных условиях провинциальной России, и многое другое, что позволяло эффективно работать и стало образцом для нас.

Работать в составе объединённой экспедиции оказалось не просто. Ирина Васильевна – прекрасный организатор, но, как почти неизбежно бывает с начальниками экспедиции – человек авторитарный. Да, похоже, и я такой. Поэтому время от времени возникали непростые ситуации связанные с планированием работы. Впрочем, её знания становились решающим фактором.

Экспедиция заканчивалась. Москвичи уезжали. Ко мне пришли студенты-старшекурсники, объявившие, что они очень хотят и дальше участвовать в полевых археографических исследованиях, но они жаловались на то, что их отношения с москвичами не сложились. Причинами было и то, что те были старше, и то, что они были опытнее, к этому примешивалась разность принадлежности – одних – к столичному МГУ, других – к Уральскому университету. Я, что называется, принял это к сведению.

Первая моя задача – иметь минимум книг, чтобы проводить практические занятия со студентами – была выполнена. В Свердловске остались 12 рукописей XVIII–XX вв. и 27

⁹⁹ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

старопечатных книг XVII-XIX вв. Новые находки были помещены в отдел редкой книги научной библиотеки УрГУ.

Неожиданно появились новые темы, интересовавшие студентов, а найти возможность для реализации этих интересов следовало найти мне. Кроме Исака Мамонтовича Баранова – наставника Невьянской часовни, выяснилось, что этим искусством владеет другой человек – Влас Евсеевич Мезенин, живший неподалеку от Сылвы. Ясно было, что будут и другие знатоки. Появлялось возможность музыкального прочтения крюковых рукописей. Явно определился интерес к истории старообрядчества и древней книги – интерес пока еще не конкретизировавшийся, но заставлявший студентов иначе смотреть на будущие курсовые и дипломную работу.

Меня тревожило иное. Было ясно, что московская экспедиция откажется в дальнейшем оставлять находки в Свердловске. В МГУ, например, поступали все книги (их было немало), полученные в Пермской области, под предлогом отсутствия специалистов по их описанию в Пермском университете. Почему Свердловск в таком случае мог стать исключением? Если Уральский университет хочет впредь пополнять своё собрание, то надо работать самостоятельно и, главное, подготовить специалистов различного профиля.

Для появления полноценной экспедиции имелись два обстоятельства. Во-первых, желание факультета (точнее – В.Я. Кривоногова и Б.А. Сутырина) иметь такую экспедицию, а во-вторых – появление в известной степени подготовленного, заинтересованного коллектива.

Но еще больше факторов было против. Эта территория уже считалась разведанной экспедицией МГУ, рассчитывавшей в дальнейшем на работу здесь и, естественно, на находки. Об этом со всей ясностью мне сказал председатель Археографической комиссии С.О. Шмидт на археографической конференции в Перми в конце 1974 г.

Нужны были средства, транспорт, оборудование. Университет не профинансирует дело с неопределенным результатом. Это было мне ясно.

Надо было учить будущих археографов. Моих знаний для этого не хватало.

Неизбежно пришлось задуматься и о том, что для руководства курсовыми и дипломными работами следовало самому заняться этой проблематикой, которая была очень далека от моих прежних занятий.

Но ответы на эти вопросы надо было решать потом. Сейчас, вернувшись из экспедиции, надо было защитить свою кандидатскую работу.

Защита. Я умудрился не быть до этого ни на одной защите диссертации. Основным моим консультантом по будущей защите стал Володя Айрапетов, который уже прошёл это испытание. Он рассказал о ритуальных словах, которые полагалось сказать на защите. Совет состоял в основном из историков КПСС и тех, кто исследовал историю Урала, начиная с XVIII в. и позже, советского времени. Не случайно поэтому в своём коротком отзыве мой руководитель Сюзюмов подчеркивал, что моя работа по истории покаянного права древнерусской церкви выполнена с марксистских позиций. Михаил Яковлевич явно пытался подстраховать меня. Он еще мимоходом заметил мне, что последняя защита по периоду, старше XVIII в. состоялась в Уральском университете в годы войны, в 1942 году, когда здесь защищался А.А. Введенский с диссертацией по истории хозяйства Строгановых XVI-XVII вв.

Надо было устраивать банкет. Ресторан исключался по всем причинам. Банкеты официально преследовались. Но организовать его дома разрешалось. Володя подсказал путь решения проблемы с продуктами, которые к этому времени и без малого на два десятилетия пропали из открытой продажи в Свердловске. Он предложил обратиться к

нашему тренеру-самбисту В. Арцибашеву, а через него – к его брату Александру¹⁰⁰, который заведовал тогда магазином на окраине Свердловска. Я отправился за продуктами с заднего крыльца. Поход полностью удался. Венгерское вино в большом количестве, всякая закуска, невиданная на прилавках – всё это гарантировало успех банкета.

С самой защитой возникли было сложнее. Возникли серьёзные осложнения. Внешний отзыв писал Пермский университет. Отзыв я привёз сам. За три дня до защиты мне позвонил первый оппонент Аполлон Григорьевич Кузьмин. Он сообщил, что его отзыв положительный, его привезет второй оппонент Александр Иванович Рогов, но сам Аполлон Григорьевич приехать не сможет – заболел. Он успокаивал меня – проблема небольшая, найдите в Свердловске еще одного доктора...

По тогдашним правилам, в защите кандидатской диссертации обязательно должны были присутствовать и участвовать в дискуссии два оппонента – доктор и кандидат. Отзыв отсутствующего оппонента учитывался, но лишь как дополнение.

Найдите другого доктора! А где его взять в Свердловске? М.Я. Сюзюмов, к которому я прибежал, написал письмо историку права, доктору юридических наук, работавшему в Свердловском юридическом институте. Письмо было просительным-покаянным. Он извинялся, просил прощения за какие-то конфликты в прошлом и умолял спасти защиту своего аспиранта. Жарким осенним днем я пришел домой к этому человеку. Его не было дома – вышел прогуляться. Жена, прочитав письмо, едва не прослезилась, заверила меня, что её муж, конечно, выступит на защите. Она ошибалась. Вернувшись с прогулки, профессор категорически отказался.

Я вернулся в университет. Единственным моим утешением было то, что я здоровый и сильный.

Обратиться к В.Я. Кривоногову для меня было неприемлемо, невозможно. Одно дело экспедиция, другое – кафедральные дела, к которым относилась моя защита. А наша кафедра – против Кривоногова.

Кто-то вспомнил, что недавно утвердили докторскую диссертацию Анатолию Григорьевичу Козлову, специалисту по истории Урала XVIII в., многие годы проработавшему в архиве. Выбора не было. Опять-таки мне подсказали добрые люди, что А.Г. Козлов наверняка сидит сейчас в кабинете своего друга – директора Государственного архива Свердловской области В.А. Сивкова.

Я нашел, как и мне объясняли, нашёл А.Г. Козлова в кабинете у В.А. Сивкова. Оба тихо и с удовольствием допивали бутылку портвейна. На мой рассказ о проблеме с защитой немедленно прореагировал Василий Александрович Сивков. Он велел мне сбегать в гастроном на Вайнера за второй бутылкой и заверил от имени А.Г. Козлова, что отзыв будет. Я так и сделал.

27 сентября 1974 года в зале Ученого Совета УрГУ состоялась защита¹⁰¹.

После необходимых формальностей и объявления, что «Аполлон Григорьевич Кузьмин по объективным причинам быть на заседании Ученого совета не может, есть предложение назначить официальным оппонентом доктора исторических наук, профессора Козлова А.Г. - заведующего кафедрой архивоведения и вспомогательных дисциплин Уральского - госуниверситета им. А.М. Горького» был зачитан отзыв доктора исторических наук, заместителя главного редактора журнала "Вопросы истории" А.Г. Кузьмина.

¹⁰⁰ Александр Николаевич Арцибашев (1949-2014), окончив Институт народного хозяйства, работал в торговле. Позже – журналист, собкор «Правды», политический обозреватель Центрального телевидения, писатель, секретарь правления Союза писателей России.

¹⁰¹ Выражаю искреннюю признательность профессору Е.М. Главацкой и архиву Уральского федерального университета, представившим мне материалы моей защиты.

Аполлон Григорьевич писал, что *«Избранная диссертантам тема важна и весьма нешаблонна. Он обратился к материалу, который мало изучался в дореволюционной буржуазной историографии и оставался по существу вне научного знания в советское время. ... До сих пор история раннего средневековья изучается на сравнительно ограниченном круге источников. И дело не столько в том, что этих источников вообще мало, сколько в том, что мы пока не научились в полной мере извлекать информацию из имеющихся материалов, а также не разработали способов изучения (в источниковедческом плане) т.н. сомнительных источников. ...»*

Значение данной работы прежде всего в том, что она вводит в активный научный оборот большую группу источников. С этой точки зрения было бы правильной именно подзаголовок диссертации дать в качестве заголовка; о значении церкви в Древней Руси хотя и мало но все-таки сказано, и ценность работы именно в широком привлечении нового материала, концентрации внимания на малоисследованном аспекте проблемы».

А.Г. Кузьмин указывал на значение «внелетописных» параллелей к основному источнику по истории Древней Руси – летописям. *«Работа диссертанта, - писал А.Г. Кузьмин, - дает целую цепь внешних параллелей для других памятников древнерусской письменности. Автор с большой убедительностью выявляет галерею древнерусских писателей XI-XII вв., причем в ряде случаев речь идет о деятелях довольно известным и по летописным данным. В свою очередь, диссертант не замыкает изучаемый им источник в рамках только церковноканонических текстов, и это совершенно правильно».*

Вместе с тем, А.Г. Кузьмин предостерегал от попыток упрощенного применения категорий феодализма к истории Древней Руси, от "дорисовки" исторических персонажей «в свете социальной принадлежности».

А.Г. Кузьмин согласился с главным, что было в моей работе – с источниковедческими выводами. Он счел убедительным мой вывод о времени появления Ефремовской кормчей на Руси – 80-е гг. XI в., мои аргументы о принадлежности антилатинского послания именно Феодосию Печерскому (XI в.), а не печерскому игумену XII века. *«Таким образом, писал А.Г. Кузьмин, - старый спорный вопрос, возможно, получает положительное решение».*

Если в отзыве Аполлона Григорьевича Кузьмина на первый план выходили общие вопросы истории Древней Руси, то Александр Иванович Рогов в своём заключении указывал на источниковедческие аспекты диссертации.

Он писал: *«Диссертация Р.Г. Пихоя принадлежит к числу тех исторических и источниковедческих исследований, которые особенно хотелось бы приветствовать. Оно посвящено анализу источников, почти совсем не привлекаемых современными исследователями истории Древней Руси. Памятники покаянной дисциплины, кажущиеся с первого взгляда узко церковным материалом раскрыты Р.Г. Пихоя как ценный источник не только по истории церкви и ее места в жизни древнерусского общества, но и как важный источниковедческий фонд в области социально-экономических изысканий».*

Диссертантом мобилизованы все имевшиеся до сих пор публикации памятников, изучен огромный рукописный материал, причем был открыт целый ряд совершенно новых памятников. К их числу относятся "Наказание и заповедь святых отец о покаянии и поучение", "Правило святых отец апостольских заповедей", "Поучение священникам именован Афанасия", "Поучение священника дружине" и особенно интереснейшие неизданные сочинения Андреевского игумена Григория. Если некоторые из них и упоминались в предшествующей литературе, то по существу только о работой Р.Г. Пихоя она входят в научный оборот».

Вместе с тем, А.И. Рогов не согласился с моим предположением о киевском происхождении епископа Нифонта. Он считал, что Нифонт был греком и ссылался на

греческую надпись на печати новгородского владыки. Он также, как и А.Г. Кузьмин, предостерегал меня от слишком прямолинейного применения общепринятой терминологии, описывавшей феодальные отношения, применительно к моему исследованию.

Отзыв А.Г. Козлова был кратким и положительным. Я ему безмерно благодарен, потому что если бы не его добрая воля и согласие написать этот отзыв, то и защита не состоялась.

Защита была долгой. Я подробно отвечал на замечания оппонентов, на вопросы членов совета. Много вопросов задавал В.Я. Кривоногов. Вопросы свидетельствовали, что он внимательно прочитал мою работу. Среди заданных им вопросов припоминаю его просьбу объяснить, почему я говорю о «вакууме права» в Новгороде в 30-40-е гг. XII в. Я объяснял, что это определение, скорее, условно. За ним стоит признание факта исключения князя как источника права из жизни Новгорода после изгнания новгородского князя Мстислава Всеволодовича в 1136 году. В этих условиях право церковное, покаянное, создававшееся владыкой Нифонтом должно было заменить княжеское, светское право в ряде вопросов, например, при определении ссудного процента.

Защита закончилась единогласным голосованием.

А потом едва ли не весь факультет до утра веселился у меня дома...

Диссертацию утвердили только в июле следующего, 1975 г., после положительной рецензии «черного» рецензента.

В начале 1975 года меня переводили из кандидатов в члены КПСС. После выступления В.Я. Кривоногова, который решительно высказался «за», партбюро проголосовало единогласно.

Вот такая история...

Начало самостоятельной работы. Первая экспедиция возымела далеко идущие следствия. Первое, и неожиданное – это невероятная популярность археографических исследований среди студентов. Я уверен, что дело тут было не только в полевой археографии как предмете. Занятия – кстати – факультативные, как для студентов, так и для меня – посещало много людей. Более того – это были едва ли не лучшие студенты. Эти занятия давали альтернативу. Легальную альтернативу официальной идеологии и мировоззрению. Здесь не было ничего антисоветского. Но и советского там не было. Это просто было другое, не предусмотренное, заранее не разрешенное, но и не запрещенное. Потом это было дело. Такое же, как у археологов, только это дело с живой историей, когда прошлое – часть настоящего.

Второе следствие касалось меня. Для того, чтобы учить участников экспедиции, руководить курсовыми и дипломными, надо было самому заняться проблематикой Урала, уральского старообрядчества XVIII-XIX вв. Надо было идти в архив, просматривать описи фонда Главного правления Сибирских и Казанских заводов, изучать публикации Б.Б. Кафенгауза¹⁰² и Н.И. Павленко¹⁰³ по истории уральской металлургии, чтобы войти в тему, открывать для себя статьи П.А. Вагиной, в которых был замечательный материал о «человеческой» истории Урала XVIII в., читать работы архимандрита Палладия по истории

¹⁰² Кафенгауз, Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв. Т. 1 [: Опыт исследования по истории уральской металлургии М.,-Л., 1949

¹⁰³ Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века: промышленная политика и управление М., 1953; его же: История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы. М., СССР, 1962

старообрядчества в Пермской губернии¹⁰⁴.

При этом мне очень не хотелось оставлять свои исследования по истории покаянного права, я стремился проследить, как школы права, складывавшиеся в XI-XII вв. «прорастали» в XIII-XV вв., работал с Кирилло-Белозерским собранием в Ленинграде, в Государственной публичной библиотеке. Но приходилось признать, что параллельно заниматься этими темами не удаётся.

Будущая экспедиция требовала серьезного финансирования – транспорт, палатки, продовольствие. А где их взять?

Помогло невероятное везение. В конце 1974 года днем я отправился с Эдуардом Андреевичем Пензиным в кафе в дом культуры Горького в паре сотне метров от университета. Эдуард Андреевич, выпускник историко-архивного института, был знатоком фондов XVIII в. Свердловского областного архива и замечательным рассказчиком, цитаты которого, почерпнутые из резолюций В.И. Геннина и В.Н. Татищева входили в наш профессиональный фольклор¹⁰⁵. Мы устроились в полупустом кафе, заказали, что положено. Он рассказывал своё, я – о том, как на-днях возил студентов на экскурсию в Верхотурье, о верхотурском кремле, соборе, построенном в конце XVII в. верхотурским воеводой Иваном Цыклером, позже казненным Петром I за участие в стрелецком бунте.

Наши разговоры и мои восторги от Верхотурья были прерваны вежливым человеком, сидевшим за соседним столиком. Он спросил, откуда мы, сказал, что тоже занимается историей Верхотурья и попросил о встрече.

На следующий день он зашёл на кафедру, рассказал, что он – художник Анатолий Гриненко, что он и его коллеги работают по договору с Верхотурским райисполкомом над созданием там краеведческого музея, но у них нет плана музейной экспозиции, нет подлинных экспонатов – словом – ничего нет, кроме кистей и красок. Он предложил своё посредничество в переговорах с райисполкомом для заключения хоздоговора по разработке истории Верхотурья и создания на её основе музейно-экспозиционного плана.

Дальше были переговоры в Верхотурье, завершившиеся – для нас –обязательством написать в течение двух лет историю Верхотурья и разработать музейно-экспозиционный план, провести экспедиционные исследования в Верхотурском районе и передать их результаты в будущий музей; заказчик же обязывался профинансировать эту работу и, кроме этого, гарантировал на период экспедиции предоставление транспорта.

К обязательствам по договору я отнесся максимально серьезно. Древнейшую историю и историю Верхотурья в XVII в. взялся писать известный археолог и историк, заведующий кафедрой Пермского университета В.А. Оборин. Он же провел раскопки на территории верхотурского кремля. Роль Верхотурья как центра уезда, где возникли в XVIII в. Невьянский и Тагильский заводы взялся писать И.М. Шакинко¹⁰⁶, автор нескольких книг на эту тему; историю Верхотурского уезда XIX в. исследовал доцент нашей кафедры Г.В. Яровой. Нам помогала Б.Б. Овчинникова, археолог и специалист по музееведению. Каким-то археологическим материалом, относившимся к этому региону, поделилась наша кафедральная археологическая лаборатория.

¹⁰⁴ Обзорение Пермского раскола: так называемого «старообрядства»: [с приложениями] / сост. А. П. [архимандрит Палладий (Павел Егорович Пьянков)]. - Санкт-Петербург: Типография Духовного журнала «Странник», 1863.

¹⁰⁵ Рассказывая, как в первые годы существования Екатеринбурга власти боролись с пьянством, он процитировал формулировку, с которой наказывали пьяниц: «бить батоги нещадно, дабы другие, глядя на них, себя от дурости удерживать могли»

¹⁰⁶ Шакинко И. М. Василий Татищев. — Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1986; его же: Невьянская башня: Предания, история, гипотезы, размышления. — Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1989; его же: И. М. Демидовы: историческое повествование с портретами. Екатеринбург, 2000.

Важно и то, что по договору у нас появилась первая (своя!) ставка лаборанта – следовательно – возможность оставить кого-то из будущих выпускников – археографов. Кажется, первым лаборантом стал Николай Павлович Парфентьев, ныне – зав. кафедры отечественной истории Южно-Уральского университета, доктор исторических наук и доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ.

Первая проблема – материально-финансовая – на время отодвинулась.

Оставалась вторая. Подготовка археографов для экспедиции. Я не чувствовал себя достаточно готовым прочитать обязательный для начинающих археографов курс по богослужебным книгам, надеялся, что удастся как-то договориться с И.В. Поздеевой.

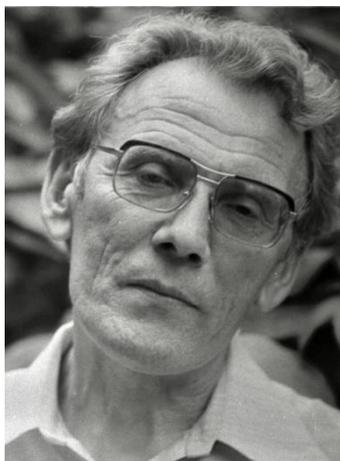
Но события развернулись иначе. Весной 1975 г. в ректорат Уральского университета поступило письмо заместителя академика-секретаря Отделения истории АН СССР, члена-корреспондента АН СССР И. Д. Ковальченко. В этом письме был выражен решительный протест против того, чтобы Уральский университет самостоятельно вёл полевые археографические исследования. И. Д. Ковальченко был ещё и заведующим кафедрой истфака МГУ, на которой работала И. В. Поздеева. Письмо передали мне. Я – старший преподаватель, диссертация в ВАКе и ещё не утверждена, а тут – один из руководителей исторической науки, член-корреспондент Академии наук...

Пошел объясняться в ректорат, к проректору по науке, будущему академику А. Т. Мокроносову. Разговор получился короткий:

«Вас финансирует Московский университет?»

Нет, – отвечал я.»

Тогда он порвал письмо и велел заниматься подготовкой к экспедиции¹⁰⁷.

Академик А.Т. Мокроносов

Разрешение готовить экспедицию не снимало другого вопроса – как научить будущих археографов?

Во время очередной командировки в Москву я встретился с А.И. Роговым. Необходимо заметить, что после защиты мы подружились. Александр Иванович был не просто лучшим, по моему глубокому убеждению, знатоком культуры Древней Руси, блестяще образованным славистом, но и добрым человеком. Он решительно потребовал, чтобы я обращался к нему на «ты», он открыл для меня Мандельштама и по памяти читал его стихи. Я нередко бывал у него дома, в переулке Серова, рядом с Новой площадью. Мы ездили в Троицу, где он, человек глубоко православный, рассказывал мне о истории церкви в XX в., мне совершенно тогда неизвестной. Когда я рассказал о проблеме с чтением лекций

¹⁰⁷ Много позже, уже в конце 1991 г., об этом письме мне напомнил сам Иван Дмитриевич Ковальченко (тогда академик-секретарь Отделения истории), рассказал об обстоятельствах его появления и извинился.

о богослужбных книгах, Рогов сказал, что именно он разработал этот курс и читал его Поздеевой и её сотрудникам и он охотно прочитает его для студентов Уральского университета. Более того - он вместе с Я.Н. Шаповым участвовал в конце 50-х гг. в экспедициях за книгами в Забайкалье, в Бурятии и в Подмоскowie, экспедициях, организатором которых был академик М.Н. Тихомиров.

Так и случилось. Студенты смогли прослушать этот курс, я – порадоваться, что проблема была решена наилучшим образом. Кроме этого, Александр Иванович согласился руководить дипломной и будущей кандидатской работой Николая Парфентьева по истории строгановской школы крюкового пения.

Время экспедиции приближалось. С помощью отдела снабжения университета и на хоздоговорные деньги закупили палатки, спальники, посуду. Следующее действие – продовольствие. Оказалось, что облизполком располагал специальным резервом для обеспечения экспедиций. Мы смогли приобрести сверхдефицитные, уже давно пропавшие из продажи в Свердловске тушёнку, сгущенное молоко. Девушки закупали то, чем следовало питаться «в поле».

Я мотался в Верхотурье, один из самых маленьких городов России, договорился, что у нас будет ЗИЛ-157, оборудованный для перевозки людей, оставил водителю свой домашний телефон, чтобы он, приехав в Свердловск, позвонил и переночевал у меня.

В очередной раз прикинул расположение будущей экспозиции, которая должна была разместиться в «Доме почетных посетителей», или, как его звали в Верхотурье, «Доме Распутина».

Это было здание из кедрового леса, выстроенное в 1913-1914 годах и стоящее на пригорке у стен Никольского монастыря, на берегу монастырского пруда.. По преданию, в нем должны были остановиться Николай II и императрица Александра Федоровна, которые намеревались посетить монастырь, где хранились мощи Симеона Верхотурского. Там и должен был появиться городской музей. Я пригласил участвовать в экспедиции Александра Васильевича Россошанского, художника, занятого подготовкой к созданию музея.

4 июля утром 1975 года мы должны были начать первую самостоятельную экспедицию. Вечером звонка от водителя не было. Ночью – не было. Авария? Какие-то непредвиденные обстоятельства? В 6 утра, не выдержав, оделся и пошел в университет. Выйдя из подъезда, увидел искомый ЗИЛ-157 со спящим водителем. Он постеснялся мне звонить. ...

Экспедиция должна была отправиться на запад области, в Шалинский район, затем – отправиться на север, в Верхотурский район, а оттуда – в уже знакомый Невьянск .

Отряд разместился в роше на берегу реки Сылвы, неподалёку от одноименного заводского посёлка, завод просуществовал с 30-х гг. XVIII в. до начала XX.

Сразу же хочу рассказать об организации жизни и быта, которая сложилась в нашей экспедиции. Лагерь, как правило, ставился на несколько дней, обычно – не больше недели в укромном месте, недалеко от дороги, рядом с водой, лесом. Надо было обеспечить, с одной стороны – безопасность, с другой – необходимые условия для жизни и быта. Приходилось останавливаться и в школах, общежитиях, но такое размещение считалось неудобным по многим причинам. Сложнее организовать питание, труднее сохранять экспедиционный быт с его отчетами, планерками, да и отдохнуть в лесном лагере было проще. Утром лагерь просыпался (а я раньше всех), дежурные – как правило – двое – готовили завтрак. На завтраке шла утренняя разрядка. Основой экспедиции были «двойки» (вначале, когда «стариков» было мало – то трое) – один из участников уже имел опыт работы в прежних экспедициях, второй или третий участник – новички. У девушек спецодежда – платки на головах, длинные юбки, кофточки с длинными рукавами.

Следующий шаг – в лагере остаются только дежурные. Все остальные погружаются в машину, которая едет на расстояние до 50-70 километров. Машина идет по разбитым лесовозным дорогам со скоростью под 30 километров в час, но вездеходные качества ЗИЛ-157 гарантируют, что не застрянем. Высаживаем по пути «двойки» в населенных пунктах. Там каждый из этих отрядов шёл либо по заранее известным адресам, либо должен был проводить разведку, выяснить – есть ли там староверы, кто умеет читать «по старому», были ли прежде здесь часовни, молельни. Идеально, когда опытный участник или участница шли к знакомым прежде людям, но это случалось далеко не всегда. Редко удавалось посетить в день более трех адресов. Спешить было нельзя.

Мы разговаривали с представителям уже второго-третьего поколения людей, живших и воспитывавшихся в стране с атеистической идеологией. Для их дедов староверов-беспоповцев вера была неотъемлемой частью жизни, а книги – условием спасения, так как служить богу и молиться следовало самому. Для их сыновей и вера, и книги были наследием отцов. Для внуков – это просто по большей части непонятные и ненужные предметы. Каждый разговор должен был привести к установлению человеческого контакта, он должен быть интересен для тех, к кому обращались археографы. Это был разговор о сохранении старинных книг, которые важно сохранить как память о людях, прежде читавших эти книги. Что книги обретут в университете новую жизнь. Отношение к книгам у стариков было особым. Уже в первые дни моей археографической деятельности они отучили меня от слова «книжки». Только книги! Книги – мирское имущество. Эта практика существовала по меньшей мере с XVI в., хорошо известна по документам XVII-XIX вв. и сохранялась едва ли не до войны. Книгу следует читать. Не читать книгу – грех. Именно эти соображения позволяли староверам и их наследникам передавать книги в университет, а нам – принимать их. Мы специально оговаривали, что прежние владельцы в любое время могут приехать в университет и увидеть, как сохраняются и используются их книги, что, кстати, нередко и происходило.

... Машина доходила до последнего пункта маршрута. Там тоже высаживался последний отряд. Часов в пять машина возвращалась назад, в лагерь, подбирая по пути в заранее оговорённых местах отряды, которые работали в течение дня.

К седьмому часу возвращались в лагерь. Там уже был готов ужин. Обедать большинству из нас не удавалось. Хорошо, если днем угостят в чужом доме. Зато ужин готовили старательно и вкусно. Девушкам можно переодеться в джинсы. Потом – обстоятельный отчет каждого отряда, заполнение полевых дневников, потом – песни к костра. Скоро появились свои поэты и музыканты. Но пели не долго. Завтра с утра – снова работа. Надо отдохнуть. За день надо много ходить. Мои туристические ботинки советского производства за месяц экспедиции рассыпались на части. У других не лучше.

Моя постоянная забота – безопасность. Это абсолютный приоритет. Это важнее всего. Сколько ушло в экспедицию, столько и должно вернуться. Залог безопасности – наличие машины в лагере. Тяжелая машина – это аргумент против хулиганов, нередко нападавших тогда на студентов во время сельхозработ. Если, не дай Бог, кто-то заболит, это возможность вывезти в врачу. Помню рассказ археологов о том, как к ним на обед приходил медвежонок, которого они подкармливали. Я бы в таком случае поднял отряд и через пятнадцать минут был бы в 10 километрах от этого места.

Шалинский район, куда прибыл наш отряд, возникал вокруг железоделательных заводов XVIII-XIX вв. с многочисленным старообрядческим населением. В глухих лесах на границе демидовских и строгановских владений были старообрядческие скиты, просуществовавшие до времени коллективизации. Потом там появились лесопильные предприятия.

В Шамарах, посёлке лесников до начала 60-х гг. действовала старообрядческая церковь белокриницкого согласия, которую закрывали с трудом, жители протестовали, писали письма властям в Свердловск, в Москву, даже в Организацию Объединенных Наций. Об этом мне рассказывал бывший уполномоченный по делам религии Свердловского облисполкома В.П. Викторов, преподаватель атеизма нашего университета. Он рассказал мне, что был участником закрытия церкви и свидетелем того, как богатая утварь храма – иконы и книги были перенесены в сарай у Шалинского райисполкома.

Я пошел в исполком к председателю райисполкома. У меня был так называемый «открытый лист» на право проведения археографических исследований, выданный Археографической комиссией АН СССР и университетское служебное удостоверение. Попросил провести меня в сарай, где находятся реликвии Шамарской церкви. Председатель начал отговариваться незнанием. Я напирал, сослался на действовавшего тогда в Свердловской области уполномоченного по делам религии. Председатель занервничал, стал звонить секретарю исполкома, напомнил тому, что когда закрывали церковь, тот был прокурором района и должен все знать. Секретарь исполкома сообщил, что сарай разобрали, поставили на его место гараж райисполкома, а церковный инвентарь сожгли. Скорее от отчаяния, я потребовал протокол о сожжении имущества, потому что если протоколы отсутствуют, то возможно обвинить местные власти в расхищении культурных ценностей, которые стоят больше, чем их гараж со всеми машинами. Протокол был составлен на единственную, по мнению местного начальства, ценность - хрустальный крестик, который куда-то потом передали...

Экспедиция шла своим чередом, стали появляться первые старопечатные и рукописные книги. У меня была своя задача. В прошлом году от одного из моих собеседников – Власа Евсеевича Мезенина, человека знающего, в молодости жившего в скитах под Висимом, умеющего петь по крюкам я услышал, что у него где-то хранится книга, глаголемая Гранограф. Хронограф! Для любого историка и филолога это не просто свод сведений по всемирной и российской истории. Любой найденный Хронограф содержал в себе интригу - ведь именно в составе Хронографа, скорее всего - в редакции 1617 г. дошло знаменитое Слово о полку Игореве.

Влас Евеевич Мезенин и я на могиле старообрядческого инока XVIII в. отца Ефрема

Мой собеседник подтвердил, что Гранограф у него есть, но он несколько лет назад отдал его на хранение в дальний леспромхоз. Поехали туда. Когда подъехали к крепкому дому в посёлке леспромхоза, мой спутник быстро выскочил из кабины, открыл ворота и велел шоферу загнать машину в крытый двор, чтобы её не было видно с улицы. Зашли в дом. Хозяйка - пожилая вдова. Не успели зайти в дом, как мой спутник скрылся куда-то в доме, несомненно, хорошо ему знакомом, и через некоторое время вернулся, держа под мышкой завернутую в полотенце книгу. Пока он был где-то в доме, то мне следовало объяснить, кто я и что здесь делаю. Начали разговор о здешних староверах. Выяснилось, что её отец, построивший этот дом, был человеком ученым по старой вере. Мне скоро стало ясно, что он был наставником. Его дочь, уже пожилая вдова, была человеком верующим. В красном углу стояли иконы, под ними, на столике, лежали укрытые вязаной салфеткой книги – по всей вероятности, псалтырь и часослов.

К нашему разговору, становящему всё более интересным и для меня, и для собеседницы, вскоре присоединился мой спутник, отнёсший, как я понял, книгу в кабину машины. Через некоторое время хозяйка предложила нам кваску, который оказался хорошо сделанной брагой.

В тот момент, когда мы уже собрались уезжать, внезапно в дом вошли два человека. Это были приехавшие из Свердловска сын хозяйки и её невестка. Судя по тому, что он вошёл в дом в кепке и закурил прямо в красном углу, стало ясно, что у него уже не было никакой связи с верой отцов и дедов. Надо было объяснять и им наше появление. Но тут – другой случай. Я начал рассказывать ему о его деде, о том, что он был человеком книжным и сказал, что наверняка на чердаке дома они найдут книгу Канонник и еще одну, где рядом с буквами будут непонятные знаки, которые на самом деле – древние ноты. Муж с женой ринулись на чердак и через минуту принесли и Канонник, и крюковые Праздники. Их восторг перед таким открытием был подкреплён тем, что мы выпили еще кваску и распрощались.

Мой прогноз объяснялся просто. Дед был наставником, то есть имел, как правило, полный круг служебных книг. Дочери вполне было достаточно Псалтыри и Часовника. После его смерти часть книг разошлась между его соседями-единоверцами, среди которых мог быть и мой спутник. Крюковые рукописи требовали более высокого, редкого уровня знания и поэтому они просто не были нужны. Выбросить их тоже бы не осмелились. Поэтому их местом стал чердак. Предполагаю, что там же находился и Хронограф.

В машине мой собеседник предложил посмотреть книгу. Я открыл – и закрыл. Это был Хронограф в списке первой половины XVII в.

Вечером, на планерке, я радостно объявил, что, хотя экспедиция только началась, можно считать, что она уже стала успешной. Впрочем, удачные находки были и у других участников, а для Н.П. Парфентьева Шалинский район стал своего рода «зоной влияния» на будущее, куда он возвращался неоднократно и как археограф, и как исследователь традиций древнерусской музыкальной культуры.

Из Шалинского района экспедиция отправилась на север, в Верхотурье и Верхотурский район. Надо было отрабатывать наши обязательства по договору. Объездили весь район, нашли несколько заброшенных сел с пустовавшими, разрушающимися домами. Собрали там крестьянский инвентарь, домашний скраб, который пригодился бы и для экспозиции, и для фондов будущего музея. Побывали в некогда богатом селе Меркушине, существовавшем с начала XVII в., где, согласно житию, был Симеон Верхотурский, где было плотбище – верфь, на которой строили речные суда для связи с Сибирью. .

Побывали – и сделали грустные наблюдения. В православных селях жили хуже, беднее, чем старообрядческих. Было очевидно и то, что историческая память их жителей была намного короче, чем у староверов. И никаких шансов на сохранение памятников старинной письменности!

В самом Верхотурье едва ли не самым эмоционально сильным для меня стало знакомство с монахинями тайного монастыря, который был в городе. Впрочем, особой тайной для местного начальства эта община не была. Они группировались вокруг единственной тогда действовавшей церкви. Им было за семьдесят. Все они прошли через лагеря. Меня поразила кротость и доброта этих женщин.

Из Верхотурья мы отправились в Невьянск. Здесь, уже по обычной практике, были в часовне, у нашего доброго знакомого Исака Мамонтовича Баранова¹⁰⁸, наставника часовни. Там, у него в гостях, мы познакомились с Евфросином Алимпиевичем Устьянцевым, старовером с внешностью и статью апостола Павла, фронтовиком и, по словам Н.П. Парфентьева, лучшим знатоком крякового пения.

Невьянск был и остается особым местом в истории уральского старообрядчества. Неподалеку были Веселые горы, куда нас сопроводили на место почитания старцев Павлу, Максиму, Григорию, Герману, которое происходило в течение недели – с 25 по 30 июня по старому стилю, . Место одновременно и красивое, и мистическое, пропитанное легендами от XVIII в. до едва ли не современности.

Участник экспедиции, художник Александр Россошанский говорил мне: «Отправляясь в экспедицию, взял краски, отбирал по преимуществу темные тона. А и часовня, и весь опыт, полученный сейчас, заставляет сменить палитру на яркие, звонкие, светлые краски».

---

¹⁰⁸ Сам И.М. Баранов походил на иконописного св. Николая,

Надежда Лерник, Анфиса Пименовна Саканцева, Александр Россошанский, муж Анфисы Пименовны, Ольга Мельчакова (Лысова). Невьянск. 1975

Археографическая лаборатория Уральского университета.

Результаты первой полностью самостоятельной экспедиции 1975 г. означали: экспедиция состоялась. В университет поступило 72 книги, в том числе 45 рукописей XVII-XIX вв. и 27 старопечатных книг, среди которых 5 было XVII в. Если в экспедиции 1974 г. участвовало 10 свердловчан, что на следующий год - уже 23 человека. Так появлялся мощный потенциал будущих исследований.

Но главным итогом этой экспедиции стало создание археографической лаборатории. Здесь студенты готовились к экспедиции, а потом получали возможность заниматься описанием памятников древнерусской письменности и печати. Это становилось ступенью к научному исследованию. Лаборатория становилась исследовательским центром. Формально в ней было два сотрудника – Н.П. Парфентьев и В.И. Байдин, да я, как внештатный заведующий. Однако круг исследователей становился много шире. Наталья Александровна Мудрова занималась историей библиотеки Строгановых, Марина Георгиевна Казанцева - «Народной музыкальной культурой в традициях уральского календаря», Алексея Геннадьевича Мосина тогда интересовали особенности книгоиздания конца XVI в. в Великом княжестве Литовском, Е.М. Главацкая – этнографией коренного населения Урала, Виктора Ивановича Байдина и Анатолия Тимофеевича Шашкова (позже через лабораторию в качестве лаборантов и младших научных сотрудников прошли многие будущие аспиранты, кандидаты и доктора наук) занимала история старообрядчества на Урале и Западной Сибири XVII-XIX вв.

В состав экспедиции по нашей инициативе были включены искусствоведы – Т.А. Рунева, В.И. Колосницын, Г.В. и С.В. Голынцы, которых познакомили с феноменом невянской иконы и показали образцы этого направления иконописи на примере Невьянской часовне.

Вторая половина 70-х – 80-е гг. стали временем, когда два, казалось бы, разных явления – учиться и учить – оказались тесно связанными. Мы учились у Александра Ивановича Рогова. Его лекции стали основой первоначальной подготовки полевых археографов. В 1975 году в университет приехал Александр Хаймович Горфункель. Его пригласил философский факультет для чтения лекций по философии эпохи гуманизма. А.Х. был известен как исследователь и издатель трудов итальянских гуманистов, в частности – знаменитого Лоренцо Валла, одного из создателей научной школы критики источников. Но вместе с тем он был многолетним участником экспедиций Пушкинского дома, другом и сподвижником Владимира Ивановича Малышева. Мы познакомились. Для нас он был прежде всего знатоком древнерусской печатной книги, знавший её досконально уже по своей основной должности заведующего отделом редкой книги библиотеки

Ленинградского университета. Он несколько раз приезжал к нам в университет и читал лекции для археографов.

Я попросил приехать и прочитать лекции своего знакомого по Библиотеке Академии наук Ивана Федоровича Мартынова. Иван занимался литературой XVIII в., преимущественно светской, как русской по происхождению, так и большим массивом переводов с французского, английского, немецкого языков, которая бытовала в дворянской и разночинской среде¹⁰⁹. Интерес к этим мало изученным текстам был вызван тем, что к этому времени наши коллеги – Людмила Дашкевич, Елена Пирогова обнаружили сохранившиеся в фондах Государственного архива Свердловской области и в Нижнетагильском музее книги из библиотеки Выйского училища, существовавшего на нижнетагильских заводах. Там оказались печатные и рукописные книги заводчиков Акинфия Никитича Демидова и многочисленные переводы, сделанные для его сына Никиты Акинфиевича. Определить эти книги без помощи И.Ф. Мартынова мы тогда не смогли бы.

Б.А. Сутырин вспомнил о своём однокурснике по истфаку Ленинградского университета – Юрии Константиновиче Бегунове и предложил мне пригласить его для чтения лекций археографам. Я охотно согласился. О Ю.К. Бегунове я знал как об одном из создателей обстоятельного справочника по древнерусским рукописям¹¹⁰. Он часто публиковался в Трудах отдела древнерусской литературы с отчетами об археографических экспедиций, организованных Древлехранилищем Пушкинского дома и с описаниями рукописей и старопечатных книг местных собраний.

Лекции Ю.К. Бегунова были профессиональны и полезны. Они усиливали «филологическую составляющую» в нашем образовании (говоря «в нашем», я имею в виду не только студентов и аспирантов, но и самого себя). Тогда же договорились о возможности участия Ю.К. Бегунова в нашей экспедиции.

Экспедиция 1976 года привела к открытию крупного центра старообрядческой традиционной культуры, который существовал вокруг Нижне-Иргинских заводов, существовавших в 1728—1879 годах, неподалеку от Красноуфимска.

Красноуфимский отряд Уральской археографической экспедиции. 1976 год. Крайний справа – Ю.К. Бегунов

Экспедиции как 1975 г., так и 1976-го были очень важны – они заложили основы организации полевых археографических исследований в Уральском университете и

¹⁰⁹ Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1980. Т. 4. Вып. 2 / Сост. И. Ф. Мартынов.

¹¹⁰ Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей/ Сост. Н. Ф. Бельчиков, Ю. К. Бегунов, Н. П. Рождественский; Акад. наук СССР. Комис. по истории филол. науки. – М. – Л., 1963

исследования феномена горнозаводской культуры Урала в тесной связи с историей уральского старообрядчества. Рос фонд рукописных и старопечатных книг, а вместе с этим росло понимание, что культурная традиция старообрядчества – это отнюдь не традиционная культура крестьянства. В условиях Урала книжно-рукописная традиция лучше сохранялась на заводах – Невьянском, Нижне-Тагильском, Нижне-Иргинском, Черноисточинском, Висимском, в сёлах, прежде приписанных к заводам. Исследования в окрестностях Верхотурья доказали, что в православной среде не только не сохраняется книжная культура прошлого, но и обычные исторические предания встречаются намного реже.

Старообрядчество же оказалось чрезвычайно пластичным: сохраняя верность религиозным традициям, восходящим к XVII в., оно прекрасно приспособлялось к изменяющимся экономическим условиям. Это отличало наши подходы к изучению старообрядчества от тех, которые развивались в МГУ, Пушкинском Доме, в Сибирском отделении АН СССР, где старообрядчество было связано с культурой крестьянства.

В конце 1975 года в нашей внутренней истории лаборатории произошло важное событие. Университет получил новое здание – пристройку к главному корпусу. Туда переехали ряд факультетов, в том числе и историки. Мы наконец-то получили свою аудиторию для лаборатории и небольшое хранилище на том же этаже. Хранилище было тесным и неудобным. Там были и книги, и экспедиционное оборудование.

В этой аудитории мы читали лекции для археографов, встречались с приезжающими к нам староверами, устраивали выставки находок. Однажды в лабораторию Б.А. Сутырин привел нового ректора университета Паригория Евстафьевича Суетина, специалиста по ядерной физике. Тогда мы не знали, что П.Е. Суетин родом из-под Ревды, из деревни Краснояр с её давними старообрядческими традициями. Он посмотрел наши книги и рукописи, не проявляя никаких эмоций. Потом, уже направляясь в свой кабинет, он сказал проректору по учебной работе Б.А. Сутырину: «одних с детства заставляют, а они не хотят, а другие сами этим занимаются».

В лаборатории. М. Казанцева и А. Багров

Вскоре проректор по АХЧ С.Д. Кохан предложил нам место для хранилища древних книг. Прежнее крохотное хранилище осталось для походного имущества. Новое было сравнительно большим – метров на 70 квадратных – в цокольном этаже на площади университетской типографии – типолaborатории. Там был какой-то склад. Мы сами вычистили его, покрасили полы, покрыли эпоксидным лаком старые стеллажи, которые забрали из библиотеки, заказали папки для каждой рукописи и старопечатной книги, разместили там каталожные ящики. Помещение было разделено на две зоны. Большую часть заняло Хранилище древних книг. Меньшую – читальня. Первым хранителем книг стала Наталья Александровна Мудрова. Согласно положению о Хранилище, никто, кроме Натальи Александровны, не имел права доставать рукописи с полок, запрещался вынос книг за пределы лаборатории для всех, в том числе и для меня.

В конце 1976 г. в Москве состоялась первая Всесоюзная конференция по полевой

археографии. К этому времени, всего за три года, в хранилище археографической лаборатории УрГУ было собрано около 500 рукописных и старопечатных книг. Благодаря поддержке ректората на конференцию с докладами прибыла целая делегация: вместе со мной были Н. П. Парфеньев, В. И. Байдин, О. А. Мельчакова, Н. А. Мудрова, Е. П. Пирогова.

После ряда успешных докладов, сделанных Н.П. Парфеньевым, Н.А. Мудровой и моим отчетом о первых результатах работы экспедиции обстановка вокруг свердловской делегации изменилась к лучшему. Там я познакомился с Н. Н. Покровским. Встреча с ним была для нас важна и интересна. Его книга по истории урало-сибирского раскола XVIII в. была для нас в полном смысле настольной книгой. С другой стороны, его заинтересовали масштабы нашей работы и то количество молодых людей, которые работали в археографической лаборатории. Он попросил взять на работу двух его учеников – А. Т. Шашкова и Л. Куандыкова¹¹¹.

Конференция закончилась. Мои соратники решили отметить это событие. Но тут в Москве я оказался совершенно некомпетентен. Руководство взял на себя В.И. Байдин и успешно реализовал его в «Праге», где мы с удовлетворением выпили португальского портвейна.

В сущности, именно на этой конференции произошла научная «легитимация» полевой археографии в Уральском университете, что было тем более важно после конфликта с МГУ. В отчете по итогам конференции, опубликованном от имени Отделения истории АН, сообщалось, что «в секции кириллической книжной традиции было заслушано 29 докладов, сообщений и запланированных выступлений о научных результатах археографических экспедиций, организованных такими признанными лидерами полевой археографии, как Институт русской литературы (ИРЛИ) АН СССР, Библиотека АН СССР, Институт истории, филологии и философии (ИИФиФ) Сибирского отделения (СО) АН СССР, Ленинградский, Московский, Новосибирский университеты, а также недавно сложившимися и уже успешно работающими научными коллективами Свердловска, Перми, Киева, Кишинева и ряда других городов страны. ... Были обсуждены также вопросы подготовки кадров полевых археографов (опыт работы Новосибирского и Уральского университетов)»¹¹².

Анатолий Тимофеевич Шашков был принят в штат лаборатории, и вместе с ним пришло серьёзное исследование истории зарождения и распространения старообрядчества в Сибири XVII в. С начала 1977 г. с лабораторией сотрудничает прекрасный филолог, представительница новосибирской школы археографии, ученица Е.И. Дергачевой-Скоп Л. С. Соболева. С 1977 г. часто читал лекции свердловским археографам, оказывал помощь в научных исследованиях Николай Николаевич Покровский.

С этого времени стала практиковаться стажировка участников экспедиции в МГУ, в Историко-архивном институте, в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР. Бесценной была помощь профессора А. И. Комиссаренко, в кружке которого занимались наши студенты, в практике были постоянные научные консультации С. О. Шмидта, А. И. Рогова, А. А. Амосова, Н. Н. Покровского, Л. Х. Горфункеля.

Осуществить задачу вхождения в систему археографической специализации было бы невозможно без поддержки ректоров Историко-архивного института С. И. Мурашова, Н. П. Красавченко, декана истфака МГУ Ю. С. Кукушкина. Всем им – моя искренняя благодарность.

Я глубоко убеждён: без широких научных контактов, без стремления понять логику

¹¹¹ Л.К. Куандыкову была выделена ставка в штате лаборатории, но он отказался переезжать в Свердловск.

¹¹² Курносоев А.А., Чернов В.А. Первая всесоюзная конференция по полевой археографии // Вопросы истории, 1977-№ 4. С. 141-145.

других научных школ и направлений не может сформироваться сколько-нибудь жизнеспособное направление в науке.

Нужно сказать, что фактически с 1976–1977 гг. сложилась своеобразная, чрезвычайно продуктивная, да и удивительно по-человечески комфортная обстановка в лаборатории и экспедиции, объединявшая примерно сорок–пятьдесят человек в Свердловске, друзей и партнёров в Ленинграде, Новосибирске, Москве, Перми, Шадринске, Кирове, Челябинске, Ярославле, Сыктывкаре.

Дальнейшее развитие археографических исследований в Свердловске было невозможно без организации сколько-нибудь регулярных научных публикаций. Издавать в университете было практически невозможно. Сборники были тематическими, а проблематика исследований лаборатории с ними не совпадала. Лаборатория нуждалась в постоянном издании для всех сотрудников экспедиции, участвовавших в описании и изучении результатов полевых и камеральных исследований. Сошлюсь на личный опыт – в 1976–1978 гг. у меня при всех непрерывных занятиях науки не вышло ни одной статьи.

Чтобы организовать выход в свет серийного сборника объёмом в 10 печатных листов, требовалось, кроме письма из университета, заручиться поддержкой идеологического отдела обкома КПСС, получить решение Госкомиздата РСФСР, от Академии наук, в данном случае – от Археографической комиссии.

Прошёл по всем коридорам, получил разрешения. Решили издавать первый научный сборник лаборатории – «Из истории духовной культуры дореволюционного Урала» (Свердловск, 1979). К этому сборнику, нашему первенцу, относились, прямо скажу – с нежностью. Простенький десятилистный сборник был снабжен тщательно сделанной суперобложкой, которую выполнил Художник-график, один из лучших графиков, сотрудничавших со Средне-Уральским книжным издательством Владимир Данилович Сысков. С обретением своего сборника, который выходил под разными названиями, появилась возможность нормальной организации научного процесса, завершаемого публикациями на каждом новом этапе исследований.

Мне пришлось изменить предмет своих учёных занятий – не без сожаления переключиться с Древней Руси на историю Урала. Стал заниматься историей Урала XVIII в. Меня занимала специфика общественной мысли горнозаводского населения края, людей, в жизни которой пересеклись новый опыт, новое знание, новый образ жизни, порожденных заводами с традиционной русской культурой и тем новым, что привнесли вторая половина XVII–XVIII вв. – староверие и неприятие официальной церкви, рассуждения об «антихристовых властях». Работа в архивах привела меня к открытию «секретного делопроизводства» по обвинению по «слову и делу», которое завел, вопреки действовавшему в России законодательству В.Н. Татищев и которое сохранялось едва ли не до 80-х гг. XVIII в. Меня занимала проблема анализа рукописного наследия, сохранявшегося в бывших и сохранившихся металлургических заводах и связи этого наследия с повседневной жизнью этих людей.

Сумасшедшая экспедиция 1977 г.

Число участников экспедиций быстро росло. В экспедиции 1974 г. участвовало 10 свердловчан, в 1975 г. – 23, в 1976-м – 36, в 1977 – 44 человека, что сразу же делало её самой крупной в стране¹¹³. Экспедиция держалась на О. А. Мельчаковой (Лысовой), Н. П.

¹¹³ Участниками экспедиции 1977 года были: Байдин В., Бруцкая Л., Брызгалова Т., Викторов В., Волченкова М., Габов Г., Ганин Н., Ганина И., Дашкевич Л., Зайцев А., Канаева О., Касаткина И., Катаев И., Кашлева М., Квасникова Г., Кириллов Г., Кожемяко Е., Курасова А., Лено Л., Масленникова Н., Медведева Л., Мельчакова О., Михайлова Г., Мосин А., Мудрова Н., Овчухов А., Парфентьев Н., Певнева Н., Пирогова Е., Пихоя Г., (а вонина Н., Саматова Е., Санникова Р., Соболева Л., Солдаткина Н., Судилова Т., Трофименко Т., Турова И., Удилова И., Устьянцев Е., Чегодаева Л., Черепкова И., Чурилова Л., Шарапов Ю.

Парфентьеве, Н. А. Мудровой, В. И. Байдине, А. Г. Мосине, Л. А. Бруцкой, А. Т. Шашкове, А. А. Гриненко, Е. П. Пироговой... Этот список можно было бы с лёгкостью продолжить. За каждым были несколько экспедиционных сезонов, организационный опыт и ответственность, научная проблематика и увлечённость.

Экспедицию 1977 г. я готовил загодя и с максимальной тщательностью. Сидел в первом отделе и срисовывал с крупномасштабных карт, считавшихся секретными, кроки возможных маршрутов. Долго договаривался об автотранспорте для трех отрядов экспедиции и договорился. Большой проблемой стало получение лимитов на бензин для автомобилей. Каждый отряд проходил 3-4 тысячи километров, но советское время можно было запрашивать государственный транспорт только по специальным талонам, которые в плановом порядке выдавались организациям. А на нас планы не были предусмотрены. Надо было получить в Свердловской конторе Госплана разрешение на получение талонов на три машины в количестве до четырех тонн бензина. Получил и это.

При подготовке одного из маршрутов с выходом со стороны Северного Урала в сторону реки Вишеры и Чердынского района Пермской области, где, по некоторым данным, еще сохранялись скиты, опытные люди настоятельно посоветовали нам не соваться туда, напомнив о судьбе «группы Дятлова».

К началу полевого сезона мы спланировали три направления полевых исследований. Отряд, руководимый Н.П. Парфентьевым и его заместительницей Е.П. Пироговой должен был работать на западе области с опорой на Шалинский район. Второй отряд, руководимый О.А. Мельчаковой и её заместительницей Н.А. Мудровой должен был разведать новые для нас территории на границе Тюменской и Свердловской областей. Я же намеревался обследовать большую территорию к востоку от Нижнего Тагила в сторону Алапаевска. Мы знали и работали со старообрядческой общиной в Быньгах, но восточнее не бывали. Моим заместителем стал преподаватель атеизма нашего университета Владимир Петрович Викторов, бывший уполномоченный по делам религии Свердловского облисполкома и офицер действующего резерва КГБ. Это не было тайной. Владимир Петрович был нормальным, хорошим человеком. Другое дело, что его контора стала слишком внимательно присматриваться ко мне. Мне писал американский историк Дениэл Кайзер, который занимался историей древнерусской церкви. Вскоре и явно вследствие этого я обнаружил, что мой телефон поставлен на прослушку. Прослушка подключалась каждое утро в 8 часов утра и отключалась с характерным звоночком в 9 вечера. Видимо, предполагалось, что после девяти вечера и до утра я никакой опасности для страны не представлял. В.П. Викторов вполне определенно попенял мне, когда у нас в лаборатории состоялась встреча археографов со священником белокрыницкой церкви села Пристань Артинского района – единственной старообрядческой церкви области. Мне было ясно сказано, что выступление священника в стенах государственного университета недопустимо.

Моё предложение В.П. Викторову, не скрою, означало, что часть ответственности за нашу работу перекладывается и на него. Да и ему это было любопытно.

К началу экспедиции, если не ошибаюсь – 4 июля 1977 г. все было готово. Две машины стояли перед университетом перед погрузкой. Ждали третью машину, которая шла в Свердловск по Тюменскому шоссе.

... В лаборатории раздался звонок Звонил водитель. Его автомобиль – ГАЗ-66, специально оборудованный для перевоза людей, перевернулся около аэропорта Кольцово¹¹⁴. Оставалось только перекреститься, что это случилось это до, а не после начала

¹¹⁴ Был такой недостаток у этого автомобиля, первоначально сделанного для армии – узкая колесная база придавала машине прекрасную проходимость, но на скорости и поворотах центр тяжести оказывался высоко и машина могла завалиться. Впрочем, в дальнейшем мы нередко использовали автомобили этой марки.

экспедиции и все обошлось без жертв.

Срочно надо было решать – куда направить отряд О.А. Мельчаковой. Прикинули по карте, позвонили на железнодорожную станцию и решили, что отправим этот отряд по железной дороге на восток Курганской области. Загрузили в мою экспедиционную машину весь необходимый скарб, поехали на станцию. Там быстро перекидали спальники, палатки, продовольствие в вагон и отряд уехал.

Отправка отряда О. Мельчаковой в 1977 г. Слева на право – В.П. Викторов, О.А. Мельчакова, я, Л. Чегодаева, Л. Бруцкая

Вернулись к университету. Отряд Николая Павловича Парфентьева уехал в Шалинский район.

Отправил всех, дошла очередь и до моего отряда. Во второй половине дня поехали. К вечеру, когда уже смеркалось, разбили лагерь в окрестностях нижнетагильского пруда. Людей надо кормить. Тут же выяснилось, что хозяйственные девушки из шалинского отряда собрали все ложки и вилки. Сам виноват. Надо было толкового завхоза в свой отряд взять. Вспомнил опыт, полученный от отца, за двадцать минут наделал ложки из бересты на ужин и предстоящий завтрак. После завтрака развез отряды по намеченным селам, сам поехал в Нижний Тагил и купил необходимую утварь.

По плану экспедиции каждый отряд работал самостоятельно до 24 июля, затем мой отряд должен был прибыть на восток области, под Камышлов, где в заранее намеченном месте он должен был разбить лагерь. Туда должен был прибыть отряд Н.П. Парфентьева, а я на нашей машине должен был забрать отряд О. Мельчаковой из Шатровского района Курганской области и вывести его в основной лагерь.

Нашему отряду досталась разведка большой территории с малочисленным населением. Работы было много, книги были, но немного. Ясно было, что там существовали в прошлом старообрядческие общины. Расспрашивали о том, были ли прежде люди, «ученые по старому». Услышали, что когда-то были и указали возможный – не адрес и не фамилию, а географическое направление – в сторону села Петрокаменское, бывшего районного центра среди нескольких деревень. Переходя из деревни в деревню, добрался до дома, где, по слухам, был знающий старую веру человек. Пришел – но хозяев дома не было. Покос.

Приехали снова через пару дней. Результат тот же. Тогда я написал письмо, в котором рассказал о целях нашего приезда и сообщил, что смогу еще раз приехать дней через десять и оставил письмо в почтовом ящике.

На обратном пути, собирая отряды, узнали, что буквально перед нами какие-то люди ограбили дом в деревне, силой отняли иконы и уехали на красном «Жигуле». Соседи смогли запомнить номер машины. Доехав то Нижнего Тагила, я с Викторовым немедленно пошли

в городской отдел милиции. Там нас отправили в районный отдел. Те, в свою очередь, постарались сделать всё, чтобы отделаться от нас и не принять заявление об ограблении. Дело кончилось тем, что Владимир Петрович отвел дежурного в сторону, что-то тихо ему сказал, предъявив некий документ, и наше заявление об ограблении было принято¹¹⁵.

Время шло. От начальницы Шатровского отряда О. Мельчаковой мне пришла телеграмма до востребования следующего содержания: «Книги есть. Деньги кончаются».

Первое было приятно. Второе – ожидаемо.

Мой отряд двинулся в сторону Камышлова. Нам надо было проехать более трехсот километров. У берега реки Пышмы на высоком холме разбили лагерь. Там стался В.Пю Викторов, который дожидался отряда Н.П. Парфентьева. Его отряд шел с крайнего запада на крайний восток области. Я же должен был забрать отряд Ольги Мельчаковой из Шатровского района Курганской области. Задача была вполне стандартной. В Камышлове мы сменили машину. Новой машиной стал автобус ПАЗ с местным водителем. Он же предложил короткий путь по лесным дорогам в сторону Шадринска, а оттуда уже по хорошей дороге – до Шатрова. Это еще около трехсот километров. Путь предстоял мимо небольших деревень в Курганской области неподалеку от границы со Свердловской. Я решил провести небольшую разведку в этих деревнях.

Утром мы выехали. Дорога петляла между березами. Вдруг поперек дороги мы увидели свежесрубленную березку, которая преграждала путь. Я вышел и откинул её. Поехали дальше. По пути я высадил два отряда, оставил им деньги и предупредил, что заберу завтра на заранее договоренном месте. Спустя некоторое время я увидел на дороге предупреждение – карантин. На дороге была выемка, заполненная опилками с дезинфицирующим раствором. На мой вопрос водителю – ехать ли дальше или возвращаться – последовал его спокойный ответ – это здесь постоянно. Ничего особенного. Не скрою, что я забеспокоился. Подъезжая к Шадринску и разглядывая карту, я предложил водителю не ехать через город, а обойти его. Тот запротестовал: «Я ту дорогу не знаю, всегда езжу через Шадринск».

У первого же поста ГАИ в Шадринске нас догнала милицейская машина. Не говоря ни слова, гаишник сел на место водителя и привел машину в милицию. Там мне объявили, что мы въехали в зону карантина по свиной чуме. Наша машина конфискуется. Я попытался объяснить, что не знал и не мог знать о карантине, что приехал с севера Свердловской области, где о карантине и слыхом не слыхали...

Пошел выясняться в местный горисполком, нашел, узнал там, что карантин объявлен только в Курганской области, что в Свердловской области карантина нет, но решать судьбу нашего автобуса должны в райисполкоме. Нашел райисполком. Пришел к председателю. Там меня уже ждали. Я начал с того, что сказал «Я отец – и Вы отец. У нас дети. И студенты - дети в Шатровском районе. Мне их надо вывозить. Помогите».

Председатель райисполкома сказал: «А я думал, вы ругаться придете». И объяснил: «С вашими номерами вас остановит любой гаишник. Поэтому договоримся: Вы заберете

¹¹⁵ История эта получила продолжение через полгода, зимой 1978 года. В лабораторию вошел человек, представившийся следователем из Нижнего Тагила и предложил допросить меня. Его интересовали подробности о событии ограбления. Когда эта процедура завершилась, я спросил следователя

– «Этих грабителей изловили?»

- Поймали, - с явной неохотой ответил он.

- А почему так поздно, ведь мы сообщили и номер и марку автомобиля?»

- Этот номер был зарегистрирован на грузовую машину», неостроумно соврал следователь.

Выяснилось, что грабителей задержали при попытке удрать с места ограбления в Черноисточинске, зимняя трасса на Нижний Тагил была по обочинам ограждена сугробами и жулики приехали прямо к посту милиции, где их и взяли. Номер на машине был тот же, который мы назвали в июле. Адвокаты пытались доказать, что это было первое преступление, но наше заявление превратило их в рецидивистов.

студентов из Шатрово, а утром получите автобус и уезжайте».

На том и договорились. Но как добраться и как вывести полтора десятка человек, экспедиционное оборудование и находки, если от Шадринска до Шатрово больше сотни километров? Местное автохозяйство, куда я пришел, отказалось. Тогда я купил билет на последний автобус до Шатрово, к утру договорился с водителем, который, высадив пассажиров, довез меня за небольшую плату до лагеря.

Студенты ждали. Они нимало не сомневались, что приеду. Дальше было все просто. На автобусной станции я скупил все билеты на первый автобус до Шадринска; доплатив водителю, загрузили в автобус имущество, несколько ящиков книг и рукописей и поехали. По пути Ольга Анатольевна Лысова рассказала, что здесь сохранялась мощная рукописная традиция, тесно связанная с Невьянском как центром уральского старообрядчества. Именно в Зауралье они смогли обнаружить первые списки «Родословия часовенного согласия» - памятник, который надолго стал объектом тщательного изучения свердловских и новосибирских археографов. Среди находок было рукописное Учительное Евангелие второй половины XV в.

Тут же со смехом рассказывали, как встретили Николая Николаевича Покровского как нарушителя заключенной в Москве между мной и им конвенции о разделе сфер влияния. Курганская и Тюменская область отходила Уральскому университету, но Н.Н. Покровский, по всей вероятности, не ожидал от нас такой оперативности. Его провели в лагерь, накормили и распрощались.

Скоро веселье наше прошло. Доехали до здания шадринской милиции, разгрузили рейсовый автобус. Но свой автобус не получили. Меня попросили снова сходить в райисполком. Мой вчерашний собеседник с тревогой сказал: «У нас в районе московская комиссия. О вас уже прослышали. Я обещал вам уехать. Уезжайте, но только по главной дороге Шадринск-Свердловск». На мои слова – у меня на прежней дороге остались люди – последовало категорическое возражение и напоминание, что в таком случае я нарушаю закон со всеми вытекающими из Уголовного кодекса следствиями. .

Ехать рекомендованным маршрутом означало, что дорога удлинится едва ли не вдвое, забрать людей, оставленных мной, будет возможно в лучшем случае только на следующий день. Выехать оттуда они не смогут. Средств связи нет.

Получили свой автобус, поехали. Проехав километров десять, велел водителю разворачиваться и объездными маршрутами выходить на прежний путь. Опускаю подробности. Скажу только, что это был непрерывный страх на шесть часов езды. Думаю, мне никогда не было так страшно, и за себя, и за ребят, и за несчастного шофера, реально рисковавшего потерять права.

Всех собрали, всех вывезли. В лагере разгрузили автобус. Выстроили целые штабеля из ящиков с книгами. Измотанные участники экспедиции расплзлись по палаткам. Я дал водителю бутылку спирта. Тот глотнул прямо из горлышка и поехал домой в Шадринск. Я его понимал.

Наступала ночь. Но приключения не кончились. Не успел я забраться в палатку, поставленную Владимиром Петровичем Викторковым, как на наш лагерь с разных мест стали съезжаться мотоциклисты, человек 5-6. Главного средства безопасности – автомобиля – в нашем лагере нет. Я помнил, что именно под Камышловом в прошлом году местные хулиганы громили студенческие уборочные отряды. Бессонная ночь и взвинченные нервы подсказали решение – выйти с топором и изуродовать мотоциклы, чтобы парни не смогли уехать и собрать подмогу. А там будем разбираться.

Владимир Петрович, видимо, все понял, остановил меня и вышел из палатки. Ночью в белой рубашке и в черных брюках посреди поляны он производил своеобразное зрелище.

Мотоциклисты стали съезжаться и окружать его. Он стоял невозмутимо и смотрел в небо.

«Кто вы такие, зачем вас сюда принесло, что вы у нас тут делаете на нашем месте» - с разных сторон начиналась ритуальная перепалка – прелюдия к конфликту..

Но Владимир Петрович отвечал не по схеме.

- «Мы комплексная экспедиция», - ответил он.

- «Что вы тут делаете?»

- «Мы осуществляем масштабные комплексные исследования»

- «А откуда вы?»

- «С Блюхера, 18»

Озадаченные мотоциклисты порычали моторами и разъехались.

Я не менее озадаченный, сидел с топором в руках на пороге палатки.

Владимир Петрович, забрался в палатку и, не торопясь, стал готовиться ко сну.

- «А что такое Блюхера, 18?»

- «Мой домашний адрес», ответил мне Владимир Петрович.

... Утром прибыл отряд Николая Павловича Парфентьева. Среди его находок был Апостол 1564 г.

Потом прошли сначала научные отчеты каждого отряда, следом за этим – ставшие уже традицией «капустник», когда каждый из отрядов находил свою форму отчета, превращавшуюся в талантливый спектакль.

В конце июля обычно происходило реформатирование отрядов. Часть участников экспедиции, по преимуществу первогодки, отправлялись в Свердловск, а оставшаяся часть экспедиции доделывала то, что не успели сделать.

Наш старый знакомый, Евфросин Алимпиевич Устьянцев, ученый старовер, знаток крюкового пения и фронтовик попросил, чтобы мы захватили его в Невьянск, в часовню. Я охотно согласился. Но он не собирался быть только пассажиром. Евфросин Алимпиевич стал участником экспедиции. Результативности его действий можно было только поражаться. Он заходил в дом, где его знали, благословлял его жителей и говорил, что те книги, которые они не читают, следует отдать ученым, которые сохраняют память о староверах. Книги появлялись неведомо откуда в самом точном смысле слова.

Приехали в Невьянск. У меня была еще своя забота – доехать до далекой деревни под Петрокаменском, куда я уже дважды приезжал. Поехал в третий раз. На этот раз застал на месте хозяйку дома – учительницу. Она нас ждала. Пошли в сарай. Там в ящике лежали приготовленные нам книги. Сверху – роскошный экземпляр среднешрифтного анонимного дофедоровского Евангелия, датированного примерно 1558-1559 гг., под ним – изданный И. Федоровым во Львове Апостол, 1574 г. и небольшая рукопись XVII в.

Анонимное среднеширифтное Евангелие. Москва, ок. 1558-1559 г.

Тогда же Лариса Степановна Соболева получила в деревне Таватуй переписанный каллиграфической скорописью второй половины XVII в. Титулярник и услышала легенду, что прежде эта рукопись принадлежала царскому секретарю, близкому человеку царя Алексея Михайловича Игнатию Воронцову, сосланному в Сибирь за приверженность к старой вере.

Так началось растянувшееся на несколько лет исследование о легенде, существовавшей в устной и письменной традициях,¹¹⁶ превратившей казака Игнатия Воронкова, участника восстания К. Булавина, сосланного на Урал, но ставшего там, а Екатеринбурге, нужным человеком для начальника Сибирского обербергамта В.И. Геннина, влиятельным и вместе с тем ставшим важной фигурой уральского старообрядчества.

Но приключения экспедиции -1977 не закончились.

Рано утром, на следующий день после поездки, завершившейся получением дофедоровского Евангелия и поздним приездом в Невьянск, меня разбудил Евфросин Алимпиевич. Он настойчиво просил меня пойти с ним и посмотреть на чудотворную икону, которая милиционера застрелила (!). Я не выспался и меньше всего хотелось идти куда-то и слушать еще одно предание. Но деваться было некуда. Пошли через весь Невьянск. Подошли к крепкому дому, открыли дверь крытого двора. Во дворе около мотоцикла «Урал» с коляской хлопотал чернобородый мужчина, которого я иногда видел в Невьянской часовне. Мой спутник попросил: «Покажи ему икону, которая милиционера застрелила».

К моему удивлению, хозяин дома отнесся к этому предложению вполне серьезно. Дом был большой. Пятистенок или семистенок с несколькими комнатами. Пока хозяин вел по дому, то рассказывал, что в начале 30-х гг., его отец, директор Невьянского завода принимал гостей. Сидели, выпивали. Один из гостей, начальник милиции, пошел по дому и дошел до небольшой комнаты, где жила мать директора. Дальняя комната была заставлена образами. Милиционер выстрелил в икону Николая святителя, а пуля из маузера убила самого милиционера.

Дошли до этой комнаты. На стене был большой, сильно корoblённый (выгнутый) образ Николая святителя. На нем хорошо просматривалась выемка, выщерблина, обнажившая левкас до холстины. На белом левкасе можно было разглядеть следы свинца.

¹¹⁶ Соболева Л.С., Пихоя Р.Г., Царский секретарь Игнатий Воронцов и донской казак Игнатий Воронков. (К истории новонайденной повести «Родословие поморской общины на Урале и в Сибири»)// Новые источники по истории классовой борьбы трудящихся Урала. Свердловск, УрО АН СССР, 1985

Стало ясно, что пуля отрикошетила от выпуклой поверхности иконы, ударилась в кондовую, смолевую стену дома и, снова отрикошетив в маленькой комнатке, убила пьяного милиционера.

Х Х Х

Летопись нашей экспедиции зафиксировала: в 1977 г. собрано 260 книг, в т. ч. 155 рукописей (XV в. - 1, XVII в. -4, XVIII в. 31) и 105 старопечатных книг (XVI в. -5, XVII в. - 29). Получены: Среднешрифтное Евангелие (М., 1558-1559), Апостол (М., 1564), Апостол (Львов, 1574), Учительное Евангелие второй половины XV в., „Титулярник" XVII в., „Космография" XVIII в., „Родословие часовенного согласия черноризца Валентина" XIX в., „Таватуйский сборник" конца XIX в.¹¹⁷

Находка на Урале дофёдоровского среднешрифтного Евангелия и московского Апостола 1564 г. стала поводом к появлению большой статьи в газете *Правда* о работах уральских археографов. И нам, археографам, и руководству университета – прежде всего ректору П. Е. Суетину – стало ясно, что требуется какая-то постоянная экспозиция для демонстрации книжных сокровищ прошлого. Учёный, специалист в области ядерной физики П. Е. Суетин прекрасно понимал, что в каждом приличном вузе найдутся более или менее удачные технические разработки, «железо», но такими книжными сокровищами, которые появились в Уральском университете, обладают редчайшие университеты в мире.

Кафедра истории СССР (досоветского периода)

Преподаватель.

Все мои археографические предприятия были, в сущности моим личным делом и велись на общественных началах, то есть даром. Деньги мне платили за то, что я преподавал. Кафедра была небольшой. Заведовал кафедрой доцент В.В. Адамов, которого, как писал выше, сменил доцент, проректор по учебной работе Б.А. Сутырин. На кафедре действовала мощная хозрасчетная археологическая лаборатория, созданная В.Ф. Генингом¹¹⁸. После его отъезда в Киев на должность заместителя директора Института археологии Украинской АН курс археологии читала доц. В.Т. Ковалева, этнографию – доц. В.Е. Стоянов, позже И.А. Бадалян.

Ассистентами на кафедре тогда были Н.А. Штибен, И.А. Бадалян, Б.Б. Овчинникова, позже – закончившие аспирантуру В.А. Ляпин, В.И. Байдин, А.Т. Шашков, О.А. Мельчакова.

На факультете было три отделения. Это отделение истории, существовавшее с 1938 г., отделение архивоведения – с 1970 г. и отделение истории КПСС – с 1972 г.

На каждое из этих отделений были разные конкурсы, как правило – повыше – у историков и несколько ниже – у архивистов. На отделение истории КПСС действовал особый режим приема. Там требовался не только производственный стаж, но и членство в партии и активное участие в общественной работе. Принимали на это отделение при наличии рекомендации от партийных органов, не ниже райкома партии.

Лекции читались, как помнится, отдельно для студентов каждого отделения. С историками и архивистами никогда и никаких проблем не было. С историками партии поначалу возник конфликт. Первая группа будущих историков КПСС, принятых в 1972

¹¹⁷ Книги старого Урала. Свердловск, 1989. С.

¹¹⁸ Перечислю только некоторые фамилии ученых, успешно работавших и работающих как археологи – Н.М.Чаиркина, В.Т. Ковалева, Г.П. Визгалов, Б. Овчинникова, Г. Зданович, Ю. Чемякин, В. Морозов, Н. Алексашенко, Г. Бельтикова, Л. Корякова, В. Борзунов, Л. В. Петрин, Н. Федорова, В. Стефанов, Н. Стефанова. Это далеко не полный список ученых, работающих в Екатеринбурге, Челябинске, Новосибирске, Сургуте, Салехарде и других городах

году, – это в большинстве были парни, отслужившие в армии, поработавшие, комсомольские активисты. На курс древнерусской истории, который они должны были сдавать в конце первого семестра, они смотрели как на ненужный или, во всяком случае, им и так известный по вступительным экзаменам. Не знаю, были ли у них у учебном плане практические занятия по этому предмету. По возрасту эти первокурсники были едва ли не старше меня.

Отношение к экзамену, который я принимал, было явственно презрительным. Экзамен начался. Я поставил подряд около десятка пар и несколько удовлетворительных. Студенты побежали в партком, оттуда – в деканат. Декан факультета, а до этого – секретарь парткома университета Владимир Иванович Шихов заглянул в аудиторию и попросил меня зайти в деканат. Все это происходило при заинтересованном внимании первокурсников «рабфаковцев», как их звали. Я объяснил Владимиру Иванович, который, кстати, был известен как один из самых строгих экзаменаторов, читавших новейшую историю, что если мы сейчас не приучим этих рабфаковцев учиться, если они уже на первом курсе не хотят заниматься – что что с ними будет дальше?

Владимир Иванович согласился.

Я продолжил экзамен с такими же результатами.

Была назначена переэкзаменовка, едва ли не для 20 из 25 студентов этой группы.

Рабфаковцы были убеждены, что мне «вправят мозги» в парткоме. Ничего этого не было. Следующий экзамен прошёл ровно с таким же результатом. Тут уж декан, пораженный нахальством этих студентов, предложил мне создать комиссию и принимать студентов, которые, в случае провала, автоматически будут отчислены. Я попросил в комиссию В.Г. Айрапетова.

Самое удивительное произошло при этой третьей переэкзаменовке. Кажется, мы не поставили ни одной оценки «удовлетворительно». Все отвечали на «хорошо» и «отлично».

Это был первый и последний случай такого конфликта. Кстати, из этой группы в дальнейшем вышло несколько серьезных историков.

В моем учебном плане всегда были практические занятия. Главная задача семинаров, на мой взгляд, состоит в обучении студентов методам источниковедческого анализа. Я вел практические занятия в одной из групп. Параллельно мне занятия вели Б.Б. Овчинникова и И.А. Бадалян. После неожиданной смерти 55-летнего Г.В. Ярового, Бронислава Борисовна стала вторым лектором, читающим курс отечественной истории до конца XVIII в. Вместе с Б.Б. Овчинниковой и И.А. Бадаляном мы подготовили учебное пособие для практических занятий для первокурсников. Игорь Арменакович и Бронислава Борисовна подобрали тексты арабских авторов о восточных славянах, существенно дополнявшие сведения «Повести временных лет», а я – выдержки из «Книги эпарха» начала X в., нормы которой позволяют понять смысл многих статей русско-византийских договоров 907-911, 944 и 971 гг.

Я убежден, что семинары – это важнейший вид учебных занятий, в ходе которых и формируются профессиональные навыки историка – анализировать источники, исследовать литературу, проверять аргументацию автора, чтобы сформировать способность к самостоятельному и аргументированному историческому исследованию.

Кроме лекций и практических занятий я продолжал вести спецкурс по истории культуры Древней Руси. Спецкурс был хорош тем, что я читал его небольшой группе студентов-третьекурсников – обычно 10-12 человекам. Это создавало возможность индивидуальной работы со слушателями, когда уходили границы между лекциями и семинарами. Студенты готовили рефераты, которые живо обсуждались на занятиях.

Кроме этого, я продолжал экскурсии со студентами в Верхотурье и в Тобольск. Верхотурье, жившее в конце XX в. в границах века XVII, сохранило планировку древнерусского города, остатки кремля, замечательный памятник конца XVII в. – Троицкий собор, построенный в стиле «нарышкинского барокко». В сибирской столице Тобольске были и каменный кремль, и великолепный Софийский собор XVII в., и выстроенная пленными шведами рентерей – склад государственной казны. Наконец – это большое число церквей, построенных украинскими архитекторами для тобольских митрополитов – Филофея Лещинского, Иоанна Максимовича, Филофея Лещинского и их преемников, приезжавших в Сибирь из Украины. К тому же Тобольск был в полном смысле историческим городом, связанным с историей зарождения сибирского летописания, судьбами протопопа Аввакума, С. Ремезова, Ф. Достоевского и многих героев наших исследований по истории уральского старообрядчества.

Со студентами в Тобольске

Впрочем, мой учитель Михаил Яковлевич Сюзюмов, узнав о моих поездках в Тобольск, с удивлением спрашивал: «А чего там интересного в Тобольске? Я там сидел в лагере на пересылке и ничего замечательного не заметил».

Следует заметить, что Михаилу Яковлевичу не очень нравились мои занятия историей старообрядчества. Но прошло некоторое время, и он принес мне рукопись первой трети XVIII в. в четвертку, один из ранних уставных поморских сборников, написанную каллиграфическим почерком, с выписанными золотом заставками и буквицами. На мой вопрос – как к нему попала эта рукопись Михаил Яковлевич рассказал, что один из его свердловских знакомых просил дать ему почитать книгу Бокля, «Историю цивилизации в Англии». Сюзюмов дорожил этой книгой и не хотел отдавать из своей библиотеки даже на время. Тогда в качестве залога ему принесли эту рукопись. Шел 1938 год. Человека не стало. Пропала и книга Бокля. Остался рукописный сборник, который так сейчас и называется – сюзюмовский.

Существование лаборатории и экспедиции прямо повлияло на работу со студентами. Реальная специализация для желающих заниматься историей культуры древней Руси, старообрядчества, культурой Урала XVII-XIX вв. начиналась фактически с первого курса. Темы курсовых уточнялись, конкретизировались. Начиная со второго-третьего курса работы студентов в значительной части писали свои курсовые на основе архивных документов и с привлечением рукописных фондов Хранилища древних книг. Дипломные сочинения практически всегда были оригинальными исследовательскими работами.

Тогда в университетах много говорили о «физтеховском принципе» обучения: студенты-старшекурсники, дипломники руководили научными исследованиями младшекурсников, дипломников консультировали аспиранты, а тех, в свою очередь, – доценты и профессора. Так и было в археографической лаборатории УрГУ, с той лишь разницей, что на верхних ступенях этой образовательной лестницы вначале шли наши коллеги из других научных центров.

Я глубоко признателен Н. Н. Покровскому за консультации в подготовке моей докторской, он же руководил кандидатской работой А. Т. Шашкова. Кандидатской

диссертацией Н. П. Парфентьева (по древнерусской музыкальной культуре в уральской традиции) руководил А. И. Рогов из Института славяноведения АН СССР, диссертацией Н.А. Кривовой (по социальному протесту горнозаводского населения XVIII в.) – А.С. Орлов (МГУ). А позже началось и самовоспроизводство: научными руководителями и консультантами диссертаций стали Н.П. Парфентьев, Е. М. Главацкая, В. И. Байдин, А. Т. Шашков, П. И. Мангилев, Л. А. Дашкевич, И. В. Починская и др.

Не могу не отметить, что такая активность вызывала всеобщее одобрение на факультете. Во-первых, нарушалось традиционное распределение студентов между кафедрами, а вместе с тем – кафедральная нагрузка, «часы» на курсовые и дипломные работы. Во-вторых, ранняя специализация противоречила обычной практике, когда распределение по кафедрам происходило к третьему курсу. Да и проблематика дипломных работ археографов не укладывалась в традиционные рамки подобных работ.

Но на нашей кафедре было хорошо. Кафедра была, что называется, спокойной. Владимир Васильевич Адамов оставался моральным центром кафедры. Его любили и уважали большинство коллег. Следует отметить деликатность нового зав. кафедрой Б.А. Сутырина. Он никогда не позволял себе нападок в адрес Адамова. Пожалуй, единственным человеком, согласившимся с критикой Адамова и тем самым осложнившим свое положение на кафедре был его ученик Юрий Алексеевич Буранов. Он уверял, что понял ошибки теории многоукладности, исследовал историю акционирования промышленности Урала как доказательства высокого уровня развития капитализма в крае¹¹⁹.

Каждое 9 мая мы всей кафедрой собирались утром и шли домой к Владимиру Васильевичу поздравлять с днем Победы. Нас там радушно принимали его жена Любовь Григорьевна и сам Владимир Васильевич. Позже, спустя несколько лет, мы имели честь с женой каждый год быть приглашенным в этот день к Адамовым на вечер. Его гостями обычно были его дочь Лидия с мужем – Александром Николаевичем Петровым, талантливым молодым доктором химических наук и лауреатом Государственной СССР и Лев Наумович Коган.

К концу 70-х гг. на кафедру пришла молодёжь, большей частью связанная с экспедицией – А.Т. Шашков, В.И. Байдин, О.А. Мельчакова, аспирант Б.А.Сутырина В. Ляпин, да и сотрудники лаборатории – Н.А. Мудрова.

Борис Алексеевич Сутырин, занятый по своей проректорской должности университетскими делами, попросил меня заняться текущим планированием преподавательской нагрузки. Надо было распределить, чтобы на каждого приходилось в среднем 120 часов «горловых», то есть лекций и семинаров, а общая нагрузка в год должна была составлять 750 часов, включая часы за зачеты и экзамены, руководство курсовыми и дипломными работами, консультации и вступительные экзамены. Нагрузка эта считалась большой. На каждом собрании – от профсоюзного до партийного говорили о необходимости её снижения, высчитывали, сколько часов преподаватель должен тратить для подготовки лекции. Ветераны истфака вспоминали легендарное письмо Минвуза СССР И-100, изданное еще в 1956 году, согласно которому нагрузка преподавателей-историков должна была составлять 550 часов. Но уже давно эта норма распространялась только на историков КПСС и преподавателей истфака МГУ.

Одной из постоянных тем обсуждения на ученом совете истфака, столь же последовательных, как и безрезультативных, было стремление изменить учебный процесс у историков, выстроив его в хронологической последовательности. Эта, в сущности, правильная идея не могла быть реализованной уже потому, что при значительных

119 Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861—1917). — М.: Наука, 1982.

полномочиях ученого совета факультета в изменении учебных программ при их последующем утверждении ученым советом университета, никто не мог пересмотреть очередность преподавания так называемых общественных дисциплин. Этот порядок определяли «инстанции» - решения ЦК КПСС и их трансляция Минвузами СССР и РСФСР. Споров и предложений было много, но ни к каким серьезным изменениям в порядке преподавания они не приводили.

Не припомню ни одного обсуждения, ни одной ученой дискуссии на факультетском совете со второй половины 70-х гг., когда я присутствовал на его заседаниях. Думаю, сказывался «ожог» от последствий конференции по многоукладности.

Друзья.

К началу 70-х гг. мои друзья, историки, ставшие социологами, разъехались из Свердловска. Анатолий Александрович Козлов переехал в Ленинград, стал сотрудником Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований Ленинградского университета, занимался проблемами молодежи, успешно защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Владимир Александрович Скрипов стал заводским социологом на Вильнюсском радиозаводе, защитился, стал журналистом.

Сложно и нехорошо переплелись судьбы моего ближайшего друга в студенческие времена – Михаила Аркадьевича Гуревича и нашего общего друга – Алексея Александровича Мясникова. Алексей сыграл важную роль и наших судьбах. Нас свел Михаил. Они были знакомы по сектору социологии Института экономики. Оба были связаны со Львом Наумовичем Коганом. Михаил помогал Алексею – тогда – социологу на Северском трубном заводе – в проведении исследований. Несколько позже, когда Алексей уехал в Москву, защитил диссертацию в Московском университете, его место на заводе занял Михаил. Позже, защитившись, он преподавал в Пермском политехническом, а затем в Челябинском филиале института экономики. Оба были в полном смысле нашими домашними людьми – и у моей мамы в Северске, и у меня в Свердловске. Именно Алексей посоветовал мне устроиться на работу в социологическую лабораторию Уральского политехнического института.

Они были разными. Алексей – человек лёгкий, веселый, любимец и любитель женщин, талантливый журналист, слегка хулиган и уж точно не диссидент. Михаил – всегдашний отличник, сторонник сложных объяснений и конспирологических схем, заядло интересовавшийся политикой, неприменный слушатель всех «голосов» на всех диапазонах. И Гуревича, и Володю Скрипова тянуло к диссидентским кампаниям. Лёшке Мясникову такие кампании были просто не интересны, а я был слишком занят, чтобы тратить время на это занятие, к тому же казавшееся мне бессмысленным. Алексей работал на московском Первом часовом заводе, часто публиковался в *Литературке* и *Комсомолке*. Я заезжал к нему в середине 70-х гг., потом наши личные контакты ослабели, хотя и остались дружескими. Михаил же постоянно бывал у него в Москве.

Как гром среди ясного неба для меня стало известие, которое в 1980 г. я узнал от Гуревича, что Мясникова арестовали и судили за антисоветскую деятельность, а его – Михаила – вызывали на процесс как свидетеля, что основанием для ареста стала забытая Алексеем в метро рукопись с критикой власти.

Подробности я узнал много позже – в 1990 году от самого Алексея, уже в Москве, а потом прочел и в его книгах¹²⁰. По его, Алексея, мнению, именно Михаил стал главной фигурой обвинения, именно он поставлял в КГБ компромат, сообщал, что Мясников подготовил статью с критикой порядка обсуждения и содержания Конституции 1977 г. Тогда и у меня стали всплывать подробности, в которых не хотел признаваться и самому

¹²⁰ Мясников А.А. Как жить? М., 2009; его же: Московские тюрьмы. М., 2010; его же: Зона. М., 2010е

себе о странных поступках моего старого друга. Михаила было чем напугать и было чем склонить к сотрудничеству с «компетентными органами»... Я убежден, что эта история сломала жизнь не только Алексею Мясникову, но и Михаилу. Он, что называется, «ушел в подполье», так и не защитил, от греха подальше, докторской диссертации, Страх за прошлое, которое в любой момент может вернуться – плохой попутчик в жизни.

Его уже нет в живых. Бог ему судья...

К этому времени распался наш кружок любителей самбо. Наш тренер Володя Арцибашев закончил аспирантуру Свердловского института народного хозяйства, защитил диссертацию по экономике, поработал в обкоме комсомола и уехал в Москву.

Из старых друзей в университете у меня оставались мои однокурсники доценты Владимир Георгиевич Айрапетов и Валерий Иванович Михайленко. Новыми друзьями стали С.И. Рябоконт , В. А. Сметанин, С. Стадухин . Мы обычно собирались семьями поочередно по праздникам, 7 ноября, 1 мая, на новый год. Это был ритуал, к нему готовились, особенно, если предстояло принять гостей. Но это были приятные хлопоты, хорошие разговоры.

Новое знакомство состоялось у меня в лаборатории. Находки экспедиции были постоянным информационным поводом для газетчиков всех уровней. Особенно тесные связи сложились у меня с журналисткой *«Уральского рабочего»*¹²¹ Тamarой Александровной Курашовой, очень профессионально освещавшей проблемы культуры Урала. Она сама нередко писала о нас, а потом и меня заставила писать в газету. Однажды она привела с собой невысокого сухощавого человека, темноглазого, с коротко подстриженными усами. «Это Владимир Николаевич Денисов, собкор «Советской России», когда-то работал в нашей газете, а потом был собкором в Томской и Кемеровской областях». Я его узнал. Мы учились едва ли не на параллельных курсах – я на истфаке, он – на журфаке.

«Советская Россия» - Савраска, как её звали, в то время была едва ли не одной из лучших газет страны. Там нередко появлялись острые статьи, в том числе с критикой местных властей и центральных ведомств. Верстка этой газеты отличалась от стандартной, принятой в центральной печати – с «воздухом», разделявшим публикации, с крупными фотографиями, хорошо читавшимися шрифтами. К тому же газета была органом ЦК КПСС и Верховного Совета РСФСР, то есть изданием бесспорно влиятельным.

Владимиру Николаевичу было интересно, чем мы занимаемся, а мне – лестно, что газета намерена написать о лаборатории. Публикации в центральной прессе служили неплохим щитом от обвинений в «религиозности», пропаганде религии, обвинений, которые могли закрыть всю нашу работу.

Разговор наш закончился тем, что он пригласил зайти к нему домой, благо, он жил совсем недалеко, в новеньком «обкомовском доме», вроде того, который строился на месте моего старого дома на Красноармейской. Дома нас приветливо встретила его жена – тоже журналистка, Светлана, работавшая в «Уральском рабочем».

Сначала было сотрудничество. Я рассказывал Владимиру Николаевичу о наших находках, он нередко публиковал статьи об археографических исследованиях на Урале.

Потом мы подружились

Владимир Николаевич был человеком непосредственным, страстным, увлекающимся, при этом со своими принципами. Он последовательно отстаивал право

¹²¹ «Уральский рабочий» был одной из старейших газет в СССР, газета основана в 1907 г. и в 80-е гг. имела тираж св. 600 тыс., уступая лишь двум региональным изданиям – «Московской правде» и «Ленинградской правде».

журналиста на самостоятельность от партийных и прочих властных органов. Статус собкора газеты ЦК КПСС¹²², гарантирующий относительную независимость журналиста, требовал и то, чтобы обладатель этого статуса его отстаивал, в том числе и в использовании некоторых номенклатурных привилегий. Это была проблема статуса, а «умаления чести» сословия собкоров Владимир Николаевич не допускал.

Отношения с местным обкомом, в частности – с первым секретарем Б.Н. Ельциным у него были сложными. В свое время, еще работая в редакции «Уральского рабочего», В.Н. Денисов отвечал за освещение в газете строительной отрасли. Стычки с тогдашним заведующим отделом строительства Б.Н. Ельциным были неизбежны. Потом редакции нередко приходилось противостоять стремлению аппарата обкома командовать газетой. Владимир Николаевич с удовольствием рассказывал о том, как главный редактор «Уральского рабочего» И.С. Гагарин отбивал атаки на газету со стороны нового первого секретаря Ельцина.

В 1980-м году я решил купить садовый участок в коллективном саду университета. Впрочем, это был кусок мелколесья между двумя каменными горками в 30 километрах от Свердловска, в паре километров от железнодорожной станции Таватуй. В сад надо было ехать на электричке в сторону Нижнего Тагила. В воскресенье вагоны были забиты народом, который ехал на легендарную барахолку у станции Шувакиш, где можно было купить все – от западных пластинок до японских модных курток-анораков, от импортной косметики до отечественных самопальных джинсов.

Мой участок оказался на вершине каменной горки, он представлял собой землю, покрытую пнями и большими камнями. И тут открылся другой Владимир Николаевич. Истосковавшийся по земле человек родом из Луганска. Каждое воскресенье мы утром отправлялись на вокзал, ехали в переполненном вагоне, потом шли по тропинке до сада. Там корчевали пни, складывали из камней подпорные стенки и террасы. Делал он всё это с азартом, с запалом. А вечером он читал Фазиля Искандера, его «Созвездие козлотура», где главный герой – журналист, а дурь преобразовательной деятельности благополучно сопрягается с сервиллизмом редакции местной газеты. Он читал, и читал так, что а я с Людмилой хохотали, слушая его.

Нашими соседями были биологи – декан биофака Николай Николаевич Фирсов, доцент-эколог, ученик Н.В. Тимофеева-Ресовского Сергей Васильевич Комов, академик Адольф Трофимович Мокронос. Биологи были людьми на редкость рукастыми. Николай Николаевич и Сергей Васильевич собственными руками срубили дома. Редкий день мы не собирались вместе. Экологи рассказывали о своих экспедициях, что-то рассказывал и я. Помню поразивший меня рассказ и еще более неожиданный комментарий к этому рассказу. В гости к нашим биологам приехал академик Большаков, директор института экологии Уральского отделения Академии наук. Он рассказывал о том, что на полярном Урале невероятно увеличилась численность мелких грызунов – леммингов. Экологи зафиксировали факты, когда эти зверьки-грызуны стали пожирать друг друга, когда их кормовая база оказалась недостаточной.

Сергей Васильевич, внимательно слушавший этот рассказ, вдруг сказал, глядя на догорающий костер.

- «А большая кровь на Кавказе будет».

Пораженные неожиданным разворотом разговора, мы стали спрашивать – какая связь между этими явлениями?

Он нехотя ответил:

¹²² Собственных корреспондентов центральных газет утверждал секретариат ЦК КПСС, они относились к номенклатуре ЦК.

- «Ресурсов для проживания такой численности населения там нет. Нет достаточного количества сельскохозяйственных земель».

... Через десять-пятнадцать лет я не однажды вспомнил этот разговор.

Археография

После 1977 года содержание моих археографических занятий заметно изменилось. Большая экспедиция создавала возможность расширить географию наших изысканий. То, что существовало Уральское отделение Археографической комиссии АН СССР, предполагало, что полевые исследования на этой территории должны были вестись с согласия Уральского отделения. Поэтому я считал, что мы имеем право работать на территории Кировской области, которая входила в состав Уральского отделения.

Ранней весной 1978 г. я поехал в Киров, открыв для себя милый город, раскинувшийся на холмах, улицы которого сохранили старинную застройку, город, в котором жила память о сосланном туда А.И. Герцене, оставившим после себя библиотеку и добрую память и о другом ссыльном – высокомерном чиновнике в белых перчатках - М.Е. Салтыкове-Щедрине. Было известно, что в фондах Кировского областного музея хранится Острожская библия. Невероятно, но факт: отправившись в музей, я обнаружил там не одну, а около десятка(!) экземпляров этого издания. Не менее сильное впечатление на меня произвел областной архив с большим числом рукописных книг. Было ясно, что, как минимум, надо готовить описание.

Я договорился о сотрудничестве с Кировским пединститутом, руководством Кировской секции Уральского отделения Археографической комиссии. Необходимые предварительные условия для обращения в Археографическую комиссию за получением «Открытого листа» на проведение наших исследований в Кировской области.

Киров запомнился замечательным художественным музеем, народными промыслами – глиняной игрушкой, запечатлевшей моды первой половины XIX в., изделиями из дерева, украшенными соломкой, сверкавшей как золото.

Я должен был прикинуть будущие маршруты экспедиции, проехать по ним и обнаружил, что север – Нолинск, Киров - старинная Вятка и юг области – Уржум, Вятские Поляны – не связаны ни автомобильным, ни железнодорожным транспортом¹²³. Дорог с севера на юг области попросту не было. Область связывала только местная авиация. Зато была широкая, полноводная река Вятка, какая-то сохранившаяся в своей первозданности природа.

Решив, что предварительные условия выполнены в полном соответствии с нормами Археографической комиссии, я отправил заявку на право проведения экспедиции на Вятке. Ответа не было. Я повторил. Тогда из Археографической комиссии пришла телеграмма, которой нам запрещалось работать в Кировской области. Не скрою: я обозлился. На моей памяти было злополучное письмо И.Д. Ковальченко 1975 г. с попыткой запретить экспедицию. Здесь же меня обозлило то, что я сделал всё по правилам, предписанным Археографической комиссией, а мне отвечали не аргументами, а телеграфным окриком.

Мы поехали на юг Кировской области. Начальником отряда стал Алексей Геннадьевич Мосин, у меня остались только координационные функции, так как отряды экспедиции работали в в нескольких областях –от Тюмени до Кирова.

Вернувшись из «поля», поехал в Москву, в Археографическую комиссию.

Выяснилось, что Сигурд Оттович Шмидт обещал разрешить экспедиционную

¹²³ На севере шла железнодорожная линия от Перми через Киров в сторону Ярославля, а на юге – от Свердловска шла Казанская железнодорожная линия через Красноуфимск, Сарапул – Казань с её ответвлениями.

работу в Вятке своему ученику – Александру Александровичу Амосову. Конечно, этот конфликт можно было решить много проще.

Позже я написал, по предложению отдела рукописей Библиотеки Академии наук свои воспоминания об Александре Александровиче – моём друге Саше Амосове.

Приведу фрагменты этих воспоминаний здесь.

Мое знакомство с Александром Александровичем Амосовым состоялось в 1972 г. в рукописном отделе БАН. К этому времени я уже третий год регулярно приезжал сюда из Свердловска. Нельзя не сказать несколько слов о самом Отделе рукописей БАН. Отдел очаровывал своей консервативностью и воплощением преемственности в почтенном деле сохранения и исследования древнерусской истории. Под стать были и сотрудники - М.В. Кукушкина, О.Н. Лихачева, И.Н. Лебедева, Н.Ю. Бубнов. Даже время от времени ссылаемый в отдел и переписывавший там библиографические карточки озоровавший Иван Мартынов не сильно выбивался из этого ленинградско-петербургского ряда.

И вдруг появился новый сотрудник - шумный, высокий, с соломенного цвета длинной бородой клином. Про него шептались: прислан из Москвы от Сигурда Оттовича, выпускник Историко-архивного...

Потом мне приходилось видеть его в Археографической комиссии, несколько раз на каких-то конференциях в Москве. Саша Амосов - а все звали его именно так - отличался завидной, не по возрасту и должности, смелостью и явными лидерскими качествами. Выступал много и, следует заметить, всегда по делу. Его интересовали общие вопросы источниковедения. Кроме этого, он, что называется, с ходу включился в работу по собиранию рукописей, которая издавна велась Библиотекой Академии наук. Археографические дела стали едва ли не первым поводом для знакомства. Кроме этого, нас сближал общий друг - сотрудник Археографической комиссии Валентин Морозов. Для Саши Амосова Валентин Морозов был сокурсником по Историко-архивному, и их объединяла взаимная увлеченность изучением Лицевого летописного свода. Мне же часто приходилось бывать в Археографической комиссии в связи с непростым началом археографических экспедиций на Урале.

Постепенно образовался круг добрых знакомых: из Пушкинского Дома - В.П. Бударагин и Г.В. Маркелов, из Отдела редкой книги Университета - мудрейший и добрый А.Х. Горфункель и его ученик Н.П. Николаев и, конечно, сотрудники Отдела рукописей БАН - Саша Амосов, Николай Юрьевич Бубнов. «Местом встречи, которое изменить нельзя» была, как правило, пирожковая на Биржевой линии - между университетом, Пушдомом и БАН, где мы встречались в обеденные перерывы между своими занятиями в этих учреждениях. Не скрою: я с благодарностью вспоминаю эти встречи, далеко не всегда заканчивавшиеся в пирожковой (ныне, увы, не существующей).

Как выяснилось позже, это знакомство сыграло важную роль в преодолении внезапно вспыхнувшего конфликта на понятной экспедиционщикам 70-х гг. проблеме - делении территорий для экспедиций. «Своя» территория была у Пушкинского Дома - со времен первых экспедиций В.П. Малышева, были традиционные маршруты у экспедиций БАН - Каргополье, Архангельская и Вологодская области. С появлением новых археографических экспедиций (в МГУ под руководством И.В. Поздеевой, в Уральском университете, в Ярославле под руководством А. Севастьяновой) руководство Археографической комиссии выступило инициатором создания региональных археографических комиссий, что должно было, в частности, предотвратить споры. В свою очередь, каждое отделение в полном соответствии с советскими административно-бюрократическими традициями делилось на областные отделения. Не помню, сколько их было, но мне пришлось работать в основном с двумя - Сибирским отделением, которое возглавлял Н.Н. Покровский, и Уральским во главе с В.Я. Кривоноговым. На совещаниях и

конференциях (особенно я запомнил Пермскую конференцию 1973 г.) председатель Археографической комиссии настойчиво внушал, что разрешения (открытые листы) на проведение экспедиций будут выдаваться только по представлениям региональных отделений комиссии.

Двусмысленность ситуации и отсутствие непосредственных контактов на уровне руководства двух экспедиций привели ко вполне ожидаемому конфликту, подробно описанному Александром Александровичем Амосовым. «Справедливости ради нужно сказать, что в полевой практике 1978 г. не произошло пересечения маршрутов двух экспедиций в одной точке и в одно время, однако вероятность подобного пересечения существовала», - писал А.А. Амосов¹²⁴

Этот конфликт мы уладили в том же 1978 г. в Москве, где по какому-то поводу оказались А.А. Амосов, В.П. Бударрагин, В.В. Морозов и я. Разговаривали и договаривались долго. Основаниями для будущих договоренностей стало то, что отряд А.Г. Мосина нашел и начал работу со староверами филипповского согласия, которые жили в основном на восточном берегу р. Вятки, а археографы БАН традиционно были связаны с федосеевцами и поповцами белокриницкого согласия на западном берегу. К этому следует добавить непроезжие в полном смысле просторы Вятского края и относительную изолированность этих общин.

Договорились до важного условия: коллекции разные, а наука одна. Отсюда - постоянные контакты, совместные конференции, при возможности - смешанные отряды, то есть участие ленинградцев в наших экспедициях и уральцев - а БАНовских на Вятке. Необходимо готовить совместные описания территориальных коллекций (в данном случае - Вятской) по двум собраниям БАН и УрГУ. Вскоре договоренности эти зажили уже в реальной археографической практике. Музыковед М.Г. Казанцева и Л.А. Петрова занимались исследованиями духовных стихов, бытовавших на Вятке. Очень тесные связи завязались у А.Г. Мосина с ленинградскими коллегами.

А.А. Амосов и Н.Ю. Бубнов часто бывали в 80-х гг. в Свердловске. Уже цитированный выше сборник по истории книжной культуры Южной Вятки, подготовленный археографами БАН и УрГУ стал прекрасным свидетельством плодотворности сотрудничества.

Кстати, тогда же мы активно обсуждали феномен сохранения традиций древнерусской книжности в Новейшее время. Поводом стал ряд публикаций И.В. Поздеевой - руководителя археографической экспедиции МГУ. Она предложила ряд достаточно жестких схем: старообрядчество сохраняется в основном у крестьян; оно консервативно и в этом смысле весьма изолировано от светской культуры; регионы, где ведутся полевые археографические исследования, рекомендовано разделить на три категории в зависимости от уровня сохранения традиций старообрядчества и уровня сохранения книжности. Не скрою, что эта весьма механистическая схема вызывала возражения и у меня, и у А.А. Амосова, и у В.П. Бударрагина. Так появилась наша совместная статья, кстати согласованная с Е.И. Дергачевой-Скоп, новосибирским археографом¹²⁵. В ней мы писали, что старообрядчество отнюдь не только крестьянское явление. Для Урала центры сохранения раскола - это заводы, да и Верхокамье, территория, где работала экспедиция МГУ, - это регион, где находились передельные заводы Строгановых. Нет и никогда не было непроходимого барьера между кириллической и

¹²⁴ К истории книжной культуры Южной Вятки: Полевые исследования: По материалам археографических экспедиций 1984 - 1988 гг. / Сост: А.А. Амосов, Н.Ю. Бубнов, М.Г. Казанцева, А.Г. Мосин, Л.А. Петрова; под ред. А.А. Амосова и Р.Г. Пихои; Библиотека Академии наук СССР. Л., 1991.

¹²⁵ Амосов А.А., Бударрагин В.П., Морозов В.В., Пихоя Р.Г.. О некоторых проблемах полевой археографии (в порядке обсуждения) // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. С. 5-19.

некириллической письменностью в круге чтения староверов¹²⁶.

Участники Уральских археографических чтений из Уральского университета, Библиотеки академии наук, Ленинградского университета, Института истории и филологии СО АН СССР на границе Европы и Азии

В ту пору А.А. Амосов был захвачен многими, на первый взгляд несхожими, проблемами. Он имел отношение к появлению Праздника древнерусской письменности, совместно с В.В. Морозовым они объединили людей в Вологде, Москве и Ленинграде вокруг огромного и сложнейшего проекта - описания рукописных собраний Вологодской области - проекта, по сути, уникального. Тут же он был глубоко погружен в проблемы филигранологии. Его скрупулезное исследование водяных знаков Лицевого свода, без сомнения, создало новый качественный уровень в изучении этого великого памятника.

Со временем он всё больше походил на Дон Кихота - и внешне, и по существу. В 80-х гг. - тогда, когда в КПСС уже мало кто стремился и карьеры это не обещало, - он вступил в партию. Он был одним из тех людей, который забил тревогу, скандалил после пожара, произошедшего в БАН. И помощником депутата Государственной думы Т.В. Черторицкой стал не в последнюю очередь из-за своей тревоги за сохранность памятников письменности.

В конце 1991 г. мне пришлось оппонировать на защите его докторской диссертации.

... Его смерть была неожиданной. Ему не было и 48 лет. С О. Шмидт предложил опубликовать его докторскую диссертацию «Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование». Текста диссертации найти тогда не смогли. Мне об этом сказал Валентин Морозов. Я сказал, что у меня он есть¹²⁷. По нему я четыре года назад писал отзыв на его докторскую диссертацию...

Я пишу и вспоминаю яркого, талантливого, заводного и доброго человека, прожившего немного, но много сделавшего.

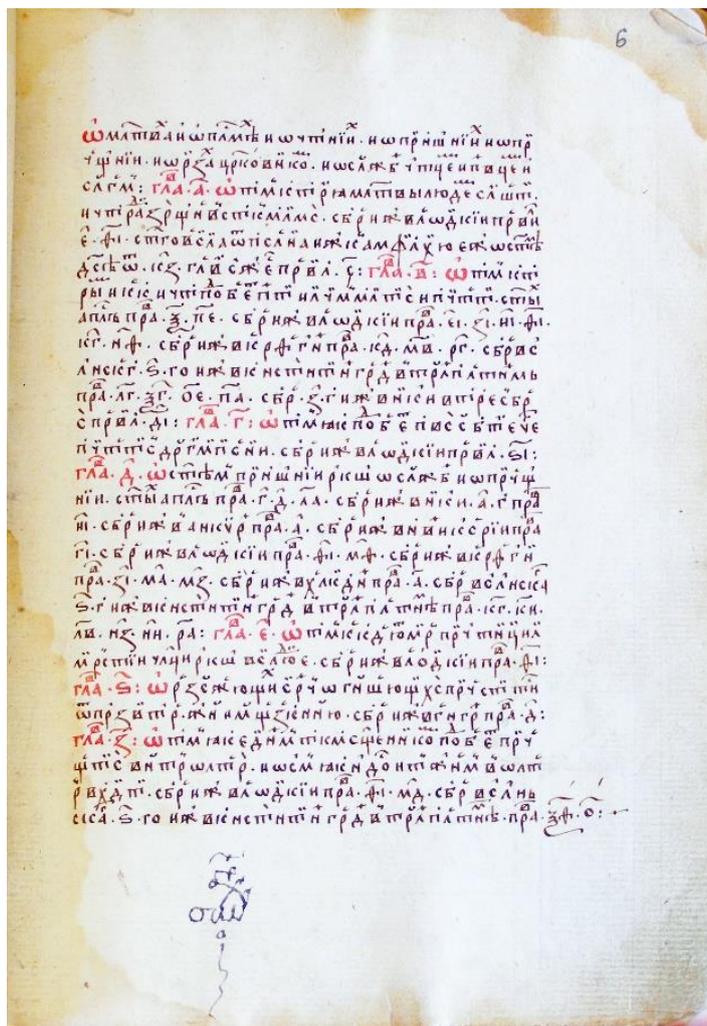
Сашу Амосова...

¹²⁶ А.А. Амосов писал о единстве «кириллической» и «некириллической» книжности, см.: там же: С. 15-16

¹²⁷ Книга была издана в 1998 г.

Со временем всё более важным становилось исследование уже сложившихся комплексов рукописной книжности. Самым большим потрясением для меня стало то, что в начале 1977 г. отряд нашей экспедиции, состоявший из двух студентов-третьекурсников – Андрея Багрова и Ольги Кривоноговой обнаружили в библиотеке Пермского педагогического института экземпляр Кормчей книги второй половины XV в., замечательного памятника, который заложил основу новой редакции кормчих, которую назвали Чудовской, но она по праву может быть названа Пермской¹²⁸. Я сначала не поверил, что возможно найти Кормчую XV в. в Перми. Поехал сам, проверить. И обнаружил, что студенты были правы. Еще в 1973 году я обследовал эту библиотеку – отыскивал возможные следы пребывания там библиотеки Дерптского университета, эвакуированного в Пермь в 1916 году. Позже, в 1976 году я вновь работал с рукописями этой библиотеки, где оказалось собрание документов Пермской ученой архивной комиссии.

Но эту рукопись мне не выдавали!

Лист Кормчей с монограммой епископа саровского и подонского Прохора (1470-1493)

Откровенно говоря, если бы мне удалось обнаружить эту рукопись раньше, то, думаю, никакой археографической экспедиции бы и не состоялось. Памятник замечательный, о котором можно было только мечтать, он бы поглотил все мои научные интересы надолго, но он попался мне уже тогда, когда поздно было возвращаться к моей старой теме. Меня хватило только на издание описания этого памятника.

¹²⁸ Пихоя Р.Г. Пермская Кормчая. О предыстории появления Чудовской Кормчей 1499 г. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, Наука, 1990; его же: Пермская Кормчая. Ч.1. описание // Исторический архив. 2001, № 1. С. 187-210

На одном из совещаний в Главархиве РСФСР я посетовал, что при всех разговорах об охране памятников письменности из поля внимания архивного ведомства выпали рукописи, хранящиеся в учреждениях министерства культуры – в библиотеках, музеях, картинных галереях. Фактов у меня хватало. Тогда я познакомился с сотрудником инспекции архивов Главархива СССР В. Рыбиным. Он чрезвычайно заинтересовался моими сведениями и настоял на том, чтобы мы вдвоем поехали и обследовали учреждения культуры Пермской области.

Такая поездка состоялась зимой 1979 г. Она полностью оправдала наши ожидания. Мы были в Перми, Кунгуре, Березниках, Соликамске. Подробный отчет об обнаруженных нами книжно-рукописных памятниках хранится где-то в фондах Главархива СССР. Особенно мне запомнилась наша работа в Березниковском городском музее. Музей замечательный. Он включал в себя собрания из Орла-городка – вотчины Строгановых при впадении Чусовой в Каму, откуда начинался поход Ермака в Сибирь; горного города Дедюхина, затопленных при строительстве Камского водохранилища. Местные краеведы в 20-30-е гг. сохранили и сберегли и памятники иконописи, и деревянную скульптуру. Я обнаружил там большую библиотеку старопечатных книг и рукописей солепромышленника Григория Дмитриевича Строганова (1656-1715) с каллиграфическими вкладными записями. Позже эту библиотеку основательно изучала сотрудник нашей лаборатории Н.А. Мудрова.

Всё большую роль в моих занятиях стала занимать работа над будущим докторским исследованием, а это – работа с фондами Берг-коллегии в ЦГАДА, документы из фондов Государственных архивов Свердловской, Пермской, Тюменской областей

Музей книги.

В собрании древних книг университета оказались дофедоровские издания – среднешрифтное Евангелие и Триодь постная, книги, напечатанные Иваном Федоровым и его сподвижниками в Москве, Львове, Вильне, Остроге, памятники московского книгопечатания XVII в., рукописи XV-XIX. Все эти книги столетиями были на Урале, являлись частью его культуры. К этому времени в нашей университетской библиотеке были выявлены книги, по которым учились в горнозаводской школе Выйского Нижнетагильского училища, издания, принадлежавшие горнозаводчику Никите Акинфиевичу Демидову. Наконец, университет получил в 1920 году, в год его основания библиотеку Царскосельского лицея. Нашлись и издания В.И. Ленина, напечатанные на Урале при его жизни¹²⁹.

Я внес предложение о создании в университете Музея книги. Это предложение было поддержано ректоратом. Были выделены деньги, разработан, после споров и утверждения экспертным Свердловского отделения Союза художников, макет будущего музея. Заказ на мебель для него был размещен на Свердловской фабрике музыкальных инструментов. Пожалуй, по составу экспозиции наш музей стал вторым в стране после музея библиотеки им. Ленина.

Музей книги открыли в холодный, вьюжный день 1 марта 1980 г. Все было прекрасно – телевидение, местное и центральное, журналисты, необходимые слова...

Но у этого вечера было не самое приятное продолжение. Пока мы торжественно открывали музей, внизу, на площади типолаборатории тихо и радикально опечатали Хранилище древних книг. Компетентные органы решили, что присутствие посторонних людей на территории типографии угрожает... Чему? Кому?

Но факт остается фактом. На улице минус 25 с ветром, а моё пальто оказалось

¹²⁹ См.: Кузнецова К. П., Пихоя Р. Г., Цыпина Н. Е. Путеводитель по Музею книги Уральского университета. Свердловск, 1983.

закрытым в Хранилище.

Пошел в ректорат. Ректор дал свою машину, чтобы меня отвезли домой.

На утро я пришел к Паригорию Евстафьевичу, в его кабинете был весь ректорат – проректор по науке Владимир Михайлович Жуковский, проректор по учебной работе Б.А. Сутырин, проректор по АХЧ Михаил Яковлевич Логунов. Вместо принятия поздравлений я потребовал, чтобы университет выделил для Хранилища помещение. Ректор предложил: установите, какие аудитории менее всего загружены, и я передам эти аудитории для Хранилища. Я запротестовал. Во-первых, есть диспетчер, который все знает о загрузке аудиторий, во-вторых, такие действия проводятся после письменного распоряжения ректора.

Ректор засмеялся.

- «Здесь весь ректорат. Вы что, нам всем не доверяете?»

- «Нет, - сказал я. Но сделаю, как Вы сказали».

Так и сделали. Нашли большую аудиторию на шестом этаже математического факультета, где редко проходили занятия. Согласовали с ректоратом. Перенесли все стеллажи и книги из подвала наверх. Прибежал возмущенный декан матмеха. Я отослал его к ректору.

На утро была сорвана лекция Героя Соцтруда академика Николая Николаевича Красовского, который должен был читать в этой аудитории.

Днем ректор лично прошелся по историческому факультету и приказал отдать лаборатории две смежных комнаты.

Потом вызвал меня и сказал:

– «Как договаривались, я Вам объявлю выговор, а Вы получаете помещения для Хранилища и лаборатории».

- «Мы так не договаривались» - ответил я.

С огорчения я пошел в отдел редкой книги университетской библиотеки, который размещался тогда в здании на Куйбышева, 48.

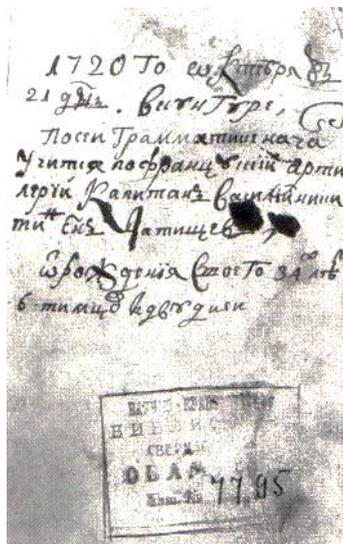

Заведующая отделом редкой книги научной библиотеки УрГУ Ольга Михайловна Кадочигова

Забрался на второй уровень стеллажей, смотрел на переплеты старинных книг. В голову пришла шальная мысль – а почему бы не найти в фонде книги из знаменитой библиотеки В.Н. Татищева, которую он собирал в течение нескольких лет во время зарубежных поездок и оставил в 1723 году в Екатеринбурге для горной школы. Часть этой библиотеки хранилась в Свердловском краеведческом музее. Был известен признак книг Татищева – его автограф *BT* на титульном листе. Сведений, что эти книги существовали в других собраниях, не было.

Я прикинул, как должна выглядеть западная печатная книга начала XVIII в., потянулся к полке и снял книгу в четвертку, с картонным переплетом обтянутым кожей

вровень со страничным блоком. Открыл – и на титульной странице прочитал: «1720 го октября въ 21 день в Кунгуре по сей грамматике начал учиться по французски артиллерии капитанъ Василий Никитин сынъ Татищевъ от рождения своего 34х лет 6 ти месяцев и двух дней »

Рядом на полке стояла другая книга. На титуле её был знаменитый автограф – *ВТ*.

Пришел домой, стал звонить Эдуарду Андреевичу Пензину, знатоку начальной истории Екатеринбурга. Он просветил меня, что эта книга была известна екатеринбургскому краеведу второй половины XIX в. Н.К. Чупину, он опубликовал эту запись и именно по ней установлена дата рождения Татищева(!). Книга считалась потерянной с начала XX в.

Находка книги из татищевской библиотеки стала поводом для целенаправленного отыскания фрагментов этого собрания в других библиотеках Свердловска, поисков вполне успешных.

А я получил полную моральную сатисфакцию.

Музей книги находился рядом с ректоратом и стал своего рода «визитной карточкой» УрГУ. Кого там только не было! Музей был включён в программу официальных делегаций, рассказ о посещении музея попал в мемуары А.А. Громыко...

Ельцин в Музее книги.

Весной 1981 г. первый секретарь Свердловского обкома Б. Н. Ельцин решил встретиться со студентами города. Во всех высших учебных заведениях были расставлены картонные коробки – своего рода почтовые ящики, над которыми были плакаты, призывавшие студентов задавать первому секретарю вопросы в письменном виде.

ИНФОРМАЦИЯ

19 мая 1981 года, в 16 часов,
во дворце молодежи
СОСТОИТСЯ ВСТРЕЧА

члена Центрального Комитета КПСС, первого секретаря Свердловского обкома
партии, делегата XXVI съезда КПСС
товарища

ЕЛЬЦИНА БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА
со студентами высших учебных заведений области

**В своем выступлении тов. ЕЛЬЦИН Б. Н. расскажет
об итогах работы XXVI съезда КПСС и задачах
по претворению решений съезда в жизнь
Будут даны ответы
на интересующие студентов вопросы**

**В целях более организованного проведения
этой встречи будет осуществляться
предварительный сбор вопросов**

**Просим студентов, желающих задать
вопросы тов. ЕЛЬЦИНУ Б. Н., опустить записку
с текстом сформулированного вопроса
в специальные ящики для сбора вопросов,
которые установлены на факультетах и в фойе
главного корпуса вуза**

**Участники встречи 19 мая смогут задать вопросы
непосредственно из зала**

Ректорат   Партком   Комитет ВЛКСМ

Афиша о встрече Б.Н. Ельциным

Ельцин решил лично посетить некоторые вузы города. В апреле 1981 г. он вместе со своим помощником В.В. Илюшиным оказался в университете. Его визит был неожиданным. Ельцин сразу направился в аудиторию, где читал лекцию какой-то преподаватель философии. Пока он сидел вместе со студентами, мне позвонил ректор и попросил самому провести экскурсию для первого секретаря. Дело серьезное. Пошёл. Дожидаясь важного визитёра, читаю какой-то справочник.

Появился Ельцин в сопровождении ректора и секретаря парткома. Видно было, что сидение на лекции философии его явно утомило. Он равнодушно посмотрел на Учительное Евангелие XV в., потом я показал ему анонимное дофёдоровское среднешрифтное Евангелие, напечатанное до официального начала книгопечатания, до Ивана Федорова. Это неожиданно вызвало резкое возражение: «Как? Ведь Иван Федоров – первопечатник!»

Я начал рассказывать о дофёдоровских изданиях, два из которых есть у нас, доказывать, говорить о печати «в один прогон», достал книгу из витрины – всё было бесполезно. Ельцин не верил. Положение спасло то, что у меня под рукой был альбом А. А. Сидорова по истории книгопечатания¹³⁰. Я открыл разворот альбома и попросил сравнить со старопечатной книгой. И – Ельцин обрадовался! После этого все мои разъяснения о специфике культуры горнозаводского Урала воспринимались с живейшим интересом.

Дальше экскурсия пошла совсем иначе. Он с увлечением слушал рассказ о горных школах XVIII в., разглядывал книги Никиты Демидова и Василия Татищева, старообрядческие рукописи. Книжные сокровища, сохранившиеся на Урале, похоже, вызывали у него чувство гордости за то, что это всё здесь, в его Свердловской области... Видно было, что наша экскурсия затянулась, впрочем, именно из-за того, что Ельцин хотел слушать.

¹³⁰ Сидоров А.А. История оформления русской книги. М., 1964.

1981. На фото слева направо: Л.П. Миронова, Р.Г. Пихоя, Е.В. Ткаченко, П.Е. Суетин, Б.Н. Ельцин

Наконец, Ельцина вытолкали из музея. Я сел передохнуть. Прошло несколько минут, дверь открылась. Ельцин, зайдя в музей, извинился, что не поблагодарил за экскурсию, попросил обращаться прямо к нему, если будут возникать какие-то проблемы. Тут же предложил помощь одного известного свердловского завода, который сможет наладить кондиционирование в музее.

Не трудно представить мою реакцию на такое отношение...

После музея Ельцин отправился в студенческую столовую, где, ко всеобщему удивлению, появились скатерти на столах и невиданное разнообразие в меню. Похоже, информация в торговле была налажена наилучшим образом.

Встреча Ельцина со студентами стала событием, в известном смысле, предварявшим перестройку и сделавшим его невероятно популярным в области. Приведу только некоторые вопросы к нему и ответы первого секретаря:

«Вопрос. Что намечается сделать по улучшению работы Шувакишского рынка? (смех в зале)»

Ответ. Б.Н.Ельцин. Я уже изучил, что студенты называют это место «тучей». Это действительно язва на теле трудового Свердловска. Надо попробовать навести порядок на Шувакишском рынке. Построить туда дорогу, сделать платную стоянку (смех в зале), усилить изгородь и сделать специальный пропускной режим. Ликвидировать там радиотовары, которые незаконно продаются, дальше, специально, чтобы каждый, кто продает, по закону должен указать цену, на грудь повесить, 30 рублей, 20 рублей и т. д. Дальше, раньше было очень тяжело судить, потому что, пока в Свердловск довезут, он или сбежал или судья передумал, или тот, милиционер, который задержал, решил прямо там на месте судить, и сейчас там выездной суд работает. Прямо сразу, как только две пластинки обнаружили, спекулянт, суд, все...посадили (аплодисменты и смех в зале).

Вопрос. К Вам обращаются студенты СИНХа¹³¹. В нашей столовой очень грязно, часто на продуктах можно увидеть мух, по полу и столам ползали тараканы. Пища готовится некачественно, неаппетитно, выбора в блюдах нет, постоянные очереди, обслуживают медленно, порой одинаковые обеды.

Ответ. Б.Н.Ельцин. Я сегодня вместе с товарищами был в этой столовой в СИНХе, но сделал, видимо, тактическую ошибку, вчера, уже в одиннадцатом часу ночи, все-таки

¹³¹ СИНХ — Свердловский институт народного хозяйства

предупредил товарищей. То, что здесь написано, близко ничего нет. Тараканов нет, смотрели, ходили, мух нет, выпечки горой навалено, горячая, потрогал. Соки, чай, огурцы, помидоры (громкий смех в зале), первых блюд три, вторых блюд три, в том числе такие, как бефстроганов. ... Специально взял меню. А я не буду показывать, среди вас здесь сидит Областного управления общественного питания, товарищ Пятыгин Борис Степанович»¹³².

Популярность Ельцина была огромной. У меня была личная причина относиться к нему с уважением и симпатией.

В этом мы расходились с моим другом Владимиром Николаевичем Денисовым.

Отдел истории.

Жизнь менялась. Подростал сын. Подходила пора идти в школу. Герман рос под бабушкиным присмотром. Мы с женой опасались того, что мальчик не будет готов к школе, к тому, когда вокруг будет много других детей. Для того, чтобы приучить его к будущим одноклассникам, я записал его в спортивную секцию по настольному теннису, раздобыл для него импортную ракетку. Но тут попало объявление на доске объявлений Дворца пионеров. Там сообщалось, что идет набор шестилеток в хор мальчиков. Это отвечало нашим планам – во-первых, сын будет в компании мальчишек – сверстников, а, во-вторых, занятия музыкой не повредят ему. Эта идея была горячо поддержана женой и бабушкой. Но тогда мы не понимали, как повезло и нам, и Герману.

Руководительница хора, выпускница консерватории Лариса Александровна Балтер была не только замечательным хормейстером, превратившей хор мальчиков в один из лучших детских коллективов, выступавшим на лучших концертных площадках страны, принимавших участие в оперных спектаклях Свердловского оперного театра. Она была заботливой воспитательницей, любившей своих мальчишек. Вместе с тем, хор вырабатывал сознательную дисциплину. Можно было пропустить несколько занятий. За это тебя никто не ругал. К тебе относились по-прежнему. Только не ставили на очередной концерт, не брали в гастрольную поездку. Все по-честному и всё понятно. Это вырабатывало самодисциплину и серьезное отношение к делу. Каждое лето ребята были заняты. Это были гастроли, поездки в Артек, Орленок...

Лариса Александровна Балтер с участниками хора. 1985 год.

Забегая вперед, скажу, что Лариса Александровна со слезами провожала своих мальчишек в армию, умудрялась вытаскивать их, служивших в разных воинских частях, на конкурс армейской самодеятельности.

Но впереди была школа. Я хотел, чтобы сын учился в школе с ранним преподаванием

¹³² Цит. по: Зезина М.Р., Малышева О.Г., Малхозова Ф.В., Пихоя Р.Г. Человек перемен. Исследование политической биографии Б.Н. Ельцина. М., 2011. С.112-113

немецкого языка. В Свердловске такая школа была одна и она находилась далеко, на Первомайской.

Герман-первоклассник

9 мая 1977 года мы были в гостях у Владимира Васильевича Адамова. Любовь Григорьевна Адамова стала спрашивать нас о том, где будет учиться наш сын. Я сказал, что хочу, чтобы он учился в немецкой школе. Она покачала головой, явно огорченная моей наивностью. «Как же вы хотите записать ребенка в школу за пару месяцев до начала учебы? Умные люди готовятся к тому, чтобы учить в хорошей школе по меньшей мере за год!».

Она же высказала сомнение в целесообразности обучения сына немецкому, хотя это и очень мне нравилось. Любовь Григорьевна посоветовала учить сына в школе № 70, которая традиционно считалась университетской и в которой английский язык преподавался с первого класса.

Я знал, что семидесятая школа – одна из лучших и попасть туда было сложно. Выручил заведующий кафедрой иностранных языков Леонид Иванович Фомин. Леонид Иванович настоятельно рекомендовал учить сына именно английскому. Он же посоветовал заниматься сыну с преподавателем английского в течение всего первого класса, а учиться в той школе, которая поближе к дому, а со второго класса перейти в семидесятую школу.

Так мы и сделали.

По-прежнему бабушка опекала внука. Дома всё было благополучно. Я получил доцента и самую высокую зарплату, положенную по должности – сначала – 280, а в 1980-году – 320 рублей. Да и жена к этому времени стала руководителем социологической службы главка «Главсредуралстроя». В совокупности это были совсем немаленькие деньги.

Но! На рубеже 70-х-80-х гг. что-то сильно переменялось и в нашем материальном положении, и в жизни в Свердловске, да и думаю, не только там. В магазинах стали пропадать продукты. Свердловский обком партии в 1978 г. писал в Совмин СССР, что *«Торговля мясом в области не производится. В продаже имеются колбасные изделия, ассортимент которых ограничен. В отдельных промышленных городах торговля ими производится с перебоями. ...*

Торговля молоком и маслом во многих городах области производится с перебоями, их не хватает на полный день. Практически отсутствует творог, крайне недостаточно молочнокислых продуктов. ... В торговле и общественном питании недостает сахаристых кондитерских изделий и особенно глазированных шоколадных конфет... В 1978 году области значительно уменьшены по сравнению с 1977 годом фонды на ряд промышленных товаров...»¹³³.

Поэтому не удивительно, что каждый командированный в Москву, и я тоже, в

¹³³ Цит. по: Зезина М.Р., Малышева О.Г., Малхозова Ф.В., Пихоя Р.Г. Человек перемен. Исследование политической биографии Б.Н. Ельцина. М., 2011. С. 87-88

последний день своего пребывания в столице (благо, что поезд в Свердловск уходил вечером), с утра отправлялся по магазинам, чтобы купить пару килограммов мяса, если не было — то замороженных бройлеров, сервелат — если попадетя, московской карамели, а если дело было накануне праздников — то апельсины или диковинный ананас, то есть то, что было невозможно купить в Свердловске, как и в большинстве российских областных городов.

Наше развлечение, которое мы с Володей Айрапетовым практиковали со второй половины 70-х гг. — уехать в начале сентября, когда занятий в университете не было, на неделю на север, за Ивдель, в глухую тайгу, где можно было отойти от экспедиции, отдохнуть так, как ни в каком отпуске не получалось, отвечать только за себя, а еще пособирать для дома бруснику и клюкву. Позже наши поездки наполнилось новым смыслом. Брусника и клюква, которую можно было хранить чуть не до февраля, из развлечения становилась главным источником витаминов. Помню, как я с ним купил десять килограммом сухого молока в каком-то леспромхозовском магазине. Молоко поделили пополам, и бабушка потом несколько месяцев использовала его для каши для ребенка. В другом случае мы также привезли по пять килограммов сливочного масла.

В конце 70-х гг. появились новые проблемы. Прежде всего, тяжело заболела тёща, бабушка, на которой во многом держалось наше хозяйство, забота и уход за внуком. Лечение потребовало денег. А когда пришла печальная пора хоронить, то и это оказалось делом не дешевым. Жена, которая тяжело пережила смерть матери, по моему настоянию перешла на более спокойную работу преподавателя социологии в Уральском политехническом институте. Соответственно, значительно сократилась её зарплата. Да к тому же я еще купил садовый участок, который потянул за собой дополнительные расходы.

Денежные проблемы затронули не только меня. Неприятности возникли у моего друга Володи Айрапетова, который летом нанялся работать кровельщиком, не сообщив, что у него ученая степень. Почему-то с ученой степенью работать рабочим было нельзя. Был донос. Выяснилось, что он заплатил с этого заработка партийные взносы, но нервы ему помотали.

У меня возникла другая возможность. В Свердловске появился Отдел истории. Он был создан в Институте экономики УНЦ АН СССР в 1978 директором института, членом-корреспондентом АН СССР, бывшим секретарем Свердловского обкома партии по идеологии М.А. Сергеевым. На должность заведующего отделом истории был приглашён зав. кафедрой истории КПСС А.В. Бакунин. Из нашей кафедры туда перешел Ю.А. Буранов. А.В.Бакунин предложил мне в том же 1978 году участвовать в конкурсе на должность старшего научного сотрудника. Скорее из озорства я согласился и был выбран, но продолжил работать в университете.

Но к середине 1981 года было уже не до озорства. Одно к одному. Денег не хватало. Дело дошло до того, что я начал отдавать свои книги, прежде всего — художественные альбомы в букинистический магазин на улице Вайнера. Добавлю к тому, что я всю работу над докторской диссертацией. Одновременно выполнять полную нагрузку, заниматься экспедицией и лабораторией да еще писать диссертацию стало практически невозможно. В этих условиях появилась возможность перейти на ставку старшего научного сотрудника в отдел истории Института экономики УрО АН СССР и остаться на полставки в университете, сохранив часть нагрузки.

Я сообщил А.В. Бакунину о согласии перейти в Институт экономики и с ноября 1981 г. стал старшим научным сотрудником отдела истории.

Жизнь в отделе истории и в институте экономики радикально отличалась от университетской. Не ошибусь, если скажу - здесь многое надо было начинать заново. Если в университете ты знал всех и тебя знали все — от вахтеров и гардеробщиков до деканов и

ректора – то здесь и ты никого и тебя никто не знает

Перед отделом были поставлены очень непростые задачи. Во-первых, он должен был организовать работу по созданию академической истории Урала, если не ошибаюсь – в четырех или пяти томах. Кроме этого, предстояло подготовить «Историю народного хозяйства Урала» и «Историю профсоюзов Урала». Понятно, что штатные сотрудники должны были стать основными авторами. И это при численности отдела человек в 15!

Александр Васильевич Бакунин отнесся к отбору будущего отдела очень серьезно. Он пригласил в свой отдел прежде всего тех доцентов, которые работали над докторскими диссертациями. В составе небольшого по численности отдела сложилось несколько групп по проблематике. Сам А.В. Бакунин, был автором исследований по истории промышленности Урала в советский период, занимался развитием технического прогресса в крае. Его учеником был А.А. Антуфьев, изучавший историю танковой промышленности Урала в годы войны. Он исследовал эту тему во многом на новых, прежде недоступных источниках. Именно в процессе обсуждения его работы я впервые узнал, что численность танков Красной армии к началу войны значительно превосходила немецкую.

Другим специалистом по советскому периоду была Раиса Павловна Толмачева, защитившая в 1981 г. докторскую диссертацию по истории послевоенной колхозной деревни Урала. «Мы аграрники» - это был постоянный лейтмотив всех её выступлений. Вместе с ней в отделе появились её ученики, недавно защитившие свои кандидатские работы – В.П. Мотревич и Г.Е. Корнилов. Они занимались историей сельского хозяйства Урала в годы Великой Отечественной войны. При обсуждении их работ оказалось, что им удалось найти свои подходы и исследованию этой темы. Пожалуй, больше всего тогда меня заинтересовали их наблюдения, что война заставила несколько ослабить присмотр власти за колхозами, что способствовало появлению многочисленных подсобных хозяйств, кооперативов и тому подобных вокруг крупных военных заводов.

«Советские» тома истории так и не были завершены. Перестройка поменяла идеологические ориентиры, а вместе с ними и краеугольные камни историографии советского общества.

Ю.А. Буранов стал руководителем работы по созданию второго тома «Истории Урала» - с момента отмены крепостного права до 1917 г. Он подготовил и опубликовал монографию¹³⁴ и защитил докторскую диссертацию по истории акционирования уральской промышленности в начале XX в. Эта работа по сути продолжала полемику против представлений о многоукладности и сохранении докапиталистических элементов в экономике края. Впрочем, Ю.А. Буранов избегал прямой критики в адрес своего прежнего учителя Владимира Васильевича Адамова. Эта роль была отведена для приглашенного им из Ульяновска Д.В. Гаврилова. Тот яростно, последовательно и с увлечением в течение многих лет нападал на «новое направление», определяя его не иначе, чем диссидентское¹³⁵. Ю.А. Буранов позже переехал в Одессу, а потом в Москву, стал сотрудником Института марксизма-ленинизма. Второй том «Истории Урала» вышел уже под редакцией Д.В. Гаврилова.

Отмечу еще сотрудников, которые работали над историей Урала этого периода - это Владимир Григорьевич Железкин, защитивший диссертацию по истории пореформенной казенной промышленности Урала и переехавшая из Перми кандидат исторических наук Людмила Анатольевна Лыкова.

Ответственной за первый том стала Анастасия Семеновна Черкасова, доцент,

¹³⁴ Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала. М., Наука, 1982;

¹³⁵ Гаврилов Д.В. Диссидентская «теория многоукладности»: испытание временем на достоверность и жизнеспособность//Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Пятая региональная научная конференция. Екатеринбург, 2003. С. 5-22

приглашенный из Пермского университета. Археологические разделы тома вела доцент Валентина Доментьяновна Викторова. Я упросил, чтобы А.Г. Мосин был принят на работу в отдел. Он занимался подборкой иллюстративного материала для 1-2 тт. А.С. Черкасова, выпускница истфака УрГУ, была теснейшим образом связана с исследованием Урала XVIII в., с историей Нижнетагильских заводов. Темой её исследований был социальный статус мастеровых и работных людей Урала XVIII в.¹³⁶ Она убежденно доказывала, что мастеровые и работные – это начальный этап истории российского пролетариата. Её рассуждения укладывались в концепцию раннего капитализма в России. Не затрагивая колоссальную историографию споров о «раннем» и «позднем» капитализме, замечу только, что она, как и редактор её монографии и главный редактор 1 тома «Истории Урала» А.А. Преображенский были сторонниками именно «раннего» капитализма.

При обстоятельности работы А.С. Черкасовой меня не могло не смущать, что существует другое исследование, такое же обстоятельное, выполненное практически на тех же самых источниках и даже в значительной части с одними и теми же действующими лицами. Это была монография Александра Сергеевича Орлова, посвященная волнениям приписных крестьян Урала в 60-е гг. XVIII в.¹³⁷

При очевидной добросовестности этих исследователей мне было ясно, что теоретическая составляющая, принятая у нас формационная теория, в сущности, одна и та же и для Черкасовой, и для Орлова оказывается несостоятельной при интерпретации конкретных фактов¹³⁸. К этому добавлялись мои личные наблюдения. Исследования истории края в XVIII в. не укладывались в классические схемы. Представления о феодальной зависимости плохо сочетались с конкретной историей заводских служащих, капиталы которых могли во много раз превышать собственность помещного дворянства и чиновников, но это не избавляло их от зависимости от заводчиков. При всей законности их требований, которые признавал сам Степан Иванович Шешковский, начальник Тайной канцелярии при Екатерине II, сама императрица настаивала на сохранение привилегий заводчиков. Где экономические закономерности, где право и где властная дурь? А ведь это не единичный случай. А сочетание современного технического знания мастеровых при сохранении религиозного сознания? А роль заводов в XVIII в., соответствовавших современным им европейским по уровню техники и технологии, ставших условием и средой для сохранения старообрядчества?

Меня все больше занимала проблема, которая представляется едва ли не самой важной для историка – узнать, как люди жили. Исследуя общественную мысль жителей Урала XVIII в., я задумался над тем, что в советской исторической науке исследовались **отклонения** от нормы, (достаточно вспомнить бесчисленное количество публикаций о крестьянских войнах, восстаниях, волнениях, еретических движениях и пр.), а **норма** не исследуется. В известной и мере это напоминало мне проблематику моей кандидатской работы. Покаянная дисциплина для Древней Руси становилась окошком в обыденную жизнь людей. Сейчас же, исследуя жизнь людей Урала XVIII в., тот «особый быт Урала», определение, которое, с легкой руки потомственного заводского служащего, управляющего главной Санкт-Петербургской конторы заводчиков Демидовых В.Д. Белова, использовал В.И. Ленин¹³⁹.

Разница же состояла в том, что если раньше, изучая покаянную дисциплину надо

¹³⁶ Черкасова А. С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., Наука, 1985.

¹³⁷ Орлов А.С. Волнения на Урале в середине XVIII века (К вопр. о формировании пролетариата в России). - Москва : Изд-во МГУ, 1979

¹³⁸ Обращу внимание на острую полемику, развернувшуюся в начале 80-х гг. См.: Эволюция феодализма в России : Соц.-экон. пробл. / В. И. Буганов, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. - М. : Мысль, 1980. - 342 с.; Орлов А. С. Вопросы социально-экономической истории в книге "Эволюция феодализма в России". - История СССР, 1982, N 3, с. 149 - 161

¹³⁹ Ленин В.И. Развитие капитализма в России//ПСС, т. 3. С. 488

было найти крупницы информации в источниках XII-XVII вв., то для XVIII в. – информации – море. Это и актовые источники, и судебная документация, и книги, которые входили в круг чтения людей XVIII в. Весь этот огромный комплекс источников, среди которых были и найденные нами книги и рукописи, следовало проанализировать, чтобы узнать, о чем думали, как представляли мир и себя в мире жители горных заводов.

В результате к 1985 году мной был подготовлен первый вариант докторской диссертации. По договоренности с Николаем Николаевичем Покровским её обсуждение состоялось в его отделе в Институте истории и филологии Сибирского отделения АН СССР, в Академгородке в Новосибирске. В ходе обсуждения было рекомендовано «отсечь» тот текст работы, где речь шла о конце XVII в. и предыстории горнозаводского Урала и сосредоточиться на XVIII в.

К этому времени была завершена работа над первым томом «Истории Урала». Я отвез рукопись в издательство «Наука», где книга и была опубликована в 1989 г.¹⁴⁰

В 1986 году заведующий кафедрой истории СССР (досоветского периода) и проректор по учебной работе университета Борис Алексеевич Сутырин был назначен на должность ректора Свердловского государственного педагогического университета. Проректором по учебной работе стал доктор философских наук А.В. Гайда.

Ректорат предложил мне занять вакантную должность заведующего кафедрой.

---

¹⁴⁰ История Урала с древнейших времен до 1861 г. / [А. В. Бакунин, А. А. Преображенский, А. С. Черкасова и др.]; Отв. ред. А. А. Преображенский; АН СССР, Урал. отд-ние, Ин-т истории и археологии. - М. : Наука, 1989. - 604

VIII. ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ, ПРОРЕКТОР УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Защита докторской диссертации.

Летом 1986 года я стал заведующим кафедрой истории СССР (досоветского периода). Для меня в этом не было чего-то нового. И я знал всех, и все знали меня. Работая в отделе истории, я не переставал преподавать. К тому же то, что мне прежде приходилось много заниматься учебной нагрузкой на кафедре. А она практически не изменилась. Необходимым условием для работы заведующего для меня стала защита докторской диссертации. Для этого, в частности, надо было опубликовать монографию. Так как я ушел из отдела истории, то я потерял возможность издать её в «Науке», как сделали мои коллеги по отделу. Но, слава Богу, сохранилась возможность поставить на титуле слова «Уральское отделение Академии наук СССР», так как книга была подготовлена за время моей работы там.

Я попросил, чтобы мою книгу отредактировал Лев Наумович Коган. Остроумный человек, превосходный редактор – он обнаружил в моей рукописи немало ошибок и глупостей – спасибо ему за помощь. Чтобы издать книгу, я взял кредит в университете и рукопись пошла в типографию¹⁴¹.

В том же году прошло второе обсуждение докторской диссертации. Она была принята к защите в совете Института истории и филологии СО АН СССР. Моими оппонентами были назначены А.А. Преображенский (Институт истории СССР), прекрасный специалист по истории Урала XVI-XVIII вв., сторонник концепции «раннего капитализма», Н.Н. Покровский (ИИиФ СО АН), придерживавшийся скорее взглядов на позднее развитие капитализма и, как выяснилось во время наших частых встреч, также сомневавшийся в эффективности строго формационного анализа при изучении истории России XVII-XIX вв. и В.А. Оборин, профессор Пермского университета. Внешней организацией был определен отдел рукописей Библиотеки АН СССР в Ленинграде.

Защита состоялась в декабре 1987 года. Она прошла гладко, если не считать, что отзыв от ведущей организации мне привезли ночью, в аэропорт часов за 12 до защиты, а отзыв А.А. Преображенского я прочитал, когда встретил его на вокзале за день до защиты.

Вечером после защиты мы узнали, что Николаю Николаевичу присвоено звание члена-корреспондента АН СССР. Мы собрались в номере в гостинице «Золотая долина», до этого удалось купить пару-тройку бутылок армянского коньяка, который поставлялся, по слухам, благодаря А.Г. Аганбегяну в магазины Академгородка. Я с женой, оппоненты, Николай Николаевич с женой Зоей Васильевной, Елена Константиновна Ромодановская. Выпили за успех Николая Николаевича и за мою защиту.

Перестройка.

Смерть Брежнева вызвала жалость. Старый, немощный человек, как мы видели тогда с экранов телевидения. Короткое правление Андропова запомнилось дежурными, которые фиксировали время прихода и ухода в институте. Сразу нашлись «ученые», которые писать не могли, но гордились, что на работу приходят всегда вовремя. Правление бедного полуживого Черненко олицетворяло дискредитацию власти как таковой¹⁴².

В этих условиях выборы 54-летнего Горбачева на пост Генерального секретаря было не просто сенсацией. Гораздо больше! На него обрушился поток надежд и ожиданий на

¹⁴¹ Пихоя Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII – XVIII вв. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1987.

¹⁴² Все было много сложнее. Но разобраться в этом я смог много позже, уже работая над книгой Советский Союз: История власти. 1945-1991. М., 1998.

лучшее. Тяжкий груз, замечу. Помню, как Горбачев поехал в Ленинград, как он встречался на улицах города, нелюбимого партийными вождями, как он говорил, что не видит ничего страшного, что у людей может быть садик, огородик. Мне тогда это казалось чуть ли не призывом к пересмотру отношений власти к колхозному строю!

Нельзя было не отметить, что эти слова Генерального секретаря, вопреки обыкновению, не попали в первые газетные отчеты о его поездке. Сразу возникало предположение о противодействии части аппарата новому Генеральному. И это только добавляло ему поддержки в народе.

Уже в апреле 1985 г. Ельцина перевели на работу в ЦК КПСС, позже избрали секретарем ЦК, кандидатом в члены Политбюро, первым секретарем Московского горкома КПСС. На его место в Свердловске был назначен Юрий Владимирович Петров. Он много лет проработал на партийной работе в Свердловской области, а в 1982 г. был переведен на работу в ЦК, где дослужился до должности заместителя Е.К. Лигачева – стал заместителем заведующего Отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС.

Разница между Ельциным и Петровым стала ясной для меня, когда в Институте экономики УРО РАН, где я тогда еще работал, состоялась встреча с новым первым секретарем обкома. Ему задавали вопросы о социальном положении области. Все помнили, это звучало едва ли не в каждом выступлении Ельцина, что область занимает 3-4 место в стране по промышленному производству, а по социальным показателям – обеспечением больницами, учреждениями культуры, снабжением – на 30-х – 40-х позициях страны.

Ответ Петрова, прямо скажу, поразил. Он сказал, что это нормально. Ведь область находится в середине списка! Конечно, это был разрыв с ельцинской традицией, с его (да и его предшественника – Я.П. Рябова) по созданию в области подсобных хозяйств при промышленных предприятиях, создания птице- и свинокомплексов, отчасти смягчивших продовольственную проблему в области.

Ясно стало, что отношение к области у Петрова отличалось от ельцинского.

Помню, как мы с Владимиром Николаевичем Денисовым прилипли к экрану телевизора у него дома, когда шла трансляция доклада Горбачева на XXVII съезде КПСС, ловили его слова о том, что *«в течение ряда лет, и не только в силу объективных факторов, но и по причине прежде всего субъективного порядка, практические действия партийных и государственных органов отставали от требований времени, самой жизни. Проблемы в развитии страны нарастали быстрее, чем решались. ... В жизни общества стали проступать застойные явления... Нельзя уклоняться от решения назревших проблем. Подобная позиция слишком дорого обходится стране, государству, партии. И давайте скажем об этом в полный голос!»*¹⁴³.

Газета «Советская Россия» стала решительно поддерживать первые шаги Горбачева. Именно на её страницах появилось понятие «прорабы перестройки», понятие, которому за 5 лет предстояло поменять знак с положительного на отрицательный.

Лаборатория и ЦК КПСС

Постоянной проблемой для меня было обеспечить стабильность состава научных сотрудников лаборатории археографических исследований. Её формальный статус — учебная лаборатория при кафедре истории СССР (досоветского периода). По штатному расписанию сотрудники лаборатории — лаборанты (в лучшем случае — старший лаборант) с минимальной зарплатой. Это ещё годилось для студентов, но для людей, которые уже имели или должны были получить учёную степень, да к тому же семейных, такое положение было недопустимым. Поэтому наиболее квалифицированные сотрудники переходили на работу на кафедры университета, в научные библиотеки города, переезжали

¹⁴³ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 4

в другие города. Научные связи сохранялись, но лаборатория оставалась без наиболее квалифицированных сотрудников.

Положение можно было бы изменить, добившись ставок научных сотрудников. Но это было возможно лишь в случае получения лабораторией от Минвуза статуса проблемной. Этот статус получали, как правило, те коллективы физиков, химиков, технологов, которые успешно работали на оборонную проблематику. Гуманитарные проблемные лаборатории были чрезвычайно редки, особенно в провинциальных вузах.

Подготовку к получению этого статуса мы начали уже в конце 70-х годов. Были исписаны горы бумаг, писем, отчётов... Не единожды в год ездили в Москву, на улицу Щепкина, где находилось подразделение Минвуза РСФСР, отвечавшее за организацию науки. Наконец, весной 1987 г. для открытия лаборатории были собраны все мыслимые и немыслимые документы: от научных отчётов, решений Президиума УрО АН СССР, рекомендаций академика Д. С. Лихачева, Археографической комиссии — до хвалебных публикаций в Правде, Известиях...

И вот утром, снова оказавшись на улице Щепкина, я передал исчерпывающий пакет документов на открытие лаборатории Е. Н. Геворкян, которая непосредственно занималась этими вопросами. Получив папку с документами, она сказала:

«— Это не поможет. Всё это уже не нужно!

— Почему? Что случилось?

— А вы не знаете? Перестройка! Все поменялось!

— Ну, тогда я пойду туда, где её делают.

— Куда?

— В ЦК КПСС".

Моя злость и явно опрометчивое заявление возымели неожиданное действие. Собеседники реально перепугались. Перепугался и я сам, поняв, что деваться мне некуда, и я должен сегодня попасть в ЦК КПСС.

Поехал на Старую площадь. Я там никогда в жизни не был и не собирался быть. Не знал ни единого человека за этими стенами. Здание, которое охраняли сотрудники КГБ и специальных подразделений МВД, ничего, кроме опасений, у меня не вызывало. Я вошёл в тот подъезд, который, как потом узнал, оказался, предназначался для руководства ЦК. Несколько раз меня выпроваживали оттуда, направили в приемную ЦК в соседнем здании.

Пришёл туда. В большой комнате на первом этаже с каменными полами стояло множество людей с какими-то свертками, с маленькими детьми. К окошку выстроилась очередь, как на Казанском вокзале. Сообразил, что люди подают просьбы на пересмотр приговоров суда. Я понял, что это не для меня.

Пошёл снова в главный подъезд ЦК. В конце концов мне подсказали, что можно позвонить по справочному телефону (попросив не говорить, кто посоветовал), и дали телефон человека из отдела науки, который имел отношение к проблеме. Тот назначил время встречи. Мне заказали пропуск, и через три часа я шел по цековской ковровой дорожке. В маленьком кабинете сотрудник ЦК внимательнейшим образом просмотрел все документы, выслушал мои объяснения и сказал, что решает этот вопрос вовсе не то подразделение Минвуза, куда мы все приносили документы, а совсем другой уровень Министерства (если не ошибаюсь — кто-то из зам. министров). Мой собеседник в ЦК сказал, что переговорит с ним и позвонит мне вечером в гостиницу.

Вечером он позвонил и сообщил, что вопрос решён положительно. Проблемную лабораторию утвердили. К стыду своему, я не помню фамилию этого человека. Но именно

благодаря его поддержке в университете появилась наконец-то проблемная лаборатория!

Я радостно стал звонить Владимиру Николаевичу Денисову – чудо свершилось, лабораторию утвердили благодаря ЦК КПСС! Ответ Володи был неожиданен и серьезен. «Безобразие это. Министерство не делает то, что положено, а ЦК решает то, что не должно входить в его компетенцию».

Память и «Память».

Качественно новым в общественном сознании страны стало то, что проблемы истории России стали невероятно популярны. Более того: по мере осознания того, что коммунистическое будущее недостижимо, невозможно (а именно на надежде на победу коммунизма была выстроена вся система воспитания и образования в СССР) – в прошлом страны искали и причины её неудач, и надежду на будущее.

Сразу следует сказать, что официальная историческая наука *не могла* ответить на эти вопросы. Это была и её вина, и её беда. Беда, потому что она не могла развиваться вне формационной теории. Даже исследования, точно не совпадавшие с идеологическими установками, маскировались под клише официальной идеологии, достаточно вспомнить название книги Н.Н. Покровского «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев». И антифеодального протеста там в книге не было, и заводские служители и рудознатцы не были крестьянами в собственном смысле слова. Так же поступал предшественник Н.Н. Покровского – А.И. Клибанов. Да этим кто не грешил!

Поэтому застрельщиками пересмотра истории выступили писатели. Сначала В.С.Пикуль с его серией исторических романов, повестей, рассказов, затем – В.А. Чивилихин с его «Памятью». Я помню, как меня пригласили преподаватели-философы для обсуждения его книги. Не скрою, книга меня не заинтересовала. Это было и мое высокомерие историка по поводу рассуждений дилетанта-писателя, да и язык Чивилихина, мягко говоря, уступал достижениям русской литературы. Я не разглядел в книге того, что увидели философы – идеологической альтернативы.

Её я увидел позже. И она мне не понравилась.

В эти годы потоком шла литература «писателей-деревенщиков». Я зачитывался рассказами Василия Белова, повестями и романами Федора Абрамова, Виктора Астафьева (а какой там замечательный, прозрачный язык!), «Живым» Бориса Можаева. За ними возникало представление о «золотом веке» доколхозной деревни, о безжалостном разрушении традиционного крестьянского быта, результатом которого становятся люди без рода, без племени.

И это тоже была идеологическая альтернатива.

Помню свои разговоры с Геннадием Хариным, тогда работавшим на кафедре истории КПСС Уральского политехнического института, с которым мы были давно знакомы. Он предлагал обсудить разницу (или её отсутствие) между крепостным крестьянином и колхозником – то же отсутствие права уйти из колхоза, та же отработочная рента...

На факультете началось обсуждение прежде запретных тем. Мой однокурсник В.И. Михайленко выступал и писал о полезности идеологического плюрализма. Лидерами нового подхода к пониманию прошлого стали преподаватель кафедры истории КПСС истфака Иван Цезаревич Цалковский и декан истфака, доцент-новист Юрий Сергеевич Кирьяков.

Я же по большей части остался в стороне от этих споров. Мне хватало забот по кафедре и лаборатории, шла подготовка к защите, сын заканчивал школу, готовился поступать. Кроме этого, я тогда много времени отдавал работе в Свердловском областном

отделении ВООПИК, а также в республиканском, где входил в секцию охраны документальных памятников. Да и в идеологический плюрализм власти я не особенно верил.

Когда в апреле 1987 года я узнал от своих знакомых, что в Свердловск приехал Дмитрий Васильев, руководитель «Памяти», то единственное, что меня удивило, что я не был на встрече с ним то ли в «Уральском рабочем», то ли в редакции журнала «Уральский следопыт». Уж чем-чем, а охраной памятников я занимался, все свердловские краеведы были моими друзьями. Да и, признаюсь, я был, по наивности, уверен, что «Мемориал» и «Память» это, в сущности, одно и то же.

Поэтому я не удивился, когда декан выдал мне что-то вроде пригласительного билета в актовое здание Свердловского института народного хозяйства, в бывшем здании университета на встречу с лидером общества «Память» Дмитрием Васильевым.

Зал был полон. Люди по большей части знакомые.

Вечер встречи начинался с того, что на экране шла трансляция разрушения Храма Христа-Спасителя. Под музыку Рахманинова рушились стены, падали мраморные статуи святых, вздымались тучи пыли от взрывов, падали кресты с церковных куполов. Крушение культуры, религии, ценностей многовековой России представало в ужасных подробностях.

Трансляция закончилась. На сцену вышел невысокий коренастый человек в вышитой рубашке-косоворотке, подвязанной поясом. Это был Васильев. Ясным, хорошо поставленным голосом он начал говорить. Он давал простые ответы на сложные вопросы. Во всем виноваты сионисты. Они веками разрушают русскую цивилизацию. Они устроили революцию. Комиссары Ленина – по большей части евреи-масоны. Сионист Каганович разрушил историческую Москву. Но их преступная деятельность продолжается и сейчас. Уничтожается Поклонная гора в Москве, а в Свердловске в оперном театре ставится опера Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане», где на сцене можно разглядеть масонские символы, в том числе прямо на короне царя Салтана. Да и теперешние идеологи в Политбюро – Яковлев, в частности – потакают масонам.

Я оглянулся вокруг. И ужаснулся. Его аргументы не только доходили до ума слушателей. Они гипнотизировали.

На сцену вышла Валентина Липатникова, философ, окончившая наш истфак. Она пыталась возражать. Её не слышали. На смену ей вышел Геннадий Бурбулис. Он стоял под градом оскорблений Васильева, «держал удар». Тут же Васильев мимоходом обвинил академика Лихачева в потакании сионизма.

Тут уже не выдержал я. Громким голосом, которого хватало на зал, объявил:

«Я – Пихоя Рудольф Германович. А вы – провокатор. Наша экспедиция спасла тысячи древних книг и рукописей. А что вы делаете? Обвиняя Лихачева, вы раскалываете патриотическое движение»

Васильев немедленно ответил: «Вот голос сиониста!»

Лучше бы он этого не делал. Меня слишком хорошо знали. В зале смеялись. Морок от Васильева прошёл.

Через несколько дней ко мне обратился декан истфака – Юра Кирьяков. Он предложил мне принять участие в обсуждении недавнего действия, когда под благими лозунгами вносится опасная рознь в жизнь города. Потом меня отыскал Геннадий Бурбулис – тогда – заместитель директора института повышения квалификации Министерства цветной металлургии. Мы сидели в его маленьком кабинете на улице Горького, на берегу Исети. Он предложил провести это мероприятие в форме дискуссионной трибуны, сказал, что договорился о том, что дискуссионную трибуну можно провести в только что

отремонтированном здании Дворца культуры «Автомобилист»¹⁴⁴. Он же предложил мне провести это заседание.

Это заседание прошло в мае 1987 г.

Ведущие дискуссионной трибуны – декан истфака Ю.С. Кирьяков и Р.Г. Пихоя. 1987 г.

Я провел после этого еще пару заседаний. Перестал, когда почувствовал слишком тесную опеку горкома партии.

Меня волновала охрана памятников, а еще больше – когда под этим предлогом пытаются расшатать уникальность Урала с его особой атмосферой межнациональных отношений, при которой работа важнее записи в паспорте. А участвовать в политике я не собирался.

Отставка Ельцина.

О деятельности первого секретаря Московского горкома КПСС в Свердловске было слышно в связи с его встречами с москвичами. Для нас это было понятно – продолжение его свердловской практики. И вдруг – не из тучи гром – внезапное сообщение о том, что Ельцин выступил на Октябрьском пленуме ЦК КПСС 1987 г. и был за это отправлен в отставку со всех своих партийных постов¹⁴⁵. Дальше доходит информация – Ельцин болен. Никакой официальной информации нет. На Урале начались остановки заводов. Начались волнения и в высших учебных заведениях.

В университет приехал на встречу со студентами и преподавателями первый секретарь обкома Ю. Петров. Зал был полный. Петров толком ничего сказать не мог. Он ограничился фразой, врезавшейся мне в память: «Здоровье Ельцина хорошее. Состояние тяжелое».

Кстати, попытки объяснить – что с Ельциным – дорого обошлось Петрову. Его послали, или сослали – последнее точнее – послом на Кубу.

Для меня отставка Ельцина и мутные основания этого события означали завершение перестройки, той, на которую я надеялся.

На следующий день мы помогали собираться, провожали Владимира Николаевича Денисова в Москву, на работу в редакцию «Советской России».

В марте 1988 года в Свердловске открылся институт философии и права УрО АН ССР. Его директором был назначен известный юрист С.С. Алексеев. Своим заместителем он пригласил А.В. Гайду, который работал проректором по учебной работе УрГУ. Так место проректора стало вакантным.

¹⁴⁴ Бывшая Рязановская единоверческая церковь и будущий Троицкий кафедральный собор Екатеринбурга.

¹⁴⁵ Позже я специально исследовал обстоятельства отставки Ельцина в кн.: Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. М., 1998.

Меня пригласил ректор университета и предложил эту должность. Меня эта должность не интересовала. Я сказал, что и раньше конфликтовал с ректоратом, а что будет дальше?

Паригорий Евстафьевич обиделся. «Если Вы отказываетесь, то должен сказать, что на это место уже есть претендент. Мне уже иззвонились из горкома партии». Он назвал фамилию этого человека и продолжил: «Когда мне будут говорить, почему этот человек стал проректором, я всем буду отвечать, что предлагал Вам, а Вы отказались, что это Вы виноваты, что он стал проректором».

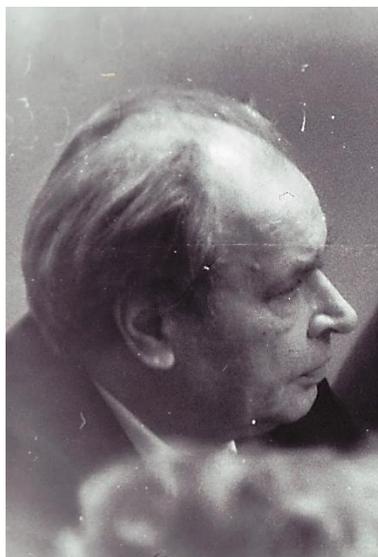
Я согласился.

Ректорат.

Жизнь моя сделала крутой разворот. Изменились не только внешние обстоятельства, вроде получения прекрасного кабинета с окнами на оперный театр. Менялся образ жизни. До этого каждый шаг моей деятельности был более или менее подготовлен прежде. Сейчас же начиналась совсем незнакомая мне работа. Сейчас я должен был отвечать за обучение (и не только) семи тысяч студентов-дневников, обеспечение деятельности девяти факультетов, около тысячи преподавателей, учебно-вспомогательного и технического персонала, кафедр и деканатов, служб университета. Воспитательная работа, дисциплина, отношения с общественными организациями... Да мало ли чего!

Менялась вся организация жизни. Каждое утро у меня на столе появлялась стопа нескольких сотен документов, которые следовало просмотреть, решить, по каким вопросам я сам должен дать ответ, а какие следует передать для решения или исполнения деканам, службам университета, снабдить резолюцией, каждый понедельник утром – деканские совещания.

И этому надо было учиться. Моим учителем стал ректор. Многие и полезные советы я выслушал от проректора по научной работе, химика Владимира Михайловича Жуковского.

Паригорий Евстафьевич Суетин

Первые месяцы ректор присматривал за мной. Для начала велел прочитать несколько книг по организации работы в высшей школе, о факторах формирования, развития и распада научных школ. Отдельно было велено прочитать мемуары академика-кораблестроителя, адмирала А.Н. Крылова¹⁴⁶. В этой умной и увлекательной книге А.Н. Крылов серьезно размышлял о соотношении науки, высшей школы и народного

¹⁴⁶ Крылов А. Н. Мои воспоминания. — М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963

образования. Его классическая формула – «Лесницу образования метут сверху» - справедлива на все времена¹⁴⁷.

Учил и работе с документами. Обнаружив, что я задержал некоторые бумаги – чтобы лучше их изучить – порекомендовал не делать этого впредь. Завтра будут новые документы, новые проблемы. Нерешенные вопросы будут копиться. Поэтому лучше сразу направить документ, за которым стоит проблема, к его инициатору или исполнителю, вызвать к себе, и разобравшись, принять решение. Но останавливать делопроизводство нельзя!

Позже я стал узнавать Паригория Евстафьевича как человека. Сын конюха из деревни Краснояр под Ревдой, один из выпускников физико-технического факультета Уральского политехнического, затем - аспирант в Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова, добрый знакомый с аспирантских времен будущего академика Юрия Алексеевича Рыжова, он был великим книголюбом, еженедельно заходящий за новинками к директору университетской библиотеки, посетителем филармонии. Он много лет был деканом физтеха, и еще в студенческие времена я слышал от своих друзей-физтеховцев его прозвище – папа Суетин.

Его членство в партийных органах города и области не мешало со всей ясностью высказываться, что одно из самых поганых слов – это слово пропаганда. Другое понятие и явление, которое вызывало у него едва ли не ярость – это самокритика, когда человек должен был публично каяться. «Это же расчеловечивание! Унижение и убийство собственного достоинства!» - говорил он.

Помню неожиданный поворот в обсуждении трагедии, которая произошла в университете. В глухой деревне под Нижними Серьгами студент-биолог из экологического отряда попытался задержать браконьера. Тот в упор выстрелил и убил парня. Состоялся суд. Он широко освещался в прессе. На суде был обвинитель из университета. В кабинете ректора, рассказывая о суде, заместитель секретаря парткома с возмущением говорил, что в защиту браконьера-убийцы выступила его мать. И ректор взорвался. «До чего же мы дожили, если мы не признаем права матери защищать своего сына! Кто, как не мать, обязана в любом случае жалеть своего сына!»

Не скрою, что на меня это произвело сильное впечатление. Обычная, человеческая, традиционная мораль явно не относилась к защищаемым ценностям нашего общества, с его классовой нравственностью и социалистической этикой. В этом смысле Суетин был явным исключением.

У ректора была продуманная концепция реформирования университета. Обстановка перестройки и ослабления административного давления «сверху» давала для этого возможности. Я думаю, что и его выбор кандидатуры проректора по учебной работе был связан с тем, то он увидел у меня тот уровень самостоятельности и непугливости, которая превращала меня в его соратника и исполнителя его программы.

Для начала я должен был познакомиться о всеми факультетами, кафедрами, лабораториями университета, выслушать предложения преподавателей, получить какое-то представление об университете с учетом тех новых задач, которые предстояло решать.

В конце мая 1988 года я выступил на Ученом совете университета со своей программой перемен в организации учебной работы. Главное – это целевая подготовка специалистов, заключение системы договоров между факультетами и заказчиками. Задача создания учебно-научно-производственных комплексов таким образом получит практическое наполнение. . Понятно, что в этой связи следовало пересмотреть тематику

¹⁴⁷ Как, к сожалению, и обратное наблюдение первых десятилетий XXI века – замусоренные ступени высшего образования способны засорить, сделать плохо проходимой лестницу обучения, восхождения к науке.

спецкурсов, направления специализации и, что особенно важно и актуально – отслеживать, анализировать деятельность выпускников на месте их работы. Ученый совет УрГУ принял решение об укреплении связей с промышленными предприятиями, учреждениями науки, культуры и образования, указал обсудить на заседаниях советов факультетов целесообразность создания учебно-научно - производственных комплексов¹⁴⁸.

«Встанем стеной, покончим с войной»

Планы – планами, а университет трясло по другим причинам. Военка, так в обиходе называлась обязательная часть образования – обучение по программе подготовки офицеров – для юношей-студентов, и медицинская подготовка по программе медицинских сестер военного времени – для девушек. Содержание этой подготовки зависело от профиля вуза, от специальности факультета, но она входила такой же обязательной частью государственного образовательного стандарта, как и другие дисциплины. На военное обучение студентов вузов по программам подготовки офицеров запаса отводилось 450 часов теоретических занятий и 144 часа - практического курса в период проведения 30-дневного лагерного сбора в войсках¹⁴⁹. Для сравнения – объем дисциплин специализации, по которой обучался студент, составлял те же самые 450 часов.

Занятия на военной кафедре проводили действующие офицеры, начальником кафедры был полковник, преподаватели, в большинстве своём – от капитана и выше. Военные требовали от студентов соблюдения воинской дисциплины, воевали с «неуставными» прическами. Между преподавателями «военки» и студентами шёл постоянный раздор – студенты сделали офицеров кафедр в предмет бесконечных анекдотов, иногда шуточных, а иногда – и достаточно обидных для профессионализма военных, вроде цитат из выступлений офицеров к студентам-физикам с рекомендацией «протереть оптические оси», а офицеры гоняли студентов, пытаясь относиться к ним как к солдатам-срочникам.

Медицинские дисциплины девушкам преподавали врачи, в том числе с учеными степенями. Как правило, там не было конфликтов. Медицинские сведения были полезны, хотя и сочетались с военным билетом и присвоением воинского звания сержанта медицинской службы.

Всё это до поры не выходило за обычные пределы жизни вуза. В основе лежал компромисс: обучение на военной кафедре избавляло студентов от призыва в армию в качестве солдата. Положение радикально изменилось с 1984 года. Демографическая яма и сокращение численности призывного контингента плюс война в Афганистане привели к тому, что с этого времени начался призыв студентов в армию. Как правило, их призывали после первого курса, они должны были прослужить два года и потом возвращались в университет на второй курс¹⁵⁰. И этих студентов, вернувшихся в университет, чаще всего - младшими командирами – сержантами – снова начинали учить на военной кафедре. Кроме того, возникала угроза, что после окончания университета их могут призвать вновь – уже как офицеров, и примеры тому появились.

Вчерашние студенты, отслужившие в боевых частях, обнаруживали, что часть офицеров, годами служивших на кафедре, просто не знают современного состояния армии и её вооружения. Эти студенты говорили, что хороший сержант лучше, чем лейтенант, отучившийся на военке. Но главное – в другом. Они справедливо считали, что свой долг Родине они уже отдали, и служить по второму разу, хотя и в университете, им ни к чему.

Мне было ясно, что конфликт вокруг военки можно было решить только одним-

¹⁴⁸ Уральский университет, 1988, 30 мая

¹⁴⁹ Абрамов А.Н. Исторические аспекты процесса подготовки офицеров запаса в СССР и РФ//Вестник ННГУ. Вып. 1(5). 2004. С. 29

¹⁵⁰ Так весной 1988 г. был призван в армию мой сын, окончивший 1 курс исторического факультета.

единственным способом: отменить призыв студентов на срочную службу. Все остальные вопросы решить было не сложно. Но отмена призыва – это уже вопрос союзных властей.

Конфликт вокруг военки захватил университет – от студенческих профсоюзной и комсомольской организаций до студенческой фракции в Ученом совете университета.

В апреле 1988 г. в газете «Уральский университет» появилась статья студента третьего курса истфака, члена Ученого совета университета Владимира Широкова¹⁵¹, она стала до известной степени программой начальной стадии конфликта¹⁵². Она начиналась с утверждения, что студенты не меньше офицеров кафедры заботятся о защите Родины. Но «студент, приученный к высокой эффективности занятий «в остальном университете» и сталкиваясь с напраслиной «казарменщиной», оказывается в положении человека, «теряющего время, дорогое в перестройку». Он пояснял: уровень квалификации офицеров низкий, в особенности у тех, кто десятилетиями служит на кафедре. Другое дело – офицеры, пришедшие из войск, к студентам относятся иначе. Плохо организован учебный процесс, «Почему учебный процесс для будущих полевых офицеров построен в классе с детскими песочницами, а не в поле? Нет бензина? Смешно. ... Почему будущие офицеры не стреляют? Нет патронов? Глупо...»

А дальше шли предложения. В. Широков предлагал проводить занятия в течение двух недель – 12 дней – и завершать их экзаменом, включающим выезд в поле, с техникой. Он возмущался что часть офицеров демонстрирует неуважение к студентам, что их привлекают на всякие хозяйственные работы по кафедре за счет учебного времени.

После выступления В. Широкова (а это, повторюсь, было не только его личное мнение, но и позиция абсолютного большинства студентов – членов Ученого совета) вопрос о преподавании рассматривался на Ученом совете. Была создана комиссия, в которую вошли студент, преподаватели военной кафедры и я как проректор. Руководство кафедры согласилось значительно сократить объем теоретических занятий, усилить практическую подготовку. Были признаны справедливыми жалобы студентов на недостаточный профессиональный уровень офицеров, договорились отменить так называемые часы для самоподготовки. Предложение о введении цикловой подготовки (12 дней в каждом семестре) комиссия сочла нереализуемой.

Ученый совет принял все эти предложения. Он рекомендовал руководству военной кафедры по возможности формировать отдельные взводы из студентов, не служивших в Советской Армии. Совет просил командование Уральского военного округа улучшить качество отбора офицеров на преподавательские должности кафедры военной подготовки УрГУ. Завершая обсуждение, ректор подчеркнул, что с нынешнего времени занятия по военной подготовке в Уральском госуниверситете будут проводиться согласно данному постановлению..

Но так не случилось. Прошло лето. Осенью 1988 года протест против военки радикализировался. Он приобрел уже явно политический характер. Речь уже шла не о совершенствовании работы военных кафедр, а их ликвидации. Лидерами этого движения стал Свердловский архитектурный институт и наш университет. В ноябре появился призыв возникшего студенческого оргкомитета, который предлагал студентам «всех вузов города Свердловска поддержать ... призыв и путем проведения студенческих собраний на всех факультетах, а затем и на общевузовских добиваться отмены военных кафедр как формы военной подготовки. После принятия положительных решений на собраниях получить поддержку ученых советов факультетов, выйти с требованием об отмене военной кафедры на ученые советы вузов»¹⁵³. Лозунгом этого движения было «Встанем стеной, покончим с

¹⁵¹ Сейчас В.В. Широков – кандидат исторических наук, писатель.

¹⁵² Уральский университет, 1988, 4 апреля

¹⁵³ Уральский университет, 1988, 14 ноября

войной».

Студенты-участники оргкомитета, встречаясь с журналистами, говорили, что

- «гражданское обучение несовместимо с военным, это просто абсурд. И тут все красивые слова о необходимости защищать Отечество, которыми нас обильно пичкают на военной кафедре, просто излишни. Когда советских солдат тысячами посылали в Афганистан, им тоже говорили много красивых фраз»;

- «... мы знали о событиях, которые происходили в вузах Иркутска Прибалтики И еще. У нас на факультете есть группа студен тов. которые участвуют в работе неформальных организаций Свердловска...»

Руководство оргкомитета было убеждено, что их предложения будут отвергнуты Ученым советом, что станет сигналом для начала бойкота военной кафедры.

И мне, и ректору пришлось много встречаться со студентами и убедить дожидаться обсуждения вопроса о военке на совете, тем более, что в Свердловск приехала целая делегация из ЦК КПСС и Главного политического управления Советской армии во главе с генерал-майором Л.А. Ушаковым.

Студент-историк, один из членов оргкомитета, В. Белолугов¹⁵⁴ сообщал журналисту:

— У нас на факультете собрание почти единогласно проголосовало за бойкот. Но позже, когда 28 октября состоялся митинг, в работе которого принял участие Р. Г. Пихоя, очень многие вопросы прояснились.

На заседании Ученого совета 28 октября 1988 г. студенты - члены совета внесли предложения, которые они сформулировали как программу-минимум и программу-максимум.

На заседании Ученого совета 28 октября они сформулировали программу – минимум, которая включала следующие требования:

- отменить «военный день» как метод преподавания;
- ввести военный семестр после 4 курса,
- дифференцировать обучение для служивших и не служивших в армии.

В программу-максимум вошли:

- восстановить отсрочку от призыва во время обучения в университете;
- ходатайствовать перед Министерством обороны СССР о разрешении студентам, прошедшим срочную службу в Советской Армии и Флоте, самим принимать решение об обучении или отказе от обучения на военной кафедре;
- обратиться в Министерство обороны СССР и Госкомобразование СССР о введении специальной надбавки к стипендии для лиц, обучающихся на военной кафедре и получающих специальность офицера запаса.

Моя позиция была следующей: во-первых, закрыть военную кафедру нельзя, так как это не входит в компетенцию университета и, во-вторых, я лично против, потому что хорошо помню, как комплектовался университет в начале 60-х гг., когда эту кафедру временно закрывали. К нам поступали либо парни, уже отслужившие в армии, либо девушки. Молодые ребята шли учиться туда, где была военка, так как это было гарантией от призыва. Да и наличие офицерского звания может в жизни пригодиться. Но я согласен со студентами в главном: надо добиваться прекращения призыва студентов-очников в

¹⁵⁴ Белолугов Вадим Борисович – сейчас - историк, директор Центра военных и военно-исторических исследований Гуманитарного университета (Екатеринбург)

армию.

В итоге Ученый совет высказался за то, чтобы обратиться в Минвуз РСФСР, Госкомобразование СССР, Совмины РСФСР и СССР, Министерство обороны СССР с просьбой о отсрочке от призыва студентов в армию, о том, чтобы студенты, уже отслужившие в армии, могли самостоятельно решать – получать или не получать обучение на военной кафедре¹⁵⁵.

Эти решения были переданы комиссии ЦК КПСС и Главного политического управления Министерства обороны.

Военная кафедра объявила, что она готова к любой форме организации обучения – и к семестровой, как предлагал прежде В. Широгородов, так и к той, которая может быть разработана с участием студентов. Было утверждено деление студентов на тех, которые уже отслужили, и тех, кто еще не служил. Объем учебных теоретических занятий фактически сократили вдвое – вместо 450 -ти - 250 часов

Журналистка, написавшая статью об итогах заседания, отметила: *«В прошлом учебном году ректор Свердловского горного института отчислил из института около 30 студентов, после чего «волнения» по поводу военной кафедры сразу приутихли. Администрация же УрГУ в лице ректора П. Е. Суетина и проректора Р. Г. Пихои пообещала студентам все прогулы за неделю бойкота будут отнесены к часам самоподготовки, пропущенные темы студентам придется осваивать самостоятельно. Все-таки можно найти пути бесконфликтного решения спорных вопросов»*¹⁵⁶

Окончательно проблема военки была снята только тогда, когда Верховный Совет СССР в июле 1989 г. отменил призыв студентов и предписал вернуть студентов из армии в вузы.

Концепция перемен.

В сентябре 1988 года ректор опубликовал программу реформ университета. Она включала – стратегически – курс на фундаментализацию университетского образования в сочетании с узкой специализацией на старших курсах с учетом будущей специальности – в научно-исследовательских институтах Академии наук, на предприятиях, в учреждениях образования, культуры. Средством реализации такой образовательной политики должно стать создание филиалов кафедр университета на промышленных предприятиях в НИИ, других учреждениях.

Важнейшей задачей была объявлена организация учебно-научного комплекса. УрГУ-УрО АН СССР. Ректор писал, что «приказом Госкомитета по народному образованию СССР нам разрешено организовать такой комплекс с одновременным распространением на УрГУ статуса ведущего вуза».

Другая важная новость, которую университет будет реализовывать – это получение возмещения университетом возмездных средств за подготовку специалистов. Так, Уральское отделение АН СССР обязалось выплачивать по 15 тысяч рублей за каждого выпускника, принимаемого на работу.

Научно-исследовательский сектор университета, включавший проблемные лаборатории по исследованию магнетизма, оптики, органической и неорганической химии, программирования и ряд других должны перейти, первыми в Свердловске, на полный

¹⁵⁵ Мой сын Герман, демобилизованный в конце 1989 г. сержантом, отказался ходить на военную кафедру, как и большинство его демобилизованных однокурсников. Но были и студенты, сознательно получавшие офицерское звание

¹⁵⁶ Уральский университет. 1988. 14 ноября

хозрасчёт. Кроме этого, следует добиться повышения оплаты сотрудников научно-исследовательского сектора, его перевода в первую категорию по оплате.

Было объявлено, что в университете будет создан НИИ физики и прикладной математики. Следовало также продолжить открытие новых проблемных лабораторий гуманитарного профиля. Пока в университете их было только две – топонимики, руководимой членом-корреспондентом А.К. Матвеевым и моя лаборатория археографических исследований.

«Главной нашей задачей при решении всех этих проблем должна стать прежде всего забота о повышении качества подготовки молодых специалистов», - писал ректор.

Мне предстояло, вместе с проректорами по научной работе – сначала – с В.М. Жуковским, а затем – со сменившим его В.Е. Третьяковым, деканами факультетов, заведующими проблемных лабораторий вести переговоры с директорами НИИ, готовить проекты договоров, продумывать механизмы реализации в той их части, которая связана с обучением и специализацией будущих выпускников.

Паригорий Евстафьевич нередко повторял: «Разговаривать надо». Это означало, что любое решение надо продумать, обсудить, взвесить. Разговаривали не только в ректорате, не только на деканских совещаниях. Нередко после окончания работы он заходил ко мне и предлагал прогуляться. Он жил недалеко от университета, за гостиницей «Центральная». Там, на улице Белинского, я садился на троллейбус и ехал домой. Наши прогулки иногда затягивались. Мы ходили по старым улицам - Розы Люксембург, Горького, Энгельса. Однажды во время такой прогулки он сказал: «Надо создать бы создать при университете физико-математическую школу, как в Новосибирске. Помните, об этом говорили на ученом совете».

Деканское совещание. Слева направо – декан факультета журналистики Б.Н. Лозовский, П.Е. Суетин, Р.Г. Пихоя, проректор по заочному обучению П.С. Томилов, декан биофака Н.Н. Фирсов, декан экономического факультета А.В. Гребенкин

Я не помнил. Думаю, никакого решения прежде и не было. Знал, что у математиков уже много лет существовали выездные школы, конкурсы, на которых отбирали талантливых ребят со всей области. Инициатором и деятельным участником этих школ был выдающийся математик академик Николай Николаевич Красовский. Такую же работу проводили физики. Там за эту работу отвечал профессор З.И. Урицкий. И у тех, и у других были специализированные школы в городе. Поэтому проблема эта меня не слишком беспокоила. Но в словах ректора было другое. Такая школа должна была встраиваться в систему непрерывного образования. Его идея – университет-Академия практически выполнялась. Не было нижнего звена – школа-университет.

Я задумался и сказал ректору: «Хорошо. Если за год не сделаю – то уйду с этой должности».

Лицей.

Создание этого учебного заведения с самого начала до его утверждения Советом Министров СССР стало моим *личным* проектом, на который я фактически получил карт-бланш ректора. Это стало сложнейшим делом моей жизни, сопоставимым по трудности, пожалуй, только с моей кандидатской диссертацией. Надо было начинать с девственно чистого листа. Да, был опыт Новосибирска и МГУ, было постановление Совета Министров СССР от 21.10.85 г. «Об организации специализированных учебно-научных центров Московского и Новосибирского университетов». Это постановление должно было стать модельным и для нас. Но я задумал принципиально другую модель учебного заведения. Там, в постановлении, речь шла в сущности о специализированных физматшколах. Я же считал, что новое учебное заведение должно стать своего рода «университетом для старших школьников», именно университетом, то есть учитывающим склонности будущего студента, гуманитаря или естествознателя, математика или будущего журналиста. И уже тогда появилось слово «лицей» для определения будущего учебного заведения. Для Уральского университета – это не просто красивое слово. Это свидетельство сложной преемственности между Александровским лицеем, закрытым в 1918 году и Уральским университетом, открытым в 1920 году и получившим библиотеку лицея.

Но пока это были только общие рассуждения. Благие пожелания следовало материализовать, воплотить в учебном здании, общежитии, спортивном зале, в ставках для преподавателей, в финансировании. Ничего этого не было и никто не собирался давать.

Мои действия пошли по трем направлениям, хоть и связанным между собой, но относительно независимым.

Первое – найти союзника среди директоров школ-интернатов. Были надежды, что таким партнером может стать художественная школа, расположенная рядом с университетом. Там преподавали наши искусствоведы. Да и содержательно идея создания на её базе университетского лицея была, что называется, непротиворечива.

Да не тут-то было. Мои попытки договориться, найти общие интересы встретили решительный протест. Ни о каком сотрудничестве здесь не могло быть и речи.

Перебрав не такое уж большое число школ-интернатов, вышел на школу-интернат № 19, расположенную очень неудобно, на заводской окраине Свердловска. Эта школа специализировалась на обучении детей с ограниченными возможностями. Школа не набирала необходимую численность учеников и рассматривалась возможность передачи этих учеников в другое учебное заведение. Директор школы – Гермоген Иванович Аввакумов в принципе не возражал против сотрудничества с университетом и даже предложил вполне технологическую схему переходного периода, во время которого по сути два типа учебных заведения будут сосуществовать.

Директор школы № 19, позже - лицея

Гермоген Иванович Аввакумов

Второе направление – это подготовка большого количества необходимых согласований, документов, переговоров с ведомствами. Для себя я решил разделить этот сложный бюрократический процесс на две части. Первая – это создать лицей и запустить учебный процесс здесь, на месте, в Свердловске и подготовить все необходимые местные документы. А вторая – параллельно оформлять союзные документы, согласовывать их с Минвузом РСФСР, Госкомитетом по науке и технике СССР, Госкомобразованием СССР, Минфином, Минтрудом РСФСР и СССР в тех условиях, когда специализированный научно-учебный центр УрГУ уже фактически существует. Это означало – загнать проблему в точку невозврата и признать необходимость легитимации уже существующего явления. Тут был риск, но риск оправданный.

Первую принципиальную поддержку мы получили от Президиума Уральского отделения АН СССР, от его председателя академика Геннадия Андреевича Месяца. Эта поддержка укладывалась в концепцию сотрудничества университета с Уральским отделением АН СССР и прочерчивало новый вектор этого сотрудничества: школа-университет – Академия.

Понятно, что прошли согласования со свердловским горкомом КПСС и обкомом КПСС.

Принципиально важно было получить согласие городского отдела народного образования. Однако начальник горно В.П. Назаров, долго говоривший о том, что идея интересная и полезная, решать ничего не стал. Он благоразумно и безопасно для себя отослал меня к заведующему облоно Ю.С. Бродскому.

Пошел к нему. На календаре был май 1989 г. Мы уже деятельно готовились к открытию лицея. Бродский был решительно против. Понять его было можно. Отдавать интернат университету он не хотел. Дело дошло до крика и остановилось в опасной черте перед битьем посуды в чужом кабинете.

Я вышел из кабинета с подписанным согласием на создание специализированного научно-учебного центра.

В итоге, 12 июля 1989 года Свердловский горисполком издал важнейший документ «Об открытии на базе школы-интерната № 19 Специализированного учебно-научного центра. Там было записано:

- Принять предложение Уральского университета им. А.М. Горького, Уральского отделения АН СССР и городского управления народного образования об организации Специализированного учебно-научного центра на базе школы-интерната № 19 Кировского района..

- Предложить ректорату УрГУ включить специализированный учебно-научный центр структурным подразделением университета на правах факультета, включающим школу-интернат, научно-исследовательское подразделение, кафедры профессорско-преподавательского состава.

Решение горисполкома стало очень важным, но, безусловно, предварительным. Надо было собрать огромное количество согласований в Москве, в союзных ведомствах. Летом 1989 г. поехал в отпуск в Москву, думал поработать в библиотеках и в архиве. Пришёл в беломраморное здание Госкомобразования СССР на Люсиновской. Пришёл – да там и остался. Надо было «приделывать ноги» документам. В итоге мне просто выделили там комнату, если не ошибаюсь, юриста, находившегося в отпуске, и оттуда я совершал набег на российские и союзные ведомства – Минвуз РСФСР, Госплан СССР, Министерство финансов РСФСР и СССР, Минтруд РСФСР и Госкомитет СССР по труду и социальным вопросам.

В результате проект Постановления Совмина СССР «Об организации

специализированного учебно-научного центра Уральского государственного университета им. А.М. Горького» был запущен на бюрократический конвейер и был опубликован за подписью Председателя Совмина СССР Н.И. Рыжкова 17 апреля 1990 г.

К этому времени лицеисты уже готовились к выпускным экзаменам.

За бесчисленным ворохом бюрократических задач, согласованных, договорённостей оставалось самое главное - и важное и интересное – как и чему учить ребят, как построить взаимодействие и непрерывность образовательного процесса между средним и высшим образованием.

По здравому смыслу, пошел на кафедру педагогики, которую возглавлял человек с редкой тогда в университете квалификацией - доктор педагогических наук В.Д. Семенов. Хотел его обрадовать – для кафедры открывалось интересное поле для педагогических исследований, ведь возникало прежде неведомое. Владимир Давыдович, выслушав меня, сказал, что кафедра не может заняться этими вопросами, которые не относятся к проблематике кафедры. Впрочем, кафедра сможет заняться этим, если университет заключит с кафедрой хозяйственный договор. Ему это всё было просто не интересно.

Я понял, что моё убеждение еще со студенческих лет, что педагогика – это лженаука, получила новое подтверждение. Эти рассуждения о «компетенциях», «образовательных траекториях», «триггерах в процессе обучения», «учебно-методических комплексах» служат способом самоудовлетворения учености в этой дисциплине, крайне мало имеющей отношения к живой практике образования, но плодящих со скоростью тараканов указания, приказы и прочий нормативно-вредный бюрократический поток отравляющий жизнь преподавателя.

К счастью для меня, свидетелем этого разговора стал доцент кафедры Михаил Аронович Вербук. Фронтвик, специалист в области обучения слепых детей, автор целой линейки приборов, облегчающих им читать, считать, заниматься программированием, - он подошёл ко мне и предложил помочь, сказав, что в своё время он долго работал завучем.

Доцент Михаил Аронович Вербук

У меня в кабинете как минимум еженедельно велись совещания с будущими преподавателями и организаторами лицея – как и чему учить, какие дисциплины должны скреплять лицейскую систему образования. Участники этих посиделок – М.А. Вербук, Г.И. Аввакумов, филолог Татьяна Васильевна Лопатина, физик, доктор физмат наук Александр Иванович Кроткий, заведующий кафедрой иностранных языков Леонид Иванович Фомин, профессор-физик Зиновий Исакович Урицкий.

Обсуждали будущие учебные планы – какие дисциплины должны были объединять всех лицеистов, формировать их базовую образовательную платформу, и что должно быть

специфично для первых трех направлений, которые намечались в лицее – гуманитарный, физико-математический и химико-биологический.

Закладывался принцип – уважения к учащемуся, сотрудничеству между теми, кто учит и теми, кого учат.

После долгих обсуждений было принято следующее: общие дисциплины – это математика, как наука, приучающая к строго логическому и доказательному мышлению, русская литература, включающая в себя едва ли не все гуманитарные знания – от истории до этики и психологии, иностранный язык – английский – для всех, с возможностью изучать, при желании, немецкий или французский. И физкультура. Обязательно и в большом количестве!

На практике это выглядело так – английский – для гуманитаров – 10 часов в неделю, для естественников – 5. Это было много больше, чем в обычной школе. Такая же дифференциация была и с математикой, с той лишь разницей, что для гуманитаров её было меньше, да и читали иначе, чем для будущих физиков и химиков.

Но как читали! Мы получили право (или добились права!), чтобы на одного преподавателя было не больше четырех учеников. В кассах – по 15-20 человек. Уроки, лекции и практические занятия проводили университетские преподаватели и тщательно отобранные школьные учителя, как правило – выпускники университета. Появилась возможность для индивидуального обучения, помощи, *сотрудничества* с учащимися.

Для преподавателей открывалась возможность создавать свои, авторские программы. Особенно это проявилось у филологов и историков. Т.В. Лопатина, молодой выпускник университета Валерий Самуилович Рабинович – в будущем – доктор и профессор, возглавивший филологическую кафедру в лицее, уходил от унылого «социалистического реализма» школьной программы и открывали школьникам богатства русской литературы XX в. с М. Булгаковым, А. Ахматовой, Платоновым...

Была утверждена схема управления специализированным научно-учебным центром. Во главе – его директор, являющийся одновременно проректором университета. Первым директором стал профессор А.И. Кроткий. Его заместителями стали М.А. Вербук, отвечавший за учебную работу и Г.И. Аввакумов.

Доктор физ.мат наук Александр Иванович Кроткий

Каждый факультет был обязан назначить заместителя декана по работе с лицеем. В лицее возникли кафедры, количество которых росло по мере вовлеченности факультетов в работу лицея.

Надо было решить и другую проблему. Приспособить здание для этих целей. Облазил вместе с Г.И. Аввакумовым и проректором по АХЧ Михаилом Яковлевичем Логуновым все здания интерната. В общежитии должны были быть комнатки на двух человек. Таких условий и в помине не было ни в одном вузовском общежитии Свердловска.

Договорились заново переделать все душевые, создать комнаты для самостоятельных занятий, отремонтировать классные комнаты, решить вопросы с размещением лабораторной аппаратуры а это означало переделки в электрике и подводке воды. Надо было создать совершенно иные условия для жизни школьников, которым было по 15-16 лет.

М.Я. Логунов проявил чудеса организации. За два с половиной месяца эта работа была выполнена.

Сразу после окончания вступительных экзаменов в университет, в конце августа был начат прием первых учеников будущего лицея. Они уже прошли предварительный отбор на олимпиадах, но теперь им предстояло еще сдать экзамены. Их принимали те же преподаватели, которые накануне принимали их у абитуриентов. Набор шел в 9 и в 10 классы.

1 сентября 1989 г. состоялось открытие специализированного учебно-научного центра Уральского государственного университета.

Позволю привести здесь текст моего выступления на открытии.

Выступление первого проректора УрГУ Р. Г. Пихои на открытии учебно-научного центра университета

В истории русской культуры и науки очень рано — еще в начале XVIII в. — была осознана неразрывная связь между средним, высшим образованием и судьбами науки. Уже в первом уставе Российской Академии наук, разработанном при жизни Петра Великого, предусматривалось одновременное существование, во-первых, Академии — собрания ученых и искусных людей, которые не только знают науки «в том градусе, в котором оные ныне обретаются, но и через новые инвенты (изобретения, открытия) оные совершить и умножить тщаться», во-вторых, — университета, который «наукам высоким..., до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают», и в-третьих, «...такожде гимназии», в которой «младые люди нужным наукам обучаются...».

Эта связь стала традиционной для образования в России: более ста лет Академия отвечала за содержание обучения в университетах, а университеты были центрами учебных округов, определяли учебные планы и программы, по которым шло преподавание в гимназиях.

История отечественной науки убедительно свидетельствует об успешности такой организации образования — слава Менделеева и Вернадского, Циолковского и Пирогова — веский аргумент в ее пользу.

Никакая система организации образования сама по себе образованного человека не создаст. Необходимы, по крайней мере, еще три фактора, участвующие в обучении: это желание учиться — у учеников, стремление научить — у учителей, и наличие условий, в которых только и возможно учить, т. е. тех материальных и интеллектуальных ресурсов, должных стать опорой, фундаментом обучения.

Позволю выразить свое убеждение, сложившееся из наблюдений, сделанных во время отборочных испытаний — здесь, в этом зале находятся юноши и девушки, которые хотят, любят и умеют учиться. Сохраните, развивайте в себе способность удивляться, постигая мир. Духовная свобода - неотъемлемое качество научного познания — прекрасное вознаграждение ученых занятий. Наука некорыстная, честная, очеловеченная, ответственная — нужна нашему Отечеству, нужны и молодые люди, посвятившие себя служению этой науке.

Ваши учителя пришли сюда из разных школ Свердловска. Среди них много воспитанников нашего университета, которые учились у академиков — математика Н. Н.

Красовского, физика С. В. Вонсовского, биолога А. Т. Мокроносова, члена-корреспондента АН СССР М. А. Руткевича, историка М. Я. Сюзюмова. Среди ваших будущих учителей — активно работающие ученые учреждений УрО АН СССР и УрГУ. Они будут вести и общие курсы, и многочисленные факультативы.

Дело учения здесь, в нашем учебно-научном центре, — дело новое, небывалое в нашем городе за все его двести пятьдесят с лишним лет существования. Это дело общее и для тех, кто учится, и для тех, кто учит.

Дерзкая привилегия науки — она смеет признаваться в том, чего она не знает. Не знаем и мы, как и в каких деталях, в каких формах пойдет учение в этом центре. Здесь нам суждено быть соавторами тех, кто учит, и тех, кто учится. На нас с вами возложена взаимная ответственность не только перед сегодняшним, но и перед будущими поколениями.

И, наконец, об условиях учения. Без этих условий нет возможности научить. Гениальный самородок М. В. Ломоносов не стал бы академиком и профессором, поэтом, химиком, историком, геологом и металлургом — словом, тем Ломоносовым, которого мы знаем, если бы уже в детстве в Поморье, рядом с ним не было бы «Арифметики» Магницкого, учебника, почти сотню лет служившего для преподавания не только собственно арифметики, но и геометрии, алгебры, тригонометрии, «Грамматики» М. Смотрицкого, содержащей не только изложение правил восточно-славянских языков, но и начала стихосложения, «Словаря трехязычного» Ф. Поликарпова — русско- греческо-латинского — достойного учебного основания для будущего ученичества в Славяно- греко-латинской Академии.

М. В. Ломоносов не стал бы ученым с мировым именем, если бы за ним не стояли изучение опыта металлургии и химии в европейском центре горного дела — во Фрейберге, трехлетнее сотрудничество в Маргбургском университете под руководством у одного из крупнейших естествоиспытателей XVIII века — профессора Христиана Вольфа, великолепное знание работ Ньютона и Вольтера, Бернулли, историка Стрыйковского.

Здесь в вашем распоряжении те возможности, которыми располагает Уральский университет и Уральское отделение. Их нужно осваивать. Это и научная библиотека УрГУ, и его лаборатории, и кафедры, как и лаборатории институтов Уральского отделения АН СССР. Это и создающиеся здесь специализированные классы, кабинеты, практикумы, библиотека.

Вы — первые. Вам и честь, с вас и спрос. Спрос не экзаменатора — учителя, а главного проверяющего — вашей судьбы. Non scholae, sed vitae discimus — «учитесь не для школы, а для жизни», — гласит латинская поговорка.

Я хочу закончить свое выступление словами профессора Куницына, произнесенными 19 октября 1811 года при открытии Царскосельского лицея — «Будет окончание вашего образования столько же торжественно, как и начало оно. Исполните лестную надежду, на вас возлагаемую, и время вашего воспитания не будет потеряно».

Добавлю через тридцать с лишним лет наш лицей сейчас — по прежнему университетский. Это лучшее среднее учебное заведение Екатеринбурга и одно из лучших в стране. Это несколько сотен докторов и кандидатов наук среди выпускников, это ученые, поэты, писатели, бизнесмены...

Красноуфимская трагедия.

Я шел по главному корпусу университета, время от времени заглядывая в аудитории, где шли вступительные испытания будущих лицеистов. Радовался. Вдруг в коридоре увидел Георгия Змановского — председателя профкома студентов университета. Он только что вернулся из «колхоза», как принято было называть сельскохозяйственные работы, куда

осенью уже четверть века отправляли студентов на уборку урожая. В этом, 1989 году, именно студенческий профком взял на себя обязанности договориться с совхозом об оплате студентам за уборку лука. Опять-таки впервые совхоз пообещал студентам хорошо заплатить за работу, поэтому сводный отряд студентов журналистов, математиков и, кажется, биологов выехал уже в 20-х числах августа.

Я был оставлен в университете за ректора. П.Е. Суетин взял отпуск.

Я спросил у Георгия

« – Как дела в колхозе?»

- Все в порядке, никаких проблем. Студенты работают. Половина работы уже выполнена.

- А сложности есть?

- Да нет, Рудольф Германович. Правда, у журналистов, как всегда, какие-то заморочки, но это всё ерунда.

- Что случилось?

- Да там у парня-журналиста подруга приболела. А он служил в химвойсках и говорит, что это отравление, вроде как от земли. Да это всё выдумки».

Моё благостное состояние выветрилось немедленно. Инстинкт начальника экспедиции подсказывал - надо было, как минимум, проверить эту информацию.

Пошел к проректору по АХЧ М.Я. Логунову, с которым мы были в приятельских отношениях еще со студенческих лет и предложил вместе сходить в городскую санэпидемстанцию.

Там нас выслушали самым внимательным образом (Свердловск - город маленький. Дети-студенты университета есть везде, и поэтому слушали и внимательно, и заинтересованно). Тут же сказали, что никакими тревожными сведениями они не обладают, но надо идти в областную станцию.

В областной санэпидемстанции ситуация повторилась. Но мы между двумя походами дозвонились до совхоза и узнали, что случай заболевания – не единичный и есть, кажется, серьезные случаи.

Я на свой страх и риск решил ехать в совхоз, разобраться на месте и там уже принимать решение. Утром следующего дня я с М.Я. Логуновым на университетской машине поехали за двести километров по разбитой дороге до Красноуфимска. Добрались туда часам к пяти, когда рабочий день у студентов закончился. Почти одновременно с нами в совхозе оказались врачи из санитарно-эпидемиологической службы. Наш вчерашний поход возымел действие, и врачи сами решили проверить, что происходит в совхозе «Александровском».

На проверку выяснилось, что у полутора десятков студенток и студентов серьезно повреждены нервные волокна ног, есть некоторые симптомы и у ряда других.

Тут же я принял решение о немедленной эвакуации всех студентов в Свердловск. Эпидемиологи вызвали санитарный самолёт и отправили в Свердловск, в больницу тех студентов, у которых уже были очевидны симптомы болезни.

Вечером, к великому огорчению директора совхоза, отряд был загружен в поезд и к утру был в Свердловске с обязательством, чтобы все студенты прошли обследование.

Я поехал в больницу к студентам. К ним меня не пустили, а врач сообщил, что у них – повреждение оболочки нервов.

Следующим шагом стала передача образцов почвы в лаборатории санэпидемслужбы. Анализы делали родители студентов, поэтому им можно было доверять.

Потом мы с Михаилом Яковлевичем Логуновым поехали к ректору, который отдыхал у своей сестры в деревне Краснояр в окружении соснового бора. Дело, которое мы учинили было беспрецедентным. На труде студентов держалась заготовка овощей в области, а университет отозвал своих студентов.

Слева направо - Р.Г. Пихоя, профессор С.Ф. Борисов, М.Я. Логунов на выборах ректора университета

Ректор одобрил наши решения и прервал отпуск.

Дальше началось расследование: почему это произошло? Как выяснилось, пострадало, как минимум, 80 студентов.

Первым подозреваемым стал сумицидин, препарат второй группы опасности, которым травили колорадского жука и других сельскохозяйственных вредителей. Норма его использования предполагала высокий уровень сельскохозяйственной культуры – по поллитра на гектар!¹⁵⁷ Я не представляю, как такую норму мог выполнить нормальный механизатор.

Сведения об отравлении студентов попали в прессу. Об этом писали не только областные газеты, но и «Известия». Выяснилось, что случаи подобных отравлений и получение "токсической полинейропатии" были и раньше. Они происходили в совхозах "Красноуфимский", "Хромцовский", "Бруснянский" в разных концах Свердловской области. Это то, что стало известно. Не подними мы тогда тревогу, это могло продолжаться и дольше (и, к глубокому сожалению, продолжалось).

В Свердловск зачастили комиссии Минобороны СССР, Минздрава СССР, Минхимпрома СССР, Госкомгидромета СССР, санитарных служб страны и т.д. Все повторяли, что возможная причина – в ядохимикатах, в пестицидах. Но сказать, какие и почему – не смогли. Для меня важной информацией стало то, что тщательно проведенные анализы земли, сделанные городской и областной станциями санитарно-эпидемиологической службами не дали ответа. То есть мы столкнулись с новым сложным органическим соединением, возможно – дьявольским коктейлем из нескольких пестицидов, образовавшемся вследствие нескольких обработок сельскохозяйственных угодий, соединение, которое не «ловилось» стандартными процедурами.

Попутно выяснилось, что на станции Красноуфимская, где всегда разгружали картошку, собранную студентами, находятся сотни тонн радиоактивного песка, вывезенного еще в начале 50-х гг. из Кореи. Они хранились в деревянных сараях, которые

¹⁵⁷ В одном из совхозов эти пестициды замешивали на бетономешалке!

сначала охраняли солдаты, потом солдат сняли, а сараи стали постепенно разваливаться... Правда, по заключению многочисленных комиссий, радиоактивный песок не имел отношения к заболеванию студентов...

Попутно выяснилось, что болеют в основном студенты-горожане. Ребята из деревень – намного реже. Обследование показало, что у молодых горожан очень низкий уровень иммунитета. Неожиданное и грустное открытие.

Дальше университет сделал все, что мог. Для пострадавших студентов открыл отдельную столовую, закупили через областные власти специальное питание, вплоть до черной икры. Периодически осуществляли медицинский контроль и обследования. Организовали возможность отдыхать в санаториях и профилакториях. Все это, естественно, за счет университета. Помощник ректора Анатолий Яковлев стал куратором и нянькой для больных. Учиться им было сложно. Часто страдали головными болями. Деканаты должны были всячески помогать им получить высшее образование.

Я был категорическим противником дальнейшего использования студентов на сельхозработках, несмотря на бесконечные заверения ведомств о том, что прошли все мыслимые сроки распада пестицидов, что в дальнейшем это не повторится. Мне было проще. С меня спроса было меньше. Ректору сложнее. На него давил обком, да и сам Паригорий Евстафьевич говорил мне: «Помните, как снимали Хрущева? Сначала – продовольственные проблемы по стране, а потом и переворот. Не будет картошки – значит, беспорядки и Горбачева уберут, и это не благо».

Вообще тогда я понял для себя разницу между ректором и проректором. Эта разница – уровень спроса и ответственности.

Первый проректор.

Понятно, что мои обязанности вовсе не ограничивались созданием лица. Кроме штатных дел проректора по учебной работе мне всё чаще приходилось заниматься вопросами, связанными с новыми задачами, которые вытекали из нового статуса УрГУ как ведущего вуза, укрепления связей с Уральским отделением АН СССР и промышленными предприятиями. Было решено ввести в штат университета новую должность – первый проректор, который должен отвечать за развитие вуза. С нового 1989 года я стал первым проректором. Кроме этого, я оставался заведующим кафедрой истории СССР (досоветского периода) и научным руководителем археографической лаборатории.

В мои служебные обязанности входило руководство целевой подготовкой студентов, контроль за деятельностью научных подразделений в той части, которая касалась их развития и предполагало финансирование из бюджета университета, хозяйственными договорами, взаимодействие с общественными организациями, научными советами¹⁵⁸. Кстати, в это время я стал председателем совета по защитах кандидатских и докторских диссертаций по специальностям история КПСС, история СССР, источниковедение и историография, всеобщая история.

Проректором по учебной работе стала доцент Татьяна Федоровна Кардаполова, а проректором по научной работе математик, профессор Третьяков. Мы отлично взаимодействовали и я не припомню ни одного конфликта.

Появились новые проблемы. С одной стороны, Правительство своим постановлением от 13 марта 1987 года предусмотрело частичную компенсацию вузам за подготовку специалистов. Надо было создать систему договоров с будущими местами работы наших выпускников, научиться зарабатывать. Но, с другой стороны, становилось ясно, что в условиях внедряемого в стране хозрасчета промышленные предприятия будут

¹⁵⁸ Перечень моих обязанностей и планов, как первого проректора, опубликован в газете «Уральский университет», 1989, 17 апреля

гораздо осторожнее относиться к приёму на работу молодых специалистов, а введение платы за выпускников может дополнительно осложнить распределение.

Впереди замаячила проблема оценки качества работы факультетов, уровня востребованности специалистов. А за этим – модель будущего развития университета.

Я проводил предварительные прикидки возможности введения платного приёма, который, как предполагалось, не должен был превышать 25% от общей численности. В то время, когда университет располагал неплохим конкурсом, который колебался от 3 до 8 человек на место, было возможно часть мест отдавать платникам при сохранении качества приёма. Были проведены предварительные консультации на эту тему в Минвузе РСФСР и в Госкомобразовании СССР. Мы решили использовать эту возможность тогда, когда станут очевидны проблемы недофинансирования университета со стороны бюджета.

Стал приглядываться к немалым владениям университета, которые складывались за десятилетия и, как нередко было в СССР, так толком и не были юридически закреплены за университетом. Кстати, я решительно запретил глубоко уважаемым мной астрономам строить, совместно с Московским университетом, обсерваторию в Таджикистане, на Памире. Запретил, потому что в условиях уже погромывавших межэтнических конфликтов это мне представлялось просто опасным. Обсерваторию с хорошими условиями для наблюдений постоили на южном Урале.

Для повышения эффективности аспирантуры мы стали практиковать годовые стажировки талантливых выпускников на тех кафедрах, куда им предстояло поступать в аспирантуру.

Удалось добиться финансирования широкого круга гуманитарных проблем по истории культуры Урала – фольклористов, филологов, искусствоведов, историков, археографов. Эта программа, получившая название «Живая старина», была утверждена и профинансирована Минвузом РСФСР. Это позволило мне предложить и утвердить университетский научно-исследовательский институт русской культуры.

Словом, дел хватало, и дела были интересными. С начала 1990 г. я занялся подготовкой международного семинара «Проблемы изучения и издания памятников славяно-русской письменности позднего средневековья». Вся проблема была в том, что Свердловск – город закрытый, и последняя международная научная выставка была в городе в 1937 году, когда в Москве проходил Международный геологический конгресс и его делегатам разрешили посетить Свердловск¹⁵⁹.

Наша конференция должна была стать первой в Свердловске после полувека режима «закрытого города». Президиум Уральского отделения АН СССР поддержал наше предложение. Геннадий Андреевич Месяц, президент Уральского отделения, только посетовал: «А почему первыми этого добиваются историки?»

Конференция удалась на славу. В её работе приняли участие историки, филологи, лингвисты из Англии, США, Югославии, ФРГ и Польши, а также ведущие специалисты в области изучения истории отечественной культуры из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Горького, Челябинска, Перми, Свердловска. Её активными участниками были председатель Археографической комиссии АН СССР С. О. Шмидт, Н. Н. Покровский, зав. сектором археографии и истории феодализма Института истории, филологии и философии СО АН СССР, г. Новосибирск, А. А. Амосов (БАН АН СССР), Э. Иванец, профессор Лодзинского университета (Польша). В. Н. Алексеев, зав. сектором редкой и рукописной книги ГПНТБ СО АН СССР, г. Новосибирск, архимандрит Иннокентий (Капустин) (издательский отдел Московского патриархата), В. В. Кусков, профессор МГУ,

---

¹⁵⁹ Кстати, на основе этой выставки возник замечательный геологический музей Свердловского горного института.

М. Сигел, профессор университета штата Нью-Джерси (США), Р. Марти, профессор Саарбрюкенского университета (ФР.Г), профессор В. Десподова, зам. министра культуры Республики Македония (г. Скопье, Югославия), В. Я. Дерягин, зав. отделом рукописей ГБЛ, профессор Я. Хоуллетт (Кембриджский университет), Р. Крамми, профессор Калифорнийского университета, г. Дэвис (США) и, конечно, свердловские историки, филологи, археографы.

Обсуждались проблемы истории старообрядчества, рукописной традиции, религиозных течений в православии. И, конечно, проблема славянского рукописного наследия, его места в истории мировой культуры.

*Член-корреспондент
АН СССР Н.Н. Покровский*

*Яна Хоуллетт, профессор,
Кембриджский университет*

*Председатель
Археографической комиссии АН
СССР С.О. Шмидт*

Участники конференции. Свердловск, 1990 г.

На конференцию должен был приехать директор библиотеки Конгресса США, известный исследователь истории культуры древней Руси Д. Биллингтон. Но добрался до Уральского университета на пару недель позже, что не помешало нам провести очень интересные и консультации и обсуждения. Для него было полной неожиданностью обнаружить на Урале собрание древнерусских рукописных и старопечатных книг, насчитывавшее около 6 тысяч экземпляров.

В музее книги УрГУ. Слева направо: к.и.н. А.Г. Мосин, стажер-исследователь П.И. Мангилев, сотрудник Минкультуры, Д. Биллингтон, директор научной библиотеки УрГУ Н.Е. Цыпина, зав. кафедрой иностранных языков УрГУ Л.И. Фомин, Р.Г. Пихоя, сын Д. Биллингтона - Томас, доцент Л.С. Соболева.

Все это было важно. Исследования, которые начинались как едва ли не экзотические, стали важным явлением для страны и мира.

Позже выяснилось, что контакты, возникшие весной 1990 г., станут важными на другом этапе моей жизни.

В защиту корпоративности.

Новые возможности, созданные перестройкой и ослаблением административного давления университет, кажется, использовал в полной мере. Лозунгом ректора, который П.Е. Суетин повторял и в печати, и на всех встречах, был следующий: «Мне не нужны вышестоящие структуры». Он говорил, что университету достаточно знать постоянную величину и получать объем государственного бюджетного финансирования, а все остальное – поиск заказчиков и подготовка под его цели и задачи будущих специалистов, проведение научных исследований и отношения с производственными предприятиями – всё, сколько нибудь важное, университет способен решить сам. Для этого у него есть профессора, исследователи, ученые советы факультетов и университета. Ректор очень серьезно относился к университетским правам. Помню, как он тщательно готовился к своим перевыборам.

Полностью разделяя эту точку зрения, я считал, что нужно бережно относиться и культивировать элементы самоуправления – право университета выбирать ректора, выборы деканов, право преподавателя, будучи избранным, работать пять лет, как и право ученого совета факультета каждые пять лет переизбирать каждого преподавателя. Для меня это было абсолютной ценностью. В этом сказывался и мой опыт, полученный за 20 лет работы в университете, и то воспитание в духе уважения университетской автономии, которое я получил от своего учителя – профессора М.Я. Сюзюмова, много и с восторгом рассказывавшего о порядках Дерптского университета. Для меня было важно слышать и учитывать мнения не только профессоров, входивших в состав Ученого совета, но и к представителям студенческой и аспирантской курий в его составе.

Я не скрывал, что для меня – университет – это корпорация профессоров и студентов.

В начале 1990 г. и мне, и Ученому совету университета пришлось столкнуться с серьезной проблемой. Ученый совет философского факультета большинством голосов забаллотировал доцента Ю.П. Андреева. Юрий Петрович был человеком в университете известным, выпускник истфака, на три курса старше меня, он был в прошлом секретарем комитета комсомола университета, членом парткома, работал над докторской диссертацией. Он обратился в Ученый совет университета, чтобы тот провел повторное голосование. Хотя это и не было принято, совет принял его заявление, но, при голосовании, подтвердил решение философского факультета. Провал на выборах Юрия Петровича был бесспорным.

Реакцией на это стало появление листовок в его защиту. Потом – статья в областной газете - «Уральском рабочем», автор которой, защищая Ю.П. Андреева, обличал, как помнится, «феодалские пережитки», клеймил «корпоративность», культивируемую в университете. Затем – письмо нескольких преподавателей в Ученый совет УрГУ. В письме сообщалось, что «в решении ученого совета отчетливо просматривается командно-административный метод решения кадровых проблем, который применялся по отношению к Ю.П. Андрееву ... Данная акция выглядит как попытка спасти «честь мундира» администрации университета, но прежними методами. Заседание ученого совета было превращено в судилище, хотя внешне было обряжено демократической атрибутикой». В письме сообщалось, что Ю.П. Андреев обратился с жалобой на университет первому секретарю Свердловского обкома КПСС и Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С.

Горбачеву¹⁶⁰.

Дальше последовало обсуждение на Ученом совете университета. Обсуждение было эмоциональным. Члены совета были возмущены обвинениями в том, что администрация университета ими манипулируют. Требовали извинения от авторов письма. На совете выступили представители философского факультета, которые дополнительно объяснили причины, по которым факультетский совет отказал Ю.П. Андрееву в праве работать там дальше. Были и защитники Ю.П. Андреева, человека, который давно работает в университете. Ответом на письмо защитников Ю.П. Андреева, опубликованном в газете «Уральский университет», стала моя статья, изданная там же.

Приведу её здесь.

ОБ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ АВТОНОМИИ, ДЕМОКРАТИИ И НОМЕНКЛАТУРНОЙ ТОСКЕ

«Беспрецедентная позорная акция» — так начинается письмо группы преподавателей, посвященное решению ученого совета. Письмо направлено в ученый совет, копии — в ректорат и партком, в газеты «Уральский рабочий» и «Уральский университет», расклеиваются на стенах...

Что же случилось на ученом совете 24 января. 1990 года? А случилось то, что доцента кафедры теоретической социологии (еще недавно называвшейся кафедрой истмата) Ю. П. Андреева не переизбрали на следующий пятилетний срок. Обстоятельство, несомненно, печальное для Юрия Петровича, сохранившего, впрочем, право (как и право любого другого оказавшегося в таком положении) доработать до конца весеннего семестра и участвовать в конкурсах на замещение вакантных должностей на философские кафедры как в университете, так и в других высших учебных заведениях.

Не избрали... Да, в университетах уже 900 лет избирают профессоров и доцентов. Избирают тайным голосованием. ... Таков порядок. Он сохранился даже тогда, когда административный диктат в стране уничтожил любые следы реальной автономии. А в высшей школе, в научных учреждениях это, прямо скажем, редкое исключение из обычных норм трудового законодательства, сохранилось. Причина этому — в специфике самого труда ученого, преподавателя высшей школы. Кому, как не коллегам его, знать и оценить уровень компетентности, научной состоятельности, преподавательского мастерства, его человеческих качеств, которые влияют на работу его кафедры, факультета, лаборатории. Отмените этот порядок — и высшая школа ничем не будет отличаться от любой конторы.

Каждый преподаватель, поступая на службу в университет, пишет заявление с просьбой разрешить ему участвовать в конкурсе, и каждые пять лет преподаватель — от ассистента до профессора — проходит через выборы. Я говорю об этих азбучных для любого работника высшей школы деталях для того, чтобы подчеркнуть: право выбирать предполагает и обязанность каждого преподавателя быть готовым к прохождению через процедуру очередных выборов. Право выбирать — это реализация воленостей университета, одно из немногих реальных проявлений университетской автономии.

Попытки разделаться с этими «средневековыми пережитками» предпринимались неоднократно. Газетная кампания «в защиту прав Ю. П. Андреева» — одна из последних.

Проследим логику этих защитников. Решение совета, по их мнению, было неправильным, потому что: доцент Ю. П. Андреев был секретарем комитета комсомола, председателем профкома, заместителем директора ИПК; является членом парткома сейчас; подготовил докторскую диссертацию, опубликовал две монографии и много статей; пишет письма о беспорядке в науке секретарю обкома КПСС и Генеральному

¹⁶⁰ Уральский университет, 1990, 22 марта

секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву.

Итак, для бывшего председателя профкома — одни правила переизбрания, а для рядовых членов профсоюза — другие? Для преподавателей университета — избрание на совете, а для членов парткома — обсуждение на парткоме? Докторская диссертация, статьи — это хорошо, а если коллектив кафедры в своем решении указал, что «кафедра с Юрием Петровичем Андреевым в его нравственной позиции расходится, что влияет на нормальную работу коллектива, снижает его производственный потенциал». И это — тоже право кафедры и каждого из ее преподавателей.

О письмах а обком, в ЦК КПСС. Видимо, будут и еще. Есть, полагаю, и будут еще митинги «в защиту преследуемого Ю.П. Андреева». При всем отличии стилей писем в административные, партийные или другие инстанции и листовок есть между ними общая связь — надавить на совет, сломать, запугать, разделаться с этой «корпоративной привилегией», с автономией университета.

Много экспериментов пережила высшая школа в нашей стране за последние 70 лет. И рабфаки, и соцсоревнования, и руководящую роль в развитии науки, и комплектацию общественных кафедр в партийных органах...

Жаль только, что Нобелевских премий маловато.

Да и пытаюсь постичь развитие общества, люди идут к Н. Бердяеву и В. Соловьеву, В. Ключевскому и А. Солженицыну, редко обращаясь к современным философам.

Р. Г. ПИХОЯ, первый проректор УрГУ, зам. председателя ученого совета.

Кстати, Ю.П. Андреев перешел на работу в институт повышения квалификации университета, где и работал дальше. Но не на философском факультете.

Для меня «честь мундира», как и корпоративная солидарность были понятиями положительными.

Политика наступает.

Мне хватало дел в университете и я не участвовал в спорах о политике партии, о судьбе ускорения и тому подобных проблемах, которые вовсю обсуждались тогда и в университете. Правда, после отъезда Владимира Николаевича Денисова в Москву, в редакцию газеты «Советская Россия» мы едва ли не ежевечерне перезванивались. По сложившейся прежде привычке обсуждали какие-то вопросы, интересовавшие нас, нередко он проговаривал, опробовал на мне свою будущую публикацию. Во время моих частых поездок в Москву мы обычно встречались. Он много рассказывал об организации редакционной жизни, о взаимоотношениях и соперничестве между газетами, рассказывал, что у центральных газет есть кураторы в руководстве партии. Так, за «Правдой» стоял сам М.С. Горбачев, «Известия» связаны с А.И. Лукьяновым, А.Н. Яковлев отвечал и за «Правду», и за ряд других газет «Литературную газету», «Московские новости». Куратором «Советской России» был Е.К. Лигачев. Лигачева Владимир Николаевич знал еще с тех времен, когда работал спецкором в Кемеровской и Томской областях, где Лигачев тогда был первым секретарем обкома и относился к нему с уважением.

В начале марта 1988 г. Владимир Николаевич таинственно сообщил: «Работаю над важным материалом. Ждите, скоро появится».

13 марта в «Советской России», на первой полосе с переходом на вторую была опубликована статья, подписанная преподавательницей Ленинградского технологического института Ниной Андреевой. Это был тот самый материал, над которым он работал, выполняя поручение главного редактора В.В. Чикина и по заданию Е.К. Лигачева.

Володя, явно воодушевленный звонил:

- «Как тебе статья?

- Что ты наделал! Посмотри, что на первой полосе твоей газеты рядом с названием статьи Андреевой.

- Что?

- Прочитай, что говорил Горбачев в Югославии во время своего визита, что напечатано в твоей газете в том же номере и сравни с тем, что написано в статье Нины Андреевой!

- Ты не понимаешь! Посмотри, что дальше будет!»

Я знал одно. В.Н. Денисов – человек искренний и честный, хотя наши взгляды на политику и различались. Это, впрочем, не мешало нам дружить.

В первые дни после появления статьи Нины Андреевой, казалось, все пошло так, как он ожидал. Планировались крупные политические кампании, которые должны были пересмотреть политику перестройки. В Ленинграде и Москве должны были состояться “читательские конференции” с обсуждением и поддержкой статьи. В ряде областей статья Нины Андреевой была переиздана в местных областных партийных изданиях. Такая практика - перепечатка статей из центральной прессы - распространялась только на важнейшие партийные документы. Сам факт перепечатки свидетельствовал, что эту статью приравнивают к таким документам.

Но вдруг все изменилось. 5 апреля 1988 г. в “Правде” была опубликована статья, подготовленная Яковлевым, Медведевым, Болдиным по заданию Горбачева. Выступление “Советской России” оценивалось как “манифест антиперестроечных сил”, как попытка переоценить все сделанное в период перестройки. Нина Андреева превращалась в своего рода символ консервативных, необольшевистских сил.

Все участники подготовки статьи, те члены Политбюро (не только Лигачев) отмежевались и от прежнего одобрения статьи, так и от непосредственного участия в её появлении. «Крайним» оказался В.Н. Денисов. Статью задним числом осудили на заседании редакции «Советской России». Позже Владимир Николаевич подробно рассказывал мне подробности возникновения и последовавшей критики статьи в родной газете. А потом мне и самому удалось посмотреть материалы об обсуждении этой статьи на Политбюро.

Следует признать, что эта статья стала единственным политически значимым событием перед XIX Всесоюзной партийной конференцией, стала своего рода «точкой отсчета» для всех появившихся новых политических сил справа или слева ё

Политическая жизнь радикализировалась. В феврале 1989 г. в Свердловск приехал Б.Н. Ельцин, участвовавший в избирательной кампании по выборам на 1 съезд народных депутатов СССР. Он выступал в заводском дворце культуры «Урал», в зале, забитом до отказа, с открытыми настежь дверьми зала, а на площади перед ДК стояла толпа народа и из динамиков слушала его. Нет нужды говорить о поддержке его абсолютным большинством слушателей.

В мае 1989 г. начал работать первый Съезд народных депутатов СССР. Сейчас невозможно себе и вообразить, какое влияние он оказал на страну. Кажется, во время его заседаний были одновременно включены все телевизоры и радиоприёмники в стране. Депутатов узнавали по голосу. Официальная советская идеология с её призывами к возвращению «подлинному Ленину» стремительно утрачивала своё влияние. Коммунисты как политическая сила растворились в потоке национально-сепаратистских движений, лидеры которых сначала завуалированно, а затем открыто, с трибуны съезда, обвняли Советский Союз, отождествляя его с Россией, во всех трудностях и проблемах прошлого и

настоящего. В свою очередь, в России многие люди с явным сочувствием отнеслись к словам писателя В. Распутина, что в после того, как «антисоветские лозунги соединяются с антирусскими», «может быть, России выйти из состава Союза (аплодисменты), если во всех своих бедах вы обвиняете ее и если ее слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления? Может, так лучше? Это, кстати, помогло бы и нам решить многие проблемы, как настоящие, так и будущие».

Эти настроения несомненно присутствовали, когда начались выборы на съезд народных депутатов РСФСР. Выборы на съезды народных депутатов союзных республик воспринимались как способ повышения политического статуса республик в СССР, а для некоторых республик – и как ступень к полной государственной независимости.

Не надо было быть большим мудрецом, чтобы понять: Советский Союз начинает разваливаться. А это означало неизбежный передел союзной собственности.

Начиналась предвыборная кампания по выборам на съезд народных депутатов РСФСР и в местные советы. Б.Н. Ельцин избирался от Свердловской области. В феврале он встретился с преподавателями и студентами Уральского университета, зашел в ректорат. Было известно, что Ельцин будет добиваться должности Председателя Верховного Совета и введения поста Президента России. Университет был в числе организаций, выдвигавших его в депутаты. Поэтому в соответствии с традициями советской избирательной системы кандидату в депутаты полагались наказания избирателей.

В наказе, адресованном Ельцину как кандидату в народные депутаты, содержались предложения о развитии системы народного образования в стране. Частично эти предложения вошли в первый Указ Президента РСФСР, изданный 11 июля 1991 г., «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР».

Вошли, как помнится, следующие положения:

- подчинение органов государственного управления образованием и наукой непосредственно Президенту РСФСР;
- при формировании чрезвычайного бюджета РСФСР на II полугодие 1991 г. предусмотреть выделение для сферы образования необходимых средств с учетом повышения заработной платы работникам учреждений образования и дополнительных затрат на питание и другие виды обеспечения учащихся, воспитанников и студентов в связи с ростом цен;
- внести предложения в Верховный Совет РСФСР об освобождении учреждений, предприятий и организаций системы образования от всех видов налогов, сборов и пошлин и направлении этих сумм на развитие научной и учебной деятельности, укрепление материально-технической и социальной базы образовательных учреждений», радикальном повышении стипендий студентам и аспирантам, оплаты государством расходов на обучение российских студентов за рубежом.

Со своей стороны, я взялся написать Б. Н. Ельцину записку о состоянии и проблемах архивного дела в РСФСР.

Моя записка касалась трёх вопросов, которые представлялись принципиально важными.

Прежде всего, я проинформировал Б. Н. Ельцина, что Россия давно, ещё в 1938 г., утратила право на управление российскими по происхождению архивными фондами. Это произошло, когда Центральное архивное управление и все исторически сложившиеся центральные архивы России были переданы в союзное ведомство — НКВД СССР. В 1955 г. было восстановлено Главное архивное управление при Совмине РСФСР, которое

получило право управлять только областными и краевыми архивами¹⁶¹. Теперь же, в условиях угрозы суверенизации союзных республик архивные фонды российского происхождения, оказавшиеся в центральных архивах союзного подчинения, могли быть безвозвратно утрачены. Примеры были. В начале 20-х гг. уже происходила передача документов из российских архивов в страны, вышедшие из состава Российской империи.

Вторая проблема — это неблагоприятное материальное состояние архивной отрасли, нередко архивы находились в церковных зданиях, строительство архивов отнюдь не относилось к числу приоритетов.

Третье — нищенская зарплата архивистов, нищенская даже по сравнению с оплатой других работников социальной сферы, не могла способствовать сохранению письменных памятников.

Тогда, когда я писал эту записку, то учитывал, что для Ельцина была важна проблема суверенитета России, а состояние архивного дела — это частный случай проявления суверенитета государственного.

Тогда я не подозревал, что эта записка сыграет важную роль в моей жизни.

В марте 1990 г. меня положили в больницу. Этот эпизод я бы и не запомнил, если не то обстоятельство, что меня там разыскали и передали, что мне надо срочно быть в ректорате и за мной послана машина. Первая мысль: что случилось? Прямо в больничной одежде приехал в университет. Разговор в ректорате был для меня совершенно неожиданным. Паригорий Евстафьевич рассказал, что только что прошли выборы в Свердловский горсовет. Все кандидаты от высшей школы провалились. Не состоялись выборы на территориальном участке, где находились общежития УрГУ. Студенты не пошли голосовать. Там будут назначены перевыборы. Поэтому совет ректоров просит меня принять участие в выборах, чтобы представлять в горисполкоме интересы вузов.

В научной библиотеке университета срочно провели собрание, которое выдвинуло меня в кандидаты на выборы. Моя избирательная кампания свелась к двум встречам с жителями студенческих общежитий. Меня они и без этого знали. Мне полагалось заявить избирательную программу. Она сводилась к предложению передать Свердловскую Высшую партийную школу со всей её немалой инфраструктурой в университет и преобразовать в университетские факультеты. Моим оппонентом на выборах был неизвестный мне представитель «Демократической России».

Выборы закончились моим избранием в горсовет.

Все эти бурные события 1990 г., когда заботы о будущем университета, международная конференция, приезд в университет Д. Биллингтона, неожиданные выборы и работа в горсовете переплелись с семейными делами. Во время предвыборной кампании Ельцина сотрудники Уральского политехнического института - социолог Людмила Пихоя, зав.кафедрой истории КПСС Геннадий Харин и философ Александр Ильин по собственной инициативе проанализировали выступления Ельцина и направили ему записку с указанием содержательных и стилистических недостатков в его выступлении. В результате Ельцин пригласил мою жену и Геннадия Харина в качестве своих советников на период подготовки и проведения первого съезда народных депутатов РСФСР, а затем, уже в сентябре, ей предложили возглавить небольшую группу спичрайтеров Председателя Верховного Совета РСФСР Ельцина.

---

¹⁶¹ В 1957 г. был создан Центральный государственный архив РСФСР — единственный центральный архив в ведении России, составленный на основе фондов ликвидированных или реорганизованных на рубеже 50-х — 60-х гг. министерств РСФСР. Историческая часть этого архива начиналась с 1917 г.

*Людмила Григорьевна Пихоя и
Геннадий Николаевич Харин. 1990*

Положение моё было не простым. Очень не простым. Я никогда не хотел жить в Москве. Москва нравилась мне, как город, где архивы и библиотеки, где картинные галереи, где друзья. Туда было хорошо приезжать и работать, встречаться с друзьями. Но жить я хотел в Свердловске, где у меня – университет, с которым связана практически вся моя взрослая жизнь, мои учителя и ученики, лаборатория... Главное, что я был убежден, что там понимаю если не всё, то многое, что будущее более или менее предсказуемо и управляемо мной самим.

В октябре 1990 г. я приехал в Москву. Геннадий Николаевич Харин сказал, что мне нужно зайти к Председателю Совмина РСФСР И.С. Силаеву. Я было начал упираться, так как у меня не было поводов к этой встрече. Но Геннадий Николаевич, что называется, начал меня увещевать, говорить, что отказываться от этой встречи неприлично и в полном смысле отконвоировал меня до пятого этажа, где находился кабинет Председателя Совмина.

Такого кабинета я никогда не видел в своей жизни. Огромный, с обтянутыми шёлком деревянными панелями по стенам, со свисающими с высокого потолка хрустальными люстрами. В конце комнаты, за стопой бумаги сидел пожилой седой человек. Это был Иван Степанович Силаев. Я представился. Подняв глаза, он сказал мне – «Меня просили трудоустроить Вас».

Я возмутился. «Зачем? Мне и так хорошо. У меня прекрасная работа, и я не намерен её менять».

Ивана Степановича это явно заинтересовало. «Погодите, погодите. Тут где-то была записка об архивах», и, к моему удивлению, извлёк тот текст, который я в феврале передал Ельцину.

Он начал читать вслух, время от времени задавая мне уточняющие вопросы. Похоже, больше всего на него произвело впечатление то, что в подчинении России нет важнейших исторических архивов.

Закончив читать, он нажал на кнопку секретаря и велел вызвать в кабинет какого-то человека. Когда тот вошел, то Иван Степанович, не глядя на меня, велел этому человеку: «Выпишите пропуск, проследите, чтобы завтра он (то есть я) был на работе. Доложите мне». Этим человеком, как выяснилось, был Дмитрий Дмитриевич Румянцев, начальник Управления кадров.

Так произошёл крутой поворот в моей биографии. Почему я согласился? Проще всего, да и справедливо, объяснить это привычкой делать то, что было нужно, а форма решения кадрового вопроса была совершенно советской, то есть привычной для меня. Но было и другое. Речь шла о семье, которая, пожалуй, перестала бы существовать, если бы я остался в Свердловске. Да и работа в Главном управлении архивов при Совмине РСФСР была делом не последним.

На следующий день, 16 октября 1990 г. меня представили коллективу Главного архивного управления при Совмине РСФСР.

Дальше я поехал в Свердловск, увольняться. Ректор, вздохнув, сказал: «Невольник не богомольник».

Университет остался лучшим периодом в моей жизни.

IX. ВО ГЛАВЕ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ: ОКТЯБРЬ 1990-АВГУСТ 1991.

16 октября 1990 г. я оказался на должности начальника ГАУ при Совмине РСФСР. Управление занимало несколько комнат на первом этаже Центрального государственного архива РСФСР на Бережковской набережной. Я и прежде бывал в этом здании на совещаниях по документальным памятникам. Сейчас же должен был познакомиться, что называется, изнутри.

Первое внешнее впечатление было явно невеселое. Стандартное здание, которое строили для областных архивов, окруженное какими-то громадными трубами. Сорок с небольшим сотрудников главка помещались в здании архива. Смешно было сравнивать мой кабинет в университете с комнатой начальника Главархива РСФСР. Зарплата на новом месте оказалась меньше моей зарплаты в университете.

Жить предстояло нам под Москвой, в загородной доме отдыха «Десна», в двенадцати километрах от кольцевой дороги по Калужскому шоссе. Каждое утро я сажал в свою служебную «Волгу» жену и двух её сотрудников-спичрайтеров – Г. Харина и А. Ильина, завозил их в «Белый дом», где находился аппарат Председателя Верховного Совета РСФСР. Вечером эта операция повторялась. Работая в Москве, я в Москве не жил. Та Москва, которую я знал в 70-80-е гг., оказалась для меня практически недоступной. Квартиру мы получили только через год, летом 1991 г.

Знакомство с аппаратом управления было облегчено тем, что некоторых его сотрудников я знал раньше. Следует отметить, что аппарат российского главка был немногочислен (немногим более 40 человек) но очень квалифицирован. Особенно хотел бы отметить отделы комплектования (Г. Г. Бакалинская), обеспечения сохранности документов (Л. С. Шатенштейн, Т. Е. Шабанова), правового обеспечения (В. Г. Комлев) работы с персоналом (С. И. Касперская). У российского главка было много объектов управления — более 80 архивных управлений областей, краёв и республик РСФСР, проблем хватало везде — прежде всего — с обеспечением сохранности и с комплектованием. Работа была предельно конкретной — оказывать помощь на местах, разрабатывать методические указания и рекомендации, направленные на сохранение документов.

Позволю даже утверждать мысль не бесспорную, но мне близкую: в ряде случаев российские республиканские органы управления были сильнее, чем их союзные начальники. Так было с Министерствами высшего образования, российским и союзным. Так же было и с Главархивами. Объяснение тому простое. Союзные органы управляли только союзными объектами, относительно немногочисленными и в основном находящимися в Москве: для союзного главка — 12 центральных архивов в Москве и Ленинграде, один — в Ялуторовске, и один НИИ — Всесоюзный институт документоведения и архивного дела. Российскому главку приходилось руководить восьмью десятками областных и краевых архивных управлений. Это и много, и мало. Архивы России тогда – это областной уровень. Важный. Однако история центральных органов власти, управления, армии, экономики – все это находилось в ведении Главархива СССР.

Заявив о необходимости поднять значение архивов в системе российской государственности, надо было действовать.

Я наметил два важнейших направления будущей работы.

Во-первых, следовало готовить Закон об архивах РСФСР. Ни в СССР, ни в РСФСР этого закона не было. Довольствовались ленинским Декрет «о реорганизации и

централизации архивного дела в РСФСР»¹⁶².

Во-вторых, надо было добиваться возвращения в Россию её архивов, переданных в союзное ведомство. Прежде всего, речь шла об архивах, где содержались документы по в основном по досоветской истории – ЦГАДА, ЦГИА, ЦГВИА и ЦГА ВМФ

Средствами для решения этих задач стала, во-первых, реорганизация ГАУ РСФСР.

5 ноября 1990 г. Главное архивное управление при Совмине РСФСР было преобразовано в Комитет по делам архивов при Совмине РСФСР, а 12 декабря 1990 г. Права архивного ведомства были значительно расширены. Правительство определило вопросы деятельности Комитета, на который возлагались обязанности:

- формирование архивного фонда России;
- государственное регулирование архивного дела, координация деятельности по этим вопросам министерств и ведомств РСФСР во взаимодействии с местными Советами народных депутатов;
- подготовка проектов законодательных актов и нормативных документов, направленных на обеспечение сохранности, пополнение и использование документов Архивного фонда РСФСР ;
- разработка проектов и реализация государственных программ развития архивного дела;
- создание информационной сети и баз данных по документам Архивного фонда РСФСР;
- организация издания архивных документов по истории народов России;
- контроль за соблюдением законодательства по архивному делу на территории РСФСР учреждениями, организациями и предприятиями независимо от их ведомственной подчинённости или формы собственности;
- развитие и координация зарубежных связей, участие в работе международных организаций по архивному делу и делопроизводству.

Новым для российских архивистов стали вопросы формирования фонда республики как самостоятельной задачи деятельности Главархива РСФСР, создание информационных баз данных по документам Архивного фонда, ведение международной деятельности по вопросам, связанным с архивным делом России, представление интересов РСФСР в международных архивных организациях.

Документы текущего архива Главархива РСФСР, с которыми я поспешил ознакомиться, свидетельствовали, что вопрос о возвращении ряда исторических архивов в российскую юрисдикцию мои предшественники пытались поднимать в 70-е гг., вели по этому поводу переписку с союзными органами власти.

Однако выяснилось и другое. Для органов власти архивы были «делом десятой важности». Главархив РСФСР и Главархив СССР знали, что называется, «свой шесток». Архивные органы занимались внутренними проблемами — собственно архивным делом и документоведением, — благо, что там хватало проблем, и отнюдь не претендовали на участие в решении общегосударственных вопросов. Не случайно, что проект Закона «Об архивах и архивном деле», внесённый для обсуждения в Верховный Совет СССР, подготовили люди, не имевшие никакого прямого отношения к архивам¹⁶³.

¹⁶² Старостин Е.В. Хорхордина Т. И. Архивы и революция. М., 2007

¹⁶³ Батулин Ю. М., Федотов М. А., Энтин В. Л. Гласность и архивы: вариант законодательного решения // Вестник Академии наук СССР. 1989. № 10. С. 74-86.

Второе направление, которое я наметил – это познакомить российской власти с её архивами, объяснить их роль и значение для настоящего и будущего страны.

Огромные информационные ресурсы архивов органами власти и управления страны практически не запрашивались, дело ограничивалось, в лучшем случае, юбилейными датами. Для меня была очевидна задача: доказать важность и актуальность архивной информации для сегодняшнего дня. Для меня как историка было очевидно, что к концу XX в. Россия пришла с многими задачами, которые были сформулированы в конце XIX — начале XX в., над решением которых думали многие люди, искали, находили и ошибались. Итоги этих поисков, находок и потерь сохранились в архивах.

Поэтому было принято решение: организовать для народных депутатов РСФСР большую архивную выставку «История российской государственности: законодательство, управление, символика»¹⁶⁴.

Выставку готовили в очень сжатые сроки — открыть её надо было до 2 декабря — начала работы 2 съезда народных депутатов РСФСР. Огромную роль в её организации тогда сыграл В. Г. Комлев. Ему удалось договориться с руководством центральных архивов, с региональными архивами, с музеями — Эрмитажем, ГИМом, — которые представили документы и экспонаты, рассказывавшие об опыте российского законодательства — от Судебника 1497 г. до советских Конституций 1918, 1924, 1936, 1977 гг.; о деятельности четырёх созывов дореволюционной Государственной думы; об опыте местного самоуправления, существовавшего до революции; о российской государственной символике и её изменениях во времени.

Местом выставки стал российский «Белый дом» — здание Верховного Совета и Совмина РСФСР. Экспозиция заняла два этажа, точнее – просторные антресоли в главном здании. Выставка начиналась прямо от кабинета Председателя Верховного Совета.

Выставку открывал сам Б. Н. Ельцин. Выставка была приурочена ко 2-му съезду народных депутатов РСФСР, на котором предполагалось рассмотреть закон о введении частной собственности на землю, принять новую Конституцию¹⁶⁵, создать Конституционный Суд.

Б.Н. Ельцин на открытии выставки. Слева от него – отец Глеб Якунин, я- крайний справа

Перед открытием выставки Ельцин ответил на вопросы многочисленных

¹⁶⁴ Россия: Государственная символика. Опыт законодательства (XV-XX вв.) // СА. 1991. № 1. С. 14-16.

¹⁶⁵ О том, почему и как не приняли Конституцию на II съезде, см.: Зезина М. Р. и др. Человек перемен. Исследование политической биографии Б. Н. Ельцина / М. Р. Зезина, О. Г. Малышева, Ф. В. Малхозова, Р. Г. Пихоя. М., 2011. С. 236-239.

журналистов. Рядом с Ельциным попытался встать мирополит волоколамский Питирим. Ельцин буквально выдернул из толпы зрителей священника Глеба Якунина, находившегося в конфликте с патриархией, и поставил его рядом с собой.

Б.Н. Ельцин в своём приветственном слове он подчеркнул, что выставка должна показать связь времен, место Российской Федерации как правопреемницы многовековой истории России, что Верховный Совет и Съезд народных депутатов продолжают эстафету законодательной деятельности нашей страны. «Известно, - говорил он, - что Россия ведет непростую борьбу за претворение в жизнь Декларации о государственном суверенитете. По сравнению с другими союзными республиками здесь у нее немало своих особых трудностей в экономической, культурной и, разумеется, в политической сферах жизни»¹⁶⁶.

Посещение выставки стало, по предложению Ельцина, частью официального государственного протокола в течение следующего, 1991 г. Это означало ввод архивных материалов в контекст современного государственного управления. И тогда, когда народные депутаты, разглядывая документы и подписи к ним, вдруг признавались, что те законы, над которыми они работают, уже обдумывались раньше; что сходные законодательные акты существовали в прошлом, — я считал, что наша цель — привлечение государственного внимания к архивам — в известной мере была выполнена.

Подготовка документальных выставок, тематически приуроченных к заседаниям съезда народных депутатов, была сохранена и в дальнейшем. Выставка фотодокументов, позволявшая увидеть советскую историю в её неубиленной разнообразии, была открыта в Большом Кремлевском дворце в марте 1991 года. 10 июля 1991 г. в Кремлевском дворце съездов впервые в истории России состоялась процедура вступления в должность Президента России. В фойе Дворца съездов, под гербами советских республик, были развёрнуты выставки основных законодательных актов России за всю её историю, государственных наград России и СССР с XVI до XX в., духовных реликвий — священных книг всех конфессий страны — православия, мусульманства, буддизма, иудаизма, католицизма и протестантизма.

Сложилась ещё одна функция у архивного ведомства. Оно стало источником представления исторической информации для руководства России. Причина ясна. Россия не имела ни своей Академии наук (существовали академии во всех союзных республиках, была АН СССР). Единственным учреждением, подчинённым российскому правительству и связанным с историческими исследованиями, стал Комитет по делам архивов при Совмине РСФСР. Архивистам пришлось представлять в Правительство сведения по организации государственной службы в Российской империи, истории казачества, ряду вопросов внешней политики СССР; участвовать в межправительственных комиссиях по военнопленным (Россия — США), по так называемому Катынскому делу и ряду других.

Герб России

Уходит время, а вместе с ним рискуют уйти в небытие многие обстоятельства, связанные с начальными этапами нового этапа развития государственной геральдики в России в начале 90-х гг. XX в. в их неотъемлемой связи с реформами этого времени. Как любые действительно крупные реформы, они не могли быть прописаны и просчитаны заранее. Это касается и той части политических реформ (именно политических!), которые были связаны с появлением геральдики Российской Федерации. В этой связи я хочу высказать своё глубокое убеждение, что герботворчество — это отнюдь не только историко-культурное явление¹⁶⁷, но и, прежде всего — часть политического процесса, облеченного в специфические рамки геральдики.

¹⁶⁶ Россия: Государственная символика. Опыт законоотворчества (XV - XX вв.)//Советские архивы, 1991, № 1. С. 15

¹⁶⁷ См.: Каменцева Е.И. Двуглавый орел: снова в полете?//Родина, 1991, № 5. С.45

История российской геральдики 90-х гг. XX в. неразрывно связана с драматической судьбой принятия Конституции 1993 г.

Напомню, что уже с января 1990 г. в ЦК КПСС было принято решение о разработке концепции о повышении роли России в СССР, что должно было стать аргументом против оппозиционной «Демократической России» и её лидера – Б.Н. Ельцина. Именно кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совмина РСФСР А.В. Власов открыл путь к изменению государственной символики. 11 мая 1990 г., за пять дней до открытия 1 Съезда народных депутатов РСФСР было принято Постановление № 150 «Об организации работы по созданию Государственного гимна РСФСР» и была образована большая комиссия, которая должна была создать новый гимн. Как известно, Россия была единственной республикой, не имевшей своего гимна. С развернутой программой суверенитета на первом Съезде народных депутатов РСФСР выступали В.И. Воротников – тогда – Председатель Верховного Совета РСФСР и А.В. Власов – тогда Председатель Совета Министров РСФСР. Однако идея ограниченного суверенитета под контролем КПСС не получила поддержки участников съезда.

Съезд избрал Председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина, принял 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете и завершил свою работу 16 июня Постановлением «Об образовании Конституционной комиссии». Планировалось, что новая Конституция будет принята на II Съезде народных депутатов РСФСР.. В ноябре-декабре 1990 г. планировалось организовать обсуждение проекта Конституции и вынести этот документ на утверждение Съезда¹⁶⁸. В ноябре 1990 г. проект Конституции был опубликован огромным тиражом. В проекте содержалась глава XXIX. Столица и государственные символы Федерации¹⁶⁹. Обсуждение этого вопроса становилось неизбежным.

В ходе подготовки выставки «История российской государственности: законодательство, управление, символика» был выявлен значительный массив материалов по истории отечественной геральдики. Приведу только один пример: был экспонирован 21 вариант проектов Государственного флага РСФСР, которые разрабатывались в 1947-1953 гг.

В это время в официальной рассылке я получил Постановление Совета Министров РСФСР от 5 ноября 1990 г. «Об организации работы по созданию государственного флага и Государственного герба Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». Этим постановлением создавалась Комиссия по созданию Государственного флага и Государственного герба Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, которая должна была в трехмесячный срок представить в Совет Министров РСФСР проекты макетов флага и герба.

Связь этого решения с подготовкой нового проекта Конституции была очевидной.

Комиссию возглавлял заместитель Председателя Совмина РСФСР Н.Г. Малышев, его заместителями были министр иностранных дел А.В. Козырев, министр юстиции Н.В. Федоров, Ю.М. Соломин - министр культуры РСФСР. В комиссии было около 30 человек – писатели, актеры, космонавты. Были депутаты - Ф.Д. Поленов, председатель Комиссии по культуре Совета Республики ВС РСФСР и Р.С. Мухамадиев, председатель Комиссии по культурному и природному наследию народов Российской Федерации Совета Национальностей ВС РСФСР. Руководитель архивного ведомства в этом перечне не значился.

¹⁶⁸ Румянцев О.Г. Конституция Девяносто третьего. История явления (Документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990-1993 годов.). — Второе, исправленное. — Москва: ЗАО «Библиотечка РГ», 2013. С. 71-72.

¹⁶⁹ Там же. С. 80

Не будучи искушённым в аппаратных обычаях и полагая, что без архивистов этот вопрос обсуждаться не должен, я отправился на это заседание. Н.Г. Малышев, еще недавно – ректор Таганрогского государственного радиотехнического института, – похоже, не очень был готов к этому заседанию. Начали обсуждение с вопроса о гимне, который уже полагалось утвердить, но в бурных событиях лета – осени 1990 г. о Постановлении Совмина от 11 мая 1990 г., похоже, забыли. Слово взял Ф.Д. Поленов, который решительно заявил, что гимном России должна стать Патриотическая песня М. Глинки, и он не представляет никакого иного варианта Государственного гимна. Предложение Ф.Д. Поленова не вызвало возражений. Позже, 23 ноября 1990 г. Верховный Совет РСФСР единогласно утвердил эту мелодию в качестве Государственного гимна России.

Вопрос с гербом и флагом начался с вялых рассуждений о том, что и прежние флаг и герб не плохи. Тогда в обсуждение пришлось вмешаться мне. Я начал с того, что во всех странах Восточной Европы прежние гербы или были заменены полностью, как в Венгрии, или лишились элементов коммунистической символики, как произошло в Польше и Чехословакии. И не нужно быть большим пророком, чтобы предвидеть, что и в России произойдет то же. В условиях реальной многопартийности эта особенность советской геральдики заранее закладывает поводы для политических конфликтов. Появление трехцветных флажков у ряда депутатов Съезда – это только первый звонок. По моему мнению, в России с неизбежностью произойдет процесс возрождения исторической государственной геральдики. И, наконец, российская геральдика – двуглавый орёл и трёхцветный флаг – символически связаны с созданием единого Российского государства в конце XV в., а также с победами Петра I. Они, по сути, могут выполнять функцию объединения граждан страны вокруг её истории и её символики.

Самая идея – вернуться к двуглавному орлу – вызвала тогда ряд возражений. Но несовершенство собственно герба РСФСР было достаточно очевидно, едва ли не самым доходчивым был мой аргумент, что надпись на Государственном гербе названия страны также странна, как подпись – полковник – на мундире с полковничьими звездами. Очевидно и другое – разработка новой государственной геральдики требует общественных обсуждений, необходимо готовить общественное мнение.

Кончилось обсуждение тем, что Н.Г. Малышев поручил Комитету по делам архивов организовать работу «круглого стола» с участием историков, сотрудников музеев, народных депутатов, представителей общественности. Не уверен, что это решение было оформлено письменно, по крайней мере, мне не удалось отыскать его официальный вариант.

В период с ноября 1990 до декабря 1991 шли интенсивные консультации со специалистами в области геральдики.

Срочность в принятии новой государственной геральдики на время отступила. В процессе подготовки II Съезда народных депутатов РСФСР на заседании Президиума Верховного Совета обсуждался вопрос: что важнее для России – принять Закон о земле, дающий право частной собственности на землю, или принятие новой Конституции? Оба вопроса должны были вызвать бурные споры на Съезде. Было принято решение – отложить вопрос о Конституции до более спокойного времени. Замечу – это стало стратегической ошибкой, спровоцировавшей углубление конституционно-политического кризиса и трагические события 1993 г.¹⁷⁰ Но для обсуждения государственной геральдики Российской Федерации это дало дополнительное время. .

---

¹⁷⁰ Президент и Советы: политико-конституционный кризис 1993 г. // Куда идет Россия?... Формальные институты и реальные практики. 2002 : междунар. симпозиум, 18–19 янв. 2002 г. М. : Моск. высшая шк. социальных и гуманитарных наук, 2002. С. 341–352

Все заседания проходили открыто, широко освещались прессой¹⁷¹.

Совещания комиссии с участием художников, историков, музейщиков, народных депутатов РСФСР, журналистов проходили едва ли не еженедельно. Активное участие в нем принимали сотрудники института российской истории В.А. Артамонов и Н.А. Соболева, исторического музея – С.В. Думин, А.С. Мельникова, историко-архивного института – Е.И. Каменцева, депутаты Ф.Д. Поленов, Р.С. Мухамадиев. «Летописцем» комиссии стал сотрудник Роскомархива В.Н. Сапрыков, регулярно публиковавшим в прессе сведения о дискуссиях на комиссии. Новый, более высокий качественный уровень обсуждения геральдических вопросов был достигнут тогда, когда активное участие в работе комиссии принял Г.В. Вилинбахов, тогда – заведующий сектором знаменного отдела Эрмитажа. Уже в это время появилась идея возвращения Государственной герольдии в систему органов управления России.

Г.В. Вилинбахов

Рассматривались возможности модифицировать советскую символику, придумать новую, используя для этого едва ли не всю флору и фауну России.

Но и к обращению к историческому двуглавному орлу было не просто. Спорными вопросами стали:

- следовать ли русской традиции изображения всадника на гербе, сохранявшейся до 1856 г., или сохранить те изменения, которые были проведены по германской геральдической системе бароном Б. Кене и просуществовали до февраля 1917 г.?

- Какие цвета следовало использовать в гербе?

- Быть ли над двуглавым орлом изображениям императорских корон?

За этими деталями скрывался главный вопрос. Должен ли новый российский герб точно соответствовать старому, императорскому, или он будет воплощать новый этап в развитии государственности России менявшейся, но сохранявшей верность историческим традициям? За этими, на первый взгляд, мелочами скрывались глубокие политические, исторические, культурные смыслы.

Серьезные возражения звучали от представителей национальных регионов, которые не хотели видеть сохранение имперских символов, звучали и возражения против использования религиозной символики в гербе. Был и другой аргумент – столь же звонкий,

¹⁷¹ Материалы «круглого стола» были опубликованы в различных периодических изданиях (Герасимова Н. Двуглавый орел: взгляд справа и слева // Ленинские искры. 1991. 21 марта. № 12; Корякин Р. Двуглавый орел: прерванный полет // Союз. 1991. Март. № 13; Монахов В., Сапрыков В. Герб и флаг: какими им быть? // Народный депутат. 1991. № 5; Каменцева Е.И. Двуглавый орел: снова в полете? Какой быть государственной символике России? // Родина. 1991. № 5. С. 44–47).

как и бездоказательный – «народ не примет».

Игнорировать эти возражения было нельзя. Отмечу, что широкое, открытое обсуждение этих вопросов в прессе, на телевидении постепенно готовило общество к возможности замены прежней коммунистической символики.

В марте 1991 г. Правительственной комиссии были представлены предложения: принять государственный бело-сине-красный флаг и изображение двуглавого золотого орла на красном поле в качестве государственного герба¹⁷².

События августа 1991 г. придали новый уровень актуальности геральдической символики. Защитники Белого дома выходили на баррикады под бело-сине-красными флагами. 21 августа над зданием Верховного Совета РСФСР был поднят триколор, который находился в кабинете министра внешнеэкономических связей РСФСР В.Н. Ярошенко. Необходимо было срочно подготовить проект Постановления Верховного Совета РСФСР о флаге РСФСР. Я тогда находился в Белом доме и должен был практически немедленно подготовить этот текст. Не скрою, что скоропостижность происходящего требовала таких решений, которые хотя бы на некоторое время могли противостоять неизбежным обвинениям в возвращении «имперской символики», «власовского флага». Поэтому я обратился Указу царя Алексея Михайловича 1668 г. о приобретении ткани для флага корабля «Орел» - белого, лазоревого и алого цветов. Из полемики конца XIX в. О соотношениях в государственной геральдики черно-желто-белого и бело-сине-красного флагов я использовал формулу – «национальный флаг». Как нетрудно заметить, при подготовке проекта постановления я стремился подчеркнуть легитимность и «доимперскость» триколора. В этот же день постановление было принято. Спустя некоторое время в описании Государственного флага были внесены важные уточнения цвета флага определены как белый, синий и красный, а термин – национальный – заменен на государственный.

Вторая половина 1991 г. характеризовалась обострением споров вокруг проекта Государственного герба. Представители национальных республик и регионов в составе России резко критиковали всякие попытки возвращения к имперской символике. Предпринимались попытки возродить в том или ином виде советскую геральдику. Были многочисленные предложения по созданию новой геральдики на основе широкого набора из списка отечественной флоры и фауны¹⁷³.

Отмечу и еще одно существенное обстоятельство. С ноября 1991 г., по мере принятия решения о радикальной экономической реформы и создания правительства под руководством Ельцина-Гайдара отношения между президентом и Верховным Советом РСФСР стали быстро осложняться. Предстоящая процедура утверждения Государственного герба как элемента будущей Конституции, согласно действовавшей тогда законодательной практики, целиком зависела от Верховного Совета и Съезда. Отсюда стремление найти такое решение будущего герба, которое бы вызвало наименьшие возражения. Так как главная атака шла на «имперские атрибуты» герба, то к концу 1991 г. комиссия предложила рассмотреть для последующего утверждения два рисунка Государственного герба, которые восходили к гербу Временного правительства. Один из этих рисунков был сходен с рисунком И. Билибина, второй вариант был создан Е.И. Ухналевым.

Оба этих рисунка были представлены Правительству и Президенту¹⁷⁴. Ни Правительство, ни Президент не могли тогда утвердить герб, так как это было частью

¹⁷² Вилинбахов Г. В. Государственный герб России, 500 лет. СПб, 1997. С. 51–53.

¹⁷³ Подробное и сочувственное изложение альтернативных проектов см.: Соболева Н.А. Идентичность Российского государства языком знаков и символов эмблематики, геральдики, сфрагистики, вексиллологии. М., 2018. С. 623–629

¹⁷⁴ Российская газета, 21 декабря 1991 г.

конституционного процесса. Этот вариант, благодаря Г.Г. Матюхину, председателю Центробанка России, стал знаком Государственного Банка, печатался на деньгах и немало поспособствовал «привыканию» населения к двуглавному орлу.

На обсуждении проекта герба в апреле 1992 г. в Верховном совете «президентский» (будем называть его так) герб был подвергнут критике. В качестве альтернативы было предложено, по существу, возвратиться к императорскому орлу – с тремя коронами, скипетром и державой, черному на золотом щите.

Это предложение не было принято, в качестве поправки к Конституции только заменили слова – Российская Советская Федеративная Социалистическая республика – на Российская Федерация. Следует признать, что критику в наш адрес – отсутствие корон, скипетра и державы мной была воспринята с полным удовольствием. Это позволяло вернуть их на рекомендованный нашей комиссией проект – золотого орла на красном щите. – и короны, и скипетр с державой.

Постановлением Правительства 20 февраля была создана на правах самостоятельного управления Комитета по делам архивов Государственная геральдическая служба РФ¹⁷⁵. 22 декабря 1992 г. в новом Положении о Государственной архивной службе России было зафиксировано, что Государственная архивная служба «является центральным органом федеральной власти, осуществляющей государственную политику в области архивного дела и геральдики»¹⁷⁶.

Новые и бурные события развернулись в октябре-ноябре 1993 г. Решение о принятии новой Конституции в условиях всенародного референдума и последовавший затем разгон Верховного Совета и Съезда РФ потребовал утверждение в Конституции новой государственной символики. 16 ноября 1993 года распоряжением Президента была создана комиссия по разработке Государственного герба. Президент своим распоряжением (№740-рп) назначил комиссию по разработке герба. Председателем комиссии был назначен Главный государственный архивист России Р.Г. Пихоя; в комиссию вошли Г.В. Вилинбахов (начальник Геральдического управления Росархива), представителя ряда ведомств – МИДа, Пограничной службы, министерства культуры и ряда других.

По существу, вся подготовительная работа была уже проделана. Проект Указа Президента подготавливали помощник Президента по национальной безопасности Ю.М. Батулин, помощник Президента по правовым вопросам М.А. Краснов, Г.В. Вилинбахов, я как Главный государственный архивист России. В процессе подготовки документа было решено использовать формулу – рисунок Государственного герба – (предложение Г.В. Вилинбахова), с тем, чтобы предусмотреть использование герба на различных покрытиях – от зданий и сооружений до фирменных бланков.

Окончательный вариант проекта Указа докладывать Президенту пришлось мне. Для

¹⁷⁵ Постановление Правительства от 20 февраля 1992 г, № 102

¹⁷⁶ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. № 4. Постановление Правительства от 20 февраля 1992 г, № 102. 1993. С. 346-351

того, чтобы обосновать возможность различных изображений Государственного герба, я использовал заранее заготовленный приём: достал из кармана три германских монеты – номиналом в 1, 2 и 5 марки. Германский орел каждый раз сильно отличался – если на монете в одну марку он действительно походил на птицу, то на монете в 5 марок он превращался в стилизованное, едва ли не закованное в сталь существо.

Б.Н. Ельцин, согласившись и с описанием и рисунком герба, подготовленном Е.И. Ухналевым, попросил объяснить значение отдельных элементов герба, с тем, чтобы и он, в свою очередь, смог ответить на эти вопросы. Скипетр, сказал я – это ударное оружие, булава, которой защищают государство¹⁷⁷, а держава – символ единства страны. На вопрос – почему над двуглавым орлом три короны, я сказал, что в истории отечественной геральдики была и одна, и две, и три короны. Новый вопрос Ельцина – а как же объяснять – я сымпровизировал – скажите, что это символ трех властей – законодательной, исполнительной и судебной..

30 ноября 1993 года Президент России подписал Указ №2050 "О Государственном гербе Российской Федерации".

Пожалуй, последним событием, связывавшим меня с геральдической практикой, стало предложение о создании Президентского штандарта. Его проект мы придумывали вместе с Г.В. Вилинбаховым. Известно, что цвет президентских штандартов далеко не всегда совпадает государственным флагом. Поэтому было предложено два варианта. Первый – триколор с золотым орлом в центре, второй – темно-красный («чермный», напоминающий о таком стяге Дмитрия Донского). Не скрою, мне больше нравился второй вариант. Да и красный цвет хотелось сохранить в государственной символике России. Но обсуждения на этот раз не было. Борис Николаевич решительно высказался за то, чтобы штандарт Президента состоял из бело-сине-красного штандарта, на полотнище которого помещался золотой двуглавый орел. 15 февраля 1994 года президент Б. Н. Ельцин утвердил своим указом штандарт президента в качестве высшего символа президентской власти в Российской Федерации.

Штандарт Президента России.

Борьба за Закон об архивах.

В России, как и в СССР, не было Закона об архивах. Недопустимость (и неприличие) такого положения привели к ряду попыток создать проект Закона об архивах СССР и предложить его для принятия Верховному Совету СССР. Практически одновременно были подготовлены два таких документа. Первый был разработан в Главархиве СССР, второй — группой историков и юристов. В этих проектах ясно отразилась политическая борьба того времени. Первый, главархивовский, проект представлял собой стремление оформить в законодательном виде и сохранить ту практику, которая сложилась в деятельности

¹⁷⁷ Сведения о том, что скипетр – это посох, восходящий к египетским фараонам и епископским жезлам было бы слишком запутано, да и не очень убедительно.

Главархива СССР. Второй — радикальную попытку пересмотреть, а в ряде случаев и сломать эту практику.

Вместе с тем проект содержал положения, согласно которым постоянное государственное хранение могли осуществлять не только государственные архивы, но и министерства и ведомства СССР. Среди них Министерства иностранных дел, обороны, внутренних дел, общего машиностроения, атомной энергетики, КГБ и ряд отраслевых фондов министерств и ведомств.

В проекте ни слова не говорилось об отношении к архивному фонду КПСС. Архивный фонд СССР представлялся прежде всего государственным архивным фондом, государство имело право учёта документов не только в принадлежащих ему предприятиях, но и «в профсоюзных, кооперативных, творческих и иных общественных организациях», при этом порядок их учёта устанавливался государством.

Проект закона, по сути, предусматривал предоставление Государственной архивной службе, министерствам и ведомствам, ведомственным архивам право предварительной цензуры. Это право возникало из обязанности «министерств, государственных комитетов, ведомств, профсоюзных, кооперативных, творческих и иных общественных организаций, ...граждан, пользующихся документами Архивного фонда СССР», нести ответственность за искажение или фальсификацию содержащейся в ней информации». Не трудно сообразить, что из этого бы следовал тотальный контроль и за предоставлением информации, и за её последующим использованием. В проекте содержалась и детальная проработка отдельных архивных технологий, более уместная скорее в ведомственном положении, чем в законе.

Альтернативный официальному проект был, прежде всего, попыткой дать не ведомственные инструкции, а определить именно правовые нормы регулирования архивной деятельности. Авторами альтернативного проекта Закона СССР «Об архивах» были Ю. М. Батулин, Б. С. Илизаров, А. Б. Каменский, М. А. Федотов, Э. И. Ханпира, О. В. Щемелева, В. Л. Энтин

Читая этот проект, трудно отрешиться от его оценки не только как правового документа, но и памятника политической мысли того недавнего времени. Предусматривалось, что Закон СССР об архивном деле и архивах будет законом прямого действия. Ясно просматривалось стремление исключить ведомственный произвол при его интерпретации. Ведомству — Главархиву СССР — составители не верили и попытались это ведомство истребить. На его месте предполагалось создать Главную архивную комиссию при Верховном Совете СССР, куда должны были войти народные депутаты СССР, представители КПСС и иных общественных организаций (уравнять в ту пору — летом 1989 г.¹⁷⁸ — КПСС с иными общественными организациями — это был поступок!), а также научных и религиозных объединений.

Через весь проект закона проходят три основных положения: право создавать и хранить архивы государству, общественным объединениям и гражданам, защита этого права от произвола государства, а также тщательно расписанные права граждан на получение архивной информации. В связи с этим проектом закона запрещалось создание тайных архивов, «то есть архивных учреждений, не заявивших о себе публично через средства массовой информации»; а также не допускалось создание отраслевых архивов, имевших право постоянного хранения документов. Обратной стороной этого документа стало наличие в нём ряда положений, либо не имевших отношения к практике архивного дела (например, статья об «архивной находке»), либо недостаточно чётко определявшими отношения государства с негосударственными архивными учреждениями, с архивными

---

¹⁷⁸ Основанием для датировки служит экземпляр «инициативного авторского проекта», подписанный 7 июня 1989 г.

учреждениями субъектов СССР.

Попытки принять Закон об архивах, в любой его редакции, так и не были реализованы Верховным Советом СССР. СССР остался государством без архивного законодательства.

Союзного закона об архивах не было. Не было и российского. Поэтому с начала 1991 г. активизировалась работа над проектом российского закона. Первоначально следовало решить, на какой основе должен возникнуть документ. После споров было принято решение — создавать заново, учитывая, естественно, все предшествовавшие попытки. Тщательно изучался и международный опыт. В группу разработчиков вошли представители двух групп, считавшихся обычно соперничавшими: историки — «пользователи» и архивисты — «хранители». Во время разработки закона его авторами были:

- прекрасный знаток организации архивного дела, первый заместитель председателя Роскомархива В. А. Тюнеев;
- некоторые авторы инициативного проекта — заведующий кафедрой Историко-архивного института Б. С. Илизаров, организатор и директор первого в России общественного негосударственного архива, доцент РГГУ А. Б. Каменский;
- а также председатель Роскомархива Р. Г. Пихоя, председатель Археологической комиссии АН СССР С. О. Шмидт, учёный секретарь Отделения истории АН СССР д. и. н. В. П. Козлов, председатель Российского общества историков-архивистов член-корреспондент АН СССР Я. Н. Щапов.

Позже к разработке закона активно подключился начальник организационно-планового отдела Роскомархива А. Н. Артизов.

Так изначально закладывалась «проверка на прочность» каждой будущей статьи. Важно было то, что среди разработчиков были и сторонники союзного главархивовского проекта как более «технологичного», и их оппоненты — защитники тех подходов, которые были выражены в альтернативном проекте. То, что за одним столом собрались люди разных, зачастую противоположных подходов к организации архивного дела, уже было удачей. Авторы инициативного проекта отказались сотрудничать с союзным главком, заявив, что не дают «согласия на заимствование идей и положений нашего проекта» для Главархива СССР и его сотрудников¹⁷⁹.

Работа велась практически постоянно в течение полугода, пока не появился первый вариант Закона Российской Федерации «Об Архивном фонде РСФСР и архивах», представленный летом 1991 г. в Комиссию по культуре Верховного Совета РСФСР. Оставим вопрос о тех жарких дискуссиях, когда, казалось, исчезала сама возможность дальнейшей совместной работы. Тогда появлялась из приёмной секретарь Зоя Васильевна и приносила в мой кабинет, где и велись споры, чай с печеньем для всех участников обсуждения. После короткого перерыва обсуждение продолжалось. Интересы создания закона и неизменно профессиональные дискуссии создавали действительно творческую обстановку.

В процессе разработки проекта пришлось решить ряд новых задач. Первая среди них — это учёт федеральной природы России, распределение ответственности между федерацией и её субъектами. Закон обладает прямым действием по отношению к архивным учреждениям федерального подчинения, а в субъектах Российской Федерации его нормы должны осуществляться через местные нормативные акты. Вторая проблема была связана с учётом многообразия форм собственности, существующих в стране. Это, в свою очередь, потребовало предусмотреть в составе Архивного фонда России государственной и негосударственной части. Право постоянного хранения документов государственного

¹⁷⁹ Об инициативном проекте... С. 19.

происхождения архивное законодательство предоставляет только учреждениям Государственной архивной службы.

К лету 1991 г. проект закона «вчерне» был готов и мог быть представлен для обсуждения в комитетах и комиссиях Верховного Совета РСФСР.

Задача формирования (точнее — воссоздания) Архивного фонда России приобрела особую остроту после принятия Постановления Верховного Совета РСФСР от 25 декабря 1990 г. «О неотложных мерах по сохранению национального культурного и природного наследия народов РСФСР»¹⁸⁰. Расположенные на территории РСФСР историко-культурные памятники объявлялись «достоянием многонационального народа РСФСР». Специально указывалось, что «не подлежат приватизации... ценности, хранящиеся в государственных музеях, архивах и библиотеках включая помещения и здания, где они расположены».

Важным случаем применения этого Постановления стал давний спор о российских архивах в союзной юрисдикции. Как уже отмечалось, после перехода Центрального архивного управления СССР и РСФСР в ведение НКВД СССР архивные учреждения в союзных республиках оказались в подчинении наркоматов внутренних дел этих республик. Но наркомат внутренних дел РСФСР был упразднён ещё в 1930 году. Поэтому центральные архивы Москвы и Ленинграда, хранившие важнейшие документы русской истории XV — начала XX в., были автоматически причислены к союзному ведомству. Так изящно-бюрократически был решён давний спор в советском архивоведении о том, какие документы имеют общесоюзное значение. Выяснилось, что эта роль была отведена российским историческим документам.

С конца 80-х гг., в условиях начавшейся суверенизации, положение стало меняться радикально. Именно тогда вслух заговорили о необходимости передать в союзные республики документы, «представляющие для них исторический интерес». Столь же неопределённая, сколь и агрессивна наступательная тактика заставляла вспомнить о временах начала 20-х гг., когда, руководствуясь своеобразно понятой политической целесообразностью и полностью игнорируя мнение российских историков, руководство СССР обязало передать в союзные республики и ряду соседних государств значительные объёмы архивных документов. Причём отданы не только архивные фонды, эвакуированные на территорию России в годы I мировой и Гражданской войн (что можно объяснить), но и те, которые были созданы в России, но затрагивали в разной мере историю других народов, живших в Российской империи. Спор об истории архивного строительства в России утрачивал в этих условиях прежний академический характер. Возникла реальная угроза разрушения исторически сложившихся комплексов документов. Понятно, что особую тревогу вызывала судьба исторических архивов, хранивших дореволюционные фонды. Поэтому Роскомархив обратился в правительство РСФСР со своими предложениями. Правительство России поддержало позицию Роскомархива.

19 января 1991 г. Председатель Совета Министров РСФСР И. С. Силаев направил в Совет Министров СССР предложение о передаче РСФСР ряда центральных государственных архивов СССР. В письме сообщалось: «Руководствуясь Декларацией с государственным суверенитете России, Совет Министров РСФСР приступает к формированию Архивного фонда РСФСР. Практическое решение этой задачи поручено Комитету по делам архивов при Совете Министров РСФСР (Роскомархиву). Просим обязать Главное архивное управление при Совете Министров СССР передать Роскомархиву центральные государственные архивы СССР, хранящие документы, образовавшиеся в период Древней Руси, Русского централизованного государства и России XVIII — начала XX века, документы по истории литературы и искусства народов России, кинофотодокументы, научно-техническую документацию, созданную учреждениями,

¹⁸⁰ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. М., 1990. № 30. [Док.] 420.

организациями и предприятиями, действующими на территории РСФСР, ...а также документы высших органов государственной власти и органов государственного управления РСФСР до образования СССР, хранящиеся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР.»

В приложении к этому письму следовал перечень архивов, на которые претендовала Россия. Это были:

- Центральный государственный архив древних актов СССР;
- Центральный государственный исторический архив СССР;
- Центральный государственный военно-исторический архив СССР;
- Центральный государственный архив военно-морского флота СССР;
- Центральный государственный архив литературы и искусства СССР;
- Центральный государственный архив кинофотодокументов СССР;
- Центральный государственный архив научно-технической документации СССР.¹⁸¹

Кабинет Министров СССР поручил начальнику Главархива СССР Ф. М. Ваганову и заместителю министра СССР С. Г. Луцикову подготовить ответ российскому правительству.

29 января 1991 г. начальник Главархива СССР Ф. М. Ваганов ответил со всей решительностью и непримиримостью: «Постановка Советом Министров РСФСР вопроса о передаче РСФСР 8-ми Центральными государственными архивами СССР, хранящих документы Государственного архивного фонда СССР союзного значения, не имеет правовой основы. Общеизвестно, что правопреемником Российской империи является Союз Советских Социалистических Республик. Следовательно, и архивные документы, находившиеся до 1917 г. в ведении Российской империи, в соответствии с декретом СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. “О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР”, подписанным В. И. Лениным, были национализированы и на их базе образован единый Государственный архивный фонд Советского Социалистического государства».

Первый заместитель министра юстиции СССР И. С. Самощенко отвечал намного осторожнее. В письме сообщалось, что «в соответствии со статьёй 22 Закона СССР “О собственности в СССР” культурные и исторические ценности народов союзной республики находятся в собственности союзной республики. Вместе с тем, согласно Постановлению Верховного Совета СССР от 6 марта 1990 г. положения Закона “О собственности в СССР”, относящиеся к государственной собственности: общесоюзной собственности, собственности союзных республик, автономных республик, автономных областей, автономных округов и коммунальной собственности, вступают в силу по мере разграничения имущества между указанными видами собственности. ...Полагаем, что вопрос, поставленный в письме Совета Министров РСФСР, может быть рассмотрен в ходе переговоров при выполнении указанного постановления, которым также предусматривается, что *в собственность союзных республик должно входить имущество предприятий, учреждений и организаций союзного подчинения, передаваемых в собственность союзных республик*» (курсив мой. — Р. П.)¹⁸².

И, как говорил Президент СССР М. С. Горбачев, «процесс пошёл».

¹⁸¹ Росархив. Текущий архив.

¹⁸² Росархив. Текущий архив. — Особо отмечу. Начальник Главархива СССР Ф. М. Ваганов прямо утверждал право собственности союзных республик на часть документов центральных архивов СССР.

Премьер-министр СССР В. Павлов дал поручение вице-премьеру академику Н. П. Лавёрычеву, министрам культуры Н. Н. Губенко, юстиции — С. Г. Лушикову¹⁸³, начальнику Главархива СССР Ф. М. Ваганову, при участии Археографической комиссии, заинтересованных министерств и ведомств дополнительно рассмотреть письмо И. С. Силаева и внести предложения в Правительство СССР.

В свою очередь, председатель Совмина РСФСР И. С. Силаев 28 марта 1991 г. распорядился: руководителю Комитета по делам архивов при Совете Министров РСФСР Р. Г. Пихое и министру юстиции РСФСР Н. В. Фёдорову «принять участие в рассмотрении. О результатах проинформируйте Совет Министров РСФСР.

Роскомархив не без ехидства отвечал, возражая на письмо ГАУ СССР: «Считаем... необходимым указать на политическую двусмысленность заявления об “общеизвестности, что правопреемником Российской империи является Союз Советских Социалистических Республик”. Такое утверждение не отвечает сути договорного процесса советских республик, объединившихся в Союз в декабре 1922 г.».

Указывалось, что заключение Ф. М. Ваганова «вступает в противоречие с Законом СССР “О собственности в СССР”, согласно которому культурные и исторические ценности народов союзной республики находятся в собственности союзной республики. К сожалению, в заключении Главархива СССР обойден вниманием факт передачи в 30-х — начале 40-х гг. из ведения РСФСР в ведение СССР исторически сложившихся центральных архивов Российской Федерации, в которых к тому времени были сконцентрированы документы по истории России с древнейших времен»¹⁸⁴.

В обстановке нараставшего конфликта между Роскомархивом и Главархивом СССР, между союзными и республиканскими органами управления руководство союзного главка провело совещание с руководителями архивных ведомств союзных республик. 23-24 апреля 1991 г. в здании Центрального государственного архива древних актов, на втором этаже которого находилось ГАУ при Кабинете Министров СССР, собрались руководители органов государственного управления архивным делом 12 республик. На совещание не приехали архивисты Литвы и Эстонии, а также руководитель архивного ведомства Армении.

Совещание должно было ответить на один вопрос — как дальше управлять архивным делом в Советском Союзе, когда уже было ясно, что государство не сохранится в прежнем виде. Уже полным ходом шёл так называемый Ново-Огарёвский процесс, Президент СССР М. С. Горбачев вёл переговоры с руководителями союзных республик, подготавливался текст нового Союзного договора, и ясно было, что в будущем Союзе, если он состоится, не будет ни трёх прибалтийских республик, ни Грузии и Молдавии. В условиях «войны суверенитетов» республик и союзного центра начался болезненный пересмотр отношений между ведомствами.

Перед совещанием Главархив СССР разослал свои предложения о будущей системе государственного управления архивным делом. Вполне естественно, что в этих предложениях обосновывалась необходимость сохранения Главархива СССР и тех функций, которые были у него прежде. Это:

- сохранение архивного дела как самостоятельной отрасли, ведение единой архивной политики, единой системы архивных учреждений, единого Архивного фонда СССР ;
- разработка перспектив развития архивного дела, решение вопросов об оплате архивистов, представление интересов отрасли в союзных органах власти и управления;

¹⁸³ 2 марта 1991 г. С. Г. Лушиков был назначен министром юстиции СССР.

¹⁸⁴ Росархив. Текущий архив.

подготовка кадров высшей квалификации по архивному делу¹.

Начальник Главархива СССР Ф. М. Ваганов выступал бюрократически правильно и скучно. Он сообщил, что Кабинет Министров СССР в своём Постановлении от 13 апреля № 176 «О порядке реализации Законов СССР «О Кабинете Министров СССР» и «О перечне министерств и других центральных органов государственного управления СССР», сохранил в числе органов государственного управления Главное архивное управление при Кабинете Министров СССР. Он сообщил, что в новом положении о ведомстве должно быть отражено, какие полномочия республики передают союзному ведомству.

Руководители республиканских архивных ведомств поддержали сохранение Главархива в системе союзных ведомств¹⁸⁵.

Прочитую стенограмму:

«Р. Г. Пихоя, председатель Роскомархива: Роскомархив считает целесообразным наличие союзного органа управления архивным делом в новых социально-политических реалиях развития СССР.

3. П. Махарадзе, начальник Грузинского республиканского государственного научно-производственного объединения „Мематиане“: Необходимо сохранение органов государственного управления архивным делом, повторяю, сохранение и развитие профессиональных, творческих и организационных связей между ними...

С. Б. Байжанов, начальник Главархива Казахской ССР : У казахстанских архивистов однозначное мнение — общесоюзный орган управления архивным делом в стране нужен и в новых условиях федеративного устройства и суверенности республик, нас устраивает единение, а не разъединение...

Б. В. Иваненко, начальник Главархива Украинской ССР : Орган по управлению архивным делом, несомненно, нужен. Это доказывает опыт цивилизованных стран. Но мы против сохранения Главархива СССР с его нынешними функциями, тем более практикой»¹⁸⁶. Руководитель украинских архивов поднял проблему несоответствия функций союзного Главархива новым политическим реалиям. Эта тема в дальнейшем стала главной.

Представляя российское ведомство, я заявлял, что союзному главку следует делегировать только те функции, которые отсутствуют у республиканских архивных ведомств. *«Прежде всего, это представление интересов государственной архивной службы СССР в союзном правительстве. Такое представительство целесообразно для решения проблем укрепления материальной базы архивов как центров культуры народов СССР, участия в защите социальных интересов работников отрасли. Другое дело, что союзный главк не проявил необходимой последовательности и настойчивости для постановки перед правительством решения этих проблем, и последний Указ Президента СССР коснулся лишь неотложных мер по развитию крупнейших библиотек страны, но не затронул архивы».*

По моему мнению, Главархив СССР должен быть прежде всего научно-методическим центром, уже потому, что в его структуре были два научно-исследовательских центра — Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела и Научно-исследовательский центр космической документации СССР.

По мнению Роскомархива, союзный главк не должен дублировать республиканские органы управления. Зачем, например, Главархиву СССР рассматривать на своей коллегии

¹⁸⁵ Встреча с руководителями архивных ведомств в Главархиве СССР // СА. 1991. № 4. С. 4.

¹⁸⁶ Там же. С. 4-5.

вопрос о работе Лихославльского и Кув-шиновского райгосархивов Тверской области по организации использования документов? Эта тема не союзного, а в лучшем случае областного уровня, годящегося для обсуждения в областных архивных отделах.

Наши предложения, что Главархиву СССР следует оставить функции представительства в союзных органах и научно-методическое обеспечение отрасли, поддержали руководители республиканских ведомств Грузии, Украины, Казахстана, Узбекистана.

Наиболее радикально высказался представитель Молдавии М. М. Гициу. Он заявил: «В прежнем виде Главархив СССР не нужен, он не будет удовлетворять требованиям всех, присутствующих на этом совещании. Главархив СССР как центр научно-методической работы — это воспринимается».

С серьёзными замечаниями выступил Б. В. Иваненко. Соглашаясь с ролью Главархива СССР как центра единой научной, технической, технологической политики, он подверг предложения союзного ведомства, вынесенные на обсуждение на этом совещании. *«Вчитываясь в так называемые “Ориентиры...” для этой встречи, невооружённым глазом видишь главный ориентир — закрепить централизацию. Такой подход, на наш взгляд, мягко говоря, недialeктичен. Создаётся впечатление, что тот, кто расставлял эти “ориентиры”, не в полной мере чувствует, что происходит с нашим многонациональным государством. При представлении Закона об Архивном фонде СССР в Верховном Совете СССР и при определении формулы взаимоотношений между Главархивом СССР и органами управления архивным делом союзных республик нужно решительно уйти от стереотипов, попытаться создать гибкую модель, учитывая чрезвычайную остроту национального момента».*

На защиту союзного руководства бросились сотрудники Главархива СССР.

Э. С. Кузьмина, директор ЦГАНХ СССР: *«Главархив СССР должен быть не только научно-методическим центром, но и иметь функции управленческого органа».*

Директор ЦГАОР СССР Б. И. Каптелов напомнил, что не только архивные НИИ, но и центральные архивы «являются научно-методическими центрами по работе с документами своего профиля», что означало: эти архивы должны сохранить элементы управленческих функций в новых условиях.

В. А. Ильичёва, начальник отдела организационной и научно-методической работы Главархива СССР, заявила, что союзный орган управления архивным делом должен изучать, обобщать и распространять передовой опыт работы, в частности, разрабатывать документы по новому хозяйственному механизму, в частности, прејскуранты, связанные с оказанием платных услуг населению¹⁸⁷.

Однако руководители республиканских ведомств не собирались делегировать управленческие функции Главархиву СССР. Я напомнил о Постановлении российского Правительства о создании Роскомархива и о существенном расширении его прав и обязанностей.

Руководитель казахских архивов С. Б. Байжанов заявил, что *«в соответствии с суверенитетом республик Главархиву СССР следует признать право республиканских архивных органов на полную самостоятельность: в решении вопросов развития архивного дела в своих республиках, в установлении непосредственных связей и контактов с архивами других республик СССР по горизонтали, с архивами иностранных государств, в заключении с ними локальных (двусторонних) договоров о сотрудничестве и обмене архивными документами, в допуске граждан иностранных государств для работы в архивах».*

¹⁸⁷ Там же. С. 7-8.

республики, в коммерческих сделках с ними при использовании архивных документов»¹⁸⁸.

Ему вторила заместитель начальника Главархива Таджикистана М. А. Спевак: *«Учитывая суверенитет союзных республик, следовало бы передать союзным республикам решение ряда вопросов: об установлении органами управления архивным делом республик сроков хранения документов, тарифов и расценок на услуги, оказываемые архивными учреждениями».*

Резкой критике была подвергнута деятельность (точнее — бездействие) Главархива СССР в работе над созданием Закона об архивах. Практически все представители республик заявили, что проект Главархива уже успел устареть, что республики работают над созданием собственных законов об архивах.

Перечитывая в наше время стенограмму апрельского совещания архивистов СССР, должен признаться, что, понимая неизбежность радикальных перемен в политическом устройстве СССР, ни я, ни мои коллеги не могли себе представить, что СССР перестанет существовать. Именно поэтому и я, и другие руководители республиканских архивных ведомств считали нужным сохранить союзный Главархив. Но понимание его роли в будущем представлялось нам иным, чем чиновникам союзного главка, — не управленческий, а представительский и научно-методический орган. Руководство Главархива СССР фактически продемонстрировало на этом совещании свою недееспособность, нежелание и неумение понять меняющуюся реальность.

Совещание выявило ещё одно обстоятельство, не попавшее в официальную стенограмму, но присутствовавшее при обсуждениях. Республики не скрывали своего желания переделитъ фонды центральных архивов.

Положение российского архивного ведомства осложнялось тем обстоятельством, что оно не вело международной деятельности, не было представлено в международных архивных органах (в частности, в Международном совете архивов при ЮНЕСКО). Следует учесть, что национальные органы власти — республиканские правительства и их МИДы — в полной мере использовали авторитет решений международных организаций. Особенно когда речь шла о спорных вопросах, о правах собственности на архивные фонды. Не надо было быть пророком, чтобы предвидеть: вскоре нашими оппонентами вскоре могут стать союзные республики, неуклонно двигавшиеся по пути суверенизации, и спорные вопросы о правах собственности на архивные фонды всплывут с неизбежностью.

В связи с этим в аппарате был создан международный отдел, который возглавил В. П. Тарасов, который, несмотря на свою молодость, был уже опытным архивным дипломатом, работавшим прежде в Главархиве СССР.

Важной частью деятельности международного отдела стало проведение переговоров и заключение летом-осенью 1991 г. договоров с архивными органами Белоруссии, Украины, Литвы, Латвии и Эстонии.

Эти соглашения заключались по образцу межгосударственных договоров. Суть их сводилась к признанию приоритета национального государства над архивами, расположенными на его территории. Как оказалось, эти договорённости сыграли едва ли не решающую роль для сохранения союзных центральных архивов после распада СССР, наличия претензий руководителей новых государств на союзные фонды.

---

¹⁸⁸ Там же. С. 8.

Подписание межгосударственного договора с Эстонией об архивах. Декабрь 1991 г. За столом – Р.Г. Пихоя, П. Пиллак. Во втором ряду слева направо - В.П. Тарасов, В.А. Тюнеев

Собственность России на архивы была к этому времени уже закреплена рядом договоров, и был создан прецедент на заключение двухсторонних международных договоров по архивам. Замечу, что претензии на фонды центральных архивов пытались высказывать и позже.

То, что изменения в государственном устройстве России неизбежны, явственно ощущалось весной-летом 1991 г. Полным ходом шла подготовка к подписанию нового Союзного договора, назначенному на 20 августа 1991 г.

В свою очередь, руководство ЦК КПСС по-своему готовилось к неприятному для него варианту развития событий. В Секретариат ЦК в марте 1991 г. была направлена совместная записка Общего и Организационного отделов ЦК КПСС «О некоторых вопросах обеспечения сохранности документов Архивного фонда КПСС». В записке сообщалось: «В последнее время усиливается опасность захвата партийных архивов антикоммунистическими и антисоветскими силами и использования документов КПСС в деструктивных целях. В этой связи уже сейчас приняты меры по усилению охраны партийных архивов в ЦК компартий Латвии и Литвы, в обкомах партии областей Западной Украины. Однако возникает необходимость более масштабных действий, позволяющих обезопасить архивы КПСС».

Этими мерами должна была стать эвакуация ряда фондов в хранилища ЦК КПСС, передача ряда документов в ведомственные архивы, но прежде всего — уничтожение ряда документов, в частности, по учёту руководящих кадров, персональные дела коммунистов, документы государственных и хозяйственных организаций, присланные в ЦК. Всё это, естественно, обосновывалось задачами «улучшения условий хранения, обеспечения сохранности, учёта и использования документов». Мероприятия эти предлагалось осуществить «в максимально короткие сроки».

На основе этой записки было принято постановление Секретариата ЦК КПСС № Ст-21/6г от 20.03.91 г., первым пунктом которого было записано: «согласиться с предложениями по данному вопросу, изложенными в записке Общего отдела и Организационного отдела ЦК КПСС».

Однако выполнение этого распоряжения натолкнуло сь на протест самих архивистов, служивших в партийных архивах. Это был едва ли не первый случай в истории партии, когда сотрудники партийных архивов позволили себе не выполнять прямое указание своего руководства. Именно от рядовых сотрудников партархивов общественность узнала об этом секретном постановлении, сведения о нём попали на страницы прессы. Позже Роскомархив установил, что в 12 республиках, краях и областях России работа по «чистке партархивов» вообще не проводилась¹⁸⁹

¹⁸⁹ В Карелии, Туве, Чечне, в Волгоградской, Новосибирской, Костромской, Сахалинской, Ростовской,

В других 64 республиках, краях и областях было подготовлено к уничтожению 6 млн 569 тыс. дел, фактически же было уничтожено 2 млн

324 тыс. дел. Процесс уничтожения архивных дел был окончательно остановлен телеграммой и письмом Роскомархива в связи с Указом Президента России от 24.08.91 г. № 83 «О партийных архивах»¹⁹⁰.

Путч и его архивные следствия.

При всей полемике с союзными властями я не мог себе представить, что и Советскому Союзу, и его министерствам и ведомствам оставалось жить несколько месяцев.

События августа 1991 г. стали бороздой, поделившей отечественную историю на «до» и «после» путча. Они, эти события, оказали сильнейшее влияние и на состояние архивного дела в России. Августовские события, распад союзной системы управления, а следом и самого Советского Союза стремительно ускорил все процессы реформирования архивного дела в России.

В начале августа 1991 я ушёл в очередной отпуск и был намерен выйти на работу 19 августа, 20 августа предстояло подписание нового Союзного договора, а 21 августа в Роскомархиве было запланировано проведение очередной коллегии. Но рано утром 19 августа по телевизору я услышал о создании ГКЧП, о срыве подписания Союзного договора. Было ясно, что в случае победы ГКЧП всем попыткам реформ в России приходит конец.

Утром 19 августа я проснулся от того, что потихо работавшему радиоприемнику, настроенному на «Эхо Москвы», шла какая-то странная передача, которую я сначала принял за розыгрыш новой радиостанции. Передавалось о введении чрезвычайного положения в стране. Включил телевизор – и убедился, что это не шутка. Разбудил жену и пошли в «Белый дом», благо, что наша новая квартира была в пяти минутах пешего хода. На входе метался единственный молодой парень-милиционер, вооруженный, против обыкновения, автоматом. В Белом доме в половине девятого было тихо. Все как всегда. Работают буфеты, киоскеры продают свежие газеты. В зале заседания Верховного Совета по-тихоньку собирались сотрудники аппарата - по большей части - еще старые, много лет отработавшие номенклатурные сотрудники. Они тихо обменивались новостями, и заметно было, что перспектива «наведения порядка в стране» их вполне устраивала.

Людмила позвонила в приемную Ельцина, ей было велено уехать в Архангельское, где жили Ельцин и ряд других политических лидеров, его сторонников. Я же пошел в приёмную Правительства.

Там в 10 часов дня началось экстренное заседание. Правительство поддержало Президента Ельцина, квалифицировало создание Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР как государственный переворот.

В Белый дом были приглашены представители дипломатического корпуса, иностранные и российские журналисты. В 10.30 к ним вышел премьер-министр И.Силаев и зачитал текст обращения «К гражданам России». Во время его выступления на трибуну в зале бысто вошел Ельцин. Он говорил немного, попросил дипломатов и журналистов довести до мирового сообщества и граждан нашей страны мнение российского руководства, так как других способов сделать это, к сожалению, не остается. Закончил он тем, что посоветовал дипломатам уйти из Белого дома, так как здание уже начали окружать танками.

Магаданской, Ивановской, Астраханской, Архангельской областях.

¹⁹⁰ Докладная записка начальника отдела формирования Архивного фонда Российской Федерации Г. Г. Бакалинской от 20 октября 1992 г. (См.: Росархив. Текущий архив).

Картина, открывавшаяся из окон Белого дома, была устрашающей. По Кутузовскому проспекту, по широкому Калининскому мосту двигалась, ревела танковыми двигателями, чадила колонна бронетехники, конца которой не было видно. Передние машины направлялись к Белому дому и начали кружить вокруг здания.

В Белый дом были приглашены представители дипломатического корпуса, иностранные и российские журналисты. В 10.30 к ним вышел премьер-министр И.Силаев и зачитал текст обращения “К гражданам России”, осуждавшее переворот и требовавшее возвращения Горбачева. Во время его выступления на трибуну в зале бысто вошел Ельцин. Он говорил немного, попросил дипломатов и журналистов довести до мирового сообщества и граждан нашей страны мнение российского руководства, так как других способов сделать это, к сожалению, не остается. Закончил он тем, что посоветовал дипломатам уйти из Белого дома, так как здание уже начали окружать танками. То, как говорил Ельцин, та уверенность и невероятная в его положении способность шутить заставляла поверить: у ГКЧП будут большие проблемы.

Помню чувство злобы, которое охватило меня и стало едва ли не доминирующим на три дня – от 19 до 21 августа. Злобы на ту власть, которая убила моего деда, уродовала жизнь отца. Для меня не было выбора. Вся моя деятельность последних лет шла вразрез с теми, кто затеял переворот, кто намерился свергнуть ту власть, которую впервые в отечественной истории выбрали в России. Поэтому я не колебался, когда в конце заседания правительства предложили получить оружие для защиты Белого дома. Получил и оказался в охране президента.

В приёмной Б.Н. Ельцина. 20 августа 1991 г.

Но что можно сделать с пистолетом или автоматом? Есть в этом деле умельцы и лучше меня. Я сделал то, что умел. Взял и сочинил проект Указа президента. Его посмотрели и поправили по очереди пресс-секретарь президента Павел Воцанов, а затем юрист Сергей Шахрай. Уже в 12 часов 10 минут 19 августа 1991 г. этот указ был подписан.

Вот его текст:

“В связи с действиями группы лиц, объявивших себя Государственным комитетом по чрезвычайному положению, постановляю:

1. Считать объявление Комитета антиконституционным и квалифицировать действия его организаторов как государственный переворот, являющийся ничем иным, как государственным преступлением.

2. Все решения, принимаемые от имени так называемого Комитета по чрезвычайному положению, считать незаконными и не имеющими силы на территории РСФСР. На территории Российской Федерации действует законноизбранная власть в лице

президента, Верховного Совета и председателя Совета Министров, всех государственных и местных органов власти и управления РСФСР.

3. Действия должностных лиц, исполняющих решения указанного Комитета, подпадают под действия уголовного кодекса РСФСР и подлежат преследованию по закону.

Настоящий Указ вводится с момента его подписания.

Президент РСФСР

Б.Ельцин.”

С 19 по 22 августа мне пришлось пробыть в Белом доме в числе его защитников.

Уже 22 августа стало ясно, что прежняя политическая система СССР не смогла выдержать напряжения, вызванного ею же созданного ГКЧП. Утром 22 августа стали вновь поступать сведения о том, что в зданиях ЦК КПСС на Старой площади продолжается уничтожение документов. Ясно осознавалась и другая опасность — здания были окружены многотысячными толпами демонстрантов. В случае проникновения большого числа людей внутрь судьба документов могла оказаться непредсказуемой. Утром 23 августа я обратился к Президенту России с предложением о срочно обеспечить сохранность документов ЦК КПСС. За полчаса до начала встречи членов Верховного Совета РСФСР с Президентом Горбачёвым, вернувшимся из Фороса помощник Президента России А. И. Корабельщиков передал распоряжение Президента Ельцина: обеспечить сохранность документов ЦК КПСС.

На мой вопрос – «а как я туда попаду? Там же охрана» - мне сказали, что надо ехать на Петровку, 38, там дадут сопровождающего. Мой водитель приделал к машине трехцветный флаг, машина медленно ехала по Бульварному кольцу, по улицам Москвы, загруженному многими тысячами людей. Толпы народа стояли и около Петровки, 38. Зашел внутрь. Там метался, дожидаясь меня, какой-то офицер. Поехали к Старой площади, но мой спутник таинственно испарился.

Одновременно с этим я связался с С.В. Кулешовым, историком, работавшим раньше в Институте истории партии МГК и МК КПСС, имевшим определённое представление о системе организации хранения партийных документов, и попросил его вместе с моим заместителем в Роскомархиве В. П. Тюнеевым подготовить проект Указа о передаче документов КПСС в государственную собственность¹⁹¹.

Из здания ЦК выходили испуганные и растерянные сотрудники аппарата ЦК, исчезла прежняя охрана ЦК, которую обеспечивал КГБ СССР, вместо неё появилась московская милиция и добровольные дружинники, которыми руководил А. И. Музыкантский, заместитель председателя исполкома Моссовета. Полы зданий ЦК были устланы толстым слоем уничтоженной текущей документации. В углах коридоров стояли забитые клочками бумаги контейнеры, выведенные из строя бумагорезки, так как второпях в них летели документы со скрепками. То ли на 4-м, то ли на 5-м этаже первого подъезда, святая святых ЦК КПСС, где находились кабинеты секретарей ЦК КПСС и самого Генерального секретаря М. С. Горбачева, я нашёл Г. А. Орлова, первого заместителя заведующего Общим отделом ЦК КПСС. Он и сам был встревожен проблемой сохранности документов.

Г. А. Орлов провёл меня по зданиям, указал два крупнейших собрания документов, известных нам к тому времени — Текущий архив ЦК, он же архив Общего отдела, и архив единого партбилета, а также некоторые отделы, где существовали свои архивы. Двери этих

¹⁹¹ О подготовке проекта этого Указа см.: Тюнеев В. П. В августе 1991 года. О приеме партархивов в ведение государственных архивных органов // ОИ. 2011. № 3. С. 85-90.

помещений я опечатал печатью для сургуча из архивного ведомства, случайно, но кстати оказавшейся у меня в кармане, а мастику без труда нашли в одном из кабинетов ЦК.

Ясно было, что предстоит громадная работа по приёму партийных документов. Было понятно и то, что требуется систематическое обследование всех помещений ЦК. Я тут же предложил Г. А. Орлову перейти на работу в Роскомархив в качестве своего консультанта, так как без специалиста, знающего систему делопроизводства такого громадного учреждения, как ЦК КПСС, невозможно организовать приём, а если точнее — спасение документов. Очевидна была и важность выполнения этой работы для будущего. Без анализа партийной документации невозможно изучение истории России XX в. Замечу, что Г. А. Орлов оказал большую помощь в сборе документов, в дальнейшем его перевели на работу начальником Управления делопроизводства и архива Аппарата Правительства Российской Федерации.

Вечером 23 августа был подготовлен проект Указа Президента РСФСР о передаче партийных архивов в ведение архивных органов России.

Утром следующего дня, субботы, 24 августа были изданы два Указа Президента РСФСР. Приведу эти небольшие, но исключительно важные для истории архивного дела документы, полностью.

Указ Президента

Российской Советской Федеративной Социалистической Республики Об архивах Комитета государственной безопасности СССР

В целях предотвращения незаконного уничтожения в РСФСР документов архивов Комитета государственной безопасности СССР, создания условий по использованию их для нужд науки и культуры народов РСФСР постановляю:

1. *Передать архивы центрального аппарата Комитета государственной безопасности СССР и его управлений в республиках в составе РСФСР, краях, областях, городах Москве и Ленинграде в ведение архивных органов РСФСР вместе с занимаемыми ими зданиями, сооружениями, штатной численностью и фондом оплаты труда.*

2. *Контроль за выполнением Указа возложить на Прокуратуру РСФСР, Комитет государственной безопасности РСФСР и Комитет по делам архивов при Совете Министров РСФСР.*

3. *Настоящий Указ вступает в силу с момента подписания.*

Президент РСФСР Б. Ельцин

Москва, Кремль

24 августа 1991 года № 82

Указ Президента

Российской Советской Федеративной Социалистической Республики О партийных архивах

В связи с тем, что КПСС была частью государственного аппарата, образовавшиеся в ее деятельности документы подлежат государственному хранению.

В целях предотвращения незаконного уничтожения в РСФСР документов партийных архивов постановляю:

1. *Передать Центральный партийный архив Института теории и истории социализма ЦК КПСС, текущий архив Общего отдела ЦК КПСС, партийные архивы обкомов и крайкомов КПСС, Московского и Ленинградского горкомов КПСС в ведение архивных органов РСФСР вместе с занимаемыми ими зданиями, сооружениями, штатной*

численностью и фондом оплаты труда.

2. *Контроль за выполнением настоящего Указа возложить на Комитет по делам архивов при Совете Министров РСФСР.*

3. *Настоящий Указ вступает в силу с момента его подписания.*

Президент РСФСР Б. Ельцин Москва, Кремль 24 августа 1991 года № 83

В этот же день в Роскомархиве состоялось совещание о подготовке к приёму партийных архивов. Обстоятельства огромной работы по приёму партийных документов подробно и весьма точно освещены в воспоминаниях В. П. Тюнеева¹⁹².

Владимир Андреевич Тюнеев

Он пишет: «24 августа Р. Г. Пихоя провел в Роскомархиве совещание, на котором сказал о значении указов Президента Российской Федерации, сообщил в общих чертах о посещении им зданий ЦК КПСС на Старой площади. На меня была возложена ответственность за организацию выполнения указа о партархивах. Р. Г. Пихоя попросил особое внимание уделить текущему архиву Общего отдела ЦК КПСС. Другому заместителю председателя — В. И. Абрамову, прежде работавшему в аппарате Правительства РСФСР, была поручена организация выполнения указа об архивах КГБ».

В. П. Тюнеев стал организатором приёма, впрочем, уместнее использовать другие слова — собирания, перемещения, классификации документов ЦК КПСС. О масштабах этой работы свидетельствует его записка, датированная 19 сентября 1991 г. «...архивные подразделения аппарата ЦК КПСС располагали 43 хранилищами документов, 97 кабинетами для сотрудников и 27 рабочими комнатами для научно-справочного аппарата, оснащёнными специальным оборудованием и оргтехникой. Их общая площадь более 7,3 тыс. кв. м. Документы, находящиеся на архивном хранении, сгруппированы в 27 фондах, в состав которых входит около 432 тыс. дел и более 28,5 млн других единиц хранения. Из делопроизводства отделов, подразделений аппарата ЦК КПСС, ЦКК КПСС, ЦК КП РСФСР, ЦКК КП РСФСР в единый архив передано свыше 18 тыс. связок документов общим объемом порядка 190 тыс. дел. Для поиска необходимой информации, ведения справочной работы и использования документов формируемого ныне единого архива, имеется 35 различных картотек с общим количеством 16 млн карточек». По подсчётам В. П. Тюнеева, на обработку этого массива документов, проведение экспертизы ценности, обеспечение сохранности, создание условий для использования документов исследователями «потребуется около 90 тыс. человеко-дней. Иначе говоря, для этого потребуется до 100 работников на срок 5 лет»¹⁹³.

В Москве существовало три крупнейших собрания партийных документов, в

¹⁹² Тюнеев В. П. В августе 1991 года. С. 85-99.

¹⁹³ Росархив. Текущий архив.

прошлом непосредственно подчинённых ЦК КПСС.

Первый — это архив Общего отдела ЦК. Архив комплектовался документами, созданными в делопроизводстве Секретариата ЦК и его отделов. Он располагался на ул. Ильинка (тогда — ул. Куйбышева). Именно на основе этих документов было решено создавать новый архив, куда должны были быть перемещены документы текущего делопроизводства ЦК и ряда отделов, вроде Международного, где существовали свои собственные архивы.

Было принято решение создать новый архив — Центр хранения современной документации, в штат которого были приняты многие сотрудники архивных и делопроизводственных служб аппарата ЦК КПСС. Как пишет В. П. Тюнеев, «в составе рабочих групп Роскомархива они принимали непосредственное участие в концентрации архивных и делопроизводственных документов в доме 12 по ул. Куйбышева. Сюда из кабинетов, рабочих столов и сейфов работников ЦК КПСС и ЦК Компартии РСФСР архивисты в сжатые сроки, примерно за месяц, перевезли на тележках, перенесли на руках в общей сложности более 20 млн листов документов и материалов текущего делопроизводства в россыпи. Фактов уничтожения документов, учтенных в архивах ЦК КПСС или зарегистрированных в делопроизводственных картотеках его аппарата, выявлено не было ни тогда, ни позже»¹.

Второй архив, комплектовавшийся документами Политбюро ЦК КПСС, сложился ещё в начале 20-х гг. Он был совершенно секретным, существенная часть его документов была в так называемых «особых папках» — высшей категории секретности, не отражённой в официальном советском законодательстве^{194 195}. Часть архива располагалась в Кремле, в бывшей квартире Сталина. Его называли по-разному: кремлевский архив, сталинский архив, архив Политбюро. Официальное же название во внутреннем делопроизводстве ЦК КПСС — Архив 6-го сектора Общего отдела. Здесь хранились документы Политбюро и личные фонды высших партийных деятелей. Эти материалы предназначались для использования только в аппарате ЦК и только с санкции самого Генерального секретаря.

В результате провалилась попытка комиссии Верховного Совета СССР, возглавленной членом Политбюро А. Н. Яковлевым, получить в 1989-1990 гг. доступ к подлинникам секретных протоколов Пакта Риббентроп-Молотов, хранившихся в Архиве 6-го сектора Общего отдела. Без последствий было оставлено обращение кандидата в члены Политбюро министра обороны маршала Д. Т. Язова с просьбой разрешить группе военных историков использовать документы архива Политбюро для работы над исследованием по истории Великой Отечественной войны.

Указ Президента РСФСР «О партийных архивах» не распространялся на Архив Президента СССР, о чём сам Михаил Сергеевич Горбачев сообщил мне телефонным звонком. Так как СССР формально-юридически продолжал существовать, то особый статус этого архива, как Архива Президента СССР уцелел, и его документы тогда не поступили в ведомство Роскомархива. Позже, в начале 1992 г., Архив Политбюро — Архив Президента СССР стал Архивом Президента России.

Третий архив — это Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Архив располагался в сером здании на Пушкинской (сейчас — ул. Большая Дмитровка), украшенном барельефами Маркса, Энгельса и Ленина. Он создан

¹⁹⁴ Росархив. Текущий архив.

¹⁹⁵ Прочитую записки помощника И. В. Сталина Б. Бажанова, относящиеся к 20-м гг. «Несколько слов об «особой папке». В моем кабинете находился несгораемый сейф, единственный ключ от которого был у меня. В сейфе хранились особо секретные постановления Политбюро, которые должны были быть известны только членам Политбюро. Члены ЦК, которые хотели бы с ними ознакомиться, должны были просить на это разрешения Политбюро, и только с этого разрешения я мог показать им соответствующее постановление. Надо сказать, что за все время моей работы в Политбюро такого случая не было»

в начале 20-х гг. историком- марксистом, академиком Д. Б. Рязановым. «По характеру деятельности и находившихся на хранении документов Центральный партийный архив являлся научно-историческим архивом КПСС, в отличие от текущего, оперативного архива ЦК партии, непосредственно входившего в структуру его аппарата», — отмечают авторы предисловия к путеводителю по фондам этого собрания¹⁹⁶.

Добавим, что, будучи научно-историческим собранием документов по истории партии, он комплектовался преимущественно по коллекционному принципу. В этот архив не поступали те документы, которые могли стать потенциально опасными для оценки в будущем исторической роли партии. Даже когда направлялись бумаги текущего делопроизводства ЦК КПСС, то и они поступали не в полном объёме — без «особых папок», многочисленных записок и аналитических материалов, прилагавшихся ко многим решениям Секретариата, Орг- и Политбюро ЦК. Сюда нередко отсылались копийные экземпляры, а подлинники продолжали сохранять в текущем архиве Общего отдела ЦК. Использование материалов Центрального партийного архива в полной мере подчинялось партийному регулированию, с той лишь разницей, что к ряду документов доступ мог быть санкционирован (а мог и не быть санкционирован) Политбюро ЦК.

Вместе с тем, источниковый потенциал бывшего Центрального партийного архива исключительно велик. Здесь сохранялись личные фонды Ленина, Сталина, ряда других руководителей партии, богатейшие фонды Коминтерна, документы делопроизводства Секретариата и Оргбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б). Этот архив по принципам организации хранения соответствовал стандартам советского архивоведения.

Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС был преобразован в Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории.

По предложению Роскомархива, на основе архива Общего отдела и документов других отделов ЦК КПСС был создан Центр хранения современной документации¹⁹⁷. Параллельно с этим следовало организовать — через архивные органы в краях, областях и республиках России — приём и сохранность документов обкомов КПСС.

События, произошедшие в последние десять дней августа 1991 г., изменили статус архивной службы. Начнем с того, что архивисты стали первым государственным ведомством России, появившимся в зданиях бывшего ЦК КПСС. Я предложил, и моё предложение было принято, чтобы Росархив разместился там, в корпусе по ул. Ильинка. Это было, во-первых, удобно. В этом же здании находился архив Секретариата ЦК КПСС и туда перемещали документы из всех кабинетов ЦК. Моим кабинетом стал кабинет бывшего секретаря ЦК КПСС. Этот кабинет был снабжён всеми существовавшими тогда средствами связи — знаменитыми «вертушками» - АТС-2, АТС-1 и их аналогами, позволявшими связываться с любым руководителем страны. Эти телефоны — своего рода инсигнии, признаки и символы власти, прямо скажу — облегчавшие решение различных вопросов деятельности архивной службы.

Во-вторых, с нашим переездом с Бережковской набережной, ЦГА РСФСР получил добавочные площади.

И, в-третьих, то, что Росархив оказался на месте ЦК КПСС, имело и свой символический смысл. Об этом много пишет пресса. Архивные дела вдруг оказались на первых полосах газет. Это было и хорошо, и плохо. Прежде всего, мы испытывали огромное давление с о стороны части историков, российской и иностранной прессы.

¹⁹⁶ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Краткий путеводитель. Фонды и коллекции, собранные Центральным партийным архивом / Под ред. Ю. Н. Амиантова, В. П. Козлова (гл. ред.), О. В. Наумова, З. Н. Тихоновой. М., 1993.

¹⁹⁷ Постановление Совмина РСФСР от 12 октября 1991 г. № 532 «О Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) и Центре хранения современной документации (ЦХСД)».

Были и специфические проблемы, происхождение которых мне до сих пор не до конца понятно. С середины 1992 г. наше посольство из Лондона едва ли не ежемесячно направляло телеграммы в Москву о том, что в британской прессе публикуются секретные документы, в том числе касающиеся деятельности советской разведки, якобы полученные из архивов ЦК. Их с той же систематичностью направляли мне для объяснения. Я сообщал, что в фондах наших архивов отсутствуют данные об оперативной деятельности разведки.

Потом эти телеграммы прекратились. А много позже, а если точнее – то в 1994 г. стало известно, что некий пенсионер Митрохин, бывший сотрудник архива Первого Главного управления КГБ – разведки, передал собранные им данные об операциях КГБ за границей спецслужбам Великобритании. Я полагаю, что так называемые «утечки из архивов ЦК» были способом прикрытия деятельности по вывозу архивов Митрохина из его подмосковной дачи.

В здании ЦК КПСС спустя несколько месяцев разместились подразделения Администрации Президента, ставших соседями архивного ведомства почти на тридцать лет. Дух ЦК КПСС продолжал жить в темных коридорах этого административного здания. На дубовых полированных дверях принципиально отсутствовали не только названия отделов и служб, но и фамилии начальников, сидевших за этими дверями. Только номера комнат! Продолжали жить своей жизнью буфеты и столовые, также разделенные по рангам. Для большинства – столовая ЦК рядом с храмом Троицы в Никитниках, для начальства – отдельная маленькая столовая в здании на Старой площади. Книга М. Восленского, купленная летом 1991 г. и написанная еще в 1970 году, служила неплохим пособием по внутренней организации аппарата спустя и 20 лет.

В разгар событий, последовавших сразу после провала путча, я позвонил в свой университет, ректору и предложил ему забрать университету весь комплекс зданий Свердловской высшей партийной школы. Для этого следовало приказать начальнику военной кафедры направить для охраны зданий ВПШ студентов, проходящих военные лагерные сборы, затем обратиться в Свердловский городской и областной Совет с предложением о передаче имущества ВПШ университету.

Паригорий Евстафьевич, вздохнув, сказал: «Эх, если бы Вы были... А я не смогу». Дальше события развивались так: спустя месяц по предложению Г. Э. Бурбулиса все высшие партшколы во главе с Академией общественных наук при ЦК КПСС были преобразованы в Академию управления (позже Академию государственной службы при Президенте России) с её региональными филиалами.

26 августа в автономные республики, края и области была отправлена телеграмма с поручением организовать передачу партархивов, текущих архивов рескомов, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов в ведение архивных органов вместе со зданиями, сооружениями, штатной численностью и фондом оплаты труда. Предлагалось решить вопросы дополнительного финансирования архивных учреждений, охраны архивных фондов. В телеграмме указывалось, что партархивы должны войти в структуру республиканских, краевых и областных государственных архивов на правах архивохранилищ.

2 сентября 1991 г. Роскомархив направил указание местным архивным органам, которое предписывало:

Создать республиканские, краевые, областные центры документации новейшей истории, подведомственные архивным органам, на базе партархивов, занимаемых ими зданий и сооружений, штатной численности и фонда заработной платы;

Решить совместно с республиканскими, краевыми, областными финансовыми органами вопросы финансирования деятельности названных центров с учетом смет расходов и фактических затрат на содержание бывших партархивов;

Обеспечить подбор и расстановку кадров центров, проявив максимум внимания к специалистам бывших партархивов. Возложить на вновь назначенных руководителей персональную ответственность за сохранность принятых от парторганов и партархивов документов, а также учетного и научно-справочного аппарата к ним;

Прием дел должен быть организован с учетом местных особенностей. Обязателен поединичный прием комплекса учетного и научно-справочного аппарата, а также особо ценных документов, визуальный осмотр коробок (контейнеров). Проверка наличия фондов и дел проводится при необходимости по решению приемо-сдаточной комиссии;

Организовать прием в центры документации новейшей истории документов структурных подразделений республиканских комитетов, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов КПСС и других фондообразователей, документы которых подлежали сдаче в партархивы. Эти документы могут приниматься на хранение в необработанном виде, систематизированные по организациям, структурным подразделениям. ...

О результатах проведенной работы доложить Роскомархиву к 1 октября 1991 г.¹

Вся эта поистине огромная работа по спасению документов партии — от текущего делопроизводства райкомов и обкомов до громадных документальных комплексов ЦК КПСС — шла под неусыпным общественным контролем, под беспрецедентным давлением отечественной и зарубежной прессы.

В разгар этих событий в моём кабинете раздался звонок. Звонил президент Федерального архива ФРГ проф. Фридрих Каленберг, который рассказал, что российский прецедент с архивами КПСС был использован им в бундестаге для обоснования необходимости передачи архивов СЕПГ на государственное хранение.

Р.Г. Пихоя и директор федерального архива ФРГ Ф. Каленберг

В ходе организации работы по принятию и использованию документов КПСС и КГБ возникало огромное число проблем, упиравшихся в отсутствие нормативно-правовой базы. Учитывая роль Верховного Совета РСФСР как законодательного органа, Роскомархив обратился в Президиум Верховного Совета с просьбой об образовании комиссии по организации передачи — приёма архивов КПСС и КГБ СССР на государственное хранение и их использованию. 14 октября 1991 г. вышло Постановление Президиума Верховного Совета, которым была создана эта комиссия, которую возглавил историк, генерал-полковник Д.А. Волкогонов (он был одновременно советником Президента Ельцина по вопросам обороны). Заместителем председателя комиссии был назначен Р.Г. Пихоя, председатель Комитета по делам архивов при Совете Министров РСФСР.

Членами комиссии стала большая группа народных депутатов РСФСР, отражавшая различные политические фракции; руководящие сотрудники Министерства безопасности, Службы внешней разведки, Роскомархива; видные историки — академики И. Д. Ковальченко и Г. Н. Севостьянов, члены-корреспонденты АН СССР Н. Н. Покровский и Я. Н. Шапов; большая группа экспертов, представлявших общество «Мемориал», органы прессы; представители ряда министерств и ведомств.

Принципиально важно, что Постановление обязывало комиссию подготовить и представить на утверждение Президиума Верховного Совета РСФСР Временные регламенты — организации использования в научных и практических целях архивных документов КПСС и об архивных документах по КГБ, — которые должны были действовать до принятия законов РСФСР «Об архивном фонде РСФСР и архивах» и «О государственной тайне».

Слава богу, что у нас был подготовлен проект российского закона об архивах. Именно его положения легли в основу Временного регламента.

Перемены в стране неожиданно и по-своему закончили спор о праве России на центральные союзные архивы.

Союзная система управления разваливалась. Российское правительство было вынуждено передавать союзные структуры в российское ведение. 12 октября 1991 г. вышло Постановление Совета Министров РСФСР «О развитии архивного дела в РСФСР». В нём предписывалось:

1. *Комитету по делам архивов при Совете Министров РСФСР принять от Главного архивного управления при Совете Министров СССР всю материально-техническую и финансово-экономическую базу указанного Главного управления и подведомственные ему центральные государственные архивы СССР, научно-исследовательские организации и другие учреждения и предприятия, расположенные на территории РСФСР, по состоянию на 1 сентября 1991 года.*

2. *Комитету по делам архивов при Совете Министров РСФСР:*

обеспечить возможность использования документов государственных архивов, расположенных на территории РСФСР, учреждениями, организациями, предприятиями и гражданами союзных республик;

разработать совместно с Министерством экономики РСФСР и Министерством финансов РСФСР и представить в Совет Министров РСФСР предложения по программе развития архивного дела в РСФСР¹⁹⁸.

В тот же день вышло Постановление Совмина РСФСР «О Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории и Центре хранения современной документации». В нём сообщалось, что в соответствии с Указом Президента РСФСР от 24 августа 1991 г. «О партийных архивах» Совет Министров РСФСР постановил принять предложения Комитета по делам архивов при Совете Министров РСФСР о создании Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории на базе бывшего Центрального партийного архива Института теории и истории социализма ЦК КПСС; о создании Центра хранения современной документации на базе архивов бывшего аппарата ЦК КПСС; о сохранении в указанных учреждениях условий оплаты труда бывших архивных подразделений ЦК КПСС до проведения мероприятий по повышению заработной платы работников учреждений культуры и государственных архивов.

Комитету по делам архивов было поручено обеспечить возможность использования документов государственных архивов, расположенных на территории РСФСР, учреждениями, организациями, предприятиями и гражданами суверенных республик; разработать совместно с соответствующими российскими министерствами и представить в Совет Министров РСФСР предложения по программе развития архивного дела в РСФСР.

На этом этапе архивного строительства речь шла о воссоздании системы российских архивов как существенной части культурного наследия республики.

Непосредственная работа по выполнению постановления была возложена на

¹⁹⁸ О развитии архивного дела в РСФСР. Постановление Совета министров РСФСР // ОА. 1992. № 1. С. 3-4.

созданную Роскомархивом комиссию под руководством первого заместителя председателя комитета В. А. Тюнеева. Выступая на совещании перед руководителями областных архивных учреждений, В. А. Тюнеев подчеркнул, что принятое постановление Совмина не явилось неожиданностью. По его мнению, общий ход государственного строительства неизбежно подтолкнул к изменениям и в архивном строительстве. Вопрос этот ставился неоднократно, находя поддержку в республиканских органах, в то же время тормозился в союзных. Не было проявлено понимания важности этой проблемы и руководством Главархива СССР. В условиях возникшей конфронтации невозможно решать многие вопросы и это лишь вредит архивному делу¹⁹⁹.

Осень 1991 г. для Роскомархива была горячей. Проблемы сыпались одна за другой.

Требовались новые специалисты для архивного дела. Прежняя концепция архивного ведомства — прежде всего хранить — должна была быть сменена другой — сохранить и включить документы в научный и культурный оборот. Это уже другая задача. Для её решения требовались другие люди. Я обратился к коллегам-историкам из учреждений Академии наук. На работу в Роскомархив перешли К. В. Андерсон, В. Ю. Афиани, В. П. Козлов, С. В. Мироненко, Е. А. Тюрина.

Вторая проблема — это приём партийных архивов в республиках, краях и областях. Для местных архивистов — это необходимость собрать бумаги, текущее делопроизводство райкомов и обкомов, провести необходимые процедуры по приёму местных партийных архивов, обеспечить финансирование этой работы. В областных партийных архивах зачастую отсутствовали итоговые записи, дела фондов, карточки фондов. В Калужской области, например, были выявлены неучтёнными целые фонды, например, фонд «Партизанское движение», личный фонд первого секретаря обкома КПСС.

В большинстве областей сравнительно недавно были построены партийные архивы. Как правило, в них существовал определённый резерв архивных площадей. Для большинства архивных управлений появлялась возможность хоть отчасти расширить площади архивохранилищ.

Нужда в новых площадях была огромной. Начавшееся крушение союзных органов власти, реоформление и смена собственников прежде союзных предприятий приводило к тому, что ведомственные архивы оказывались лишними для новых хозяев, находивших для помещений архивов более полезное в экономическом смысле назначение. Архивы в буквальном смысле слова выбрасывали на улицу. При помощи Правительства Роскомархив требовал обеспечить от прежних собственников обеспечение сохранности документов, но в условиях административной неразберихи «крайними» оказывались архивисты, которые должны были отследить, что происходило с их «источниками комплектования», успеть принять меры по спасению архивов, найти место, куда поместить новые десятки и сотни тысяч архивных дел.

Это не снимало с архивов ответственности по удовлетворению социальных запросов, они должны были выдавать справки, подтверждать трудовой стаж, факты участия в боевых действиях и работы в тылу в годы войны и многое другое.

А у самих архивистов в регионах страны велись споры — нужны ли областные архивные отделы. Впрочем, их острота уходила в прошлое, когда в регионах началась огромная работа по приёму партийных архивов, документов ликвидированных предприятий и ведомств. Стало ясно, что никакой областной архив с такой работой не справится.

В Москве «завис» архив ЦК комсомола. На предложение Роскомархива передать архив и включить его документы в качестве отдельного фонда в один из Центров хранения

---

¹⁹⁹ Роскомархив проводит совещания // ОА. 1992. № 1. С. 8.

документации директор комсомольского архива В. В. Хорунжий заявил, что указ Президента на него не распространяется. Но ВЛКСМ перестал существовать, архив финансировать стало некому, а потом его стали попросту выгонять из арендованного помещения...²⁰⁰ В итоге, после многих сложностей, архив комсомола передали в Российский центр хранения и использования документов новейшей истории, то есть туда, куда Росархив предлагал передать с самого начала.

На станции Владивосток стоял эшелон с документами Центрального государственного архива Дальнего Востока, буквально выдранного из Томска в начале 1991 г. под давлением тогдашней заместительницы председателя Верховного Совета РСФСР, депутата от Владивостока С. П. Горячевой. Эта была авантюра — не было никаких условий для размещения архива, обеспечения его сохранности и использования документов. Роскомархив был решительно против этого волонтаристского решения, но ничего сделать не смог, хотя делал всё, чтобы убедить: сначала подготовьте условия, а потом перевозите. Перевезли вопреки Роскомархиву. Эта эпопея продолжалась десятилетия. Эстафету «дурного патриотизма» подхватил дальневосточный губернатор Е. Кондратенко, уверявший, что для архива будет отведено здание бывшего Морского штаба, доказывавший Контрольному управлению Президента, что всё будет готово в ближайшее время. О достоверности сведений, сообщённых губернатором, свидетельствует то, что перемещение архива было закончено, кажется, только в декабре 2011 (!) года, и не в здание Морского штаба, а в помещение на улице Алеутской. Но ответственности за сохранность документов с Роскомархива это не снимало...

События архивной политики были во многом отражением политики союзной. Поражение августовского путча стало «плохой новостью» для союзных управленческих структур. На первый план выходил вопрос — что должно остаться в ведении Союза, а что — республик. 1 сентября состоялась встреча Горбачева с руководителями республик. На ней была достигнута договоренность заключить соглашение о сохранении единых Вооружённых сил и едином военно-стратегическом про странстве, радикальных реформах в армии, КГБ, МВД и прокуратуре. Говорилось о намерении подготовить и подписать договор о создании Союза суверенных государств.

Президент Ельцин принял решение лично возглавить Правительство в период реформ. Таким образом Роскомархив оказывался в прямом ведении Президента.

Остатки прежнего союзного Правительства сохранялись в Государственном совете СССР, работавшем под председательством Президента СССР при участии руководителей союзных республик. Первое заседание этого органа состоялось 11 октября 1991 г. Выступая, Горбачёв настаивал на возобновлении подготовки Договора о Союзе Суверенных Государств, заключении Экономического соглашения, сохранении единых Вооружённых сил. Такие предложения вызвали у участников встречи неоднозначную реакцию. Ельцин заявил, что Россия отказывается финансировать те союзные органы, которые не будут предусмотрены Договором²⁰¹.

Председатель Верховной Рады Украины Л. М. Кравчук был радикальнее. Он предупредил, что не может принимать участие в подготовке Союзного договора впредь до проведения на Украине референдума, на который были вынесены два вопроса: о выходе Украины из СССР и учреждении поста Президента Украины.

На втором заседании Государственного совета, 4 ноября, Ельцин критиковал союзный центр за то, что он пытается не замечать тех изменений, которые происходят в республиках в последние месяцы, и предупредил, что Россия пойдёт на резкое сокращение финансирования союзных ведомств; так, объём финансирования союзного Министерства

²⁰⁰ Подробнее см.: Тюнеев В. П. В августе 1991 года. С. 86-87.

²⁰¹ Грачев А. С. Дальше без меня... Уход Президента. М., 1994. С. 48-51.

иностранных дел будет уменьшен в 10 раз. Вместе с тем Ельцин настаивал, чтобы сохранилось единое управление Вооружёнными силами разваливавшегося СССР.

14 ноября на заседании Государственного совета состоялось бурное обсуждение проекта Союзного договора. Развернулся спор вокруг вопроса: союзное конфедеративное государство или конфедерация союзных государств. Горбачёв настаивал на союзном государстве, а когда не встретил поддержки, то пригрозил уходом. Его оппоненты — Ельцин, Шушкевич — предлагали другой вариант: конфедерацию государств, которая могла бы иметь единые вооружённые силы. Участники заседания Госсовета СССР согласовали текст последнего варианта Союзного договора, предусматривавшего государственное устройство Союза Суверенных Государств как конфедерацию, предусматривающую в будущем сохранение только трёх министерств.

Многозначительно, и как оказалось вскоре, совершенно точно обозначил будущее СССР Л. М. Кравчук в своём интервью, данном газете Труд 19 ноября 1991 г. «...И я думаю, — говорил Кравчук корреспонденту газеты, — что было бы неплохо именно сейчас, когда накопилась масса трудно решаемых проблем, ...нескольким республикам, скажем, Украине, Беларуси и России выступить инициатором создания такого сообщества, в котором все входящие в него государства были бы равноправными... И решать их сообща, дружно, оставаясь государством без какого-либо политического центра»²⁰².

Такое отступление к политическим спорам внутри разваливающегося Советского государства представляется мне важным, так как без него трудно объяснить события, происходившие в союзной архивной отрасли. События в архивном деле России прямо и непосредственно влияли на ситуацию в других республиках. Следом за Россией, в большинстве республик были переданы в ведение архивных ведомств партархивы республиканских партийных организаций.

Не сложно было предположить, что республиканские архивы постараются втянуть в политическое соперничество между республиками. И я, и мои коллеги и друзья – Борис Иванович Иваненко, возглавлявший архивы Украины, и Александр Николаевич Михальченко – архивист Беларуси - хорошо понимали эту опасность. Я помню, как мы после очередного совещания мы собрались втроём в представительстве Украины в Москве и пообещали друг другу не втягивать наши ведомства в политические распри. Следует сказать, так и было. И это не мешало нам отстаивать интересы своего государства. И Украины, патриотом которой был Б.И. Иваненко, и Белоруссии, и России.

Постановление Совета Министров РСФСР «О развитии архивного дела в РСФСР» от 12 октября 1991 г. предписывало Роскомархиву принять союзные центральные архивы. Это решение имело очевидное влияние на союзное архивное ведомство.

19-20 ноября 1991 г. Главархив СССР собрал совещание руководителей органов управления архивным делом республик. На совещании были представлены: РСФСР, Украина, Грузия, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Беларусь, Казахстан, Армения, Кыргызстан. На этот раз Главархив СССР вынес на обсуждение проекты по созданию межреспубликанского совета по архивному делу, о центральных государственных архивах СССР и о финансировании архивного органа страны.

Начальник Главархива СССР Ф. М. Ваганов сообщил, что «сейчас идет упразднение ряда союзных министерств и ведомств, идет открытая и скрытая борьба за властные структуры. Государственный совет принял постановление, подписанное Горбачевым, о порядке рассмотрения вопросов о ликвидации союзных министерств и ведомств... Вопрос

²⁰² Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства / Сост. О. Н. Пучкова и др. Общ. ред. А. Б. Вебер и др.; Авт. предисл. А. Б. Вебер, А. С. Черняев. М., 1995. С. 256.

об организации архивного дела в условиях нового государственного устройства — непростой. Какая система архивных учреждений должна быть в Союзе суверенных государств, мы должны посоветоваться»²⁰³.

Мне пришлось возражать. Я сослался на то, что в последнем проекте Союзного договора, утверждённом на Госсовете 14 ноября 1991 г., предполагается сохранение только трёх союзных министерств. Остальные структуры ликвидируются. Существование союзного архивного ведомства не предусмотрено.

Возражая мне, Ваганов сослался на то, что «государственное устройство до конца не ясно. Правовой основой государственного устройства должен быть договор о политическом Союзе суверенных государств».

Ваганов и его коллеги из союзного главка не хотели видеть ни то, что произошло в политическом устройстве России, ни признать то, что происходит с так называемым «союзным центром», которому явно было не до архивов, культуры, образования.

Зураб Махарадзе, начальник Грузинского республиканского государственного архивно-производственного объединения «Мематиане», сообщил, что ни Грузия, ни Армения не подписали проект договора о Союзе суверенных государств. *«Надо разобраться в этих вопросах: т. Ваганов одно говорит, т. Пихоя — другое. Все предложенные нам на рассмотрение документы составлены так, как будто не было постановления о передаче ЦГА СССР в ведение России. В этих документах нет ничего нового по сравнению с теми, которые мы рассматривали в апреле 1991 г. Все права, которые вы нам даете в этих документах, у нас уже есть. Дополнительно никаких прав архивным органам республик не предлагается и ничего от них не отбирается. Если будет создаваться межреспубликанский центр, то при ком он будет существовать? ...Архивная служба будет жить так, как будет жить государство».*

Э. М. Савицкий, представлявший Беларусь, сослался на то, что его позиция согласована с его Правительством. *«Мы исходили из того факта, что Главархив СССР упразднен. Полагаем, что должен быть создан новый орган управления архивным делом. Мы разработали положение о межгосударственном научно-методическом центре по архивному делу. Финансироваться этот орган должен из средств тех республик, которые подпишут соответствующее соглашение. Нас беспокоит формулировка п. 2 в документе, зачитанном т. Пихоя, — документы должны быть доступны всем гражданам республик. Мы исходим из принципа недробимости фондов, но формулировка о доступности документов нас не устраивает, т. к. архивы не будут давать копировать фонд целиком. Я уже столкнулся с этим».*

Представитель Казахстана В. М. Чупров²⁰⁴ высказался за сохранение союзного органа управления архивным делом. *«Он нужен для координации научной, методической работы, руководства научными программами. В его ведении должен быть ВНИИДАД, передавать институт в ведение Роскомархива — нецелесообразно. Этот орган должен управлять ЦГА СССР, НИЦКД СССР»²⁰⁵. Мы не видим оснований, чтобы все это было в ведении российских архивных структур».*

Б. В. Иваненко, начальник Главархива Украинской Республики, высказал свою озабоченность полной неопределённостью происходящего. *«Никакой реакции президентских структур на проблему архивов нет. Союзный главк озабочен в основном своим выживанием. Передача архивов КГБ, партархивов главк не интересуется. Нам трудно сейчас сориентироваться в отношении союзного архивного органа, т. к. не решены*

²⁰³ Совещание руководителей органов управления архивным делом суверенных республик по вопросу организации архивного дела в новых условиях государственного устройства страны // ОА. 1992. № 1. С. 18.

²⁰⁴ Совещание руководителей. С. 19-20.

²⁰⁵ НИЦКД СССР — научно-исследовательский центр космической документации.

вопросы общего государственного устройства, на Украине также не решены проблемы государственного устройства. Создание союзной государственной структуры зависит от решения государственных властей. Главный вопрос сейчас в том, какой статус и новое положение ЦГА СССР. Вы знаете, как создавались фонды ЦГА СССР, как складывались эти архивы. Необходимо определить взаимоотношения ЦГА СССР с архивными учреждениями республик». По мнению Иваненко, «Межгосударственный совет по архивному делу — разумное предложение. Но ему также нужен рабочий аппарат, в Главархиве СССР есть опытные работники».

М. М. Моллаева, начальник Главархива Республики Туркменистан, высказалась за сохранение Главархива и против передачи России всех ЦГА СССР. *«Этот вопрос, о ЦГА СССР, должен решаться с участием архивных органов республик, а не так, как поступило Правительство РСФСР».*

Особенно примечательно было выступление З. А. Дустмухамедова, начальника Главархива Республики Таджикистан. «Правительство и Главархив Республики Таджикистан возражают против Постановления СМ РСФСР от 12 октября 1991 г. “О развитии архивного дела в РСФСР”, — сообщил руководитель таджикских архивов. — У него нет правовой основы, чтобы относить документы ГАФ СССР к экономической основе суверенитета РСФСР. На президиуме Кабинета Министров Таджикистана обсудили вопрос о ЦГА СССР, правительство против того, чтобы ЦГА СССР переходили в ведение Роскомархива. **Все должно быть согласовано с суверенными республиками, они на это имеют право.** Ведь в ЦГА СССР есть документы по истории каждой республики, у нас же многих документов нет по истории нашей страны, которые хранятся в ЦГА СССР, и мы хотим иметь не равные права в пользовании этими документами (как предусматривает п. 2 постановления от 12 октября), а **быть их полноправными хозяевами**» (курсив мой. — Р. П.).

К этой позиции присоединился Т. А. Абдыкаров (Кыргызстан). *«Что касается ЦГА СССР, то фонды их уникальны, многих документов по истории страны у нас нет, они есть в ЦГА СССР (например, документы о земельных спорах, карты и планы земель и т. п.). Нет необходимости передавать ЦГА СССР в ведение одной республики (РСФСР). Пересъемка копий — это большой труд и деньги. **Надо дать определенные права на эти документы и союзным республикам**» (курсив мой. — Р. П.)²⁰⁶.*

Самые тревожные опасения стали реализовываться. Желание растащить центральные архивы «по национальным квартирам» проявилось со всей очевидностью. Бездействие и беспомощность союзного главка только стимулировали желание республик быть «полноправными хозяевами» документов Российской империи, союзного аппарата управления. Оставалось только радоваться, что уже принято Постановление российского Совмина от 12 октября 1991 г., уже включившее центральные архивы в российскую архивную систему.

Справедливость такого вывода подтверждается очень квалифицированным вопросом моего украинского друга Бориса Васильевича Иваненко. Он спросил Ваганова: «Как будут решаться вопросы финансирования?» Фёдор Михайлович Ваганов должен был признаться: «Этот вопрос еще не решен. Центральные государственные архивы СССР Роскомархив готов финансировать. Пока Минфин СССР не отказал в финансировании».

Мне осталось напомнить, что существование союзного Минфина не предусматривается.

Ваганов с горечью продолжил: *«Вопрос о финансировании союзных архивных учреждений серьезный, но в стране некому на него ответить. Нет правительства в*

²⁰⁶ Совещание руководителей... С. 21-22.

стране. Россия знает, что она делает и зачем. Но Государственный совет СССР работает, возможно, он что-то сделает. Идет борьба не на жизнь, а на смерть по вопросам о государственном устройстве страны. Кто кого одолеет — не ясно».

Итог первого дня совещания подвёл В. А. Тюнеев, заместитель председателя Комитета по делам архивов РСФСР: *«Позиция Роскомархива однозначна, она не может отличаться от позиции Правительства РСФСР. Постановлением СМ РСФСР от 12 октября Главархиву СССР отказано существовать на территории России и дано указание передать все, в том числе и ЦГА СССР, Роскомархиву. Каждое союзное ведомство может выступить с требованием его сохранения. Весь ход совещания свидетельствует о том, что мы не вправе сейчас решать все эти вопросы».*

На следующем заседании, 20 ноября 1991 г., инициативу попыталась взять в свои руки В. А. Ильичёва, своего рода идейный лидер союзного главка. Она начала с того, что *«Москва — столица не только России, но и Союза. Об архивном органе страны решать будет Государственный совет СССР. Орган управления архивным делом должен быть координирующим (в этом ни у кого нет сомнения), но другим и по численности, и по функциям. Структур в нем не будет, будут крупные специалисты, они будут координировать работу по направлениям. ...Как специалисты, мы должны обосновать и обеспечить сохранение отрасли по архивному делу. Что касается ЦГА СССР, то в них есть документы и по истории суверенных республик. РСФСР не является правопреемником Российской империи, в ЦГА СССР сосредоточены документы Российской империи, территорий Кавказа и других, документы о деятельности армии. Правопреемником Российской империи является Союз государств. Так считают и ЦГА СС-СР¹. Финансироваться ЦГА СССР должны из союзного бюджета, его будут формировать все 10 республик. Этот вопрос будет рассматриваться на Государственном совете СССР. Как решится вопрос — не знаем, но профессиональную точку зрения мы должны высказать»²⁰⁷.*

Её коллега Э. С. Кузьмина предложила «подготовить короткое обращение нашего совещания с двумя пунктами:

1. О признании целесообразности функционирования координационного союзного архивного органа;

О целесообразности создания государственной ассоциации 12 ЦГА СССР, чтобы сохранить свой статус». Эти предложения не только были открытым выражением неприятия постановления российского Правительства, но и создавали угрозы для будущего центральных архивов. Это был самый настоящий авантюризм.

Во-первых, какого государства будет эта ассоциация?

Во-вторых, кто станет финансировать нечто самодеятельное и никому не подчинённое?

В-третьих, в случае появления этот «кооператив из 12 архивов» будет растащен по республикам, что уже ясно проявилось в ходе предшествовавшего обсуждения.

Дальнейшее обсуждение свелось, пожалуй, к единственному вопросу: откуда деньги для архивов.

Прочитую стенограмму.

А. И. Чугунов: «Обращаюсь к вам с вопросом. Кто будет финансировать ВНИИДАД с 1 декабря с. г.? ...У нас на счету 19 тыс. рублей, а должно быть 400 тыс. Я

²⁰⁷ Это положение не соответствовало действительности. Государственный архив Советской армии, военно-исторический архив, архив древних актов, военно-морской архив — эти центральные архивы к этому времени уже объявили о желании перейти в структуру Роскомархива.

должен искать другие формы существования института.

Р. Г. Пихоя (обращается к Ф. М. Ваганову): Можете ли вы обеспечить финансирование двух институтов, ЦГА СССР?

2. *С. Кузьмина: По решению правительства РСФСР Роскомархив нас взял, он и будет финансировать.*

Р. Г. Пихоя: Нам нужно платить вам деньги, они у нас есть, но нужен акт о приеме-передаче. Я оставил акт т. Ваганову»²⁰⁸.

До Беловежского соглашения оставалось 19 дней.

Союзные архивы, российские по происхождению, по истории формирования, по большей части по источникам комплектования — эти архивы возвращались под управление российского государства.

Огромный комплекс партийного делопроизводства был включён в состав Государственного архивного фонда.

Был разработан первый вариант российского Закона об архивах. Закон должен был гарантировать право всех желающих знать и изучать историю своей Родины, работать с документами архивов. Закон, в котором не должно было быть «серой зоны» чиновничьего (в т. ч. и архивно-чиновничьего) произвола. Чтобы там было ясно записано, что разрешено и что и почему запрещено. Чтобы не было документов кем-то «ограниченного доступа».

Было трудно, иногда страшно, очень интересно, потому что была надежда и уверенность, что дальше будет лучше. В том числе и для российского архивного дела.

Этим завершался первый этап реформ в архивном деле, этап поистине революционный.

Архивы в России. 1992-1993 годы²⁰⁹

Начало 1992 года для российских архивистов ознаменовалось тем, что в тугой клубок заплелись и перепутались новые проблемы и старые беды архивной отрасли.

Перечислю лишь некоторые:

- дефицит бюджета архивов, как, впрочем, и всей бюджетной сферы в стране, ухудшение материального положения архивистов в условиях радикальной экономической реформы;
- необходимость срочно принимать и где-то размещать документы тысяч ликвидирующихся предприятий, ведомств, министерств;
- стремление обеспечить достойное место архивной отрасли в системе менявшихся органов государственной власти и управления страны;
- необходимость найти ответы на требование, звучавшее отовсюду — от Кремля и Верховного Совета до газет, отечественных и иностранных исследователей и журналистов — рассекретить архивы — и отсутствие нормативной и законодательной базы для этого;

поток предложений о международном сотрудничестве и осознание необходимости соблюдения российских интересов и приоритеты... Это далеко не всё, что спрессовалось в полтора года. Хронологическая последовательность изложения в этой статье будет нарушаться. Заранее прошу прощения у читателя. И, тем не менее, постараюсь выделить

²⁰⁸ Совещание руководителей. С. 28.

²⁰⁹ Опубликовано: *Пихоя Р. Г. «Архивная революция»: Двадцать лет спустя. Часть 2. Архивы в России. 1992-1993 // АЕ за 2009-2010 годы. 2013. С. 3-25.*

важнейшее, что происходило в архивном деле в эти в полном смысле драматические два года.

Арьергардные стычки за союзные архивы.

Напомню, что к 1991 г. путём заключения двухсторонних соглашений между архивными ведомствами России и Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии были достигнуты договорённости, согласно которым утверждался принцип «чья земля — того архивы». Этот принцип был положен в основу переговорной позиции Роскомархива во взаимоотношениях с другими республиками.

После распада СССР споры о правах на союзные архивы переместились из архивного сообщества на политический уровень. В Протоколе совещания глав государств СНГ от 14 февраля 1992 г. министрам иностранных дел государств поручалось «подготовить документ о правопреемстве договоров, *всей собственности, государственных архивов, долгов и активов бывшего Союза ССР*» (курсив мой. — Р. П.)¹. Реальность угрозы передела фондов союзных архивов была подтверждена «Соглашением о возвращении культурных и исторических ценностей государствам их происхождения», принятым в тот же день — 14 февраля 1992 г. *подбор строки* В преамбуле документа значилось: «возвращение народам их произведений искусства, памятников, музейных экспонатов, архивов, рукописей, документов и других раритетов культуры и истории будет служить благородной задаче возрождения национальных культур». Однако реализация этой «благородной задачи» почти автоматически вела к конфликтам. Протокол совещания глав государств не был подписан в этой части Президентом Б. Н. Ельциным. Договорённости не были ратифицированы Верховным Советом Российской Федерации.

Наличие ранее заключённых соглашений позволило найти выход из той сложнейшей ситуации, созданной появлением упомянутого выше Соглашения о возвращении культурных и исторических ценностей. В Минске 22-23 апреля 1992 г. состоялось совещание руководителей архивных служб республик бывшего Советского союза. На ней присутствовали представители Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Латвии, Литвы, Молдавии, России, Таджикистана, Узбекистана, Украины.

Переговоры были сложными, возникали острые дискуссии, но в результате возникло общее понимание необходимости гарантировать:

- доступ к архивам бывшего СССР;
- право копирования материалов бывших центральных архивов СССР для пополнения архивного фонда других республик;
- целостность и неделимость исторически сложившихся фондов;
- суверенитет государства по отношению к тем архивам, которые возникли и существовали на территории этих республик к 1991 г.

Итоги дискуссии и принятое в Минске соглашение были сообщены политическому руководству стран СНГ. Мнение архивистов было учтено, и 6 июля 1992 г. в Москве главами государств СНГ было подписано специальное Соглашение о правопреемстве в отношении государственных архивов бывшего Союза ССР.

Совещание руководителей архивных служб стран Восточной Европы. Киев, 1994. Крайний слева в первом ряду – генеральный секретарь международного совета архивов Ш. Кечкемети.

Этот документ закрыл споры о собственности на союзные архивы, провозгласив: «Стороны, исходя из принципа целостности и неделимости фондов, образовавшихся в результате деятельности высших государственных структур бывших Российской империи и Союза ССР, которые хранятся в государственных архивах, находящихся за пределами их территорий, не претендуют на право владения этими комплексами документальных материалов».

Положение, важнейшее для судеб центральных архивов дополнялось другим: «Стороны взаимно признают осуществленный в соответствии с их национальным законодательством переход под их юрисдикцию государственных архивов и других архивов союзного уровня, включая государственные отраслевые архивные фонды бывшего Союза ССР, находящиеся на их территории».

Попытка экспертной комиссии из представителей государств-участников Содружества Независимых Государств вернуть в начале 1993 г. вопрос о разделе архивов в поле политических решений, вызвала резкое неприятие Государственной архивной службы России. 11 февраля 1993 г. архивная служба ответила на проект «Соглашения о Межгосударственной комиссии по проблемам собственности на культурные ценности, которые собраны в музеях, библиотеках, архивах и других хранилищах бывшего Союза СССР».

В ответе сообщалось, что, во-первых, Государственная архивная служба России считает необходимым, чтобы архивы были исключены из проекта Соглашения. Во-вторых, российские архивисты напоминали, что этот вопрос уже был рассмотрен на Совете Глав государств Содружества в Москве (июнь 1992 г.); что 6 июля 1992 г. главы десяти государств-членов СНГ подписали специальное Соглашение «О правопреемстве в отношении государственных архивов бывшего Союза ССР», в основу которого была положена концепция целостности в неделимости архивных фондов государств Содружества. «Таким образом, повторное рассмотрение вопроса об архивах на Совете Глав государств Содружества не вызывается необходимостью. Полагали бы целесообразным вывести архивы из вышеназванного Соглашения», — завершился ответ на проект Соглашения.

При внешней драматичности проблемы следует признать, что проблема правопреемства уже утрачивала для руководства Роскомархива свою актуальность.

Наваливались новые проблемы. Срочные. Неотложные.

Приём новых документов.

Радикальные перемены в экономике и системе государственного управления России повлекли за собой поток документации ликвидированных или приватизированных предприятий и ведомств. Закрывались многие заводы и НИИ. Министерства преобразовывались в акционерные общества. Прежние архивы новым хозяевам не были нужны. Зато нужны были площади, помещения, где раньше хранились служебные архивы. Документы в буквальном смысле выбрасывались на улицу. Нельзя сказать, что эта ситуация возникла внезапно. С момента создания 6 ноября 1991 г. Правительства реформ во главе с Б. Н. Ельциным и Е. Т. Гайдаром количество российских министерств было сокращено в несколько раз; с начала 1992 г. была запущена программа ускоренной приватизации государственных и муниципальных предприятий²¹⁰, следом за которой началось массовое изменение юридического статуса предприятий и учреждений.

Утрата ведомственных архивов с неизбежностью создавала опасные социальные последствия. В этом случае невозможно было бы установить производственный стаж работников, оформить пенсию, льготы и многое другое, жизненно важное для бывших и нынешних сотрудников приватизированных предприятий. Понятно и то, в случае гибели ведомственных документов сокращался источниковый потенциал архивов

По инициативе Роскомархива уже 14 ноября 1991 г. Правительство РСФСР приняло распоряжение № 8-Р об обеспечении сохранности документов ликвидированных министерств и ведомств СССР²¹¹. В распоряжении содержалось требование передать образовавшиеся в результате их деятельности документы, а также помещения для их хранения, штатную численность и фонд оплаты труда работников ведомственных архивов соответствующим органам государственного управления РСФСР, а при отсутствии — Роскомархиву.

Другим Указом Президент РСФСР обязал министерства и ведомства России, получавшие в свой состав бывшие союзные министерства и ведомства, обеспечить сохранность их архивов²¹².

Эти указы создали необходимую правовую основу для сохранения документов из ведомственных архивов. Из 82 ликвидированных министерств и ведомств поступило более 5,6 млн дел, в том числе 0,97 млн дел постоянного хранения и 1,29 млн дел по личному составу. Сохранились 144 архивных помещения общей площадью 17,7 тыс. кв. м. и ставки для 135 архивистов. Конечно, за этим результатом стояли труд работников Роскомархива, прежде всего — В. П. Тюнеева, В. А. Еремченко, Г. Г. Бакалинской; сотрудников центральных архивов, куда поступали на постоянное хранение документы из ведомственных архивов (ЦГАОР, ЦГАНХ, ЦГАЛИ, ЦГА РФ), и непосредственно работников ведомственных архивов как бывших союзных, так и вновь образованных министерств и ведомств²¹³.

Большое значение имело постановление Правительства от 3 марта 1993 г. «О порядке ведомственного хранения документов и организации их в делопроизводстве». Установлено, что

центральные органы федеральной исполнительной власти, министерства, ведомства республик в составе Российской Федерации, государственные учреждения, организации и предприятия:

²¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. // Приватизация. Полный пакет документов. В 2-х ч. М., 1992. Ч. 1. С. 10-11.

²¹¹ Обратите внимание на ведомственный номер документа. Это было 8-е (!) по счёту распоряжение нового правительства Ельцина-Гайдара.

²¹² Указ Президента РСФСР от 28 ноября 1991 г. № 242 «О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР».

²¹³ Андреева Л. С., Бакалинская Г. Г. О пересмотре отраслевого состава источников комплектования Архивного фонда Российской Федерации // ОА. 1992. № 3. С. 240-244.

осуществляют временное хранение документов государственной части Архивного фонда Российской Федерации в создаваемых ими ведомственных архивах или других структурных подразделениях, на которые возлагаются соответствующие функции;

обеспечивают учет, сохранность, использование, своевременный отбор и подготовку документов государственной части Архивного фонда Российской Федерации к передаче на государственное хранение в соответствии с правилами, установленными Государственной архивной службой России;

передают документы государственной части Архивного фонда Российской Федерации в учреждения Государственной архивной службы России по истечении предельных сроков ведомственного хранения... Все работы, связанные с подготовкой и передачей документов на государственное хранение, выполняются за счет средств центральных органов федеральной исполнительной власти...¹

Это постановление стало основой для заключения соглашений Росархива с министерствами и ведомствами, где предписывались конкретные требования обеспечения контроля над ведомственными архивами.

Другой серьёзной задачей архивного ведомства стало выполнение президентских указов от 24 августа 1991 г. о передаче на государственное хранение документов КГБ и КПСС²¹⁴.

Для приёма документов КГБ СССР и КПСС была создана специальная парламентская комиссия, которую возглавил Д. А. Волкогонов. В её состав вошли, кроме депутатов, большая группа историков и журналистов. Весьма обстоятельное изложение вопросов, обсуждавшихся на заседаниях этой комиссии, содержится в публикации одного из руководителей «Мемориала» Н. Петрова²¹⁵.

Пока в недрах комиссии бурно обсуждался порядок доступа к документам КПСС и КГБ, ситуация в стране стала быстро меняться. КПСС как политическая организация оказалась обречена. Её сменила Российская коммунистическая партия, утратившая все права на архивы КПСС. С проблемами, сложностями — процесс приёма и введения в научный оборот партийных архивов шёл относительно благополучно.

Совсем по-иному складывалась обстановка с передачей архивов КГБ в государственные архивы. Правовой основой должен был быть Указ Президента Б. Н. Ельцина от 24 августа 1991 г. о передаче, напомним, архивов центрального аппарата КГБ СССР «и его управлений в республиках в составе РСФСР, краях, областях, городах Москве и Ленинграде в ведение архивных органов РСФСР вместе с занимаемыми ими зданиями, сооружениями, штатной численностью и фондом оплаты труда».

Однако на практике выполнение этого указа стало тормозиться едва ли не с первых дней после его издания. Первая и главная причина состояла в том, что КГБ СССР, при всех его многочисленных реорганизациях, переименованиях, объединениях и разъединениях²¹⁶, по сути, сохранился и отнюдь не был намерен оставаться без своего ведомственного архива. С того момента, как структуры госбезопасности перешли в российское подчинение, у защитников сохранения ведомственного архива госбезопасности появились новые аргументы. Стало ясно, что получить архивы КГБ так, как были переданы архивы партии, уже не удастся.

²¹⁴ Подробные записи об организации приёма-передачи партийных архивов см.: Тюнеев В. П. В августе 1991 года... С. 23-25.

²¹⁵ Петров Н. Десятилетие архивных реформ в России // Индекс. 2001. № 3.

²¹⁶ КГБ СССР был официально упразднен 22 октября и 3 декабря 1991 г. вместо него была создана Межреспубликанская служба безопасности СССР, в январе 1992 г. — Министерство безопасности, объединившее ряд структур бывшего КГБ и Министерства внутренних дел, затем его сменила Федеральная служба контрразведки (с декабря 1993 г.), а за ней — Федеральная служба безопасности (с апреля 1995 г.).

В этих условиях удалось договориться с министром госбезопасности В. П. Баранниковым о некоем компромиссном варианте — об этапности передачи документов КГБ СССР на государственное хранение, что позволяло принять хотя бы часть документов. Так появилось совместное информационное письмо за подписями министра безопасности В. П. Баранникова и председателя Роскомархива Р. Г. Пихои от 3 февраля 1992 г. «О передаче архивов бывшего КГБ на государственное хранение». Письмо адресовалось руководителям республиканских, краевых, областных органов безопасности, начальникам управлений военной контрразведки и руководителям архивных органов республик, краёв и областей Российской Федерации, городов Москвы и Санкт-Петербурга. Сообщалось, что, в соответствии с Указом Президента и решением Комиссии Президиума Верховного Совета Российской Федерации по организации передачи-приёма архивов КПСС и КГБ от 23 января 1992 г., передаче на государственное хранение подлежали

- «а) фильтрационные фонды;
- б) архивно-следственные дела;
- в) личные дела бывших сотрудников госбезопасности;
- г) фонды секретного делопроизводства.

На первом этапе передаче подлежат документы групп „а“ и „б“».

Письмо предписывало: «Передачу-прием фильтрационного и трофейного фонда и архивно-следственных дел на госхранение завершить не позднее 1.08.1992 г. Об исполнении доложить».

При выделении двух основных групп документов уже тогда было понятно, что последняя группа — личные дела сотрудников и фонды секретного делопроизводства — вряд ли будут переданы. Личные дела попадали под нормы охраны личной тайны.

Тем не менее с февраля 1992 г. архивные органы приступили к приёму фильтрационных и архивно-следственных дел, то есть архивных дел о реабилитированных. Приём документов КГБ шёл сложно.

На годичной коллегии Роскомархива в марте 1992 г. начальники областных и краевых архивных отделов

- сетовали, «что установленные сроки передачи дел из КГБ не учитывают реальных возможностей на местах: не хватает помещений, необходимого оборудования, средств на научно-техническую обработку, методического обеспечения проводимых работ» (Н. И. Разгон, Алтайский край);
- отмечали опасность расшифровки агентурной сети, нерешённость вопросов со штатной численностью и фондом заработной платы работников архивов бывшего КГБ (Г. И. Черникова, Курская область).

Заведующий архивным отделом Вологодского облисполкома О. А. Наумова критиковала упомянутое письмо от 3 февраля 1992 г. По словам О. А. Наумовой, этот документ не только не прояснил ситуацию с приёмом документов КГБ, а наоборот, запутал её. В письме, говорила она, «нет четкого разъяснения по документам личного состава, не определено, какие документы органов КГБ и за какие годы будут передаваться на госхранение, с учетом сроков их ведомственного хранения или нет? Например, судебные дела, документы по личному составу хранятся на месте 75 лет, т. е. на хранение в 1992 г. должны передаваться документы 1917-1920 гг., а не все документы. Как быть с документами по личному составу на внештатных сотрудников КГБ? Роскомархив и представители КГБ должны четко определиться по всем этим вопросам»¹.

Нужно отдать должное О. А. Наумовой. Она достаточно точно указала на те противоречия, которые были в нашей позиции по приёму документов КГБ. Это было

понятно, впрочем, и авторам письма. За неясностями в письме скрывалось понимание того, что изменилось отношение политического руководства страны к будущему архивов КГБ.

Указ Президента об архивах КГБ фактически был отменён уже летом 1992 г. законами «О федеральных органах государственной безопасности» и «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации».

Первый из них определял, в частности, следующее. «Материалы архивов федеральных органов государственной безопасности, представляющие историческую и научную ценность, рассекречиваемые в соответствии с законодательством Российской Федерации, предоставляются для использования представителям науки, культуры, общественных объединений (организаций), средств массовой информации и гражданам в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о государственных архивах. Материалы федеральных органов государственной безопасности, содержащие сведения об их кадровом составе, лицах, оказывавших или оказывающих конфиденциальное содействие федеральным органам государственной безопасности, об используемых указанными органами методах и средствах решения оперативно-служебных задач, хранятся в архивах федеральных органов государственной безопасности».

Как не трудно заметить, архивы КГБ оставались на прежнем месте, за исключением тех документов, которые государственные архивные органы смогли получить в начале 1992 г. Порядок использования архивов КГБ, в конечном счёте, зависел от органов безопасности. Им предстояло рассекречивать документы «в соответствии с законодательством Российской Федерации»; выдавать «для использования представителям науки, культуры, общественных объединений (организаций), средств массовой информации и гражданам» или отказывать в этом.

Обращу внимание читателя и на то, что, в соответствии с Законом, оставались секретными данные «о методах и средствах решения оперативно-служебных задач». Расширительная трактовка этой нормы фактически закрывала доступ к большинству документов о массовых репрессиях 1920-1940-х гг., так как не сложно доказать, что в них содержатся данные об этих методах и средствах.

Иначе сложилась работа по приёму и обработке документов КПСС. Это было и просто, и сложно.

Просто — потому, что партийные документы были переданы на государственное хранение в течение очень короткого срока — в конце августа 1991 г. Архивы КПСС поступили в архивное ведомство вместе со зданиями и фондом оплаты труда сотрудников, что позволило сохранить квалифицированных сотрудников бывших партийных архивов. После этого политические наследники КПСС практически отказались от претензий на архивы.

А сложно — потому, что в течение десятилетий система партийных архивов развивалась независимо от государственной архивной службы, по своим собственным правилам. Сотрудники ВНИИДАДа, исследовавшие состояние научно-справочного аппарата бывших партийных архивов, писали: «Характерными ее (системы партархивов. — Р. П.) чертами являлись почти абсолютная закрытость от общества, строгие иерархичность и функционирование по определенным для каждого уровня правилам, четкая исполнительская дисциплина»²¹⁷.

Партийные архивы изначально были устроены не так, как государственные. Областные и краевые партархивы отличались от архивов ЦК КПСС, но и архивы 6-го и 7-го секторов Общего отдела ЦК (политбюро и секретариата) — от Центрального партийного

---

²¹⁷ Бельгина Л. И., Ларина В. Г., Химица Н. И. Научно-справочный аппарат в бывших партийных архивах: состояние и перспективы развития // ОА. 1994. № 5. С. 3-10.

архива ИМЛ при ЦК КПСС. Напомню, что архивы Общего отдела, где хранились документы, ценнейшие в историческом отношении, по сути, были тайными.

Принимая партийные документы на государственное хранение, необходимо было провести большую подготовительную работу — подготовить пользовательский научно-справочный аппарат, осуществить рассекречивание, создать условия для обеспечения сохранности.

В результате усилий сотрудников Центра современной документации, созданного на основе документации 7-го сектора ЦК (секретариата ЦК КПСС) и текущей документации аппарата ЦК, собранной в зданиях на Старой площади, весной 1992 г. был открыт читальный зал. С. В. Мироненко, тогда заместитель директора Центра хранения современной документации, писал в *Отечественных архивах*: «Со 2 марта начал работать читальный зал архива и первые исследователи, журналисты, представители общественности получили возможность изучать новейшую историю нашей страны на основе ранее совершенно недоступных и секретных документов КПСС. В распоряжении центра до 30 млн ед. хр. Его уникальные фонды охватывают период с 1952 по август 1991 г. Здесь хранятся протоколы заседаний секретариата ЦК КПСС и материалы к ним, документы отделов ЦК КПСС: организационной работы, идеологии и пропаганды, науки, культуры, торговли, промышленности.»¹.

Архивы бывшего ЦК КПСС открылись. Не полностью. С необходимостью рассекречивания огромных массивов документов. Без материалов, хранившихся в Архиве Президента. Документы так называемого 6-го сектора — архива Политбюро, «сталинского архива», позже — Президентского архива поступают в государственные архивы небольшими партиями до настоящего времени. Но они открылись. Прежде совершенно секретные, они стали доступны для учёных. Исследовательское поле для историков расширилось невероятно. Закончились ли разговоры о «недоступности архивов»? Нет^{218 219}. Потому что спекуляции на эту тему служат и будут служить оправданием для умственной лени и нелюбви к работе с документами.

Деньги, которых нет.

Новый, 1992 год начинался с безденежья. Денег не было в центральных архивах. Чуть лучше положение было с финансированием бывших партийных архивов. Там была сравнительно новая материальная база. Там не рвались трубы в хранилищах, не протекали крыши, не заливались документы. Там оставались какие-то деньги от переданного по Указу Президента фонда оплаты труда сотрудников бывших партархивов. В центральных архивах — слёзы! Старинные здания военноисторического архива в Лефортово, архива древних актов на Пироговке и исторического архива в Петербурге — прекрасные и разваливающиеся, требовали капитальных ремонтов. Гортехнадзор запретил использование лифтов в архивном городке на Большой Пироговской, 17, необходимо было менять кровли в нескольких архивах в Москве. Работа по созданию страхового фонда остановилась. Не было техники, плёнки, химикатов. Архивный городок в Москве и архив кинофотодокументов нуждались в технологическом обновлении и простом ремонте²²⁰. И

²¹⁸ Мироненко С. В. Презентация: Центр хранения современной документации // ОА. 1992. № 3. С. 3.

²¹⁹ Летом 1992 г. мне пришлось выступать перед специалистами в Институте российской истории о том, какие новые фонды и документы стали доступны исследователям. Из зала раздался недовольный голос: «К вам в архив не попасть! Как ни приду, там всегда двери закрыты!». На мой вопрос — «а вы куда приходите? — последовал ответ: «как куда? Как всегда, со стороны улицы Горького!»

Для справки. Двери в старое здание партийного архива, выстроенное архитектором С.Е. Чернышовым в 1925-1927 гг., со стороны ул. Горького были закрыты в 1984 г., когда главный вход был открыт со стороны ул. Пушкинской в связи с появлением нового громадного здания архива ЦК КПСС...

²²⁰ В 1992-1993 гг. заместитель руководителя Роскомархива В. И. Абрамов и начальник отдела сохранности Л. С. Шатенштейн едва ли не круглые сутки занимались организацией ремонтов бесчисленных прорывов и протечек.

самое тяжёлое — сотрудникам центральных архивов платили нищенские зарплаты, таявшие под напором инфляции.

В январе 1992 г. меня вызвали в архивный городок на общее собрание архивистов. Формально его организовал коллектив ЦГАОР, но фактически встретиться и спросить с председателя Роскомархива пришли архивисты и из архива экономики, и из ЦГАДА. О требованиях архивистов к архивной администрации ясное представление даёт резолюция общего собрания трудового коллектива ЦГАОР от 23 января 1992 г., оформленная по всем правилам, заверенная печатью архива. В резолюции, адресованной в Комитет по делам архивов и в московскую мэрию, сообщалось: «собрание сотрудников архива... констатирует резкое падение жизненного уровня сотрудников архивов, вплоть до обнищания».

Требования архивистов:

- установить должностные оклады за счёт бюджетных средств для сотрудников центральных государственных архивов с учётом прожиточного минимума в г. Москве в условиях инфляции;
- передать архивам площади, которые занимал в архивном городке Главархив СССР;
- увеличить финансирование материально-технического обеспечения архивов.

В случае непринятия своих требований архивисты угрожали забастовкой.

Из требований архивистов можно было скоро решить единственный вопрос — передать архивам помещения бывшего Главархива СССР, благо, что Роскомархив занял площади в здании бывшего ЦК КПСС на Старой площади, на Ильинке, 12. Надеяться на расширение бюджетного финансирования уже не приходилось. Шло падение оплаты труда. В условиях стремительно нарастающей инфляции зарплата выросла в номинальном исчислении с января 1992 по декабрь 1992 г. в 11,5 раз. Однако реальная заработная плата за 1992 год сократилась по отношению к концу 1991 г. более чем в два раза и составила около 40 % по отношению к декабрьской зарплате 1991 г.¹

Руководство Роскомархива обивало пороги в Правительстве, в Минэкономике, у курировавшего архивную отрасль заместителя министра М. Ю. Юсупова, пытаюсь выпросить у него... не деньги! Хотя бы не сокращения и без того тощего бюджета в условиях секвестирования государственного бюджета. Напомню, что секвестирование — забытое ныне слово — означало отказ государства финансировать уже утверждённые прежде в бюджете статьи расходов. Казна финансировала только оплату труда, да и то время от времени уменьшала бюджетные деньги на 15-25 %.

Положение было отчаянное.

Приходилось искать деньги везде, где только возможно было найти.

Инфляция увеличивала долги отрасли, а сокращение бюджета в очередной раз уменьшало возможности рассчитаться по долгам. Долги росли, расходы сокращались. Сетовать на тяжёлую ситуацию, оправдываться по принципу «всем тяжело» было бы просто безответственно. Роскомархив настойчиво добивался увеличения финансирования.

24 сентября 1992 г. Роскомархив писал исполнявшему обязанности Председателя Правительства РФ Е. Т. Гайдару о финансовом положении архивных учреждений в четвёртом квартале 1992 г. В письме сообщалось, что «выделенные ассигнования с учетом уровня заработной платы и цен в настоящее время покрывают всего 38 % требуемых на IV квартал расходов». Не хватало:

- на зарплату сотрудникам федеральных архивов 35 млн руб.;
- по начислениям по оплате труда — 9,3 млн руб.;

• на хозяйственные расходы — 70,7 млн руб., в том числе: отопление — 13,4 млн руб., освещение — 1,2 млн руб., аренда — 12,4 млн руб.

Не было денег на охрану помещений, на реставрацию и обеспечение сохранности документов. «Практически выделяемые средства в сумме

13 161 тыс. руб. могут покрыть затраты только на зарплату и начисления на зарплату», — сообщалось в письме²²¹. Добавлю — далеко не полностью.

Прошло 20 дней. Начальник отдела экономической и планово-финансовой работы, опытейший и ответственный финансист Людмила Петровна Хвощ информировала, что ответа на это письмо не получено.

Просили помощи у Президента.

Письма были отосланы 29 мая, 6 августа, 25 декабря 1992 года²²². Положительные резолюции Президента позволили получить от Правительства в ноябре 1992 г. 150 млн рублей на хозяйственные расходы и капитальный ремонт¹.

В последнем в 1992 г. письме Президенту в конце декабря Роскомархив информировал, что недофинансирование отрасли составило 222,9 млн рублей^{223 224}. Справедливости ради следует отметить, что поручения Президента едва ли не были единственным средством некоторого ослабления финансовой петли.

Жизнь становилась труднее. С 1991 г. цены пошли вверх, взлетев уже в 1992 г. (см. таблицу 3).

Таблица 3

Средние цены на отдельные продовольственные товары
(на конец года; рублей за килограмм, литр)²²⁵

	1	1	1	19	1
Говядина	1	2	2	5	1
Свинина	1	2	2	6	1
Колбаса вареная	1	2	3	8	2
Масло животное	1	2	2	12	2
Масло растительное	5	1	1	55	1
Молоко цельное	0	2	3	1	2
Яйца (за десяток)	4	8	8	2	5
Хлеб пшеничный высшего сорта	0,99	3,3	66	678	811

Как хотя бы частично смягчить по следствия ухудшения материального положения архивистов? Прежде всего, надо было в максимальной степени использовать перевод сотрудников бюджетной сферы на новые условия оплаты, на единую тарифную с етку. Согласно ей, все виды труда в бюджетной сфере распределялись на 18 разрядов. Министерство труда Российской Федерации направило в Роскомархив проект Постановления Правительства об уровнях оплаты труда сотрудников бюджетной сферы. Однако предполагаемые условия оплаты вызвали наши возражения.

²²¹ Цены в России. Статистический сборник. М., 1996. С. 124.

²²² Там же.

²²³ Распоряжение Правительства РФ от 10 ноября 1992 г. № 2067-р.

²²⁴ ГАРФ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 126.

²²⁵ См.: Цены в России. С. 86-87.

В письме, направленном в Минтруд 29 сентября 1992 г., Роскомархив настаивал: «намечаемая тарификация работников государственных архивов не соответствует возложенным на них обязанностям и предъявляемым к ним квалификационным требованиям...

В связи с тем, что архивные учреждения относятся к учреждениям и организациям науки и научного обслуживания, финансируются по разделу 202 «Наука» отдельным параграфом (§ 55) бюджетной классификации..., считаем необходимым выделить работников архивных учреждений в самостоятельный раздел, ...повысить диапазон устанавливаемых разрядов»¹.

Далее в письме следовал перечень архивных должностей с нашими предложениями о размерах оплаты.

Эти предложения Роскомархива были практически полностью учтены в Постановлении Правительства РФ от 14 октября 1992 г. № 785 «О дифференциации в уровнях оплаты труда работников бюджетной сферы на основе Единой тарифной сетки», подписанном Президентом Б. Н. Ельциным. Учтено было и наше предложение о вычленении архивных учреждений в отдельный раздел классификации.

Прочитую этот документ²²⁶:

«Архивные учреждения

Главный специалист	11-14
Заведующие (начальники): отделами (секторами) по основной деятельности, лабораториями, архивохранилищами	11-14
Главный хранитель фондов	12-15
Директор (заведующий) архивного учреждения, директор филиала	10-16»

Что это значило? 16-й разряд присваивался директору академического института, ректору университета.

На некоторое время архивная отрасль по оплате труда оказалась конкурентоспособной по сравнению, прежде всего, с учреждениями Российской академии наук, рядовые сотрудники которой в новых условиях получали меньше, чем архивисты. Это позволило привлечь к работе в архивах очень квалифицированных работников.

Однако инфляция скоро догнала и уничтожила это кратковременное облегчение.

Росархив добился обсуждения в июле 1993 г. вопроса о государственной политике в архивном деле на Президиуме Правительства. (Подробнее об этом — ниже). Понятно, что вопрос о финансировании отрасли был одним из центральных. Это, в свою очередь, привело к тому, что Отдел науки, культуры и образования аппарата Правительства запросил Росархив о ходе финансирования в 1993 г. Ответ Росархива, сообщённый 18 августа

1993 г., содержит точную картину финансового состояния отрасли. В нём сообщалось: «Финансирование покрывает всего одну треть предельно ограниченных потребностей Федеральных архивов и осуществляется с большим опозданием, что создает социальную напряженность в коллективах. Повышение зарплаты в 2 раза в 01.04.93 г. и в 1,81 раза с 01.07.93 г. при открытии кредитов не учитывалось. Не обеспечивается должным образом финансирование основной функции архивов — сохранности документов Архивного Фонда России. Катастрофически не хватает средств на оплаты по договорам за милицейскую и пожарную охрану, коммунальные услуги, приобретение материалов и

²²⁶ Росархив. Текущий архив.

специального оборудования, необходимых для реставрации в создания страхового фонда уникальных и оособоценных документов».

К записке прилагалась справка о состоянии финансирования Росархива на 11.08.93 г. (в млн руб.)

Прочитирую её²²⁷.

	План финансиро- вания на 1993 г.	Открыто кредитов в 1993 году			
		I квартал	II квартал (с июля нарастающим итоном)	III квартал	IV квартал
Объем финансирования из республиканского бюджета	1092,3	273 ,1	546,1	1,0	9

Экономический кризис в России, шедший на фоне падения нефтяных цен, составлявших в 1993 г. от 13 до 15 долларов за баррель²²⁸, не мог не влиять на состояние архивного дела в стране, и можно только выразить глубочайшую благодарность сотням архивистов в России, продолжавшим выполнять в этих условиях свои обязанности.

Международные соглашения о копировании документов.

Роскомархив испытывал беспрецедентное давление прессы, отечественной и иностранной. Ждали исследователи, требовавшие открыть новые партийные архивы, передача которых в государственное ведение была одним из знаковых событий новой власти. И люди ждали реальных результатов этого события. Людей не волновало, что не было ещё правовой основы для использования документов, что требовалось элементарно организовать читальные залы там, где их прежде не было, подготовить для учёных необходимый научно-справочный аппарат. Они справедливо считали, что эти проблемы — проблемы ведомства.

В сложнейшей ситуации 1992 г. Роскомархив заключил несколько договоров о международном сотрудничестве. Самое квалифицированное исследование по истории их появления принадлежит, по моему мнению, начальнику отдела международных связей Росархива К. Г. Черненкову. Речь идёт о проектах:

- по копированию и распространению документов по новейшей истории России совместно с Гуверовским институтом войны, революции и мира (США) и издательской компанией Чедвик-Хили ЛТД (т. н. «Гуверовский проект»);
- по копированию метрических книг для Генеалогического общества штата Юта (США).

Не останавливаясь на конкретных деталях этих соглашений, изложенных в статье К. Г. Черненкова, полагаю важным напомнить обстоятельства, повлиявшие на принятие решения о заключении этих договоров²²⁹.

Прежде всего, хочу отметить беспрецедентное политическое давление, оказанное на

²²⁷ Там же.

²²⁸ Некрасов А. С., Данилина М. В. Валютные поступления от экспорта российских углеводородов: факторы и зависимости // Проблемы прогнозирования. 2004. № 5. С. 28.

²²⁹ Черненко К. Г. Международные проекты российских архивистов // Всероссийская научно-практическая конференция «Архивоведение и архивное дело в России (1991-2005 гг.): осмысление пройденного». Москва, 19-20 апреля 2006 г.

Роскомархив, с настойчивыми предложениями о копировании документов КПСС, которые посыпались уже в первые дни после принятия Президентом Указа о передаче архивов КПСС на государственное хранение. Это давление шло от депутатов Верховного Совета, представителей Правительства, МИДа, известных диссидентов, пользовавшихся политической поддержкой в условиях крушения КПСС²³⁰. В английской *Sandy Telegraph* в ноябре 1991 г. появилась статья, в которой Норман Стоун, тогда профессор Оксфорда, объявил, что Президент России передал ему, Н. Стоуну, право монопольного изучения архивов ЦК КПСС на ближайшие два года. Эта хлестаковщина была бы смешной, если бы не воспринималось вполне серьёзно учёными коллегами этого профессора.

Поверить, что в России пытаются применить те же правила использования документов, что и в большинстве стран мира, было чрезвычайно трудно. Проще было убедить себя, что прежняя монополия «плохого парня» — КПСС — будет заменена монополией другого «парня» — политического противника КПСС, только похитрее и побогаче.

Немало учреждений или отдельных исследователей приезжали в Москву в конце 1991 — 1992 г. с предложениями решить все многочисленные проблемы архивной отрасли при условии предоставления им непременно «эксклюзивных прав на использование архивов КПСС и КГБ». По пути они раздавали устные и письменные заверения о неограниченных научных и финансовых ресурсах, правда, несколько позже выяснялось, что все они появятся после того, как им будут переданы пресловутые «эксклюзивные права...» Не стану даже перечислять те институты, отечественные и зарубежные, которые добивались, требовали, интриговали, угрожали, обвиняли меня «в непонимании политической ситуации» и необходимости срочно и тотально копировать архивы КПСС. Отчасти именно они стали в дальнейшем критиками и обвинителями руководства Роскомархива²³¹.

Считаю необходимым изложить мою позицию, которой я руководствовался в то время.

Я полагал, что,

- во-первых, Россия является преемницей СССР, а КПСС была важнейшей частью государственного аппарата. Поэтому отношение к документам КПСС должно быть таким же, как и документам государственного управления. Это предполагало необходимость анализа копируемых документов, исключающего возможность утечки реальных государственных секретов. Это обстоятельство решительно отличало мой подход от подхода В. Буковского, о чём он достаточно ясно написал в своём «Московском процессе»;
- во-вторых, возможность копирования части документов КПСС, обладающих огромным источниковым потенциалом и служащих ценным свидетельством по политической (и не только!) истории СССР, должны стать доступными для отечественных и иностранных учёных;
- в-третьих, непременным условием договорённости о копировании должен стать паритетный характер соглашения. Он предполагал не только копирование российских архивов, но и получение такого же количества копий России из западного архива;
- наконец, но не в последнюю очередь, соглашение должно позволить решить ряд материальных проблем архивной отрасли в условиях сокращения государственного финансирования. За счёт западной стороны следовало создать собственный страховой фонд

²³⁰ См., например: Буковский В. К. Московский процесс. М., 1996.

²³¹ См., например: Афанасьев Ю. Н. Архивная «Березка»: Оказывается, из нашей истории можно качать валюту // Комсомольская правда. 1992. 23 мая.

документов, микрофильмировать их в соответствии с действовавшими мировыми стандартами, а для этой цели надо было получить современные аппараты для микрофильмирования, плёнки, расходные материалы.

Поэтому в качестве партнера был избран Гуверовский институт, располагающий одной из лучших за границами нашей страны коллекцией Россики.

Соглашение предполагало одновременное микрофильмирование ряда фондов Гуверовского института войны, революции и мира и трёх российских архивов: Государственного архива Российской Федерации, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (ныне РГАСПИ) и Российского центра современной документации (ныне РГАНИ). Зарубежными партнерами по проекту были названный Гуверовский институт (Стэнфорд, США) и издательская фирма «Чедвик-Хили ЛТД» (Кембридж, Великобритания), специализировавшаяся на изготовлении микрофильмов архивных документов. В соглашении устанавливалось, что Гуверовский институт будет представлять, по выбору российской стороны, равный объём микрокопий своего архива¹.

Российская сторона оставляла себе плёнку (master-copy), которая могла служить основой для последующего копирования и создания страховых копий; копии всех (российских и американских) документов передавались в ГА РФ и в научно-техническую библиотеку Сибирского отделения РАН; в США — в Гуверовский институт и Библиотеку Конгресса США. Для отбора материалов с целью копирования был согласован состав редакционного комитета, куда вошли, в частности, академик Н. Н. Покровский и член-корреспондент РАН Д. А. Волкогонов. В соответствии с этим договором российская сторона получала в свою собственность микрофильмирующую аппаратуру (после завершения проекта), страховые и пользовательские копии всех произведённых микрофильмов, копии Русской коллекции Гуверовского института, а также соответствующие финансовые выплаты и отчисления от продаж.

Работа по копированию оплачивалась американской стороной. Деньги, полученные за осуществление этого проекта, буквально кормили сотрудников федеральных архивов, в том числе не занятых в проекте, в трудные месяцы 1992 и 1993 гг., когда проходило секвестирование заработной платы в архивах.

За период с 1992 по 1996 (а для ГАРФа — 2005 год) по всем трём архивам-участникам проекта было произведено около 14,5 млн кадров микрофильмов документов и описей архивов. Из них на ГАРФ приходится около 9,5 млн кадров, на РГАСПИ — около 3,5 млн кадров, на РГАНИ — около 1,47 млн кадров^{232 233}. Российская сторона получила от реализации этого проекта около 3 млн долларов — более чем существенно в условиях 1992-1995 гг.

В центральной российской прессе был опубликован ряд критических статей, в которых руководителя архивного управления обвиняли в том, что «он подписал не только финансово невыгодный договор, но и согласился на условия, при которых микрофильмы документов будут скорее доступны в США, чем в самой России». Сам договор о микрофильмировании был назван «победой коммерции над наукой», указывалось на то, что «американцы и британцы выставили на продажу большую часть московских архивов, а российские историки чувствуют себя обманутыми»²³⁴.

Прошло время. Стало ясно то, что и во время заключения договора было понятно

²³² Хочу выразить свою признательность и уважение моим коллегам — Чарлзу Палму, директору Гуверовского архива, профессорам Теренсу Эммонсу (Стэнфордский университет), Яне Хоулетт (Кембриджский университет), принимавшим участие в этом проекте.

²³³ Ульяницкий К. Б. Информационные ресурсы зарубежных архивов в микрофотокопиях ГАРФ (1956-2000-е гг.): архивоведческое исследование. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

²³⁴ См.: Черненко К. Г. Международные проекты российских архивистов...

для тех, кто хотел понять, а не спекулировать на извечной российской фобии — пугать иностранцами. Документы копировали, а не продавали. Ни одна бумажка не сменила места своего хранения. Документы стали (и оставались) доступными для всех исследователей. Более того, доступность этих документов стала больше, чем раньше. Информационная база российских архивов выросла за счёт того, что в Москве и Новосибирске появились копии документов Гуверовского архива. Добавлю к этому создание и обновление страхового фонда, то есть улучшение сохранности документов, оснащение ряда архивов современной копировальной техникой.

Передача микрофильмов документов. Гуверовского института в Росархив. Ч. Палм и Р.Г. Пихоя

Я был и остаюсь решительным противником рассуждений о необходимости создания «приоритетных условий для отечественных учёных». За благо стной формулировкой скрывается стремление оправдать лень и неразворотливость той части людей, для которых появление новых источников, расширение доступа к документам — это головная боль и покушение на прежнюю монополию в науке. Убеждён: наука конкурентна по своей природе. Там, где конкуренция заканчивается, начинается кризис науки.

Архивы в системе государственного управления.

Место архивного ведомства в системе государственного управления — ясное свидетельство отношения к историческому наследию государственной власти на каждом этапе её деятельности. В ноябре 1990 г. ГАУ при Совмине РСФСР было преобразовано в Комитет по делам архивов при Совмине РСФСР, а с ноября 1991 г. — в Комитет по делам архивов при Правительстве Российской Федерации. Параллельно с этим шло расширение полномочий органа управления архивным делом, роста количества объектов управления. Напомню, что с осени 1991 г. Роскомархив должен был принять под своё управление всё хозяйство союзного Главархива и партийные архивы ЦК КПСС, местных партийных организаций на территории России.

Осенью 1992 г. началась подготовка к очередной реорганизации системы государственного управления. Предполагалось преобразовать Роскомархив в федеральную службу. Это вынудило меня обратиться 22 сентября 1992 г. к Президенту с запиской «О месте Роскомархива в системе центральных органов федеральной исполнительной власти». Там сообщалось, что в проекте Указа «О системе центральных органов федеральной исполнительной власти...» предусмотрено преобразование Комитета по делам архивов при Правительстве в Федеральную службу архивов. Это предложение, на наш взгляд, не может быть принято, так как служба, в отличие от комитета, не наделяется функциями межведомственного контроля. Постановлением Правительства РФ от 15 января 1992 г. «Вопросы Комитета по делам архивов при Правительстве Российской Федерации» на Роскомархив возложены обязанности государственного регулирования развития архивного дела в Российской Федерации, ответственности за его состояние.»¹.

Результатом этого обращения стало то, что архивная служба получила особый статус

— она была преобразована не в федеральную, а в Государственную архивную службу^{235 236}. Функции межведомственного контроля были закреплены сохранены.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. утверждено Положение о Государственной архивной службе. Государственная архивная служба Российской Федерации (Росархив) определялась как центральный орган федеральной исполнительной власти, осуществляющий государственную политику в области архивного дела и геральдики. Среди его межведомственных функций были объявлены:

- государственное регулирование развития архивного дела и научно-технический прогресс в этой области,
- единая политика в вопросах создания и использования официальных государственных символов,
- координация деятельности центральных органов федеральной исполнительной власти в области архивного дела, геральдики и организации документов в делопроизводстве,
- развитие совместно с центральными органами федеральной исполнительной власти государственной системы делопроизводства и унифицированных систем документации; взаимодействие по этим вопросам с органами исполнительной власти республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга.

Росархиву было представлено право:

- получать от центральных органов федеральной исполнительной власти, учреждений, организаций и предприятий, независимо от их ведомственной подчиненности и форм собственности, необходимые материалы о работе архивов и об организации документов в делопроизводстве;
- заслушивать представителей центральных органов федеральной исполнительной власти, учреждений, организаций и предприятий по вопросам работы архивов и организации документов в делопроизводстве, а также по вопросам геральдики;
- давать, в пределах своей компетенции, центральным органам федеральной исполнительной власти, учреждениям, организациям и предприятиям обязательные для исполнения письменные указания по работе архивов и организации документов в делопроизводстве, а также по вопросам геральдики.

В Росархиве вводилась должность Руководителя — Главного государственного архивиста России, назначаемого и освобождаемого от должности Президентом Российской Федерации.

Росархив перешел в непосредственное подчинение Президента, в число так называемых «ведомств под звездочкой» — наряду с МИДом, Минобороны, ФСК и рядом других.

С 1992 г. руководство архивной отрасли начало долгую борьбу за отнесение архивной службы к виду государственной службы. Обращаясь к Правительству, мы писали, что «основную часть хранящихся документов Архивного фонда России составляют акты органов государственной власти и органов государственного управления...». Обеспечение органов государственной власти документной информацией — это важнейшая обязанность архивистов. Мы обращали внимание на то, что сотрудники ведомственных архивов —

²³⁵ Росархив. Текущий архив.

²³⁶ Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 1992 г. «О структуре центральных органов федеральной исполнительной власти».

аппарата Правительства, Администрации Президента, министерств и федеральных ведомств уже являются госслужащими, а сотрудники федеральных архивов, которые хранят и обеспечивают использование несравненно большего комплекса документов государственного аппарата, тех же министерств и ведомств — не являются государственными служащими. Мы обращали внимание на то, что речь идет о сравнительно небольшом количестве человек. В 1992 г. насчитывалось 9 951 человек, из которых 3 535 работали в федеральных архивах и центрах документации, а остальные — в республиканских, краевых и областных архивах.

Мы ссылались на международную практику, на опыт государственных архивов США, ФРГ, Франции, сотрудники которых являются государственными служащими в своих странах²³⁷.

Убеждён в том, что именно принадлежность к государственной службе должна радикально и позитивно изменить статус архивиста в России.

Нельзя не отметить ещё один важный документ, прямо повлиявший на архивную отрасль. 12 ноября 1992 г. был издан Указ Президента РФ № 1352 «О закреплении имущества за органами и учреждениями Государственной архивной службы России». В нём говорилось: «В целях обеспечения сохранности документов Архивного фонда Российской Федерации и укрепления материально-технической базы органов и учреждений Государственной архивной службы России постановляю:

1. Установить, что имущество, в том числе недвижимое, находящееся или передаваемое в оперативное управление органам и учреждениям Государственной архивной службы России, закрепляется за ними на праве бессрочного владения, пользования и распоряжения им.

2. Запретить собственникам закрепленного за органами и учреждениями Государственной архивной службы России имущества, передаваемого им в оперативное управление, изымать это имущество или перераспределять его между другими созданными ими юридическими лицами»¹.

Понятно, что этот Указ стал средством стабилизации и укрепления архивной отрасли, только что принявшей в свой состав по всей стране и в Москве многие десятки зданий бывших партийных архивов. Подчеркну: право архивной отрасли на бессрочное владение, пользование и распоряжение своим имуществом в дальнейшем с большим трудом и спорами вошло в Закон об архивах, и ссылка на действующий Указ была серьёзным аргументом в нашу пользу.

Обеспечение органов власти исторической информацией.

В предыдущем разделе я уже писал, что Росархив стал инициатором возвращения исторической геральдики. 5 ноября 1990 г. было принято Постановление о создании Государственного герба и Государственного флага, я был назначен председателем Правительственной комиссии по созданию герба и флага.

В структуре Роскомархива был создана (20 февраля 1992 г.) Государственная геральдическая служба РФ, которую возглавил по совместительству известный геральдист, заместитель директора Государственного Эрмитажа Г. В. Вилинбахов. 22 декабря 1992 г. она была преобразована в Управление геральдики Государственной архивной службы России. Ход работы над Государственными гербом и флагом и президентским штандартом описаны в книге Георгия Вадимовича²³⁸.

В 1994 г. по предложению Росархива в структуре Администрации Президента была

²³⁷ Росархив. Текущий архив.

²³⁸ Вилинбахов Г. В. Государственный герб России... С. 51-57.

создана Государственная герольдия. Отмечу только, что деятельность по созданию герба и флага шла под пристальным вниманием общества и прессы и завершилась тем, что 30 ноября 1993 г. Президент Б.Н. Ельцин утвердил новый государственный герб.

Огромный объём исторической информации потребовался с мая по ноябрь 1992 г. для Конституционного суда, исследовавшего так называемое «Дело КПСС», или, точнее, «Дело о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 г. «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР», от 25 августа 1991 г. «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР» и от 6 ноября 1991 г. «О деятельности КПСС и КП РФ», а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР».

Для нужд Конституционного суда была проведена громадная работа по выявлению документов и их рассекречиванию в архивах Секретариата и Политбюро ЦК КПСС. Достаточно сказать, что в ходе этой работы были обнаружены подлинники докладной записки наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии И. В. Сталину с предложением поручить НКВД СССР рассмотреть в особом порядке дела на польских граждан, содержащихся в лагерях для военнопленных НКВД СССР и тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии, датируемой мартом 1940 г. и выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК ВКП (б) «Вопрос НКВД СССР» (пункт 144) от 5 марта 1940 г., которыми санкционировался бессудный расстрел польских пленных²³⁹.

В процессе выявления документов мне было поручено докладывать важнейшие документы Президенту. Так, пришлось выполнить поручение Президента и в качестве его специального посланника доставить 14 октября 1992 г. копии так называемых «катынских документов» Президенту Польши Л. Валенсе.

Фото из польской газеты. В первом ряду -Р.Г. Пихоя и Л. Валенса

Эти и многие другие поручения, которые выполнялись в 1992-1995 гг. для Президента и Правительства, служили дополнительным доказательством важности Росархива для органов государственной власти и позволяли более успешно решать ряд насущных вопросов архивной жизни новой России.

²³⁹ Сделаю заметку для расплывшихся товарищей разнообразной политической ориентации, пытающихся доказать поддельный характер этих документов. Подлинники хранятся: РГАСПИ. Ф.17. Оп. 166. Д. 621. Л. 130-134.

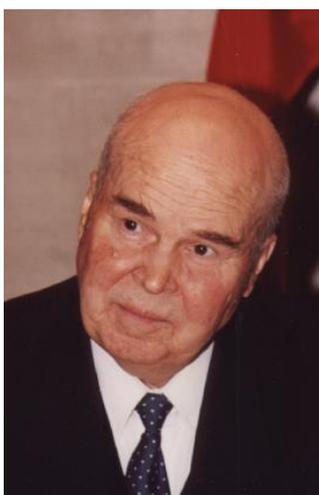
Е. Сковронек, руководитель архивов Польши и Р.Г. Пихоя

Рассекречивание.

Гриффы секретности имели до 90 % партийных и до 20 % документов федеральных архивов. Оставались засекреченными материалы 50-, 60- и даже 70-летних сроков давности. Полностью были засекречены все данные о массовых репрессиях, большинство сведений о деятельности высших органов госаппарата, партии.

Архивисты на некоторое время оказались в двусмысленном положении — они были в равной степени уязвимы для критики и в том случае, когда выдают считавшиеся прежде секретными материалы, и в том, когда пытаются руководствоваться старыми инструкциями и ограничениями. Выходом из создавшегося положения стало не только принятие упомянутого выше Постановления Верховного Совета, но и создание специальной Комиссии по архивам под руководством заместителя Председателя Правительства РФ М. Н. Полторанина, которая рассматривала наиболее сложные документы, созданные, как правило, сравнительно недавно.

Ситуация, сложившаяся после августа 1991 г., заставила нас обратиться в Верховный Совет для того, чтобы была создана специальная комиссия по приёму-передаче архивов КПСС и КГБ. Такая комиссия была создана Президиумом ВС. Ее возглавил Д. А. Волкогонов.

Дмитрий Антонович Волкогонов

Комиссия подготовила совместно с Роскомархивом «Временные правила до ступа и использования к архивным документам», которые в основном базировались на положениях проекта закона. Эти правила были утверждены Верховным Советом 18 июня 1992 г. Был установлен 30-летний срок секретности для государственных документов, 75-летний для

документов, содержащих тайну личной жизни. Постановление установило равные права доступа к архивным материалам для российских и иностранных исследователей. Эти нормы в полной мере соответствовали международной практике. Благодаря постановлению Верховного Совета впервые появилась правовая основа для деятельности архивов, хотя оно далеко не исчерпывало содержание будущих Основ законодательства РФ «Об Архивном фонде Российской Федерации и архивах».

Работа над созданием проекта Закона растянулась на 1991-1992 гг. Непосредственное участие в разработке принимали Руководитель Росархива Р. Г. Пихоя, заместители Руководителя Росархива В. А. Тюнеев, В. И. Абрамов, А. С. Прокопенко, В. П. Козлов, начальник отдела Росархива А. Н. Артизов, профессор РГГУ Б. С. Илизаров, Председатель Археографической комиссии РАН, академик РАО С. О. Шмидт, член-корреспондент РАН Я. Н. Щапов.

Всю вторую половину 1992 и первую половину 1993 г. заняла работа с Верховным Советом Российской Федерации. Верховный Совет уже тогда раздирался острыми политическими спорами, едва ли не основным вектором политического процесса стало противостояние президентской и представительной властей. Росархив был частью президентской власти. Тем важнее было отвести будущий Закон от политической суеты. Я и мои коллеги работали со всеми фракциями — от ЛДПР и коммунистов до Демократической России и «Смены — новой политики». Нужно отдать должное депутатам — они понимали важность этого закона для России²⁴⁰.

Закон был принят и 7 июля 1993 г. подписан Президентом. Впервые в истории нашей Родины появился закон об архивах.

Полагаю, что принятием этого закона завершается второй — самый трудный и самый важный период архивной революции в России.

Третий этап «архивной революции» я датирую временем с середины 1993 г. (Закон об архивах, политико-конституционный кризис августа-декабря 1993 г., принятие новой Конституции России) — до 1996 г. (значительные изменения в деятельности Росархива: снижение статуса Государственной архивной службы, утрата ею прямой подчинённости Президенту РФ и преобразование в Федеральную архивную службу). Эту пору отличают

- осложнение позиций исполнительной власти под воздействием думской оппозиции и, как следствие, усиление критики деятельности Росархива при рассекречивании документов и в области международного сотрудничества;
- нарастание проблем, связанных с рассекречиванием партийных документов, и создание в Администрации Президента комиссии по рассекречиванию документов КПСС;
- попытки Росархива распространить статус госслужащего на сотрудников Государственной архивной службы.

***

В 1992 — первой половине 1993 г. аппарату Росархива удалось решить две стратегически важные задачи:

Во-первых, согласовать в многочисленных фракциях, комитетах и комиссиях Верховного Совета проекта Закона «Об Архивном фонде Российской Федерации и архивах» и принятие этого Закона. Удалось заручиться поддержкой большинства депутатов. Закон был принят 7 июля 1993 г., перед парламентскими каникулами и, как

²⁴⁰ Подробный и тщательный анализ значения этого закона был проведен в ст.: *Артизов А. Н. и др. Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде РФ и архивах: идеи, принципы, реализация // ОА. 1993. № 6. С. 3-8.*

позже оказалось, он стал одним из последних законов вскоре разогнанного Верховного Совета^{241 242}.

В Постановлении Верховного Совета Российской Федерации «О порядке введения в действие законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах» Совету Министров — Правительству Российской Федерации предписывалось:

«до 1 августа 1993 года представить в Верховный Совет Российской Федерации предложения об установлении уголовной и административной ответственности за порчу, уничтожение, хищение, незаконную скупку, продажу, приобретение и вывоз архивных документов; до 1 сентября 1993 года привести действующие нормативные акты об архивном деле в Российской Федерации в соответствии с указанными Основами»²⁴³.

Во-вторых, на этот год пришлось завершение (как тогда казалось) подготовки и принятия правительственного документа — «Программы развития архивного дела в Российской Федерации до 2000 г.».

Этот документ готовился долго и тщательно. Его подготовкой занимался тогдашний начальник отдела анализа и регулирования развития архивного дела А. Н. Артизов. Появлению решения Правительства предшествовали консультации и споры как в аппарате Правительства, так и непосредственно на заседаниях Правительства во время обсуждения вопросов, в разной степени касавшихся архивной отрасли. Целый ряд вопросов были согласованы с министерствами и ведомствами, обладавшими ведомственным правом хранения документов.

Наконец, 23 августа 1993 г. Совет Министров — Правительство Российской Федерации приняло Постановление № 838 «О реализации государственной политики в архивном деле». Позволю себе достаточно полно изложить содержание этого документа, ставшего, по моему мнению, едва ли не самым важным программным документом в истории российского архивного дела. Другое дело, что многие положения этой программы остались нереализованными по причинам, о которых я скажу ниже.

Преамбула документа гласила: *«в целях реализации единой государственной политики в архивном деле, направленной на сохранение, пополнение и использование Архивного фонда Российской Федерации, являющегося неотъемлемой частью историко-культурного наследия народов Российской Федерации, улучшения обеспечения органов государственной власти, учреждений, организаций и предприятий ретроспективной документной информацией, а также удовлетворения законных прав и интересов граждан»* Правительство Российской Федерации постановило: *«...центральный органам федеральной исполнительной власти, органам исполнительной власти республик в составе Российской Федерации, автономной области, автономных округов, краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга принять меры по усилению государственного влияния на развитие архивного дела, улучшению деятельности государственных и ведомственных архивов, укреплению их материально-технической базы и финансового положения, обеспечению кадрами, социальной защищенности работников архивных учреждений»*.

Государственную архивную службу России обязывали:

«представить в 3-месячный срок на утверждение Совета министров —

²⁴¹ Опубликовано: Пихоя Р. Г. «Архивная революция»: двадцать лет спустя. Часть 3 // АЕ за 2011 год. 2014. С. 4-22.

²⁴² Если бы не удалось принять Закон в Верховном Совете, то его принятие уже в Государственной Думе могло бы затянуться на годы.

²⁴³ Постановление ВС РФ от 07.07.1993 ^ 5342-1 «О порядке введения в действие Основ законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах» // ОА. 1993. № 5.

Правительства Российской Федерации проект Положения об Архивном фонде Российской Федерации, определяющего порядок организации хранения и использования архивных документов; ...

расширить использование документов Архивного фонда Российской Федерации для объективного изучения и освещения отечественной истории, раскрытия демократического облика новой России. Завершить в основном в 1993 году работу государственных архивов и центров документации по снятию необоснованных ограничений на использование архивных фондов и рассекречивание архивных документов по 1962 год включительно в соответствии с действующим законодательством».

Правительство устанавливало порядок взаимоотношения архивной службы с фондообразователями — министерствами, ведомствами, промышленными предприятиями.

Архивной службе полагалось, в частности:

«усилить контроль за состоянием архивного дела и организацией документов в делопроизводстве государственных учреждений, организаций и предприятий, работой государственных и ведомственных архивов по отбору документов на государственное хранение.»;

внести в IV квартале 1993 г. на рассмотрение Совета Министров — Правительства Российской Федерации предложения по вопросам улучшения организации хранения документов по личному составу учреждений, организаций и предприятий и использования их при рассмотрении социально-правовых запросов граждан...»

Министерству печати и информации, Министерству культуры и Комитету РФ по кинематографии было предписано в 3-месячный срок *«рассмотреть и согласовать с Государственной архивной службой России порядок передачи на государственное хранение киновидеофото документов. государственных киновидеотелестудий, информационных агентств и редакций периодических изданий»*

Исключительное значение имели те разделы документа, в которых речь шла о финансировании архивной отрасли и развитии её материальной базы. Постановление обязывало «выделить Государственной архивной службе России в III квартале 1993 г. из резервного фонда Правительства Российской Федерации на ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций 586 млн. руб. для проведения работ по предотвращению аварийных ситуаций в архивохранилищах и укрепления их противопожарной безопасности.

Министерству финансов Российской Федерации и Министерству науки и технической политики Российской Федерации, — гласило Постановление, — предусматривать начиная с 1994 года увеличение ассигнований на содержание федеральных государственных архивов и центров документации, капитальный ремонт и охрану занимаемых ими зданий, приобретение реставрационного, микрофильмирующего, копировальномультипликационного и другого оборудования для обеспечения сохранности и использования документов». А Министерству науки и технической политики следовало предусмотреть с 1994 г. финансирование программы «Информатизация государственных архивов Российской Федерации» как составной части программы «Информатизация России».

Го скомитет по управлению государственным имуществом отвечал за сохранность и передачу архивных документов реорганизованных и ликвидированных ведомств и промышленных предприятий. Названному ведомству предписывалось «рассмотреть в месячный срок вопрос о предоставлении Государственной архивной службе России служебного помещения площадью не менее 7 тыс. кв. метров для использования его под архивохранилище».

Министерство экономики должно было предусмотреть «выделение Государственной архивной службе России лимитов централизованных капитальных вложений на реконструкцию и строительство объектов подведомственных архивных учреждений, относящихся к федеральной собственности; рассмотреть предложения Государственной архивной службы России... о реконструкции архитектурных ансамблей, занимаемых Российским государственным историческим архивом и Российским государственным военно-историческим архивом».

Принципиальное значение имело поручение Правительства Министерству труда и Министерству финансов «в месячный срок рассмотреть вопрос о введении надбавок за выслугу лет работникам государственных архивных учреждений и внести предложения в Совет министров — Правительство Российской Федерации».

Государственной архивной службе России, Минфину и Государственной налоговой службе поручалось «в месячный срок подготовить для представления в Верховный Совет Российской Федерации предложения об освобождении учреждений Государственной архивной службы России от налога на прибыль и земельного налога., а также от налога на добавленную стоимость при оказании архивных услуг».

Я подробно процитировал это постановление Правительства, так как в нём содержались положения, которые, в случае их выполнения, могли решить все основные проблемы архивной отрасли.

Однако надеждам, подкреплённым решениями Правительства, не суждено было свершиться. Спустя месяц, с 21 сентября 1993 г. страна погрузилась в глубокий политико-конституционный кризис. Президент издал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Этим указом Президент распускал Съезд народных депутатов и Верховный совет, объявлял о проведении референдума по проекту новой Конституции и выборах Государственную Думу 11-12 декабря 1993 года.

Во всем многообразии проблем, порождённых политико-конституционным кризисом, была и архивная тема. В разгар конфликта мне пришлось обратиться к Президенту с предложением об обеспечении сохранности архива и текущей документации Съезда и Верховного Совета РФ. Историческая важность этих документов была очевидна.

Противостояние Президента и Верховного Совета поставило страну на грань гражданской войны. 2 октября в Москве начались бои между вооружёнными сторонниками Верховного Совета и милицией, внутренними войсками. 3 октября 1993 г. здание Верховного Совета было расстреляно из танков, в верхних этажах вспыхнул пожар.

Горящее здание Верховного Совета РФ

Очевидно было, что если не принять срочных мер, то документация Верховного Совета будет просто уничтожена, выброшена как мусор в ходе предстоявшего ремонта здания.

5 октября было издано распоряжение руководителя администрации Президента С. А. Филатова о создании комиссии по передаче имущества Верховного Совета. В состав этой комиссии был включён заместитель Руководителя Государственной архивной службы В. А. Еремченко. Весь аппарат Росархива и архивисты федеральных архивов в течение двух недель обследовали все помещения здания Верховного Совета, собрали всю текущую документацию, находившуюся там. 22 октября издано распоряжение Президента «О сохранении исторических документов, связанных с деятельностью бывшего Верховного Совета Российской Федерации».

Свыше 48 тонн документов были доставлены в Государственный архив Российской Федерации²⁴⁴. Эти документы предстояло разобрать, провести экспертизу, превратить груды бумаги в превосходный фонд № 10026 — «Съезд народных депутатов, Верховный Совет Российской Федерации и их органы», охватывающий период с 1990 по 1993 год.

Изменения в политической организации государства ускорили принятие Государственного герба РФ, подготовленного при участии геральдического управления Государственной архивной службы. 30 ноября 1993 г. Президент Б.Н. Ельцин подписал Указ № 2050 «О Государственном гербе Российской Федерации».

Государственная архивная служба последовательно добивалась перевода сотрудников архивной отрасли в разряд государственных служащих. Эта позиция была поддержана Советом по кадровой политике при Президенте. В качестве аргументов мы использовали и давнюю историческую традицию, со времён петровского Генерального регламента, включавшего архивистов в число государственных служащих, и то обстоятельство, что в любом современном министерстве есть свой ведомственный архив, сотрудники которого относятся к числу сотрудников министерства. Замечу: сотрудники федеральных архивов, где хранятся основные массивы управленческой документации органов власти, министерств, ведомств относились, по тогдашней классификации государственного бюджета, к разделу «Наука и научное обслуживание». Необходимо было, на мой взгляд, учитывать и мировой опыт, где архивисты — от Болгарии, Чехии до ФРГ и США — относятся к госслужащим.

В дискуссиях на Совете по кадровой политике я доказывал, что архивисты прежде всего и главным образом связаны с организацией делопроизводства, обеспечением сохранности государственной документации, с информационным обеспечением органов государственной власти. И в этом — коренное отличие архивистов от структур министерства культуры или Академии наук.

В результате этих усилий Президент своим Указом «О структуре федеральных органов исполнительной власти» от 10 января 1994 г. отнёс Государственную архивную службу к числу органов федеральной исполнительной власти, подведомственных Президенту РФ «по вопросам, закрепленным за ним Конституцией Российской Федерации, либо в соответствии с законодательными актами Российской Федерации».

Особый статус сотрудников ГАС был отмечен в Указе Президента от 17 марта 1994 г. «Об утверждении Положения об Архивном фонде Российской Федерации и Положения о Государственной архивной службе», где содержалось следующее положение: «По представлению Совета по кадровой политике при Президенте Российской Федерации отнести работу на штатных должностях в федеральных государственных архивах и центрах хранения документации к федеральной государственной службе».

---

²⁴⁴ Как спасали документы Верховного Совета: Интервью с В. А. Еремченко // ОИ. 1994. № 1. С. 3-6.

Существенно улучшилась комплектация федеральных архивов. ГАС стала единственным ведомством, куда поступали документы государственного происхождения. Это положение зафиксировано Основами законодательства РФ «Об архивном фонде Российской Федерации и архивах» и конкретизировано Указом Президента России от 17 марта 1994 г. № 552. Указ предусматривал заключение специальных соглашений между Росархивом и рядом министерств и ведомств. В этих соглашениях предусмотрены вопросы срока хранения архивных документов в ведомствах и передачи их учреждения Росархива, порядок использования архивных материалов, хранящихся в ведомственных архивах. Росархив подписал соглашения с министерствами обороны, внутренних дел, Минатомом, Федеральной службой внешней разведки, Федеральным агентством правительственной связи, Росгидрометом, Роскомкино и целым рядом других ведомств. Заключены соглашения с Администрацией Президента и Аппаратом Правительства РФ в части, регулирующей отношения с Архивами Президента и Правительства Российской Федерации.

Казалось, ситуация складывалась для архивистов весьма благоприятно.

Но нельзя быть благополучным ведомством в условиях нарастающего неблагополучия в стране. 1994 год открыл новый этап экономического кризиса в стране (см. таблицу 4).

Таблица 4

Показатели экономической динамики. Россия, 1990-2001 гг.

Продолжилось падение валового внутреннего продукта в стране (см. таблицу 5).

Таблица 5

Объём валового внутреннего продукта в России

(в реальных сопоставимых ценах 1997 г., млрд руб.)

1990	1991	1992	1993	1997
380	347	303	289	2789
82	75	65	62	60

Резко выросла безработица (см. таблицу 6).

Таблица 6

	1993	1994	1995	1996
Общая численность безработных (млн чел.)	3954,3	5433,5	6410,4	6473,1

Социальная напряжённость в стране не спадала. Это отражалась на результатах выборов в Государственную Думу первого и второго созывов. Там сложилась мощная политическая оппозиция, подвергавшая Президента и Правительство критике по большинству вопросов внутренней политики. В январе 1994 г. произошёл очередной правительственный кризис. Его причиной стало расхождение членов кабинета по вопросу перспектив экономической политики, требования отказаться от нарастания бюджетных трат для того, чтобы сократить дефицит бюджета.

Целый ряд важнейших решений, принятых в 1993 году, «повисли в воздухе». Проект Закона о государственной службе, который был подготовлен, отложили, как позже выяснилось, до 2003 года. Это было серьёзным ударом по надеждам улучшить положение архивистов и архивной службы как таковой²⁴⁵.

Однако это было только началом. Вместо ожидавшегося расширения финансирования, 1994 год оказался хуже, чем предыдущий.

Расходы, запланированные федеральным бюджетом на 1994 год, оказались совершенно недостаточными для самого существования архивной отрасли. Федеральный бюджет выделял на 1994 г. федеральным архивам 6,3 млрд руб. Проект федерального бюджета на 1995 год был ещё меньше. Но расходы отрасли росли. Сумма платежей за электричество, тепло, воду, налоги на землю за эти месяцы составила 4,6 млрд руб. Росархиву нечем было оплачивать милицейскую охрану федеральных архивов. Федеральные архивы предупреждены о снятии с охраны, отключении тепла, электроэнергии, водоснабжения, связи и т. п. И мы, и МВД зависели от федерального финансирования. Наши совместные с министром внутренних дел просьбы, адресованные в Правительство о том, чтобы между Росархивом и МВД был произведён взаимозачёт, поддержки не нашли. По нашим прогнозам, к концу 1994 г. долг должен был достигнуть 7,7 млрд руб.

Бюджет финансировал единственную статью — зарплату. Но и ту не полностью. Секвестр распространялся и на фонд оплаты труда. Спасительными становились заработки по Гуверовскому проекту. Существенная часть этих денег волевым порядком направлялась на зарплату. Как временная мера это спасало. Но создавало свои проблемы. Те архивы, которые реально осуществляли этот проект — РЦХИДНИ, ЦХСД и ГАРФ — были, по понятным причинам, недовольны тем, что ожидаемые ими доходы уходили от людей, проводивших работу по подготовке и микрофильмированию документов.

В этой обстановке руководство Росархива обратилось 3 октября 1994 г. к Президенту с отчаянным письмом, которое я позволю себе процитировать:

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Государственная архивная служба России считает необходимым доложить, что вследствие недооценки законодательными органами, экономическими и финансовыми структурами политического, социально-экономического, историко-культурного и другого значения архивных документов для граждан, общества и государства в федеральных архивах сложилось катастрофическое финансовое положение, грозящее невозможными тратами наиболее важных документов Архивного фонда Российской Федерации.

Постановление Правительства Российской Федерации от 23 августа 1993 г. ^ 838 «О реализации государственной политики в архивном деле» в части укрепления материально-технической базы и финансового положения федеральных архивов, обеспечения их кадрами, социальной защищенности архивистов не выполняется.

Федеральным бюджетом Российской Федерации на 1994 год предусмотрено выделение на содержание архивных учреждений всего 6,3 млрд. руб. или 36,9 процента от 17,2 млрд. руб., намечавшихся федеральной подпрограммой «Развитие архивного дела». Наши неоднократные обращения в Правительство Российской Федерации и Минфин России по вопросу улучшения финансирования архивных учреждений не дали ощутимых результатов...

Президенту сообщали, что из-за долгов архивы остаются без милицейской и пожарной охраны, что долги министерству внутренних дел к октябрю 1994 г. составили более 560 млн руб., что долги за выполненные работы по ликвидации аварий в архивах

²⁴⁵ См.: Закон «О системе государственной службы» (от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ); «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ).

составили 611 млн руб., что федеральные архивы предупреждены об отключении тепла, электроэнергии, водоснабжения, связи, прекращении предоставления других коммунальных услуг. У архивов нет средств для подготовки к зиме, налицо задолженность работникам архивов по зарплате.

«Просим Вас, глубокоуважаемый Борис Николаевич, — заканчивалось письмо, — изыскать возможность выделения Росархиву дополнительных ассигнований на покрытие финансовой задолженности федеральных архивных учреждений с учетом того, что в соответствии с Указом «О структуре федеральных органов исполнительной власти» Государственная архивная служба России подведомственна Президенту Российской Федерации»¹.

Это письмо сработало. Оно было направлено в Правительство с положенными резолюциями^{246 247}, что породило указание вице-преьера О. Сосковца:

Минфину России (С. К. Дубинину), Минэкономики России (Я. М. Уринсону)

1. Считаю недопустимой сложившуюся ситуацию в части финансирования государственных архивов.

2. Прошу обеспечить в кратчайшие сроки погашение задолженности Росархиву за 1994 год и предусмотреть необходимое финансирование Росархива при подготовке федерального бюджета на 1995 год.

Доложите.

О. Сосковец

11 октября 1994 г.²⁴⁸

Главным следствием нашего обращения стало не только некоторое увеличение финансирования, что оттянуло угрозу отставить архивы без охраны, света, воды и тепла.

Главное было в другом. В проекте бюджета на 1995 г. впервые было предусмотрено финансирование федеральных архивов и центров хранения документации по разделу 01 «Государственное управление»²⁴⁹. Это давало надежду на более стабильное существование федеральных архивов.

Стремясь, по возможности, повлиять на процесс принятия государственного бюджета страны на 1995 г., Росархив был вынужден лоббировать во фракциях и комиссиях Государственной Думы свои предложения к финансированию архивной отрасли. В письмах, направленных, в частности, депутатам М. Ю. Глазьеву, Г. А. Явлинскому, С. М. Шахраю, содержались сведения о недостаточности средств, запланированных в проекте госбюджета на 1995 г.

Мы прекрасно понимали, что полностью наши заявки не могли быть полностью удовлетворены. Но в условиях секвестирования бюджета и продолжавшейся инфляции, обесценивавшей деньги, удалось увеличить объёмы финансирования на следующий год.

Выживание архивов стало главной задачей Росархива на 1994 год.

Но не единственной.

Изменение политической ситуации в стране, усиление «левых» настроений в Думе

²⁴⁶ Росархив. Текущий архив.

²⁴⁷ Считаю необходимым высказать благодарность помощнику Президента А. И. Кора-бельщикову, который способствовал тому, что вопрос о финансировании Росархива был поручен Контрольному управлению Администрации Президента, Минфину и Минэкономики.

²⁴⁸ Росархив. Текущий архив.

²⁴⁹ Необходимо отметить, что этот порядок финансирования федеральных архивов сохраняется до настоящего времени.

создало качественно иную ситуацию, связанную с рассекречиванием архивов КПСС и, прежде всего — архивов ЦК КПСС. Было рассекречено 4,85 млн архивных дел за время с 1991 по 1993 г., в том числе в 1992 г., — когда был снят ограничительный гриф с 2,867 млн дел. (из этого числа в федеральных архивах 2,614 млн дел). Но в 1994 г. процесс рассекречивания сильно затормозился.

Формальная проблема, препятствовавшая этому — отсутствие фон- дообразователя. В переводе с архивного на русский это означало: нет учреждения, создавшего или получившего эти документы, — не к кому обращаться за разрешением на рассекречивание. Следовательно, деятельность по рассекречиванию документов ЦК КПСС оказывалась вне правового поля, а попросту незаконной, что в новых политических условиях оказывалось просто небезопасной.

Требовалось политическое решение.

Руководство Росархива обратилось к Президенту с предложением создать в Администрации Президента специальную комиссию по рассекречиванию.

22 сентября 1994 г. в ответ на это обращение вышло распоряжение Президента. В нём говорилось:

1. *Образовать Комиссию по рассекречиванию документов, созданных КПСС, на правах структурного подразделения Межведомственной комиссии по охране государственной тайны.*

2. *Утвердить прилагаемый состав Комиссии по рассекречиванию документов, созданных КПСС.*

3. *Возложить на ФСК России, СВР России, МИД России и Росархив разработку порядка рассекречивания архивных документов, находящихся в закрытых фондах государственных архивов, центрах хранения документов и ведомственных архивах, и продления сроков их секретного хранения.*

4. *Федеральным органам государственной власти, руководители которых наделены полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне:*

пересмотреть до конца 1994 года хранящиеся в их архивах и в архивах подведомственных им учреждений, организаций и предприятий архивные документы, созданные по 1963 год включительно, в части обоснованности их засекречивания и соответствия установленной ранее степени секретности;

организовать в установленном порядке своевременную передачу документов, сроки ведомственного хранения которых истекли, в государственные архивы и центры хранения документов;

рассмотреть вопрос о делегировании полномочий по рассекречиванию архивных документов, находящихся на хранении в закрытых фондах государственных архивов и центрах хранения документов, руководителям этих архивов и центров.

5. *Администрации Президента Российской Федерации совместно с Росархивом организовать в течение 1994-1995 годов поэтапную передачу из Архива Президента Российской Федерации в ведение архивных учреждений Росархива подлинных документов бывшего архива Политбюро ЦК КПСС, созданных по 1963 год включительно.*

6. *Установить, что Комиссия по рассекречиванию документов, созданных КПСС, ежеквартально представляет Президенту Российской Федерации отчет о проделанной работ.*

Руководителем комиссии был назначен первый заместитель руководителя Администрации Президента С. Н. Красавченко, в состав комиссии вошли академики Б. В.

Раушенбах, А. Н. Яковлев, Г. Н. Севостьянов, а также Ю. Н. Семин — начальник Историко-архивного центра Генштаба ВС РФ, А. О. Сурков, помощник руководителя Администрации Президента, замминистра внутренних дел Е. А. Абрамов, А. А. Краюшкин — начальник управления ФСК России, И. В. Лебедев — начальник Историко-документального департамента МИДа России, депутаты Государственной Думы Д. А. Волкогонов, Б. А. Золотухин, представители Росархива — Р. Г. Пихоя (заместитель председателя комиссии), В. П. Козлов, Н. А. Кривова (ответственный секретарь комиссии).

Президент утвердил 21 ноября 1994 г. порядок работы этой комиссии, которой вменялось в обязанность:

- определять критерии и порядок рассекречивания документов, созданных КПСС;
- принимать решения о рассекречивании документов и материалов, созданных ВКП (б) — КПСС, в том числе органов коллективного руководства ВКП (б) — КПСС — съездов, конференций, пленумов Политбюро, Оргбюро, Секретариата, Центральной Контрольной Комиссии, отделов и учреждений ЦК КПСС, Коминтерна.

Необходимо пояснить, почему в этом документе появилось упоминание об архиве Президента.

Напомню, что архив Президента возник из архива 6-го сектора Общего отдела, где с начала 20-х гг. хранились документы Политбюро. Этот архив, известный ещё как архив Сталина²⁵⁰, относился к числу совершенно секретных даже среди партийных хранилищ документов. По своему характеру, архив 6-го сектора выполнял три функции. Во-первых, именно сюда поступали документы делопроизводства Политбюро²⁵¹, и он выполнял роль служебного архива. Во-вторых, это был справочный архив, в котором информация тщательно комплектовалась по проблемам. В архивных делах находились документы разного времени и различного происхождения, объединённые лишь одним: вопросом, который был или мог быть важным для высшего руководства страны. И, в-третьих, этот архив хранил сверхсекретную политическую информацию коммунистической власти. В 1992 г. в этом архиве хранилось 59 фондов, включавших документы КПСС и коллекции документов (в том числе 50 личных фондов). Самые ранние документы датировались 1919 годом.

После учреждения поста Президента СССР архив 6-го сектора был переименован в архив Президента СССР. 24 августа 1991 г. М. С. Горбачев потребовал, чтобы его архив — архив Президента СССР — был выведен из-под действия российского указа о передаче партийных архивов на государственное хранение, лично звонил мне, напоминая, что документы 6-го сектора относятся к ведомству Президента СССР. После прекращения существования СССР архив Президента СССР стал архивом Президента России. Указ о создании архива Президента РФ вышел 31 декабря 1991 г.

Тогда, когда сведения об архиве Президента стали известны историкам и прессе, он стал своего рода «притчей во языцех». Витали легенды, что там хранятся все действительные и мнимые секреты СССР. Легенды подогревались реальными фактами, что именно там находились так называемые «пригласительные письма», отправленные рядом руководителей Чехословакии в ЦК КПСС в 1968 г. накануне ввода войск стран Варшавского договора; секретные протоколы пакта Молотов-Риббентроп и материалы к ним, документы о Катыни.

Не было сомнения, что две части некогда единого комплекса ЦК КПСС —

²⁵⁰ На многих документах 30-х — начала 50-х гг. есть сталинская резолюция: «В мой архив».

²⁵¹ Документы, созданные Секретариатом ЦК и отделами аппарата ЦК, поступали в 7-й сектор Общего отдела ЦК КПСС.

Секретариата и Политбюро — оказались рассредоточенными и необходимо объединить их, сделать доступными для исследователей. В Российский центр хранения документов новейшей истории должны были быть переданы документы:

- ф. 3 (Политбюро за период с 1919 по 1952 г.);
- ф. 9 (Постоянные комиссии и совещания при ЦК РКП (б) — ВКП (б));
- ф. 22 (Государственный комитет обороны);
- 34 личных фонда — С. И. Аллилуевой, А. А. Жданова, М. И. Калинина, Н. К. Крупской, И. В. Сталина, Л. Д. Троцкого и других политических деятелей первой половины XX в.

В Центр хранения современной документации, сложившийся на основе делопроизводства Секретариата и текущих материалов аппарата ЦК КПСС, должна была поступить, по нашему мнению, та историческая часть архива Президента, которая датируется 1952-1990 гг. Это фонды:

- № 1 — (Съезды КПСС), начиная с XIX съезда 1952 г.;
- № 2 (Пленумы ЦК КПСС), за тот же период;
- № 3 (Политбюро (Президиум) ЦК КПСС);
- № 9 (Постоянные комиссии ЦК КПСС), с 1952 г.;
- № 10 (Международные совещания и переговоры с коммунистическими и рабочими партиями), с 1956 г.

Кроме этого, в ЦХСД должны были поступить личные фонды партийных деятелей середины — второй половины XX в. — А. И. Микояна, Н. С. Хрущева, Л. М. Кагановича, Л. И. Брежнева, М. А. Суслова, Ю. В. Андропова и ряда других.

Ряд фондов следовало передать в ГА РФ, в частности:

- ф. 23 — коллекция материалов МИД СССР, МВТ СССР, Министерства обороны за 1919-1951 гг.,
- ф. 66 — коллекция трофейных материалов периода Великой Отечественной войны.

Часть документов, сохранявших актуальность для Президента России, мы предлагали оставить в архиве. В основном это были документы, со времени создания которых прошло менее 30 лет — срока секретности, установленного законодательством.

1 марта 1993 г. Президент издал поручение о передаче на государственное хранение исторической части своего архива. Спустя почти год — в январе 1994 г. — ЦХСД и РЦХИДНИ отчитывались о выполнении этого поручения.

В РЦХИДНИ поступило за это время 1250 дел, а в ЦХСД — более 5,5 тыс. дел. При кажущемся значительном количестве документов, архивисты были явно и откровенно не удовлетворены качеством переданных материалов. В отчётах, подписанных заместителем директора РЦХИДНИ О. В. Наумовым и директором ЦХСД Н. Г. Томилиной, отмечалось, что некомплектность передаваемых документов значительно понижает их источниковый потенциал. Руководители архивов указывали на необходимость передачи ряда фондов, особенно личного происхождения. «... Рассматривая проведенную в 1993 г. работу как первый этап, — писал в январе 1994 г. О. В. Наумов, — полагаю целесообразным обратиться в соответствующие инстанции о продолжении приема-передачи в систему государственной архивной службы отдельных комплексов документов и фондов бывшего

Политбюро»²⁵².

Первый опыт передачи документов из архива Президента позволял сделать вывод: попытки «напрямую» установить связи между государственными архивами и архивом Президента, даже на основе его специального распоряжения, оказались не слишком удачными. Руководство архива Президента опасалось передать в госархивы больше, чем следовало. И критиковать их за это бессмысленно. Это типичная позиция архивиста, который стремится не отдавать «свои документы». Добавьте к этому ещё и огромную ответственность сотрудника Администрации Президента²⁵³.

Требовалось политическое решение.

Решение было достигнуто созданием комиссии по рассекречиванию. Её деятельность была правильно-бюрократической. Она пришла на смену радикальным архивным реформам 1991-1993 гг. Пожалуй, это было неизбежно в политической реальности 1994-1995 гг.

Сложился определённый алгоритм передачи документов. Представление о нём даёт письмо Руководителя Администрации Президента С. А. Филатова Президенту.

С. А. Филатов писал:

Уважаемый Борис Николаевич!

В соответствии с Вашим распоряжением № 489-рп от 22 сентября 1994 г. и в связи с обращением руководителя Росархива Р. Г. Пихои представляю на Ваше утверждение перечни документов бывшего архива Политбюро ЦК КПСС, предполагаемых к передаче из Архива Президента Российской Федерации в Государственную архивную службу России.

Передача указанных комплексов документов не снизит потенциал Архива Президента Российской Федерации в части оперативного информационного обеспечения Президента Российской Федерации, Администрации Президента Российской Федерации и высших органов государственной власти и управления Российской Федерации.

Сверху, на письме, была резолюция: «Согласен. Б. Ельцин. 21 ноября 1994 г.»²⁵⁴.

К письму прилагался перечень документов, предварительно согласованный с руководством архива Президента, включавший 50 фондов объёмом более 12 тысяч дел.

Распоряжение Президента от 22 сентября 1994 г. о создании комиссии по рассекречиванию документов, созданных КПСС, влияло на ситуацию с рассекречиванием документов по всей стране. Это был сигнал о необходимости продолжения рассекречивания. Темпы рассекречивания значительно упали. В 1994 г. было рассекречено свыше 900 тыс. дел. — в два раза меньше, чем в прежние годы — 1991-1993. Но в качественно новых политических условиях это было тоже немало. Во-вторых, регулярные заседания комиссии по рассекречиванию за период с конца 1994 до середины 1995 г. позволили дать исследователям 8,45 тыс. важнейших и прежде секретных документов высших органов власти страны. И, в-третьих, сложилась практика регулярной передачи документов из архива Президента на государственное хранение.

Неожиданный и очень болезненный разворот получили международные дела Росархива. Поводом для него послужила история с французскими архивами в России. В 1945 г. войска Красной Армии захватили трофейные архивы, в составе которых были и архивы ряда стран-союзников СССР во Второй мировой войне²⁵⁵. Архивы попали в состав

²⁵² Росархив. Текущий архив.

²⁵³ Хочу отметить, что у архивной службы сложились конструктивные отношения с руководством архива Президента — с А. В. Коротковым и А. С. Степановым.

²⁵⁴ Росархив. Текущий архив.

²⁵⁵ Подробный анализ истории трофейных архивов в СССР проведён Патрицией Кеннеди Гримстед

так называемого Особого архива. О существовании французских документов в СССР страна и мир узнали из статей журналистки *Известий* Эллы Максимовой, опубликованных в феврале 1990 г. после интервью тогдашнего директора «Особого архива» А. С. Прокопенко.

Французское правительство потребовало вернуть свои архивы. Разбираться с ситуацией пришлось уже не союзным, а российским властям. Позиция МИДа состояла в том, что следовало передать все французские трофейные документы во Францию. Позиция Росархива была сложнее. Во-первых, в трофейных фондах находились конфискованные нацистами документы русских эмигрантов. Во-вторых, как выяснилось, французские архивы в России никогда не копировались. С ними никогда не работали отечественные историки. Передача архивов во Францию делала их практически недоступными. Поэтому Росархив настаивал на том, чтобы условием возвращения архивов стало предварительное копирование части французских архивов по выбору российских специалистов на средства Франции и оставление в России подлинников документов российской эмиграции.

Наше предложение было поддержано Правительством России.

Начались непростые переговоры с французской стороной. Она, после долгих дискуссий, согласилась. В 1992 г. было подписано соглашение с Францией о сотрудничестве государственных архивных служб. Специалисты-историки из Института всеобщей истории РАН, архивисты выявляли в фондах ту информацию, которую следовало скопировать. За счёт Франции были приобретены аппараты для микрофильмирования, плёнка, на которую переснимали документы. Выявлялись русские материалы. Проект был поддержан Международным советом архивов.

Реализация этого проекта столкнулась ещё с одной сложностью. Она прямо была связана с острой политической проблемой реституции — в данном случае — возвращения культурных ценностей, вывезенных одним из воюющих государств с территории другого. Это болезненная, кровоточащая проблема для России, пережившей Великую Отечественную войну, где гибли люди, горели города, расхищались музеи и картинные галереи, под бомбами и снарядами разрушались монастыри и дворцы.

Почему им отдавать, а нам кто отдаст? — это не только настроения, распространённые во всех слоях российского общества. Это ещё и отсутствие к тому времени правовой базы для реституции. У Росархива было только распоряжение Правительства, предписывавшее нам подготовить передачу документов Франции.

Долгая трудная трёхлетняя работа по подготовке и выполнению условий договора заканчивалась к маю 1994 года. 20 мая 1994 г. основная партия французских документов ушла за рубеж. МИД объявил об этом специальным пресс-релизом.

...Майским утром я шёл по Невскому проспекту в Петербурге в Российский государственный исторический архив. Готовилась коллегия о состоянии дел в РГИА. И вдруг из уличных громкоговорителей я услышал трансляцию из Москвы о том, что Государственная Дума поставила вопрос о законности вывоза французских архивов из России, потребовала к ответу меня. Но вместо меня пришлось отвечать думцам первому заместителю Руководителя Государственной архивной службы В. А. Тюнееву, он «держал удар», точно и спокойно проинформировал депутатов о существе дела.

Тем не менее, Дума потребовала остановить выполнение договора с Францией впредь до принятия специального Закона о реституции.

Выполнение договора было приостановлено²⁵⁶. В ноябре 1997 г. Правительство

---

²⁵⁶ Это автоматически осложнило отношения архивной службы с Международным советом архивов, рухнули договорённости о международном участии в реконструкции Российского государственного архива в Петербурге.

России возобновило выполнение этого соглашения, и последние документы были отправлены в Париж. А закона так и не было! Он появился 15 апреля 1998 г. как Федеральный Закон № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещённых в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации». Президент отказался подписать этот закон (!). Конституционный суд признал Закон конституционным и обязал Президента его подписать.

Вмешательство Думы в деятельность Государственной архивной службы стало первым явным признаком изменений в политическом статусе Росархива. События с французскими архивами представили Росархив как противника «левых» фракций Думы. Конечно, рассуждать о политических симпатиях ведомства — глупость. Но за этими рассуждениями стояло совсем неглупое наблюдение. Если Росархив — ведомство, непосредственно подчинённое Президенту, то критиковать Росархив — целиться в Президента. Споры о масштабах рассекречивания, о равном доступе российских и иностранных исследователей, о выставках, организуемых ведомством, — всё принимало политический подтекст.

Новым поводом для критики Росархива в Думе стала грандиозная выставка документов и научная конференция, посвящённая 50-летию Победы. В числе её организаторов, кроме Росархива, были МИД, Минобороны, Минкультуры, ФСБ. В выставке участвовали все республики СНГ и страны Прибалтики. Выставка была открыта 23 февраля 1995 г. в Инженерном корпусе Третьяковской галереи. Экспонировали большое число уникальных документов — от подлинников пакта и секретных протоколов к пакту Риббентроп-Молотов, рукописи знаменитой речи В. М. Молотова 22 июня 1941 г. — до рационов жителей блокадного Ленинграда, карт боевых действий, дипломатических документов переговоров с союзниками и актов, завершавших войну. На научной конференции звучали доклады историков из Украины, Латвии, Литвы, Эстонии, Польши, США. Были представлены различные мнения о целях войны, её влиянии на советское общество, иногда не совпадавшие с российскими.

Эта выставка получила неоднозначную оценку и в прессе, и в Думе. Зачем давать трибуну тем, которые не разделяют «наши» взгляды на войну?

1995 и 1996 гг. стали годами выборов. В 1995 г. переизбрали Государственную Думу. Итоги выборов красноречиво свидетельствовали о сдвиге влево.

Значительно усилили свои позиции коммунисты. Провалились на выборах проправительственные «Выбор России», «Партия российского единства и согласия» (ПРЕС), Демократическая партия России (ДПР). «ЯБЛОКО» быстро переходило на антиправительственные позиции.

Впереди были выборы Президента России. Надежда на его переизбрание была невелика. Его общественная поддержка ослабла. Разнузданная, разухабистая критика Ельцина переполняла оппозиционную прессу.

Одной из тем, активно эксплуатируемых политическими противниками Президента, стала критика деятельности Росархива. Рассекречивание, международные связи, публикация документов — всё становилось поводами для критики. Критика шла от осторожного — «наше общество еще не готово для восприятия этой информации», «у нас отсутствует необходимая инфраструктура для рассекречивания и ознакомления всех историков с новыми данными» до прямых обвинений, что «всё отдали иностранцам», «распродают наше культурное наследие».

Дальнейшее осуществление программы архивной реформы, последовательная реализация норм законодательства «Об Архивном фонде и архивах» становились невозможными.

Не буду скрывать: весной 1995 г. я подал заявление Президенту с просьбой об отставке. Накануне я пошел в Отделение истории к Ивану Дмитриевичу Ковальченко, который тогда руководил Отделением. Пришел – и сказал, что намерен уйти с должности руководителя Росархива. Иван Дмитриевич отстоял меня: «Можете не объяснять, почему. Всё понятно». И тут же попросил: «Не советуйте В.П. Козлова на свою должность». Судя по всему, Председатель Отделения имел какие-то претензии к своему бывшему ученому секретарю В.П. Козлову. Я ответил, что и не собирался, и готов рекомендовать на место Главного архивиста С.В. Мироненко, бывшего сотрудника Института российской истории, успешно возглавлявшего в это время Государственный архив Российской Федерации. Дальше разговор пошел о моём предложении создать отдел по публикации источников по новейшей истории России при Отделении или Президиуме, по аналогии с с Археографической комиссией. Идея ему понравилась.

Прошло несколько дней и в мой кабинет зашёл Иван Дмитриевич Ковальченко. Он передал мне просьбу от себя и ряда других членов Отделения – держаться на этой должности, сколько это будет возможно. Они убеждены, что после моей отставки положение в архивной отрасли ухудшится.

Весной 1995 г. Президент не подписал моё заявление об отставке.

В декабре 1995 г. Иван Дмитриевич скончался.

В конце 1995 г. конфликт вспыхнул уже в аппарате Росархива. Ряд членов коллегии Росархива во главе с В. П. Козловым выступили против участия Росархива в Гуверовском проекте. Я не буду подробно останавливаться на этом конфликте. Среди претензий были и вполне понятные, здравые. Но едва ли не важнее стало для ряда людей засвидетельствовать свою лояльность новым политическим тенденциям в условиях ожидавшейся смены власти в стране. Я был убеждён и остаюсь уверенным, что Гуверовский проект был выгоден и важен для нашей страны, что он был равноправен и в равной степени выгоден и российской, и американской стороне.

Для меня этот спор на коллегии, когда большинство высказалось за разрыв договора с Гуверовским институтом, стал последней каплей. Очередное заявление было передано Президенту. Глава Администрации С. А. Филатов вызвал меня и передал, что у Президента нет замечаний к моей работе. Я спросил у С. А. Филатова:

«Сергей Александрович, можно ли рассчитывать на политическую поддержку архивной отрасли?»

— Рудольф Германович, я сам подал заявление об отставке, — ответил мне С. А. Филатов.

— Тогда отдайте моё на подпись Президента».

В январе 1996 г. я ушёл в отставку с формулировкой «по личной просьбе». Договор с Гувером вскоре был перезаключён. Росархив был преобразован из Государственной архивной службы в Федеральную архивную службу и утратил свою подчинённость Президенту.

Президент Ельцин провёл отчаянную предвыборную кампанию и был переизбран на очередной срок.

***

Подведу итоги.

Всякая революция имеет свои критерии, периодизации, надежды и разочарования. Архивная революция — часть тех огромных, революционных изменений, которые произошли в стране в конце 80-х — 90-е гг. XX века. Изменения в архивах подчинялись общей логике перемен в государстве, власти, обществе.

Специфика архивной революции в России означала:

- создание законодательства, регулировавшего архивное дело вне зависимости от ведомственной принадлежности;
- признание права на создание негосударственных архивов;
- обеспечение равных прав граждан на доступ к архивной информации;
- передача архивов КПСС на государственное хранение;
- повышение социального статуса архивиста.

Исторические события 1990-1992 гг. создали угрозу утраты части фондов бывших центральных архивов. В этих условиях удалось сохранить все архивы, находившиеся на территории России.

* * *

Надежды. Они были незамысловаты. Надо успеть сделать как можно больше тогда, когда можно сделать. На то и надеялся. То, что за каждой реформой следует контрреформа, известно любому историку. Я не был исключением. Что сделано, то сделано. Есть Закон об архивах. Остались в России все её центральные архивы.

Разочарования. Чиновная Москва оказалась не хуже и не лучше моих ожиданий. Главное разочарование, боль — это незавершённость, а в дальнейшем, уже во второй половине 90-х гг. — отказ от борьбы за статус государственного служащего для архивистов. То, что вся подготовительная работа, уже принятая нормативная база о распространении государственной службы на архивистов местных и федеральных архивов ушла в небытие. Глупостью была передача архивов в структуру Министерства культуры. Важность архивов для будущего, для понимания путей развития страны так и не дошла до общества. Огорчает актуальность пушкинских слов о том, что «нас возвышающий обман» важнее, чем «тьмы низких истин», что красивый миф полезнее точных архивных данных.

Осталась и тоска по родному университету, которая не проходила с годами.

Х. РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

В фонде «Демократия». Я увольнялся в полном смысле в никуда. Со смертью И.Д. Ковальченко ушли прежние договорённости о возможности создания отдела или центра публикации документов новейшей истории в структуре РАН. Предложения – работать в аппарате Правительства – я не рассматривал. Я – не аппаратный человек. Но верна пословица, которую я слушал с юности: «Была бы шея, хомут найдется». Так и вышло. Меня встретил Александр Николаевич Яковлев и предложил мне должность вице-президента его фонда «Демократия», который должен наладить издание документов.

В сущности, это примерно то дело, которым я намеревался заниматься и прежде. Программу публикаций для меня составить было не сложно, как и прикинуть круг потенциальных составителей. А.Н. Яковлев поручил мне провести переговоры в Гувере, чтобы найти деньги на издание, что я и сделал

Александр Николаевич Яковлев

Работа в фонде Яковлева дала мне возможность закончить книгу, которую я придумал еще в 1989 году в Свердловске и которую я писал урывками в течение всего времени работы в Росархиве. Замысел возник тогда, когда стало понятно, что страна оказалась на историческом повороте. Старая система власти разваливалась, а новая возникала на глазах. Я собирался писать прежде всего о современных событиях, но, как историк, решил дать своего рода предисловие, первые вводные главы - от окончания войны до времени перестройки. Я был уверен, что понимаю и представляю историю страны второй половины 40- до 70-х гг. Ещё бы! Я учил советскую историю, я читал о ней в книгах, участвовал в обсуждениях и защитах кандидатских и докторских диссертаций. Начал писать продолжив это занятие в 1990-1991 г. Работа над книгой становилась своего рода средством профессионального самосохранения.

После событий 1991 г. и работы по приёму документов ЦК КПСС выяснилось, что мои прежние знания, мягко говоря, не соответствовали реальностям. Началось с малого. Хотел уточнить расстановку сил в руководстве страны после войны. Нужно было уточнить, казалось, малость – где был Маленков в 1946 году? Обычные, то есть мемуарные источники были противоречивы. Попросил уточнить в архиве Секретариата ЦК. И началось... Все мои прежние представления о послевоенном развитии страны поплыли. Открылась свирепая борьба кремлевских группировок за власть и влияние при старевшем Сталине, с интригами, взлетами и падениями, со смертельным финалом для одних и в лучшем случае – забвением – для других, с разгромом командования авиации, флота, с преследованием маршала

Жукова...

Дальше – больше. И Берия не походил на вампира, созданного его политическими соперниками – Маленковым и Хрущевым, да и сам Никита Сергеевич из отважного реформатора и борца с культом личности Сталина оказался человеком, выбравшим самую осторожную, консервативную программу реформ, направленную на сохранение намеченных еще Сталиным программных установок развития народного хозяйства, с курсом на сохранение приоритета тяжелой промышленности, с борьбой с любыми рыночными отступлениями от государственного планирования, уже не справлявшегося с возросшим объемом как производства, так и новыми потребностями людей. А сельское хозяйство... Хрущев повторил по второму разу раскулачивание и разорение сельского хозяйства страны, попытку искоренения православия. А его абсолютно авантюрная внешняя политика!

Деятельность Хрущева становилась опасной во всех смыслах, что предопределило появление заговора и его свержение.

Привычная схема отечественной истории второй половины XX в. не выдерживала никакой проверки источниками. Это превращало моё исследование в детективное расследование, где мне было интересно распутывать и отбрасывать маскировочные сети пропаганды, отыскивать новые свидетельства, улики из давнего и недавнего прошлого. «Рабочие записи Политбюро», которые стали вести, на регулярной основе, с 1968 г. стали бесценным свидетельством формирования и обоснования внутренней и внешней политики позднего СССР – от Брежнева до Горбачева. Так появилась книга «Советский Союз: история власти. 1945-1991».

Была и другая причина, ставшая нечаянным стимулом для будущей книги. Это запросы власти в ту пору, когда я работал в Росархиве. Они касались, по преимуществу, вопросов внешней политики. Сначала это были поручения – найти документы, касающиеся принятия решений о авводе войск в Венгрию, в 1956 г., в Чехословакию – в 1968 г. Вскоре выяснилось, что мало найти документы, их следовало проанализировать, подготовить справки для руководства. Дальше – больше. По сути, почти вся история внешней политики послевоенного СССР в моей книге выросла из этих запросов.

О том, как работалось в Академии госслужбы. Кафедра истории российской государственности и общественно-философской мысли.

Весной 1997 г. меня пригласили на работу в Академию госслужбы при Президенте РФ. Прежде это была Академия общественных наук при ЦК КПСС.

Академия, построенная архитектором М.В. Посохиним к началу 80-х гг., представляла собой замкнутый комплекс, включавший учебные корпуса с удобными аудиториями, комфортабельные, по советским меркам, 36-этажные общежития, многочисленные кафе, столовые, ресторан.

В главном корпусе Академии находилась прекрасная библиотека, основу которой составляло собрание книг бывшего московского купеческого клуба, часть библиотеки университета Шанявского, книжные собрания Высшей партийной школы и её многочисленных предшественников. В результате там хранились не только редчайшие издания второй половины ХУШ в., в частности, журналы, изданные Н.И. Новиковым, но и журналы первой половины XX в., значительная часть которых в других библиотеках либо была уничтожена по причине «идеологической вредности», либо оказалась в спецхранах. Здесь же они сохранились. Работа с этими журналами стала для меня поистине пиршеством для изучения историографии первой половины XX в., стала своего рода расширенным комментарием к лекциям М.Я. Сюзюмова о Д.М. Петрушевском, его борьбе с Покровским

за отстаивание истории как науки.

Нужно сказать, что организация работы во всех её подробностях в Академии госслужбы была близка к идеальной, действовал четкий порядок организации учебного процесса. Слушатели, в большинстве своём – обучавшиеся на бюджете взрослые люди, государственные слушатели, часто – военные, знали, зачем они пришли учиться. Лекции и у меня, и моих коллег нередко заканчивались обсуждениями – и вопросами, которые я просил задавать во время лекций, и в коридорах Академии, после лекций.

В 1997 году в Академии было образовано издательство. Его первым руководителем стал Георгий Яковлевич Фролов, экономист, умница, прекрасный организатор.

Г.Я. Фролов

Я предложил ему рукопись моей книги. Деньги на издание должен был выделить ректорат – а если точнее – то другой замечательный человек, с которым Академия ассоциировалась почти 30 лет – проректор по АХЧ Дмитрий Григорьевич Квок. Фронтовик, сержант – связист, провоевавший всю войну, москвич с Якиманки, учившийся вместе с детьми из «дома на Набережной», он после войны участвовал в строительстве новых корпусов МГУ, сделал партийно-советскую карьеру, работал в аппарате Московского горисполкома и горкома КПСС, был связан с Е.А. Фурцевой и стал свидетелем бурных событий 1957 г., едва не закончившихся отставкой Хрущева, потом – возглавил летом 1967 г. строительство Общесоюзного телецентра имени 50 – летия октября (ОТЦ), (Телевизионного технического центра «Останкино»). Д.Г. Квок руководил строительством этого сложнейшего объекта и к апрелю 1970 г. сдал его в эксплуатацию.

Осенью 1970 г. ему неожиданно предложили поменять работу и направили на строительство комплекса зданий Академии общественных наук. Сам Дмитрий Григорьевич рассказывал мне, что снятие для него было неожиданным и едва ли не оскорбительным. Я убежден, что его снятие с должности директора телевизионного технического центра было связано с опасениями Брежнева возможного отстранения от власти, в котором подозревали секретаря МК КПСС Н.Г. Егорычева, члена Политбюро А.Н. Шелепина, бывшего председателя КГБ В.Е. Семичастного. Эта московская «комсомольская» группа в свое время свалила Хрущева. Держать во главе передающего телевизионного центра москвича Квока, по всей вероятности, сочли непредусмотрительным. Такое моё предположение подкрепляется практически одновременной отставкой секретаря МК КПСС Егорычева.

Квок выстроил Академию, гордился, что она вся построена из отечественных материалов, что не только уложился в смету строительства (что почти невероятно по советским бытностям), но и умудрился сэкономить.

Он прочитал мою книгу и дал «добро» В 1998 году она вышла в свет и, кажется, принесла прибыль, так как вышла тиражом в 10 тысяч экземпляров.

Сам Дмитрий Григорьевич был автором воспоминаний о своём времени –

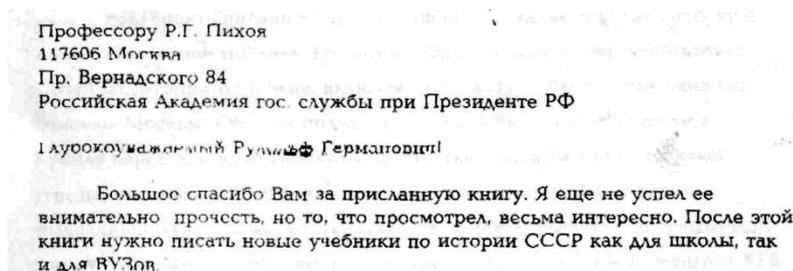
интересных, неожиданных и деликатных²⁵⁷. Это рассказ о многих людях, с которыми ему пришлось воевать, быть знакомым и работать. Но это не мемуары – о себе он почти ничего не писал.

Прошло время, и я подружился с Дмитрием Григорьевичем, несмотря на большую разницу в возрасте.

Д.Г. Квок

Возвращаясь к моей книге «Советский Союз: история власти. 1945-1991», могу сказать, что она вызвала большой интерес, поток рецензий, была переиздана на китайском, польском, французском языках, трижды переиздавалась на русском языке. Академик А.А. Фурсенко писал мне, что после этой книги нужно писать новые учебники по истории СССР как для школы, так и для ВУЗов.

Из письма А.А. Фурсенко

Но самый неожиданный и, не скрою, приятный отзыв я получил от другого ленинградца – Д.А. Гранина, когда прочитал в «Независимой газете» его интервью писательнице Вере Камша:

«- А что, если не секрет, читаете

- Я сейчас очень мало читаю беллетристику. Все больше вещи исторические, публицистические, философские

- И что производит на вас наиболее сильное впечатление?

- То, что прочитано вовремя

На разных этапах это были самые разные вещи, зачастую прямо противоположного толка. Теперь все по порядку и не вспомнить! Это и западные философы, и наши отечественные От Шопенгауэра до Бердяева, от Соловьева- философа до Соловьева-историка, от Борхеса, произведения которого я считаю не беллетристической, а скорее философской эссеистикой, до историка Рудольфа Пихоя...»²⁵⁸

Мне посчастливилось много сотрудничать и подружиться с Владимиром Эриховичем Бойковым, одним из основателей политической социологии в нашей страны,

²⁵⁷ Квок, Д.Г. Это было недавно... Это было давно : [Рассказы москвича] / - М. : Луч, Б. г. (1994). – 365 с.

²⁵⁸ Независимая газета. Еженедельное приложение. Субботник. 22 июля 2000 г.

аналитические записки которого, доказательные, точные, далеко не всегда приятные заказчикам, я читал еще в материалах ЦК КПСС за 1989-1991 гг., да и потом, когда он исследовал общественное мнение в России в 90-начале 2000 гг. Именно он осмелился прямо заявить в Администрацию Президента о крайне низком рейтинге Ельцина в марте 1996 г., что заставило решительно изменить весь ход избирательной кампании. В.Э. Бойков издавал журнал «Социология власти», членом редакции которого он пригласил меня.

В.Э. Бойков

Можно перечислять имена многих крупных ученых, работавших тогда в РАГСе – психолога А.А.Дергача, экономистов В.А.Кушлина, Ю.В.Яковца и Р.А.Белоусова, политологов В.А. Михайлова и О.Ф. Шаброва, юристов Г.В.Атаманчука, Г.В. Мальцева и многих других. Почти каждое заседание Ученого совета РАГСa включало обсуждение серьезных проблем на стыке науки и подготовки специалистов для органов государственного управления

Кафедра истории российской государственности и общественно-философской мысли.

Весной 1997 г. меня пригласили на работу в Академию госслужбы при Президенте РФ. Прежде это была Академия общественных наук при ЦК КПСС. При новом ректоре Академии – академике А.И. Емельянове, экономисте-аграрнике, давнем политическом стороннике Ельцина в очередной раз начался пересмотр структуры Академии госслужбы. Причина была в том, что в наследство от советского времени остались кафедры общественных наук, судьбы которых оказались разными. Экономисты, юристы, социологи вполне благополучно адаптировались к новым порядкам, Более того – они с успехом плодились и размножались, появлялись новые кафедры этого профиля. Кафедра научного атеизма стала кафедрой религиоведения. Историки КПСС после упразднения кафедры подались на кафедру государственного управления. Сложнее было с философскими кафедрами. А это были кафедры диалектического материализма, исторического материализма, научного коммунизма, этики и эстетики, культурологии.

Застряла и оказалась, в сущности, на обочине преподавательского процесса кафедра истории советского общества, переименованная в кафедру истории России.

Эти кафедры объединяло общее неблагополучие, фатальное для высшей школы – отсутствие учебной нагрузки. Её не было, так как по однажды принятому в Академии решению вместо истории России слушателям засчитывалась история КПСС, а вместо философии – истмат и диамат. Учитывая, что слушателями Академии, то тогда были люди,

рекомендованные к обучению органами власти и имевшие определенный стаж на государственной службе (и нечастые тогда «платники», обучавшиеся за свой счет), то есть люди, имевшие высшее образование, полученное в советское время, то все они уже прежде «проходили» и историю КПСС, и истмат с диаматом.

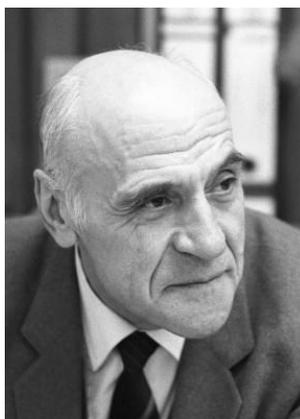
Администрация Президента и ректор Академии госслужбы решили объединить все философские кафедры – в одну и присоединить к ней еще и кафедру истории России. Мне предложили стать заведующим объединенной кафедры. Для того, чтобы как-то связать общей идеей философов и историков, я предложил такое название: кафедра истории российской государственности и общественно-философской мысли.

Решение это было небесспорное. Оба направления – и философское, и историческое – имели значительные традиции. Преподававшие там прежде философы – Б.Н. Кедров, М.М. Розенталь, П.Н. Федосеев, Г.Е. Розенталь, Ф.Н. Момджян, М.Т. Иовчук, М.В. Яковлев, И.С. Нарский, Э.А. Араб-Оглы – многие десятилетия определяли развитие и оценки в советской философии. Да и на исторической кафедре работали в прошлом едва ли не большинство советских академиков–историков. Добавлю к этому, что в Академии продолжали действовать специализированные советы по присуждению ученых степеней и по философии, и по истории.

Для меня возвращение к преподавательской работе стало делом и интересным, и хорошо знакомым. Созданная «сверху» кафедра была сложной. К междисциплинарным различиям следует добавить не самые простые отношения внутри самого нашего философского сообщества, сохранявшиеся многолетние различия между теми, кто с самого начала работал в Академии общественных наук и теми философами, которых перевели в АОН в 1978 году после объединения с Высшей партийной школой.

Явным лидером историко-философского направления был Александр Иванович Володин, автор многочисленных работ по истории отечественной политической и философской мысли XIX в., исследователь А.И. Герцена, Д.И. Писарева. Историками философии были Б.М. Шахматов, Г.Д. Чесноков, Е.Л. Петренко, С.Б. Роцинский. Исследователями классической немецкой философии были Ф.Д. Демидов и Д.Т. Жовтун. Проблемами диалектики, теории познания занимался Б.А. Воронович, увлеченным исследователем синергетических процессов, сочетания неклассической физики и философии – К.Х. Делокаров. Социальная философия изучалась В.Н. Шевченко, национальными отношениями В.П. Торукало, Г.Т. Тавадов, проблемами этики – П.П. Степнов, социологией – О.А. Митрашенков.

На бывшей кафедре истории России преподавателей было не много, помнится, человек пять. Это были специалисты по истории России XX в. Этот тот случай, когда слово – специалисты – употребляется в самом прямом и точном смысле. Кирилл Владимирович Гусев был известен любому историку нашей страны. Ему принадлежали новаторские исследования по истории непролетарских партий в России, появившиеся еще в конце 50-х гг. По сути, он вернул в советскую (и не только!) науку изучение партий социалистов-революционеров, конституционных демократов, меньшевиков.

К.В.Гусев

Его ученицами на кафедре были Ольга Геральдовна Малышева, изучавшая историю Государственной думы, Елена Анатольевна Токарева – театральную интеллигенцию в начале XX в.

Прежний заведующий кафедрой - Григорий Алексеевич Герасименко был широко известен своими работами по истории земства, роли земских учреждений в истории революции, в развитии страны в конце XIX – начале XX в. Им была пересмотрена концепция революции 1917 года. Вместо прежнего деления на Февральскую буржуазно-демократическую и пролетарскую Великую Октябрьскую революции пришло понимание неразрывного единства политического процесса, радикализировавшегося в течение 1917 года, единого революционного процесса. Идея, высказанная Г.А. Герасименко, стала сейчас едва ли не «общим местом» в современной профессиональной историографии²⁵⁹.

Г.А. Герасименко

Его ученик на кафедре – Владимир Петрович Семьянинов изучал проблему установления Советской власти в крестьянском Поволжье.

Следует упомянуть молодого, талантливое исследователя социальной политики СССР в условиях Великой Отечественной войны профессора Владимира Степановича Кожурина, к сожалению, ушедшего из жизни в 1998 г.

Как нетрудно видеть, на кафедре полностью отсутствовали специалисты по истории России с древнейших времен до середины XIX в. Это стало следствием реорганизаций Академии общественных наук и преобразования кафедры истории СССР в кафедру истории *советской* истории. Возникла задача – привлечь к преподаванию на кафедре специалистов по дооктябрьскому периоду отечественной истории.

²⁵⁹ Кабытов П.С. История второй русской революции в трудах Г.А. Герасименко//Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 10. № 1, 2008. С. 186-181

Для начала следовало восстановить чтение лекций по философии и по истории России для слушателей Академии. На ученом совете РАГС прошло моё предложение о том, что оценки по истории КПСС и марксистско-ленинской философии впредь не будут учитываться. Все слушатели обязаны прослушать курсы философии и истории России. Это сразу же выровняло учебную нагрузку для преподавателей философии, что было важным для создания нормальной обстановки на кафедре, обвинений в нехватке учебной нагрузки.

Вторая задача, которую я поставил – сделать кафедру выпускающей. Кафедры Академии, как и большинства высших учебных заведений, делились на общеуниверситетские и выпускающие. Я убежден, что работа на выпускающих кафедрах намного интереснее. Это возможность в течение ряда лет работать с одними и теми же студентами или слушателями, работать по программе, включающей не только образовательный, но и научно-исследовательский компонент, возможность читать не только общий курс, но и многочисленные спецкурсы, присматривать будущих аспирантов.

После обсуждения на кафедре я предложил обсудить возможность подготовить специализации по проблеме «Государственное управление и идеологические процессы». Впрочем, это название появилось позже. А пока в октябре 1997 г. на кафедре шло бурное обсуждение. Отмечу: и моё предложение, и многочисленные замечания были сформулированы не только устно, но и в письменной форме, что придавало заседаниям форму методологического семинара. А.И. Володин, поддержав главную идею – специализацию по истории общественной мысли и развития идеологии государственности в различных её проявлениях, высказал ряд важных замечаний и предложений.

Он писал: *«После нашего совещания 16 октября, в результате ознакомления в истекшие дни с рядом работ по истории политического процесса и общественной мысли в России я все более склоняюсь к тому мнению, что название курса необходимо скорректировать. И не только посредством замены "этапов развития» на "этапы истории". Но прежде всего – следующим образом: надо уже в самом названии четко обозначить связь (единство, взаимодействие, противостояние и т.п.) господствовавшей в России государственной (т.е. охранительной, защитительной, регулятивной по отношению к "обществу", правительственной идеологии с иными формами и течениями идейной жизни, духовной деятельности вообще. ...Я бы обязательно подчеркнул в ней, что самое ценное в идее предлагаемого курса состоит в его отличии от сильно размножившихся в последние годы опусов о "национальной идеологии" ("русской идее"), выходящих из-под пера не только интеллектуальных тусовочников от русистики, но и некоторых политических деятелей, а также и от многочисленных "философий Российской истории" (есть и другие названия, но все – того же разлива), где в основу рассуждений (по общему правилу – дилетантских) берется не реальная история страны, государства, народа, общественной мысли, как предполагается сделать в данном лекционном курсе, а некая "национальная идея", предполагающая искони существовавшую будто бы народную душу (дух, национальный менталитет и т.п.), якобы определяющую "смысл" и "предназначенность" отечественной истории, либо вообще не предлагается никакой концепции, а тиражируется плоское резонерство по поводу историософских размышлений тех или иных отечественных мыслителей, главным образом религиозного направления...»*

...Предлагаемый же курс лекций – исторический, в его задачу не входит разработка ни государственной, ни, тем более, национальной идеологии. Он о том, что было в истории идейных исканий российских "государственников" (и их противников).

Кроме того, я бы предложил рассмотреть ... следующее:

1) негомогенность государственной идеологии в России, ее трех-этапность («допетровский», монархический, советский), даже, можно сказать, трех-типность, трех-мерность, трех-мирность: хотя во всех трех главных этапах ее есть и общие черты

(преемственность, ретроспективные обращения), они разительно отличаются друг от друга.

2) соотношение государственной и церковной (догматически-религиозной) идеологии. Кажется, что это – один из тех пунктов, где обнаруживается "специфика" российской государственной идеологии, ее отличие от западных государственных идеологий Нового времени (и, возможно, сходство с восточными государственными идеологиями). Даже и в советский период это проявляется.

3) объективное несовпадение – при принципиальном единстве – реально осуществлявшейся государственной политики в разных сферах жизни – от идеологического "оформления" (обеспечения "обслуживания") этой политики. Тут не просто естественное противоречие между идейными замыслами и практическими результатами. Тут еще и особая роль именно идеологических построений: слова по общему правилу маскируют, "фальсифицируют" дела.

4) забегание (и отставание) идеологических разработок в их сопоставлении с реальными возможностями общества как политического целого; неостребованность некоторых из них, причины этого, а также значимость для последующих, более поздних, этапов развития "даже для сегодняшнего дня.

5) типичная закрытость, секретность основных пружин государственно идеологических актов и процессов – и в итоге характерное лицемерие, театральность, дву(много)личие идеологических формул и устных новлений.

6) сложная "кухня" выработки, приготовления государственно идеологических "блюд", обычно скрытая даже от высшего круга правителей, невидная современникам, но и потом трудно устанавливаемая.

... Необходимо высветить **тупики** и болевые почки (узловые проблемы, проблемные узлы) "идеологического процесса" и общественно-политической мысли России вообще, узлы, так доныне и не развязанные и выступающие сегодня – в новом, современном облачении – как "актуальные проблемы" "государственного строительства" (в качестве одной из "антиномий" государственной идеологии в России я бы особо указал здесь на такую: "дух времени" – "дух народа", иначе: общечеловеческое и народное; все попытки "решить", преодолеть ее обнаруживают свою ущербность)»²⁶⁰.

Откровенно говоря, мне было жаль остановить цитирование этого интереснейшего документа, в котором А.И. Володин сформулировал ряд важных предложений по изучению и преподаванию истории идеологических процессов в России. Отмечу, что целый ряд моих предложений были уточнены, а иногда – отвергнуты, что, на мой взгляд, так и должно быть при разработке крупного проекта, которым должна была стать будущая специализация.

А.И. Володин

²⁶⁰ Цит по моему личному архиву.

Были подготовлены учебные планы, методические материалы, определены преподаватели. Это позволило вынести вопрос об утверждении специализации «Государственное управление и идеологические процессы».

На Ученом совете РАГС вспыхнул спор о целесообразности такой специализации. Член совета, юрист, заявил: «В Конституции Российской Федерации запрещена государственная идеология». Я возражал: «От запрещения *государственной* идеологии идеология не перестала существовать. Более того, в условиях многопартийности и политического плюрализма государственное управление не может не учитывать многообразие идеологий, отражающих различные политические, социальные и иные представления и цели. Да и сама Конституция 1993 г. – разве это не идеологический документ?»

Ученый совет утвердил новую специализацию, и наша кафедра стала не только общеуниверситетской, но и выпускающей.

Кафедра истории российской государственности.

Неожиданным открытием для меня стало то, что не существовали современные учебники по философии и учебника по истории государственного управления – то есть по основным курсам, которые преподавала кафедра. Для меня, воспитанного в традициях советской высшей школы, предусматривавшей, что должны быть учебники или учебные пособия по базовым учебным дисциплинам, а это, по меньшей мере, странно. Надеяться, что наши слушатели возьмутся изучать философские монографии или публикации документов по истории государственного управления, при всём уважении к слушателям, было наивно.

Одновременно с этим выяснилось, что в РАГСе вообще не было собственных учебников по курсам, читаемым в Академии. Это было наследие от Академии общественных наук при ЦК КПСС, исключавшее возможность отождествления теоретических позиций, содержащихся в учебниках, с официальной позицией ЦК КПСС. Моё предложение – подготовить учебники по философии и истории государственного управления в России – встретили поддержку Г.А. Фролова, руководившего издательством РАГС. В академии был создан научно-редакционный Совет серии "Учебники Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации". Первым учебником, изданным в РАГС, стали учебник по истории госуправления²⁶¹, вторым - по философии²⁶².

Учебники вышли в свет тогда, когда решением Ученого совета РАГС в 2000 году были воссозданы уже как вполне соответствующие профилю академии и кафедры философии, и кафедра истории российской государственности.

Восстановление кафедры позволило решить многие вопросы преподавания и научно-исследовательской работы. Но первая проблема – это люди, специалисты. У меня возникла уникальная возможность – практически заново сформировать состав кафедры. На кафедре продолжили работу Кирилл Владимирович Гусев, Григорий Алексеевич Герасименко, Ольга Геральдовна Мальшева, Петр Тимофеевич Тимофеев, исследовавшие историю страны XX в. Необходимо было усилить «феодальную» группу. Среди них были мои коллеги, с которыми я работал в экспертном совете Высшей аттестационной коллегии – Н.М. Рогожин, А.И. Аксенов. Николай Михайлович Рогожин и Александр Иванович Аксенов работали в Институте российской истории РАН и сотрудничали с кафедрой по

²⁶¹ История государственного управления в России. Учебник. Под общей редакцией Р.Г. Пихоя. М., 2001. Учебник был издан четырьмя изданиями и переиздан в КНР на китайском языке.

²⁶² Философия: Учебник. Под общ. ред. Л. Н. Москвичева. - М., Изд-во РАГС, 2003

совместительству. Аркадий Иванович Комиссаренко перешел на кафедру на полную ставку. Вместе с ним на кафедру пришла – сначала – как аспирантка, а позже – как доцент Мария Геннадьевна Фивейская. Из университета дружбы народов перешел Василий Васильевич Зверев, исследователь истории народничества. Я был искренне рад, что на нашей кафедре стала работать Мария Ростиславовна Зезина, пришедшая к нам из истфака Московского государственного университета, замечательный человек и великолепный ученый. В штате кафедры работал недавний сотрудник аппарата Отделения истории РАН, специалист по всеобщей истории Вячеслав Серафимович Шилов. Из Московского государственного педагогического университета на кафедру перешел профессор Василий Петрович Попов. Я был знаком с ним еще по работе в Росархиве, когда он – докторант – самым внимательным образом исследовал по архиву Политбюро судьбу крестьянства России в 30-50-х гг. Дотошный, въедливый исследователь, сочетающий талант историка с качествами талантливый методиста. Хорошие лекторы и преподаватели не редкость. Но серьезный ученый, прекрасный лектор, обладающий способностями методиста, разрабатывающего свои, авторские методики обучения – такой человек встретился в моей жизни единожды. И это был В.П. Попов. Историографию на кафедре читал Анатолий Александрович Чернобаев, мой коллега по Росархиву, главный редактор журнала «Исторический архив».

А.А. Чернобаев, П.Т. Тимофеев, О.Г. Мальшева, А.Д. Чернев

Профессор Василий Васильевич Зверев, перешедший к нам из Университета дружбы народов, принес на кафедру проблематику изучения социальной борьбы на рубеже XIX-XX вв., исследование феномена народничества, сложного, противоречивого явления политической жизни России.

В.В. Зверев

Для меня важно было, чтобы все преподаватели работали в архивах. Я был рад, что на работу на кафедре перешел многолетний сотрудник Архива Политбюро, позже – Архива

Президента Анатолий Дементьевич Чернев, обладавший уникальными сведениями о политической истории СССР последних десятилетий, Ольга Николаевна Чернышова – из бывшего Центра космической документации, Наталья Юрьевна Болотина – из Российского государственного архива древних актов, Постоянно работали в архивах и готовили публикации документов совместители кафедры, сотрудники Института российской истории Андрей Константинович Соколов²⁶³ и Сергей Владимирович Журавлев.

Подлинной находкой для кафедры стало то, что у нас стал работать Валентин Михайлович Фалин – не только выдающийся дипломат, посол СССР в ФРГ, но и блестящий знаток истории внешней политики СССР, один из «действующих лиц» руководства СССР во второй половине XX в. Его выступления на кафедре, при обсуждении диссертаций, на совете по защитам были всегда точны и исключительно информативны.

На кафедре защитили кандидатские диссертации Н.Ю.Болотина, М.Г. Фивейская, О.Н. Чернышова, Наталья Александровна Храмцовская, Фатима Викторовна Малхозова, Дмитрий Анатольевич Краснов, докторские – О.Г. Малышева, Константин Сергеевич Носов, оставшиеся преподавать на кафедре, а старший лаборант кафедры – Виктория Юрьевна Леденева защитила сначала кандидатскую, а затем и докторскую степени по социологии и стала преподавать на кафедре социологии.

Я могу долго и с восторгом рассказывать о замечательной обстановке на кафедре, подлинно творческой атмосфере, в которой приятно было работать и стало возможным решать много проблем, которые были порождены переменами в системе образования в России вообще и в Академии госслужбы – в частности. При новом министре образования В.М. Филиппове начались реформы по переводу отечественной системы образования на западные стандарты. Причина этому, на мой взгляд, в том, что он – в те же годы ректор Университета дружбы народов – бывшего Университета имени Патриса Лумумбы – стремился сделать систему отечественного образования по западному образцу, если под ним понимать введение тестирования для выпускников – систему ЕГЭ, а также отказ от специалитета – пятилетней программы обучения в высшей школе и замену его на бакалавриат и магистратуру. То, что от этого выигрывал Университет дружбы народов, обучение в котором становилось понятным для иностранных абитуриентов – это было очевидно. Но какое отношение это имело к традициям отечественной высшей школы?

Мне пришлось пару раз участвовать при обсуждении вопроса о переходе к бакалавриату и магистратуре. Я был противником этой реформы.

Во-первых, потому, что я расценивал её как совершенно непродуманную. Как можно готовить бакалавров и магистров, когда отсутствуют должностные обязанности для людей, которые получают эти свидетельства об образовании? Попросту - надо ответить на вопрос – можно ли бакалавриат считать формой высшего образования? Ответа на этот вопрос, который отнюдь не относится только к компетенциям Минвуза, не было. Какие должности имеют право занимать бакалавры, а какие – магистры?

Во-вторых, бакалавриат становится основной формой обучения. Но она не предусматривает специализации. Это как? Специализация – это не натаскивание на специальность. Это прежде всего методика овладения специальностью, которая может и должна быть применена на различных поворотах жизни выпускника вуза. Здесь, в планах бакалавриата, специализация исключена.

В-третьих, после четырех лет бакалавриата мало кто захочет учиться в магистратуре. Это означает, что средний образовательный уровень нации понизится.

Больше меня на такие совещания уже не приглашали...

Фактический переход на двухуровневую систему начался с 2001 года, а к 2004 году

²⁶³ Мой очерк об А.К. Соколове см. ниже.

очередь дошла им до РАГС. Выступления на Ученом совете моих коллег, справедливо указывавших на то, что у Академии госслужбы при Президенте России другие задачи – были проигнорированы. Похоже, что Администрация Президента утратила интерес к своему учебному заведению²⁶⁴. В 2007 году в стране был принят Закон о введении в России двухуровневой системы высшего образования.

Уже с 2004 г. кафедра должна была заняться подготовкой учебных планов для бакалавриата и магистратуры. Для этого следовало подготовить великое множество документов, согласовать в различных методических советах, решить вопросы с привлечением специалистов по тем дисциплинам, которые не преподавались у нас прежде – например – историю славян, историю Азии и Африки и ряд еще. Если бы не организационная помощь Ольги Николаевны Чернышовой, Марии Геннадьевны Фивейской и договоренности Марии Ростиславовны Зезиной с её коллегами по историческому факультету МГУ было бы сложно подготовить документы по аттестации на право ведения бакалавриата и магистратуры.

Пытаясь сохранить прежнюю работу по подготовке государственных служащих, кафедра первоначально ориентировалась только на магистратуру. На кафедре существовала подготовка по специальности «Государственное муниципальное управление» по направлениям «Государственное управление и идеологические процессы»; «Документоведение и документационное обеспечение управления». Хочу обратить внимание именно на последнее направление. Оно оказалось чрезвычайно востребованным. Инициаторами и организаторами его стали О.Н. Чернышова, М.Г. Фивейская, Н.А. Храмцовская. Они привлекли к преподаванию В.Э. Баласаняна, создателя одной из первых в России компаний по электронному документообороту «Электронные офисные системы», доктора технических наук Г.З. Залаева, кандидата экономических наук Н.В. Ключко.

Работать на кафедре было интересно. Интересно было обсуждать проблемы методологии истории тогда, когда стал очевиден кризис советской историографии. На кафедре работал постоянный методологический семинар, которым руководили А.А. Чернобаев и В.П. Попов. Предварительно публиковались тексты или тезисы будущих докладов, стремились, чтобы к основному докладу были оппоненты. Докладчиками были А.К. Соколов, В.М. Фалин, я, В.П. Попов, А.А. Чернобаев, С.В. Журавлев, в обсуждениях участвовали не только преподаватели кафедры, но и философы, историки из Института российской истории, МГУ, МПГУ...

Приведу один из примеров плана методологических семинаров кафедры:

***Тема: Методологические проблемы изучения
исторического процесса***

ПЛАН

1. Октябрь– ноябрь	<i>Д.и.н. Журавлев С.В. Методологические проблемы изучения истории в материалах МКИИ</i>
2. Декабрь–январь	<i>Д.и.н. Фалин В.М. Информационно-аналитическая работа в системе советского государственного управления</i>
3. Февраль–март	<i>Д.и.н. Гуревич А.Я. Методологические проблемы изучения повседневности</i>

²⁶⁴ К этому примешивались рассуждения, что Администрация не может выступать в качестве учредителя высшего учебного заведения. Соображение, на мой взгляд, неосновательное.

4. Апрель–май

Д.и.н. Зверев В.В. Методологические проблемы изучения социальной истории

План утвержден на заседании кафедры 17 октября 2005 г.

Кроме научного интереса, в семинарах был и образовательный смысл. По итогам семинара было издано учебное пособие для аспирантов «История и философия отечественной исторической науки»²⁶⁵. На семинарах кафедры выступал польский экономист и политический деятель Л. Бальцерович, польский историк М. Волос, к нам на кафедру приходил американский историк Р. Пайпс.

Я много и с удовольствием сотрудничал с кафедрой социологии и её заведующим и моим другом Владимиром Эриховичем Бойковым, одним из основателей политической социологии в России.

Вместе с Н.М. Рогожиным мы подготовили важную, на мой взгляд, книгу, адресованную широкому кругу читателей – «Государственность России: идеи, люди, символы»²⁶⁶

Н.М. Рогожин

Кафедра в первом десятилетии XXI века активно сотрудничала с Фондом первого Президента Б.Н. Ельцина. Вместе с Фондом Ельцина была проведена важная конференция, посвященная историческим условиям принятия Конституции 1993 г., в которой приняли участие «действующие лица» российской истории первой половины 90-х гг. – С.А. Филатов – тогда – руководитель Администрации Президента, О.Г. Румянцев – секретарь Конституционной комиссии Верховного Совета РФ, госсекретарь РФ Г.Э. Бурбулис, С.М. Шахрай – руководитель государственно-правового управления Администрации Президента, юрист и активный участник процесса принятия Конституции В.Л. Шейнис и многие другие.

²⁶⁵ История и философия отечественной исторической науки : учебное пособие для вузов / науч. ред. Р. Г. Пихоя, А. А. Чернобаев . М.: Изд-во РАГС, 2007. 344 с.

²⁶⁶ Государственность России: идеи, люди, символы : книга для чтения для школьников и учителей / [А. И. Аксенов и др. ; сост. и науч. ред. Р. Г. Пихоя] ; Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации, Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина. – М.: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина : РОССПЭН, 2008. - 444, [2] с.

Выступление Г.Э. Бурбулиса на конференции, посвященной 10-летию Конституции 1993 г.

Конференция получилась важной, так как удалось услышать развернутые, аргументированные мнения участников и противников острой политической борьбе 90-х гг. То, что люди слушали и слышали друг друга – пожалуй, стало главным достижением конференции. Судьба политико-конституционного кризиса 1993 г. стала предметом и моего исследования²⁶⁷.

История АВТОВАЗА.

Вообще говоря, эти годы стали временем моей успешной научной работы. Получалось многое. Вышли книги на китайском, французском языках, публиковались статьи. В том числе возникали интересные и неожиданные предложения. А.И. Аксенов и Н.М. Рогожин уговорили меня поехать на конференцию в Тольятти. Я согласился, так как, во-первых, я никогда не был в этом центре советского автостроения и, во-вторых, мне был любопытен Ставрополь-на-Волге, как прежде назывался Тольятти, один из многих городов, созданных по воле Василия Никитича Татищева, одного из самых любимых мной героев отечественной истории.

На этой конференции произошло неожиданное событие. Со мной встретились топ-менеджеры АВТОВАЗа во главе с его директором по корпоративному управлению П.А. Нахмановичем, Л.С. Пахутой, отвечавшем, в частности, за имидж завода, с ректором Тольяттинского университета С.Ф. Жилкиным – в недавнем прошлом мэром Тольятти. Они предложили исследовать историю предприятия, приурочив выход будущей книги к 40-летию ВАЗа, которое были намерены отметить в 2005 году. Уговаривали настойчиво, предлагали заключить договор, который бы предусматривал не только приличную оплату авторам, но и средства на выявление и копирование документов в государственных архивах.

Я обещал подумать, посоветоваться с коллегами. Откровенно говоря, меня здесь интересовал один вопрос – почему все автомобильные заводы, выпускавшие легковые машины в России закрылись, а АВТОВАЗ смог сохраниться и продолжил свою работу.

Желающих заняться этой темой на кафедре оказалось немного. Согласились участвовать в проекте А.К. Соколов, М.Р. Зезина и С.В. Журавлев. Для нас эта тема была совершенно новой. Но это были профессиональные историки. И этим сказано всё.

²⁶⁷ Пихоя Р.Г. Конституционно-политический кризис в России 1993 года: хроника событий и комментарий историка // Отечественная история. 2002. № 4. С. 64–78 ; № 5. С. 113–133.; его же: Президент и Советы: политико-конституционный кризис 1993 г. // Куда идет Россия?... Формальные институты и реальные практики. 2002 : междунар. симпозиум, 18–19 янв. 2002 г. М. : Моск. высшая шк. социальных и гуманитарных наук, 2002. С. 341–352.

Следовало определить круг источников. Их выявляли в Российском государственном архиве экономики, в Тольяттинском городском архиве, в ведомственном архиве АВТОВАЗа. Кроме этого, предстояло просмотреть местную прессу. Важными должны были стать интервью с представителями руководства завода, его техническими специалистами, с профсоюзными лидерами, с рабочими и жителями Тольятти.

В гостинице Тольятти: слева направо: С.В. Журавлев, тольяттинский историк и журналист С.Е. Степанов, А.К. Соколов, М.Р. Зезина

Как и ожидалось, проблемы истории крупнейшего автомобильного завода оказались непосредственно связанными с историей Советского Союза. Сама наша работа была интересной и весёлой. Интересно было видеть в истории завода отражение истории всей нашей страны. Это и проблема технологического отставания, вынудившего СССР закупить итальянский завод, и проблема преобразования (и не присобления!) автомобиля Фиат-124 в ВАЗовскую «копейку» - ВАЗ 2101, и судьба инженеров из Минска, Горького, Москвы, выучившихся на заводах ФИАТа, создававших новое производство в СССР, и влияние западной корпоративной культуры на завод и город автостроителей, и влиянии автомобилизации на изменения образа жизни и ценностей советского общества... Особенно интересно было изучать преобразования на заводе во второй половине 80-х- 90-е гг. XX в., более высокой приспособленности АВТОВАЗа к рыночным реформам²⁶⁸. По сути, история с ФИАТом, перенесенным на берег Волги, стала экспериментом по конвергенции советского социализма с итальянским коммунизмом в отдельно взятом районе Куйбышевской области.

Я не случайно употребляю слово - «интересно». Да, знакомство с АВТОВАЗом, с его более чем тридцатилетним прошлым поразительно отличало это предприятие от уральских заводов, которых я насмотрелся, и от московских, которые изучали А.К. Соколов и С.В. Журавлев. Технологическое преимущество АВТОВАЗа было очевидно. В беседах с первостроителями завода и города чувствовались и гордость за сделанного, и критические,

²⁶⁸ Не случайно, что заместитель генерального директора Волжского автомобильного завода по экономике и планированию АВТОВАЗа Петр Макарович Кацура, ставшим первым заместителем председателя Госкомиссии по экономической реформе Совета Министров СССР стал своего рода «серым кардиналом» при Председателе Совмина СССР Н.И. Рыжкове при осуществлении экономических реформ 1987-1991 гг.

в полном смысле хозяйские оценки его успехов и поражений.

«Мы строили ВАЗ, ВАЗ строил нас» - это не только лозунг, это часть психологии людей, осознававших своё приобщение к воистину великой стройке. Е.А. Башинджагян, бывший первый главный инженер АВТОВАЗа, позже – его технический директор рассказывал о проблемах адаптации итальянских технологий к советским условиям, Н.М. Карагин – председатель профкома завода – о том, как профсоюз реально отстаивал интересы рабочих и служащих в кризисные 90-е гг., Р.Д. Кислюк – о создании невиданной в СССР системы Автовазтехобслуживания. П.А. Нахманович объяснял нам роль коммерческого АВТОВАЗбанка в сохранении финансовой устойчивости предприятия на рубеже 80-90-х гг...

Не скрою, что особенно любопытны были неоднократные беседы с генеральным директором АВТОВАЗа Владимиром Васильевичем Каданниковым. Он прошёл все ступени автомобильного производства – от слесаря и мастера до генерального директора, выучил итальянский и был своим человеком в Турине, рискованный, он использовал свой личный политический капитал – Героя Социалистического труда, генерального директора – чтобы в Правительстве России в качестве вице-премьера отстаивать интересы завода. Он показывал нам новые цеха АВТОВАЗа, только что построенные, светлые, в пору по стенам картины развешивать, заставленные импортными станками-автоматами, на которых должна происходить сборка новых автомобилей. Каких? В это время шла доработка машины нового поколения – Лады-Гранты. Но, судя по недомолвкам, вовсе не обязательно что новые цеха предназначались для неё.

К лету 2005 г. наш договор был выполнен. Книга была сдана в печать, с тем, чтобы первый небольшой тираж будет роздан участникам международной конференции к 40-летию АВТОВАЗа, которая должна была пройти 26-27 октября 2005 г.

На конференции выступали историки автомобильной промышленности из ФРГ, Италии, ученые из других «автомобильных» городов. Приехала делегация из Турина, итальянские ветераны проекта по созданию АВТОВАЗа и руководители ФИАТа. Наши знакомые из числа топ-менеджеров завода сообщили по секрету, что вечером 27 октября, перед банкетом по завершении конференции, должно состояться подписание стратегического договора о новом этапе сотрудничества АВТОВАЗа и с ФИАТом.

В президиуме конференции. Р.Г. Пихоя и В.В. Каданников

Вечером второго дня конференции в Дворце культуры завода вдруг что-то пошло не так. В воздухе повисло откуда-то взявшееся беспокойство. Заводское начальство, до этого самым активным образом участвовавшее в обсуждениях, неожиданно исчезло. Вопреки от прежде тщательно соблюдавшейся юбилейной программы, завершение конференции было

скомкано. Что-то произошло.

Утром следующего дня мы улетали в Москву. Мой сосед в самолете – один из ВАЗовских стариков, почетных гостей юбилейного действа. Он рассказал, что во второй половине дня 27 октября Каданникова пригласили к телефону и «сделали предложение, от которого он не мог отказаться» – передать завод Рособоронэкспорту, напомнив о судьбе Ходорковского. Отмечу только официальную информацию: 27 октября 2005 г. завод был национализирован, перешел в управление Рособоронэкспорта, а Каданников покинул пост председателя Совета директоров ОАО «АВТОВАЗ» и генерального директора с формулировкой – в связи с уходом на пенсию.

Вспоминая об этом, пожелаю, что тираж нашей книги так и остался минимальным – 200 экземпляров, розданных участникам конференции²⁶⁹. А жаль. Это уникальное исследование истории российского промышленного комплекта на рубеже веков.

Здесь нужно упомянуть и о другом интересном проекте, который был выполнен М.Р. Зезиной, О.Г. Малышевой, Ф.В. Малхозовой и мной – это создание научной биографии первого Президента России – Б.Н. Ельцина. Предложение поступило от Фонда Б.Н. Ельцина. Русской научной биографии Ельцина не существовало. Мы решили исследовать его биографию, основываясь на документах. Я писал о происхождении рода Ельциных, о судьбе его родителей, его детстве, а также о его президентстве, О.Г. Малышева – сама родом с Урала, к тому же имевшая опыт работы в партийном аппарате - о студенчестве и «свердловском периоде» Ельцина, Мария Ростиславовна Зезина – о деятельности Ельцина как первого секретаря Московского горкома КПСС, а Фатима Викторовна Малхозова, исследовавшая деятельность Верховного Совета РСФСР – о том времени, когда Б.Н. Ельцин избирался и в Верховные Советы СССР и РСФСР и работал Председателем Верховного Совета РСФСР. Исследование было интересно именно из-за основательной источниковой основы – документах Государственного архива Свердловской области и Мосгорархива, бывшего партийного архива Свердловской области, РГАСПИ, РГАНИ, ГАРФа. Книга почти одновременно вышла в двух редакциях – в Москве и в Екатеринбурге²⁷⁰

О коллегах, которых уже нет...

Вспоминая об Андрее Константиновиче

Моё знакомство – шапочное, на ходу – произошло в первой половине 70-х гг. на истфаке Московского университета. Скорее всего это было тогда, когда я вместе с моим другом и однокурсником по Уральскому университету В.Г. Айрапетовым оказался на курсах повышения квалификации, которые существовали при истфаке МГУ. Курсы давали возможность не только послушать лекции профессоров факультета, но и поработать в библиотеках и архивах Москвы. Меня интересовали тогда проблемы истории Древней Руси, а его – историка «советчика» - история 30-40 – хх. Я помню, с каким восторгом Володя Айрапетов говорил о Владимире Зиновьевиче Дробижеве. Это был тогда, пожалуй, самый уважаемый специалист по истории промышленности и рабочего класса, человек, который умел находить наименее догматизированные «ниши» в идеологически контролируемой истории советского общества.²⁷¹ Полагаю, тогда я и познакомился с учеником В.З.

²⁶⁹ История ОАО «АВТОВАЗ»: уроки, проблемы, современность : материалы II Всерос. науч. конф., 26–27 окт. 2005 г. / отв. ред. Р. Г. Пихоя. Тольятти : АВТОВАЗ, 2005. 304 с.; АВТОВАЗ между прошлым и будущим: история Волжского автомобильного завода. 1966–2005 гг. / под ред. Р. Г. Пихои. М. : Изд-во РАГС, 2006. 720 с.

²⁷⁰ Человек перемен. Исследование политической биографии Б. Н. Ельцина / Р. Г. Пихоя [и др.]. М. : Новый хронограф, 2011. 424 с.; Борис Ельцин / [под ред. Р. Г. Пихои]. Екатеринбург : Сократ, 2011. 480 с.

²⁷¹ Соколов А.К. Пивовар Е.И. Слово об Учителе//Отечественная история XX века: экономическая, политическая и социальная жизнь, преподавание в вузе. Материалы международной конференции,

Дробижеева - Андреем Соколовым.

Новый уровень знакомства пришёлся уже на начало 90-х гг., когда мне, тогда возглавлявшему архивное ведомство страны пришлось не один раз быть в институте российской истории, выслушивать и вопросы, и критику. Здесь наше знакомство с Андреем Константиновичем продолжилось. В отличие от ряда историков института, которые боялись открытия архивов, которые заявляли, что «общество не готово» к рассекречиванию архивных документов – он сполна воспользовался новыми возможностями «архивной революции» и более того – открыл многим другим путь к богатейшим фондам бывшего Центрального государственного архива народного хозяйства, ставшего Российским государственным архивом экономики. С его участием был подготовлен первый справочник по фондам этого архива²⁷². Позволю себе допустить, что открывшееся архивное богатство, новые исследовательские возможности, связанные с этим, повлияли на некоторые перемены в его научных увлечениях²⁷³.

С конца 90-х гг. до 2015 г. мы работали вместе на кафедре истории российской государственности Академии государственной службы. В эти годы профессионально-уважительные отношения между нами переросли в дружбу. Это было хорошее время для историков. Кроме обычных, но от этого не менее интересных занятий со слушателями, людьми, как правило, уже имевшими за плечами немалый жизненный опыт, едва ли не каждое заседание кафедры было связано с научными дискуссиями – и тогда, когда обсуждалась работа многочисленных аспирантов, и тогда, когда обсуждались планы новых учебников и учебных пособий. Да иначе и быть не могло, учитывая высокопрофессиональный состав преподавателей. Вместе с А.К. Соколовым там работали А.И. Комиссаренко, Г.А. Герасименко, О.Г. Малышева, Н.Ю. Болотина, В.М. Фалин, В.П. Попов, Н.М. Рогожин, А.И. Аксенов, М.Р. Зезина, О.И. Горелов, С.В. Журавлев, В.В. Зверев.

В это время учебники и учебные пособия были зачастую вынуждены идти впереди монографий. Примеру тому может служить подготовленный А.К. Соколовым «Курс советской истории. 1941-1991 гг.»²⁷⁴. Этот курс лекций – не только учебник, но и одна из первых в нашей историографии попыток, и попыток, по моему убеждению удачных, показать панораму истории России в первой половине XX в. на основе новых источников, новых знаний и нового понимания.

Особая тема тогдашней истории кафедры – это систематически проводимые методологические семинары и конференции, на которые приходили не только преподаватели с других кафедр – философы, социологи, политологи, юристы, но и ученые из Института российской истории, МГУ, РГГУ, других высших учебных заведений страны. Андрей Константинович нередко был «застрельщиком» дискуссий, в частности, о понятии «современная история»²⁷⁵, хитро поглядывая на окружающих, посмеиваясь, он был способен точно и убедительно и, что немаловажно – не обижая оппонента, отстаивать свою точку зрения.

посвященной 70-летию доктора исторических наук, профессора В.З. Дробижеева. Отв. редактор Е.И. Пивовар. М., Центр теоретических проблем исторической науки, 2005

²⁷² Российский государственный архив экономики. Путеводитель. Т.1. Краткий справочник фондов. М., Росархив, 1994.

²⁷³ Мне представляется, что в 90-е гг. при всем интересе к математическим методам в истории, центр тяжести его научных интересов переносится на архивное источниковедение и на общие вопросы истории Советского Союза.

²⁷⁴ Соколов А.К. Курс советской истории. 1941-1991. М., "Высшая школа", 1999

²⁷⁵ Соколов А.К. Путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России//История и философия отечественной исторической науки. Учебное пособие. Издательство РАГС. С.275-342. его же: Доклад «О современной истории России»//Стенограмма методологического семинара 15 октября 2007 г. «О понятии современная история». Изд. РАГС, 2007

Андрей Константинович Соколов

Его тянуло к общим, методологическим вопросам истории. Мы много говорили, а иногда и спорили о границах применения неопозитивизма в исследовании истории, сходились на том, что без понятия континуитета, непрерывности развития нельзя объяснить историю страны²⁷⁶.

Он был способен удивить полемически остро поставленной проблемой. Он насмеялся над концепцией тоталитаризма как универсальной отмычкой к истории СССР, находя её примитивной и не соответствующей реальностям советского прошлого. Помню, когда я посетовал ему на то, что проблема рабочего класса стала уходить из современной историографии, он вдруг заявил, что никакого рабочего класса как единой общности в СССР не было! На моё искреннее недоумение он ответил: посмотри, как отличаются рабочие в различных сферах труда, как рабочие – строители отличаются от металлургов, а те – от работников оборонных заводов. Разницы между ними больше, чем общего. Скорее можно говорить о сохранении и развитии различных социальных групп. Он был убежден, что ликвидация системы Советов, и прежде всего – Советов как органов самоуправления на местах, последовавшая за событиями 1993 г. в Москве, стала исторической неудачей.

Особая тема, ставшая едва ли не главной в творчестве Андрея Константиновича в последние десятилетия – это драматическая история создания военно-промышленного комплекса СССР перед войной. Он стоял у истоков и до последних дней своей жизни занимался подготовкой серии документальных публикаций «История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963 гг.»²⁷⁷. Предисловия, написанные А.К. Соколовым, служат концептуальной основой как каждого тома, так и всего издания.

Его исследования заставляют по новому рассматривать важнейшие вопросы истории довоенного СССР, понять логику власти. «Военная тревога» 1927 г. и признание развала военной промышленности СССР вынудило власть, существовавшей в ожидании неизбежной войны между «государством победившего пролетариата и капиталистическим окружением», пойти по пути милитаризации всей экономики страны, что в свою очередь повлияло на социально-экономическую политику страны, способствовало и служило оправданием централизации политической власти, создавало атмосферу подозрительности, шпиономании. Безусловно, эта причина не была единственной, определявшей развитие Советского Союза, но несомненно важной.

²⁷⁶ Отголоски этих споров см.: Соколов А.К., Проблемы советского историко-культурного наследия в современном менталитете российских граждан // Судьба России: вектор перемен. Материалы Международной научной конференции. Т. I. Екатеринбург-Москва. Академический проект, 2007. С. 137-139

²⁷⁷ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900-1963: Сборник документов: Том 1; Том 2; Том 3. Ч. 1; Том 4. Под ред. А. К. Соколова. М., 2004-2015г.

В высшей степени профессионально подготовленная под руководством А.К. Соколова серия документов по истории формирования оборонно-промышленного комплекса предвоенного СССР не дает ответов на многие вопросы. Но она позволяет задать, сформулировать их. Убежден, что никакое серьезное изучение истории страны 20-30-х гг. невозможно без изучения этой выдающейся публикации²⁷⁸.

Нужно отметить, что отношение к войне у Андрея Константиновича было во многом личным. Он родился в 1941 году, его детство в крестьянском Юрьеве-Польском было полно ощущениями войны и её страшными последствиями.

Мы много работали вместе. С удовольствием вспоминаю исследование истории крупнейшего автомобильного завода страны – Автоваза. Занимаясь современной историей страны, мы выпустили две книги по её новейшей истории²⁷⁹

О Валентине Михайловиче Фалине

Осенью 2000 года ко мне – тогда – заведующему кафедры истории российской государственности Академии государственной службы – подошел экономист, историк экономики Рэм Александрович Белоусов. Остановив меня, он спросил: знаю ли я Владимира Михайловича Фалина?

Я, конечно, его знал, знал заочно. Да и мало кто в Советском Союзе не видел и не знал его как одного из постоянных участников популярной в СССР телевизионной программы «Международная панорама». Комментарии Фалина – всегда взвешенные, аналитичные, доказательные, лишённые пропагандистского накала были убедительны и этим заметно отличались от выступлений его коллег.

Заочное знакомство было продолжено тогда, когда мне пришлось возглавить Государственную архивную службу. Работая с документами Политбюро и Секретариата ЦК КПСС, я не мог не обнаружить, что только один (!) секретарь ЦК КПСС – Фалин – не только принимал необходимость перемен, но и понимал трудности и опасности на этом пути. Многочисленные записки Фалина свидетельствовали, прежде всего, о нетипичной для этой среды смелости и политической ответственности. Перечислю лишь некоторые, оставшиеся у меня в памяти.

Он ратовал за государственное празднование тысячелетия принятия христианства в стране, официально пропагандировавший воинствующий атеизм, доказывал бессмысленность отрицания катынского расстрела, и замалчивания документов об этом событии, десятилетиями отравлявшего советско-польские отношения, он вынудил провести расследование, оценить и признать финансовый крах СССР к 1990 г., когда КПСС уже не имела возможности оплачивать из госбюджета деятельность «братских партий» и их коммерческих структур по всему миру. Отсюда – его рекомендации по созданию механизмов самофинансирования компартий и подготовки к возможности деятельности в оппозиции. Он настаивал на создании в Верховном Совете СССР коммунистической фракции и превращению КПСС в парламентскую партию. Фалин был обеспокоен реальностью распада страны и вносил предложения по изменению союзного договора с тем, чтобы союзный центр нашел себе союзников в лице автономий...

Его предложения – всегда реалистичные - похоже пугали своей точностью высшее партийное руководство, пребывавшее в иллюзорной уверенности в своём всемогуществе. Знакомство с записками Фалина создавали представление о нем как о человеке реально обеспокоенном состоянием страны, имевшем ясное представление о том, как должно идти

²⁷⁸ Пихоя Р.Г. Новые публикации о формировании советского военно-промышленного комплекса//Российская история, 2016, № 5. С. 196-204

²⁷⁹ Пихоя Р.Г., Соколов А.К.. История современной России. Т.1. Кризис советской коммунистической системы и становление новой России. М. РОССПЭН, 2008; Журавлев С.В., Пихоя Р.Г. Соколов А.К. История современной России. Десятилетие либеральных реформ: 1991-1999 гг. М., изд-во «Новый хронограф», 2011

реформирование страны в подлинно социал-демократическом направлении и человеке, плохо вписывавшемся в номенклатурно-послушное окружение Генерального секретаря.

Поэтому на вопрос Рэма Александровича Белоусова я ответил, что читал записки Фалина в ЦК. Р.А. Белоусов с горечью сказал, что по возвращении из Германии, где Фалин преподавал в одном из университетов, в Москве он оказался ненужным. Его боялись пригласить в качестве преподавателя. Он даже не получил здесь звание профессора, хотя стал доктором еще в начале 80-х... Р.А. Белоусов заметил, что его связывает с Валентином Михайловичем многолетняя дружба, еще со студенческих лет.

Я сказал, что буду рад пригласить В.М. Фалина преподавать на кафедре. Лучше него трудно было представить преподавателя новейшей истории для аспирантов кафедры. Его огромный опыт аналитика был бесценен для слушателей, проходивших подготовку по специальности «Историческая аналитика для государственной службы».

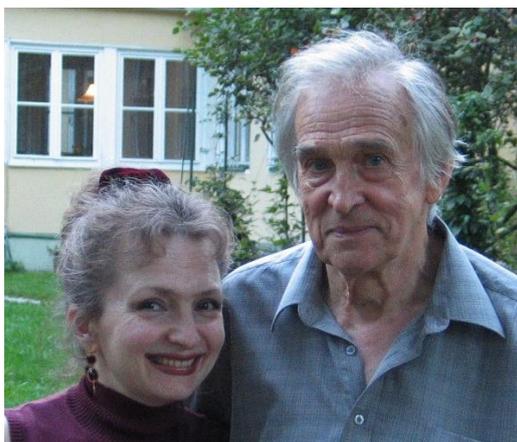
Мой расчет был вполне прагматичным. Однако произошло гораздо большее, чем я ожидал. Умный, интеллигентный, обаятельный Валентин Михайлович сразу стал любимцем кафедры. О нем, как о преподавателе, с восторгом говорили слушатели, заочники и вечерники – в то время, как правило, 40-летние офицеры, государственные служащие. В Академии госслужбы В.М. Фалину ВАК присвоил звание профессора. На заседаниях кафедры, где тогда работали замечательные историки – А.К. Соколов, М.Р. Зезина, Н.М. Рогожин, В.П. Попов, О.Г. Малышева, А.И. Комиссаренко, Н.Ю. Болотина – В.М. Фалин был участником профессиональных споров и дискуссий. Его точка зрения не всегда принималась, но он задавал **тон** дискуссий – споров, которые велись в строго академической, даже дипломатической манере.

Нередко обсуждения истории страны во второй половине XX в. провоцировали его на воспоминания – о его работе в Германии на рубеже 40-50-х гг., о работе в Комитете информации, о Хрущеве, Брежнев, Андропове, о западных политиках – Гарольде Вилсоне, Вилли Брандте, Гельмуте Шмидте... Воистину его устами звучала история. Он воссоздавал прошлое в мельчайших деталях. Для нас – историков – он сам был источником по истории недавнего прошлого.

В этих автобиографических отступлениях раскрывалась и личность Валентина Михайловича – его чувство собственного достоинства, широчайшая образованность и увлеченность искусством – живописью, музыкой, поэзией, его патриотизм и служение делу, а не лицам. Он был веселым и остроумным участником кафедральных посиделок, его любили и уважали.

Отдельная тема – участие В.М. Фалина в заседаниях совета по присуждению ученых степеней. Он неизменно приезжал на заседания готовый к обсуждению работ, предварительно изучавший и автореферат, и работы. Его участие в дискуссиях всегда было точным, аргументированным, нередко находившим новые аспекты в теме, представленной для защиты.

Рассказывая о Валентине Михайловиче, я не могу не сказать о его добром ангеле – Нине Анатольевне, непременно сопровождавшей его на всех заседаниях ученого совета, милом и приятном собеседнике.

Валентин Михайлович и Нина Анатольевна Фалины

О кафедре

Я проработал на кафедре истории российской государственности почти 15 лет. Кафедра – это не только научное учреждение. Это прежде всего учебное подразделение. И мы учили слушателей, магистрантов, аспирантов, понимая, что главной задачей Академии государственной службы является подготовка специалистов для органов местного и государственного управления. На кафедре было принято определять каждому слушателю тему его будущей выпускной квалификационной работы уже в первые месяцы обучения. За основу всегда старались взять собственные интересы слушателя – его профессиональные занятия, жизненный опыт, увлечения. Высокая квалификация и разнообразная подготовка преподавателей позволяла, как правило, обеспечить методическое и научное руководство наших слушателей. Каждая работа неоднократно обсуждалась на кафедре, была обязательной как минимум одна предзащита. За всё время работы не припомню ни одного случая, чтобы сорвалась защита.

Выпускники магистратуры кафедры. В первом ряду слева направо – В.С. Шилов, Н.Брусенина, Р.Г. Пихоя, В.П. Попов, М.Р. Зезина

С аспирантами и соискателями кандидатской или докторской степени воистину работала вся кафедра. При обсуждении будущего исследования обстоятельно обсуждалась источниковая основа будущей диссертации. Зачастую обсуждение диссертации превращалось в подобие научной дискуссии. Опять-таки с удовлетворением отмечу, что за все эти годы не только ни одна диссертация не была отклонена ВАКом, но мы не получили ни одного замечания. И в этом заслуга людей, на которых лежала основная организационная работа на кафедре – заместителей заведующего кафедрой, в разное время

руководившие жизнью кафедры.

Заместители заведующего кафедрой:

*Профессор
О.Г.Мальшева.*

*Доцент М.Г.
Фивейская*

*Профессор
М.Р. Зезина*

*Доцент Ф.В.
Малхозова*

Мы со слушателями ездили по древнерусским городам – во Владимир, Суздаль, в Сергиев посад, Звенигород, Александровскую слободу. Пожалуй, вполне можно было говорить о сотрудничестве между преподавателями и слушателями.

Одним из несомненных достижений кафедры считаю разработку программы магистратуры по теме «Историческая аналитика для государственного управления» Нет нужды доказывать важность и актуальность этой проблемы, как и опасность её спекулятивного иллюстративного использования а-ля Мединский. Необходимо предупреждать попытки использования надёрганных примеров, полуправды, заведомых фальсификаций, изготовленных «под юбилей», вроде «возвращения к истинному ленинизму», когда содержание «истинности» менялось каждые пятнадцать лет. Такие «тактические» удачи обречены на тяжелейшие политические проблемы в будущем²⁸⁰. Но и не менее опасно использовать прошлый опыт, даже опыт успешный, в качестве прописей для будущего, без учета новых исторических, политических и иных факторов. Так, попытки аграрных преобразований, которые пытались провести российские власти в начале 90-х гг., во многом основывались на представлениях об успехах НЭПа, с надеждой на появление «крепкого хозяина», что годилось для начала 20-х гг. XX в., но оказалось совершенно непригодно для конца века.

Важно и учитывать многочисленные альтернативы, которые, основываясь на историческом опыте, могут дать совершенно разные рекомендации для органов государственного управления – достаточно сравнить записки М.М. Сперанского «О коренных законах государства», «Размышления о государственном устройстве империи» и «Записку о древней и новой России» Н.М. Карамзина.

Лекции и занятия со студентами вели выдающийся дипломат В.М. Фалин, бывшие советник Президента Л.Г. Пихоя, помощник Президента Г. А. Сатаров, социолог, основатель направления «политическая социология» в нашей стране и мой добрый друг В.Э. Бойков, генерал-майор ФСБ А.Г. Михайлов, преподаватели кафедры.

Я рад, что многие выпускники сейчас работают в органах государственного управления.

Впрочем, этой благостной картине пришел конец, откуда не ждали.

Переворот

В 2010 году неожиданно стало известно, что Академию госслужбы передают в состав Академии народного хозяйства (АНХ). Эти два учреждения разделял не только

²⁸⁰ Достаточно вспомнить о Катынском деле или о «секретных протоколах», которые, будучи объяснены вовремя, не превратились бы в долговременные проблемы.

невысокий забор. Это были два вполне почтенных учреждения с совершенно разными историями, с разной корпоративной культурой. Академия народного хозяйства занималась переподготовкой управленцев в сфере экономики. В структуре АНХ с 1995 г. была Московская высшая школа социальных и экономических наук, основанная Теодором Шаниным – выдающимся исследователем истории российского крестьянства.

Вхождения на правах подчинения в состав АНХ выглядело, по меньшей мере, странным. Начнем с того, что РАГС был в разы больше АНХ – и по числу слушателей, и преподавателей, по количеству специальностей.

Получалось, что шубу пришивали к пуговце. Удивляла и торопливость, с которой происходила передача Академии госслужбы в структуру Академии народного хозяйства – едва ли не за пару недель в августе, когда абсолютное большинство преподавателей были в отпусках.

Предстоящая реформа вызывала недоумение тем, что Академия народного хозяйства, в отличие от нашей, в это время уже специализировалась на обучении бакалавров – вчерашних школьников.

Впрочем, у меня лично были надежды на то, что ректор – Владимир Александрович Мау – будет заинтересован в развитии исторического образования. Его научные занятия в прошлом были связаны с историей экономики СССР в 20-30-х гг., я знал его как помощника Е.Т. Гайдара, неоднократно видел в Российском государственном архиве экономики.

Я постарался в максимальной степени учесть новые требования, которые появились в новой Академии, хотя, признаюсь, трудно было разобраться в сложной структуре управления РАНХиГС. Было создано сначала отделение, а потом и исторический факультет. Провели набор бакалавров. Преподаватели, в абсолютном своём большинстве прежде имевшие большой опыт работы со студентами, с увлечением преподавали, разрабатывали семинары, продумывали практики.

Студенты-историки на археологической практике- раскопках в Старой Рязани. Крайний слева – д.и.н. К.С. Носов, крайний справа – начальник экспедиции в Старой Рязани, сотрудник Института археологии РАН И.Ю. Стрикалов.

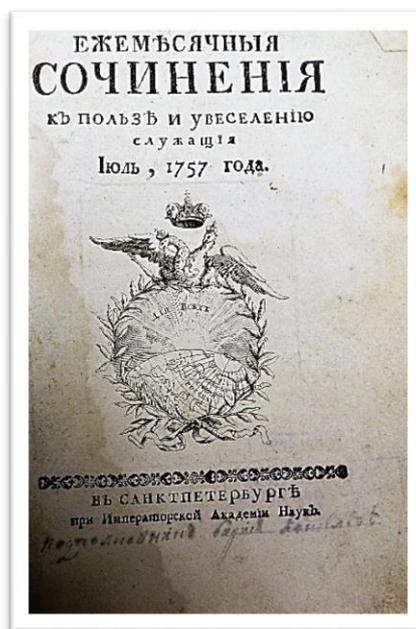
Однако дальнейшая наша деятельность вдруг резко осложнилась. Впрочем – вдруг – это неверно. Мы всё более запутывались в паутине бюрократических процедур, окутывавших на каждом шагу. И претензии были не к тому слою управленцев, с которыми приходилось контактировать, а к какой-то невероятно запутанной системе управления и

организации учебного процесса, которая шла «сверху». Впрочем, постоянное указание на необходимость рентабельности учебного процесса, на требование самоокупаемости установление зависимости оплаты преподавателей от доходов от платы за студентов – все это, мягко говоря, не соответствовало традициям отечественной высшей школы.

Стремление заработать на всем пронизывало жизнь руководства Академии. Одним из эпизодов стало предложение – ликвидировать библиотечное собрание бывшей Академии госслужбы и использовать помещения библиотеки, расположенной в специальной надстройке над главным корпусом для иных целей. Когда это намерение было озвучено на заседании Ученого совета РАНХиГС, то я запротестовал и предложил самого себя для подготовки специального доклада о научном значении собрания этой библиотеки.

Мне и до этого приходилось работать в фондах этой библиотеки, в основном – с журналами и публикациями 20-начала 30-х гг. XX в. и я понимал уникальность этого собрания, которое сложилось из нескольких крупных московских библиотек 19-начала 20 вв. Сейчас же я решил *de visu* просмотреть фонды библиотеки, выявить библиотечные штампы и экслиблисы на книгах. В результате моего исследования удалось установить, что в нашем собрании оказалась библиотека Московского купеческого собрания, насчитывавшая более 50 тысяч книг и журналов, в том числе 14 тысяч – иностранных. Там прекрасно представлена русская журналистика второй половины XIX – начала XX в.

Абсолютной уникальностью обладает собрание ученого, юриста и филолога Е.И. Якушкина выдающегося библиографа, собравшего исключительную по своей полноте коллекцию периодики XVIII—начала XX в. Среди 30 тысяч изданий – первые русские научные журналы середины XVIII в - первой половины XIX веков, издававшие Г.Ф. Миллером, сатирические журналы, издаваемые Екатериной II, Н.И.Новиковым, И.А. Крыловым, Д.И. Фонвизиним, М.И. Чулковим, а также масонские журналы, журналы издаваемые Н.И. Карамзиным.

Первый научно-популярный журнал, издаваемый в России Г.ВФ. Миллером, из библиотеки РАНХиГС

В докладе на Ученом совете я говорил, что *«благодаря особому статусу в системе партийного образования в библиотеке академии сохранилась едва ли не лучшая в Москве коллекция периодики, малотиражных и уникальных изданий, статистических и иных публикаций партийного происхождения 1920-х—1930-х годов. [...] Обращает на себя внимание тот факт, что в библиотеке сохранились и публикации т.н. «врагов народа»,*

которые были в 1930—1950-е годах исключены из библиотек»²⁸¹.

К этому следует добавить изрядную часть библиотеки Московского городского народного университет имени А. Л.Шанявского.

Штампы на книгах библиотеки РАНХиГС

Я убежден, что библиотека РАНХиГС входит в число крупнейших книжных собраний страны по общественным наукам. Но, подозреваю, главным аргументом в пользу сохранения библиотеки стали приведенные мной сведения об аукционной стоимости отдельных изданий...

Вместе с тем, мы старались играть по предложенным правилам. Они включали требование самокупаемости обучения на истфаке за счет увеличения численности студентов. Развернули агитацию за поступление на исторический факультет РАНХиГС. Серьезным подспорьем стала помощь наших студентов-историков.

Однако появилась новая напасть. Ректорат решил ввести у гуманитаров новый профиль подготовки – Liberal Arts. Это направление обучения существует в ряде университетов, по-преимуществу в США и имеет определенную традицию. Для нашей страны – это – дело абсолютно новое. Объявление на сайте РАНХиГС, что Liberal Arts – это «междисциплинарность и максимальная свобода выбора для студента» звучит, с одной стороны, рекламно-привлекательно, с другой – снимает всякую ответственность вуза за будущее студента. Набор на новую специальность шел сложно. Тогда было принято решение – административно перевести абитуриентов, уже зачисленных на истфак, на обучение Liberal Arts. Для меня это было неожиданным и, признаться, предательским приемом.

²⁸¹ Пихоя Р.Г. О научных библиотеках в системе РАНХиГС / Заседание Ученого совета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (2012) // Государственная служба. - 2012. - № 1. - С. 72-73

К этому добавилась вторая проблема. На этот раз она была связана с перспективами научных исследований. В РАНХиГС действовала система грантов. Наша кафедра предложила программу исследования феномена мобилизационной экономики – одной из важнейших проблем, которые характеризуют всю советскую экономику. Для этого предполагалось основательная мобилизация архивных сведений, по преимуществу из фондов Государственного архива экономики и ГАРФа. Этот грант позволял объединить большую часть сотрудников кафедры вокруг общей темы и, не в последнюю очередь, обеспечить дополнительное финансирование заработной платы. Программа изучения феномена мобилизационной экономики была обстоятельно подготовлена профессором В.П. Поповым, имевшим большой опыт изучения экономики СССР 30-начала 50-х гг.

В.П. Попов

Обсуждение новых тем исследований в Академии происходило на выездном семинаре. К моему удивлению, вёл его не В.А. Мау, присутствовавший там, а проректор Синельников-Мурылев. Мы были настроены на серьёзное обсуждение этой проблемы. После того, как была доложена программа исследования, мы услышали неожиданное заявление – «никакой мобилизационной экономики в СССР не было!» Опешив, я не нашёл ничего лучшего, чтобы не сказать – «А как же «Все для фронта, всё для Победы?» - и услышал в ответ: «Это пропаганда!»²⁸²

Для меня стало очевидно: дальнейшая работа в РАНХиГС не представляется возможной. Слишком отличаются мои взгляды и предложения по организации учебного и научного процессов от тех подходов, которые приняты в РАНХиГС.

В это время – летом 2014 г. – поступило предложение, сделанное мне заместителем директора ИРИ РАН С.В. Журавлевым и руководителем центра новейшей истории и политологии А.К. Соколовым о возможности перейти на полную ставку в Институт российской истории.

Я с благодарностью принял это предложение.

Я рад, что мне посчастливилось работать в институте, который всегда был оплотом профессиональной историографии, высокие профессиональные требования, которые сохранялись вне зависимости от конъюнктурных волн, время-от-времени захлёстывавших институт. В центре новейшей истории и политологии, созданном А.К. Соколовым, работает много молодых исследователей. Здесь сохраняется стремление к обстоятельному

²⁸² Превосходное исследование феномена мобилизационной экономики было проведено А.К. Соколовым, подготовившим монографию Соколов А.К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 гг./ Соколов А.К. – М.: Новый хронограф, 2012. – 527 с.; а также обстоятельные документальные публикации по этой проблеме.

и критическому анализу источников, поиск новых аспектов истории недавнего прошлого.

Центр новейшей истории и политологии Института российской истории РАН. В первом ряду слева направо – В.С. Батченко, Ф.В. Малхозова, В. Круглов; во втором ряду – Р.Г. Кирсанов, С.В. Журавлев, В.П. Булдаков, М.Ю. Мухин, Р.Г. Пихоя, В.Б. Аксенов; в третьем ряду коийни справа - С.М.Исхаков,

Мне нравится обстановка в институте – творческая, рабочая, спокойная, взаимоуважительная. И во многом это заслуга директора института – Юрия Александровича Петрова, сохранившем лучшие традиции института.

Директор Института российской истории РАН Ю.А. Петров

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пора подводить итоги. Я из первого послевоенного поколения, перед которым возникало не только много трудностей, но и много возможностей. Экономический подъем 50-60-х гг. создавал новые производства, новые рабочие места, новые высшие учебные заведения. При всех странностях и противоречиях образовательной политики этого времени для нас, студентов середины 60-х гг., дорога в науку была открыта. Отмечу, что занятия наукой были и престижны, и сравнительно неплохо оплачиваемы.

Для меня занятия историей стали вполне осознанным делом. Я знал, что смогу заняться и многим другим. Занятия историей Древней Руси в этой связи было, пожалуй, наименее прагматически целесообразным. Я думаю, что решающим аргументом для меня стала возможность учиться у Сюзюмова. Еще раз повторю: работа над кандидатской диссертацией стала самой сложной в моей жизни.

Я рад, что мне удалось заниматься полевой археографией. Тогда, в 70-е гг., удалось застать живые элементы традиционной уральской горнозаводской культуры и быта XVIII-XIX вв. Экспедиция стала своего рода «машиной времени», очеловечивавшей старопечатные и рукописные книги и архивные документы. И еще: археографическая экспедиция стала удивительным опытом совместных исследований, где вместе и наравне друг с другом работали студенты, аспиранты, преподаватели. Спустя три десятилетия я могу только радоваться – насколько выросло знание о культуре Урала благодаря исследованиям В.И. Байдина, Л.С. Соболевой, А.Т. Шашкова, Е.М. Главацкой, Д.А. Редина, И.Л. Маньковой, Н.А. Мудровой, Л. А. Дашкевич, И.В. Починской, С.А. Белобородова, Е.В. Ройзмана, П.И. Мангилева, Е.П. Пироговой и их учеников!

Со всей откровенностью могу сказать: тогда, когда начинались наши исследования, я и вообразить не мог, насколько богаче и интереснее оказалась история Урала, про которую в мои годы говорили: «Какая там культура! Там, кроме железа, ничего не было!»

Обстоятельства, приведшие меня в Москву, были неожиданными и совершенно нелогичными. Москва была для меня желанным местом для командировок в архивы и библиотеки, но никак – для жизни. Но жизнь сложилась, как сложилась.

Важнейший опыт, который я получил, будучи Главным государственным архивистом – это понимание механизмов функционирования государственного аппарата, того, как и в каких условиях принимаются решения, как институты власти, воплощенные в бюрократических структурах, способны самовоспроизводиться и влиять на процессы государственного управления. Для историка это знание важно и возможность узнать встречается не часто.

В зачет себе, как руководителю архивного ведомства, могу поставить то, что смог предотвратить реальную угрозу растаскивания фондов центральных архивов по союзным республикам, угрозу вполне реальную, подкрепленную требованиями всех глав бывших союзных республик.

Удалось провести кампанию по передаче документов КПСС, как и хранившихся в партийных архивах, так и, что важно – текущего делопроизводства обкомов и райкомов КПСС.

Впервые в истории России был принят закон об архивах и удалось перевести рассекречивание архивных документов на правовую основу. Решена ли эта проблема? Нет. Но правовая основа для этого создана.

Мимходом пришлось заниматься и многим другим. Отмечу здесь только участие в возрождении российского Герба и Флага и создании российской геральдики.

О том, что не удалось, я писал выше и еще много пишут и еще напишут другие люди.

Собственный опыт историка и архивиста я реализовал в книге: «Советский Союз: история власти. 1945-1991»

Работа заведующим кафедры истории российской государственности в Академии государственной службы при Президенте Российской Федерации стала для меня наиболее плодотворной в научном отношении. И дело не только в том, что тогда я много писал и издавался. Состав кафедры – уникальный по научному потенциалу и замечательный по своим человеческим качествам создавал ту творческую атмосферу, к которой хорошо думалось, в которой мы обсуждали волновавшие нас проблемы истории и в которой мы радовались успехам друг друга. Я с величайшей благодарностью вспоминаю всех своих коллег.

Как историк и как человек, проживший от времени Сталина до времени Путина, переживший крушение КПСС и Советского Союза (что даже вообразить было невозможно!) я не могу не задумываться о непредсказуемости исторического процесса, о том, что попытки его объяснения при с провиденциалистских, ни с просвещенческих, ни с позитивистских, ни с марксистских позиций оказываются несостоятельными. Это лишний повод задуматься над справедливостью размышлений Огюста Конта, определивших социологию (а соответственно и историю) как самую сложную из наук, известных человечеству. Я думаю о роли биологических и социально-психологических факторов в истории, о том, что роль личности как выразителя общественных настроений и чаяний заслуживает более пристального изучения.

Но это уже для тех, кто будет после нас.

Москва, село Филипповское. Ноябрь 2020-июль 2021 г.